

ISSN 1814 - 6961

**ОТАН ТАРИХЫ
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

**HISTORY OF THE
HOMELAND
RESEARCH JOURNAL**

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2016, № 2 (74)**

2 /2016

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым Комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Бас редакторы:

Ханкелді Әбжанов

Редакциялық алқа:

Р. Абдуллаев (Өзбекстан), Н. Аблажей (Ресей), Б. Аяған, М. Әбусейітова,
С. Әжіғали, Н. Әлімбаев, К. Бұрханов, Б. Байтанаев, Қ. Жұмағұлов, Ғ. Кенжебаев,
Б. Көмеков, Мансура-Хайдар (Үндістан), Р. Масов (Тәжікстан), Ә. Мұқтар,
В. Плоских (Қырғызстан), Ю. Петров (Ресей), О. Смағұлов, Сон Ен Хун (Оңтүстік
Корея), Е. Сыдықов, У. Фиерман (АҚШ), А. Чубарьян (Ресей)

Бас редактордың орынбасары:

С. Смағұлова

Жауапты редактор:

З. Төленова

Редакторлар:

Ж. Несіпбаева, Р. Көбеев

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ.,
Шевченко көшесі, 28,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
«Отан тарихы»
журналының редакциясы
Телефон: 272-68-46
E-mail: kazhistory@bk.ru
Электрондық мекен-жай:
www.iie.kz

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім
министрлігінде 1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да
көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**Мазмұны
Содержание
Contents**

**Тарих теориясы
Теория истории
Theory of History**

TORLANBAYEVA K.U.
Ritual practice in sufism and pre-islamic religions: practice of whirling.....5

**Қазақ хандығы
Казакское ханство
Kazakh Khanate**

БИМЕНДИЕВ А.Ш. К образу птиц в навершиях знамен казахских правителей средневековья.....12

**Тарих және тұлға
История и личность
History and Person**

КУЗЕКОВА Р.С.
Файзулла Галимжанов: жизнь и деятельность.....37

**1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісіне – 100 жыл
Национально-освободительному восстанию 1916 года – 100 лет
1916 National Liberation Uprising - 100 years**

КСЕНЖИК Г.Н.
Причины и последствия Семиреченского восстания 1916 г. в картографических источниках и документах.....49

**Тарих толқынында
В потоке истории
In the Stream of History**

АХМЕТОВА Г.М.
Торгово-экономическая политика царизма в Казахстане на рубеже XIX-XX столетий.....61

ЖҰРТБАЙ Н.Т.
XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы қазақ баспасөзі және жер экологиясы.....74

**Тарих және демография
История и демография
History and Demography**

АУБАКИРОВА Ж.С.
Анализ демографической безопасности Казахстана: потенциал, риски и угрозы.....80

НИЯЗХАНҚЫЗЫ Г. Диаспораның түрлері және оларды сыныптау.....	89
--	----

**Тарихнама және деректану
Историография и источниковедение
Historiography and Source Studies**

ЕСКЕКБАЕВ Д.Б. Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарындағы айтыс өнері.....	96
---	----

ТІЛЕУБЕКОВА Г.Б. Шоқан Уәлихановтың хаттары тарихи дерек ретінде.....	116
---	-----

**Этнология, археология және ескерткіштану
Этнология, археология и памятниковедение
Ethnology, Archaeology and Monument Studies**

АЖИГАЛИ С.Е. Из истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (в связи с подготовкой библиографического указателя по этнографии казахов) (<i>статья 1-я</i>).....	121
--	-----

ИСКАНДЕРОВА А. Эпиграфика и декор на надгробных памятниках Средневекового Хорезма.....	161
--	-----

**Жас ғалымдар зерттеулері
Исследования молодых ученых
Researches of Young Scholars**

ТАЛДЫБАЕВ Ж. Қазақ халқы: әлеуметтік құрамындағы тарихи демографиялық өзгерістер (1926-1959 жж.).....	172
--	-----

**Рецензиялар және библиография
Рецензии и библиографии
Reviews and Bibliographies**

ҚАЛЫШ А.Б. Еуразия көшпелілері әскери ісі генезисінің тарихнамасына қосылған үлес Жумадил А.К. Военное дело кочевников Евразии: историографический анализ. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 272 с.....	187
---	-----

МАХАТ Д.А. Айтылған тарих. Оқу құралы / Қойгелдиев М.Қ., Нұртазина Н.Д., Жангуттин Б.О., Тілеубаев Ш.Б., Нұрман Ш.Т., Мырзатаева З.Б., Қалыбекова М.Ч., Болатхан Ә. / Жалпы редакциясын басқарған Қойгелдиев М.Қ. – Алматы: «Қаратау КБ» ЖШС, «Дәстүр» баспасы, 2015. – 240 б.....	190
--	-----

**ТАРИХ ТЕОРИЯСЫ
ТЕОРИЯ ИСТОРИИ
THEORY OF HISTORY**

UDC 94(574):930.2

TORLANBAYEVA K.U.

Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan
and Neighboring Countries, Doctor of Historical Sciences

Ritual Practice in Sufism and Pre-Islamic Religions: The Practice of Whirling

Summary

The research task of this article is based on the idea of revealing common and typical features in the system of ritual practice in Manichaeism in the period of Middle Ages and in the Sufi brotherhood of Yassawiya from the time of its emergence until nowadays. This task included theoretical questions of ascetic ideas, which were practiced in religious rituals, as well as examination of issues on the spread of Manichaeism and Islam in Central Asia.

The author tried to outline briefly the continuity between Sufi traditions and ascetic concepts in other religions existed in Central Asia in pre-Islamic period. Further investigation into this comparison will hopefully lead to the research encompassing much more commonalities in ritual practice of these religions.

The methodology of the analysis is based on the study of historical sources, archival materials, researches on the domestic and foreign scholars. The methods used in work it is concrete historical, comparative, systematization and generalization, the critical analysis.

The received results can be used during analytical works on the history of Kazakhstan and the adjacent countries. The area of the use of results is history and religion study.

Keywords: Ritual practice, whirling, religious practices and beliefs, Manichaeism, Sufism.

Ritual practice acquires particular significance for the study of religion.

Without taking into consideration historical and cultural past of the population of Central Asia it is difficult to have a full description of the ritual practice. In the history of Central Asian peoples cultural the syncretism was one of the most important characteristics of the interactions along the Great Silk Road. In this relationship the population has formed sustainable forms of economic activity, cultural particularities, esoteric spiritual commonality and its own ways of historical development. Various beliefs, religious concepts and religions were spread across this region. In this report I only try to give the explanation to ritual practice of whirling in Pre-Islamic religions and Sufism.

Whirling is one of the elements of motion used in a dance: these are circulation of a man around his own axes and around certain things such as fire, altar, mortar etc, or around another man as it was in Shamanic mysteries. Whirling comprises a ritual practice which is connected with a complex of concepts. Circle represents an idea of endlessness, imitation of eternity, motion of invisible, but palpable wind as a natural force. Replace of life and death is also a circle-wise motion. In addition whirling symbolizes merging with God, unity with God. Making a circle around himself one symbolically separate internal and external, as own and outsider. At the same time whirling makes people fall into ecstasy.

A Divine Vaja – God of wind, a might Vaja, appeared with a motion of a body and any other thing, existed in Indo-European culture. In Zoroastrian ‘Avesta’ this divine is described as a God who passed several stages of impersonation: from God of war to God

of wind, through the stage of ravage [1, p. 11-113]. Winter is invisible, but tangible and palpable; this is a natural phenomenon, which is associated with a world of Souls [2, p. 18-21; 3, p. 45-86].

Turkic Manichean “Xuastanift” describes a ritual accompanied by the words: ‘O! how many times we were engaged with mystery! - Neča yilvi yilvilädimiz ersär» [4, p. 108] The term *jilvi* “to be engaged with mystery, conjure” has a root *jil-*, which is associated with a concept of wind emerged with a motion of air that comes up when Shaman ritual is exercised as well as with actions of an evil demonic creature *jil* = *Vaja*. This is a Divine of wind which transformed in Shamanism into a miracle force of Shaman enabling him to move between the layers of the Heaven and talk to Spirits, treat people, evoke wind and rain, a ritual reproduction of which was a whirling. Whirling was seen as a necessary action of any action of Shaman.

The Kazakh term *ainalau* “whirling, moving around something” is connected with the ritual of whirling. As the Kazakh scholar and orientalist Chokan Valikhanov (1835-1865) wrote in XIX century: ‘We heard that in old days fathers loving children run around *yurta* (nomadic house) where the sick son laid and by this offered themselves instead of the sick child, while the relatives tried to retain him from such disastrous intention. They freed the bird that they have caught after having circled it several times around the head’ [5, c. 162]. Miracle forces were in whirling itself, therefore the shamans performed ritual psychotronic actions above the sick person, circling around him, repeating and beating tambourine, falling into ecstasy, during which it was possible to communicate with the spirits. Walking around some person means that his illness, as well as any other features, both positive and negative, is taken from him.

Shamanism was especially well studied in Russian and Soviet historiography [6; 7; 5; 8; 9; 10; 11 and others]. The works were based on ethnographic evidences, records of interviews with Shamans. All accounts available in these works are pretty important and they make up principle historiographic and sources for our knowledge. Siberian shamanism was considered by scholars as a religion less affected by world religions, as a unique phenomenon in the history of Turkic-Mongol peoples. In contrast to this the shamanism of Central Asian peoples was considered as a local, pretty stable religious belief which was impacted by Islam [8; 10]. Chokan Valikhanov believed that the origin of Shamanism was connected with veneration of nature and its phenomena. Shamanism was seen by him as an exclusively a local phenomenon connected with the lifestyle of the nomads populated the vast territories of the steppe [5, p. 146-147].

Western scholarship also accumulated accounts on Shamanism [12, p. 54–58; 13 and others]. Interesting theoretical research was done on Shamanism by Mircha Eliade in the work ‘Shamanism: Archaic Technique of Ecstasy’. He says: ‘Shamanism in the strict sense of the word is first of all Siberian and Central Asian religious phenomenon’, and ‘on entire vast expanses of Central Asia the magic religious life of society concentrates around Shaman, since in whole sphere where ecstatic feeling is highly religious, Shaman and only Shaman is indisputable master of ecstasy’. M. Eliade defines Shamanism saying: ‘the definition of this complex phenomenon is a formula: shamanism is a technique of ecstasy’ [14, p. 7, 9]. Such definition of Shamanism is interesting in a sense that understanding of a belief cannot be achieved through the categories of logics.

In the beginning of our era neo-Platonians made their contribution to the development of the complex notion of ‘belief’. In the philosophy of Plato (born in 427, Egypt) the liberation of Soul from the disaster of physical body and joining the divine life is possible only through ecstasy, which creates conditions when a man ceases to realize himself just on individual level. This position leads to the ultimate aim called ‘contiguity’ and ‘unity’ with God, i.e. expression of the belief gained through ecstasy [15, p. 27-28].

In his book L.P. Potapov defines Shamanism as a religion; a divine pantheon of Altaic shamanism was based on the pantheon of Turkic gods that was kept in the Altaic shamanism in a fragmented form. V.K. Shukovtsov describes Shamanism as a religion

dating back to the religious system of the time of Homer, so called Olympiad, and that what we know on Shamanism in the present at various parts of the world comprise fragments, remains of the system of knowledge. Such a religious practice as ecstasy, communication with spirits, healing people, magic etc. are only what is remained from the knowledge of ancient system of world view, where spiritual and material issues were undividable phenomena comprising a something common.

I am a proponent of this vision, since it is based on the knowledge of the history of ancient peoples of Central Asia, including Scythians and Saks and their culture who created a culture of the post-primitive society. Samples of their material culture are preserved on Sayano-Altai plateau, at Tien Shan and the mountains of Alatau; the elements of this culture include the art of so called 'animal style', art of petroglyphs having a ritual nature, etc. In this complex of our knowledge of 'Homeric times' the theoretical linguistic and ethnographic works by K. Levis-Strauss [Levis-Strauss, 1957], L. Ljvy-Bruhl [16, 2000], V.A. Dyakonov [3, 1990], and etc. are indicative.

In the history and culture of Central Asian peoples Shamanism represents an important ascetic phenomenon, technical elements of which – ecstasy, has a connection to natural phenomena in the form of ideas on spirits and divines. Shaman in the state of ecstasy communicates with a world of spirits, traveling from one level of the Heaven to another ascending to the world of Erklik (the God of Lower world).

The transformation of technique of ecstasy found its expression in the Way of cognition of God and emerging of Sufism. Asceticism in Sufism is considered as a Divine way of cognition based on the idea of 'pre-eternal agreement between God and human stock, gained even before human creatures obtained their sinful bodies, which then became for them the source of non-obedience to the Divine will [17, p. 15]. The aim of an ascetic approach is return of the Soul to the lap of chastity and loyalty to God, expressed in spiritual perfection, self analysis, mobility through acts of ecstasy in the form of various ritual actions, in order to liberate the soul from 'self' for unity with God. Sufi rituals can be understood as a Way to God.

The Sufi brotherhood Mevliviya (*arab. maulaviaya*) practices of ritual dance sema (or sama) meaning **ecstatic** ritual performed in the divine ecstasy and consisting of whirling around someone's own axis on foot. According to the legend, one dervish desiring to meet Allah could not retain and being subordinated to the music rhythm started whirling. This dervish felt that he started freeing from the earth gravitation and started whirling. Sema has an allegoric meaning which has been praised in the Sufi love lyrical poetry as a 'merge of lovers' – Sufis and Allah [18, 2008, p. 377].

Dzikir is a mention of God, meant 'purifying the heart of Sufi from the lay rust', 'cave a name of Allah in hearts'. Dzikir enables Sufis to facilitate their approximation to Allah and emergence with Allah.

There are 2 types of Dzikir, which are:

1) silent dzikir (dzikir-i khafi); it is done in tight circle of enlightened people and not accompanied or almost not accompanied with any physical bodies, except of the position of a head.

2) loud dzikir (dzikir dzhahra and its other types); it is done by accompaniment of music (samā') with a signing of sacral (or understood as such) texts and ritual dances» [19, p. 207-208].

Whirling became a basis of dzikir dzhahar in Yassawiya: all the members of brotherhood (order) stand in a circle, performing a circle-wise rhythmic motions and reciting certain phrases loudly. Owing to whirling as an action of rhythmic motion of one's body it was possible to fall into ecstasy, merging with Allah.

Loud dzikir in Central Asia is a peculiar element of Yassawiya tariqat. The founder of the brotherhood was Hoja Ahmad Yassawi (1103-1167), to whom Shaman practices are ascribed; in his Mausoleum in Turkestan there kept a huge stick; according to the legend, using this stick he was used to move and travel like a Prophet [20; 21, p. 2]. Prof.

A. Muminov writes: The emergence of dzikr dzhahr in this region can be seen in certain terms as a result of ethno-cultural and even ethno-psychological phenomenon of concrete people and region, where this ritual came to life. We can talk on local forms of dzikr dzhahr as a product of successful synthesis of Islamic and non-Islamic traditions Hoja Ahmad Yassawi was well aware of' [22, p. 13].

In the history of religions Manichaeism occupied its own specific place that can be compared to Sufism. This religion emerged in the II century in the region between the rivers Tiger and Euphrates. Manichaeism is a dualistic and syncretistic religious belief than encompassed various Gnostic and philosophic elements. Manichaeism was spread among Central Asian peoples, which is evidenced by written and archeological sources.

The studies show that there existed the Talas route of spread of Manichaeism among the Turkic peoples [23]. As was written by Prof. Assmussen: 'The success of Manichaean missionaries among high-ranking rulers of the Kaghanate in the VIII century must be considered as an unrealistic phenomenon' [24, p. 13]. Spread of Manichaeism among the peoples of Central Asia in early medieval times was a consequence of spiritual search, possibly, in result of destruction of 'ancient religion'.

Manichaeism incorporated into its system the ideas that did not contradict with its principal doctrines, including cults, beliefs, conceptions, and terminology existed in the Turkic environment.

From the Manichean written sources we learn about a complex and logic system of ritual practice, which is reflected in annual holyday Bema, a day of asking for forgiveness from the prophet Mani. This ritual action reflects the cult of a religious teacher, who is considered as an emanation of Light. The sacred Manichaean Book Mani is called a 'real saint coming from Father (God)' [25, p. 171]. The ritual represents a ceremony performed around a throne which is associated with Mani himself. The wall picture found in Turfan (Eastern Turkistan/Xinjiang) depicts Manicheans in white hats standing in the circle and most probably describes the Whirling ritual existed among the Turks of Turfan area in Middle Ages [26, p. 34].

Thus, examination of ritual practices in various religious systems allows revealing the following meaning of Whirling rituals:

1) in Shamanism whirling can be understood from perspective of moving of Shaman along the layers of Heaven, his communication with spirits, overcoming of fear before evil and good forces, communication with ancestors, appealing to them with certain practical purpose: to take someone's illness, to heal;

2) in Sufism (Yassawiya) whirling can be explained from the point of view of going on the way to God, aspiration of merging with God. Whirling is an ascetic ritual of cognition of God, this is a breath exercise and simultaneously an embodiment of a spirit of collectivism, disappearance of own individuality.

In conclusion we can say that analysis of the written sources and visual materials (pictures) from various epochs show that some rituals practiced in Sufism such as Whirling motions, one of the forms of which is a dance, derive from previous religious practices of ancient pre-Islamic religious systems, especially Zoroastrianism and Manichaeism. We tried to outline briefly the continuity between Sufi traditions and ascetic concepts in other religions existed in Central Asia in pre-Islamic period. Further investigation into this comparison will hopefully lead to the research encompassing much more commonalities in ritual practice of these religions.

Financing source. Research is published in frameworks of realization of the project of Committee on science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan 2015-2017, № 1114/GF4, registration № 0115PK01052.

Литература

- 1 Абаев. В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. – М.: Наука, 1965. – 468 с.
- 2 Lévy-Bruhl L. *L'âme primitive*. – Québec, 2002.
- 3 Дьяконов В.А. Архаические мифы Востока и Запада. – Москва, 1990. – 378 с.
- 4 Дмитриева Л.В. Хуастуанифт (введение, текст, перевод). \\
Тюркологический сборник. – Москва-Ленинград: Наука, 1963. – С. 82-130.
- 5 Валиханов Ч.Ч. Следы шаманизма у киргизов. – Избранные произведения. – Алма-Ата, 1958. – С. 186-198.
- 6 Потанин Н.Г. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб, 1883. – В 4 вып.
- 7 Michailowski V.M. Shamanism in Siberia and European Russia. – Journal of the Royal Anthropological Institute. – Vol. 24. – 1894.
- 8 Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – Москва: Наука, 1971. – 396 с.
- 9 Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – 228 с.
- 10 Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 212 с.
- 11 Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Ленинград: Наука, 1991. – 318 с.
- 12 Nioradze G. *Der Schamanismus bei den sibirischen Volkern*, Stuttgart, 1925.
- 13 Sternberg L. *Divine Election in Primitive Religion*. \\
Congres International des Americanistes, the report of the second part XXI of the section, was in Goteborg in 1924. – Goteborg, 1925
- 14 Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев, 2000. – 480 с.
- 15 Бертельс Е.Е. Суфизм и суфийская литература. – Избранные труды. – Москва, 1965. – 518 с.
- 16 Lévi-Strauss C. *Antropologie structurale*. – Paris, 1957. – 510 p.
- 17 Кныш А. Мусульманский мистицизм. – Москва, 1997. – 468 с.
- 18 Йондемли Ф. Сема тарика мевлевие. Взгляд медицины на обучение танцу сема и использованию его в профилактике головокружения. – Очерки истории исламской цивилизации. – Т. 1. – Москва, 2008. – 934 с.
- 19 Бабаджанов Б.М. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама`. – Алматы-Ташкент: Дайк-Пресс, 2008. – 278 с.
- 20 Köprülü F. *L'influence du chamanisme turco-mongole sur les ordres mystiques musulmans*. – Istanbul, 1929.
- 21 DeWeese D. The Yasavi Sufi tradition and the problem of shamanic “survivals”. – С. 1-10.
- 22 Муминов А.К. Предисловие. – Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама`. – Алматы-Ташкент: Дайк-Пресс, 2008. – С. 16-22.
- 23 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 332 с.
- 24 Asmussen Jes P. *Xuastvanift. Studies in Manichaeism*. \\
Acta Theologica Danica. – Copenhagen, 1965. – P. 3-42.
- 25 Ries J. *Sacré, saintete et salut gnostique dans la liturgie Manichéenne copte – L'expression du sacré dans les grands religions, III. Mazdeisme, Cultes isiaques, Religion grecque, Manichéisme, Nouveau Testament, Vie de l'Homme religieux*. – Louvain-la-Neuve, 1986.
- 26 Esen E. Antecedents and development of Buddhist and Manichean Turkish art in Eastern Turkestan and Kansu. – Paris, 2005. – P. 25-46.

References

- 1 Abayev V.I. *Skyfo-evropeyskie izoglosy. Na styke Vostoka i Zapada*. – Moskva: Nauka, 1965. – 468 p.
- 2 Lévy-Bruhl L. *L'âme primitive*. – Québec, 2002.
- 3 Dyakonov V.A. *Arhaicheskie mify Vostoka i zapada*. – Moskva: Nauka, 1990. – 378 p.
- 4 Dmitrieva L.V. *Xuastanift (Vvedeniye, text, perevod)*. \\
Turkologicheskiy sbornik. – Moskva-Leningrad: Vostochnaya literatura, 1963. – P. 82-130.

- 5 Valikhanov Ch.Ch. Sledy shamanstva u kirgizov. – Izbrannye proizvedeniya. – Alma-Ata: Gylym, 1958. – P. 186-198.
- 6 Potanin G.N. Ocherki Severo-zapadnoy Mongolii., SPb, 1883. –V 4 vyp.
- 7 Michailowski V.M. Shamanism in Siberia and European Russia. – Journal of the Royal Anthropological Institute. – Vol. 24. –1894.
- 8 Basilov V.N. Kult svyatyh v islame. – Moskva: Nauka, 1971. – 396 p.
- 9 Tradicionnoe mirovozzrenie turkov Yuzhnoy Sibiri. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 228 p.
- 10 Toleubaev A.T. Relikty doislamskih verovaniy v semeynoy obryadnosti kazakhov. – Alma-Ata: Gylym, 1991. – 212 p.
- 11 Potapov L.P. Altaiskiy shamanizm. – Leningrad: Nauka, 1991. – 318 p.
- 12 Nioradze G. Der Schamanismus bei den sibirischen Volkern, Stuttgart, 1925.
- 13 Sternberg L. Divine Election in Primitive Religion. \ \ Congres International des Americanistes, the report of the second part XXI of the section, was in Goteborg in 1924. – Goteborg, 1925
- 14 Eliade M. Shamanism: archaic technique of ecstasy. – Kiev, 2002. – 480 p.
- 15 Bertels E.E. Sufizm I sufyskaya literatira. – Izbrannye trudy. – Moskva: Nauka, 1965. – 518 p.
- 16 Lévi-Strauss C. Antropologie structurale. – Paris, 1957. – 510 p.
- 17 Knysh A. Musulmanskiy mistitszm. – Moskva: Nauka, 1997. – 934 p.
- 18 Önemli F. Sema tarika mevlevie. Vzglyad meditziny na obuchenie tantzu sema i ispol'zovaniyu ego v profilaktike golovokruzheniya. – Ocherki istorii islamskoj tzivilizatzii. – T. 1. – Moskva: Eskimo, 2008. – 480 p.
- 19 Babadjanov B. M. Sobraniye fetv po obosnovaniyu zikra dzhahra i sama. –Almaty-Tashkent: Daik-Press, 2008. – 278 p.
- 20 Köprülü F. L' influence du chamanisme turco-mongole sur les ordres mystiques musulmans. – Istanbul, 1929.
- 21 DeWeese D. The Yasavi Sufi tradition and the problem of shamanic 'survivals'. – P.1-10.
- 22 Muminov A.K. Predislovie. – Sobraniye fetv po obosnovaniyu zikra dzhahra i sama. – Almaty-Tashkent: Daik-Press, 2008. – P. 16-22.
23. Zuev U.A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. – Almaty: Daik-Press, 2002. – 332 p.
- 24 Asmussen Jes P. Xuastanift. Studies in Manichaeism. \ \ Acta Theologica Danica. – Copenhagen, 1965. – P. 3-42.
- 25 Ries J. Sacré, saintete et salut gnostique dans la liturgie Manichéenne copte – L'expression du sacré dans les grands religions, III. Mazdeisme, Cultes isiaques, Religion grecque, Manichéisme, Nouveau Testament, Vie de l'Homo religiosus. – Louvain-la-Neuve, 1986.
- 26 Esen E. Antecedents and development of Buddhist and Manichean Turkish art in Eastern Turkestan and Kansu. – Paris, 2005. – P. 25-46.

ТОРЛАНБАЕВА К.У.,

Заведующая Отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, д.и.н.

РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ИСЛАМЕ И ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЯХ: РИТУАЛ КРУЖЕНИЯ

Резюме

Исследовательская задача статьи основана на идее выявления общих и характерных черт в системе аскетических взглядов в манихействе в период средневековья и в суфийском братстве йассавия с момента его зарождения по настоящее время. Эта задача включала в себя теоретические вопросы понимания аскетизма, применяемого в религиозных ритуальных практиках, а также выяснения

вопросов по истории распространения манихейства и ислама в Центральной Азии.

Автор считает, что между суфийской традицией и аскетизмом и другими религиями и верованиями у народов Центральной Азии существовала преемственность. Таким образом, ставится вопрос о преемственности ритуальной практики кружения в доисламских религиях и исламе.

Методология анализа основана на изучении исторических источников, архивных материалов, исследованиях отечественных и иностранных ученых. Методы, используемые в работе, это конкретно-исторический, сравнительный, систематизирование и обобщение, критический анализ.

Полученные результаты могут быть использованы в ходе аналитических работ по истории Казахстана и сопредельных стран. Областью применения результатов является история и религиоведение.

Ключевые слова: ритуальная практика, кружение, религиозные практики и верования, манихейство, суфизм.

ТОРЛАНБАЕВА К.Ө.,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
Ежелгі және ортағасырдағы Қазақстан мен іргелес елдер
тарихы бөлімінің меңгерушісі, т.ғ.д.

ИСЛАМ МЕН ИСЛАМҒА ДЕЙІНГІ НАНЫМДАРДАҒЫ ҒҰРЫПТЫҚ ДАҒДЫ: АЙНАЛУ ҒҰРПЫ

Түйін

Мақаланың зерттеушілік міндеті орта ғасырлар кезіндегі манихей дініндегі және сопылық йассауия ілімінде оның пайда болу кезеңінен бастап қазіргі күнге дейінгі аскеттік көзқарастар жүйесіндегі жалпы және өзіндік сипаттарын анықтау идеясына негізделген. Бұл міндет діни ғұрыптық тәжірибеде қолданылатын аскетизмді түсінудің теориялық сауалдарын, соныме қатар Орталық Азияда манихейлік дін пен исламның таралуы тарихы бойынша сауалдарды анықтаудан тұрады.

Автор Орталық Азия халықтары арасында сопылық дәстүр мен аскетизм және басқа діндер мен сенімдер арасында сабақтастық болды деп есептейді. Осылайша, исламға дейінгі діндер мен исламдағы ғұрыптық айналу тәжірибесіндегі сабақтастық туралы мәселе қойылады.

Талдау методологиясы тарихи деректер, мұрағаттық материалдар және отандық пен шетелдік ғалымдардың зерттеулеріне негізделген. Жұмыста қолданылатын әдістер: нақты тарихи, салыстырмалы, жүйелеу және жинақтау, сынап талдау.

Алынған нәтижелер Қазақстан мен іргелес елдер тарихы бойынша талдамалы жұмыстар барысында қолданылуы мүмкін. Нәтижелердің қолдану саласы тарих пен дінтану болып саналады.

Түйін сөздер: салттық дағды, айналу, діни тәжірибелер мен сенімдер, манихейлік, суфизм.

ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ
КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО
KAZAKH KHANATE

УДК 94(574)+94(100)»04/14»

БИМЕНДИЕВ А.Ш.

Независимый исследователь, к.т.н.

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА ПТИЦ В НАВЕРШИЯХ ЗНАМЕН
У КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация

В статье на основе сведений историографии, средневековых источников и редких экспонатов музейных собраний анализируется форма и семантика наверший знамен у казахских правителей средневековья. По мнению автора, прототипом ряда наверший, известных нам по изображениям на средневековых персидских миниатюрах, является утрированное изображение охотничьей или хищной птицы. Высказывается предположение об архаичности образа птицы в материальной культуре древнего и средневекового населения Центральной Азии и его прямой связи с религиозными представлениями тюрков. В частности, в образе птицы на навершиях знамен кочевники изображали, по всей видимости, женское божество Умай.

Ключевые слова: знамя, Кут, навершие, навершия-«двузубцы», навершия-«трезубцы, Небо, полумесяц, птица, птицевидные тамги», тамга, Тенгри, туг, Умай, феникс, Чингис-хан

Современный российский историк и религиовед А.Б. Зубов, описывая в своей книге «История религий» погребальный инвентарь верхнего палеолита писал: «Сравнительно часто в верхнепалеолитических погребениях находят странный предмет – тщательно выделанный и нередко богато орнаментированный каменный

Рис.1. Копьеметалка , украшенная фигурой глухаря [1, с. 64].

жезл с овальным или круглым отверстием с одного из концов. Как его только не величали археологи – жезл вождя, выпрямитель копий, копьеметалка и т.п. Но нахождение этих предметов в могилах намекает на их религиозное предназначение. Мадленская «копьеметалка» из Масд’Азиль (Франция, департамент Арьеж) лучше иных выражает символику нового рождения. Птица – видимо, душа умершего, устремляющаяся к новому рождению из утробы земли (отверстие в основании жезла связано, должно быть, с вульварной символикой). Можно предположить, что такие жезлы клали в могилы тех людей, которые совершали священнодействия, соединя миры и помогая умершим соплеменникам в достижении Неба» [1, с. 65]. Зубов предполагает, что жизнь верхнепалеолитических охотников «протекала в напряженной борьбе за выживание в условиях сурового климата и массы всевозможных опасностей. Но на погребение своих близких они не жалели

сил. Распределение усилий по сферам деятельности лучше всего говорит о склонностях и стремлениях человека. Стремления и склонности кроманьонца в очень большой степени определялись жадной преодолению смерти, надеждой на обретение новой жизни» [1, с. 64], рис. 1.

По мнению известного русского ученого Д.Н. Анучина, высказанному в работе «К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ», «данные истории и этнографии указывают, что птицы, особенно некоторые виды хищных и голенастых, признавались у многих народов за существа божественные, или по крайней мере такие, образы которых представлялись наиболее пригодными для олицетворения божеств, их атрибутов и для символизации сношений с миром духов и теней в далеких небесных или загробных пространствах. Быстрота и высота их полета, их прилет весною откуда-то с далекого юга, и их отлет туда же осенью, их парение (напр. орлов) в небесной синеве дня и их появление (напр. филина или совы) в сумраке ночи, все это заставляло видеть в них нечто таинственное и загадочное, признавать их особенно способными к роли посредников между человеком и духами и к воплощению в своих формах этих последних. Представление о птицах, как о существах, способных быть носителями человеческих желаний и молений, а с другой стороны, – возвестителями воли богов, символами их покровительства и объектами, служившими для воплощения в них божественной мощи, – такого рода представления мы встречаем у народов, стоящих на самых различных ступенях культуры, от дикарей-шаманистов до народов древнего культурного Востока и Греции и от варваров далекой Азии и Африки до народных масс современной христианской Европы» [2, с. 128].

Хорошо известно, что у древних тюрков, обитателей евразийских просторов, верховным божеством считалось Тенгри-Небо, почитание которого уходит корнями в хуннскую эпоху [3, с. 265]. Защитницей людей, охраняющей их вместе с детьми (потомством), они признавали небожительницу Умай, которая спускалась с Неба. Термин Умай исследователями древнетюркских рунических текстов (памятник в честь Кюль-Тегина) был переведен как «богиня-покровительница», они объясняли этот термин как «женское божество» [3, с. 265-267]. На основании своих этнографических материалов Л.П. Потапов справедливо отмечал, что у кумандинцев Умай-эне (мать Умай) была божеством, обитающим на небесах, к которому обращались шаманы со словами «с ясного неба, паря (как птица), спустись, Мать Умай (словно) птица-мать!» и т.д. [3, с. 265-267]. Обращает внимание также тесная связь народных представлений об Умай и Кут, которая выявлена этнографическими материалами. Термин «кут» у тюркоязычных народов Саяно-Алтая выражает понятие, называемое в этнографической литературе душой. У алтайцев, по В.И. Вербицкому, кут – сила жизненная, плодородие, состояние счастья, благоденствие [4, с. 103; 5, с. 78]. По сведениям того же Потапова, у телеутов кут – это зародыш, приходящий в человека извне (от духов-небожителей), дающий начало жизни человеку и растущий вместе с ним, и начало, поддерживающее жизненную силу. У тувинцев кут – душа, животворная сила, а у якутов – одна из душ. Таковы народные представления о кут, дожившие до этнографической современности. При более подробном изучении их обнаруживается, что кут – это жизненное начало, свойственное не только людям, но и домашнему скоту, зверям, растениям. Его дает местная природа, олицетворяемая и почитаемая в образе антропоморфных «хозяев» (ээзи) – иеси (каз.) местности, гор, тайги и т.д. представляемых, как правило, в женском облике (подр. см.: [3, с. 275]).

Приведенный материал, объясняющий особенности древнетюркской веры в Умай (кут), показывает также и почитание духов знаковых предметов. Например, дух знамени или знаменного комплекса, окруженный религиозным ореолом, пользовавшийся глубоким культовым почитанием.

По А.П. Окладникову «культ знамени имел основания в том, что оно мыслилось как талисман, в котором обитает дух-покровитель племени, находится могущественная сила, от которой зависит не только тот или иной военный успех, но и само существование данного племени» [6, с. 151]. Здесь, на наш взгляд, видна связь Умай и культа об Умай, охраняющей жизнь людей, наподобие «ангела-хранителя». В условиях развитого государства тюркских кочевников этот термин приобрел еще более широкое значение в среде кочевой знати. В памятниках рунической письменности кут означает не только жизненную силу, душу, но и счастье, божественную благодать, титулы царственных особ. В титулах высших правителей басмылов и уйгуров *idugkut* отразилась идея «священной благодати» (харизмы), которой обладал будто бы носитель титула. Видимо, эта идея возникла и развилась на базе народных представлений о кут, именно в высших аристократических кругах кочевой знати, и пропагандировалась ими в массах рядовых кочевников с целью укрепления своей власти [3, с. 280].

«Монголы, – писал Д. Банзаров, – приписывают особе царя (Чингиз-хана. – А.Б.) нечто божественное, какое-то особое могущество, которое невидимо хранит его подданных, и это качество называется *сультэ*» (подр. см.: [7, с. 28-29]). Материальным воплощением монгольского *сультэ* служило царское знамя, прежде всего знамя самого основателя правящей в империи династии Чингизидов, состоявшее из девяти бунчуков, называвшихся «сультэ» [6, с. 151]. Как было показано нами в работе «Знамя как символ власти казахских ханов-чингизидов (по изобразительным и этнографическим материалам)» [8, с. 18-46], казахские ханы в XV–XVIII вв. использовали иконографические воплощения харизмы («сультэ») Чингиз-хана, своего великого предка, в виде изображенных символов солнца и луны (два креста в круглых формах) в своих знаменах, рис. 2. Изображение небесных светил в виде знака скошенного креста, как знака Чингиз-хана, имеет историческую и фольклорную основу, восходящую ко времени создания единого монгольского государства на рубеже XII–XIII вв., когда иконографическим воплощением харизмы Есугея и «народа Кият» выступали «белый сокол, с солнцем и луной в когтях». Это следует из слов кунгирата Дай-Сечена, сказанных кият-борджигину Есугей-багатуру, отцу Чингиз-хана. Их диалог возник при встрече, когда Есугей с сыном ехали сватать невесту молодому Тэмуджину (см.: «Сокровенное сказание монголов», 1240 г. [9, с. 86, § 63]).

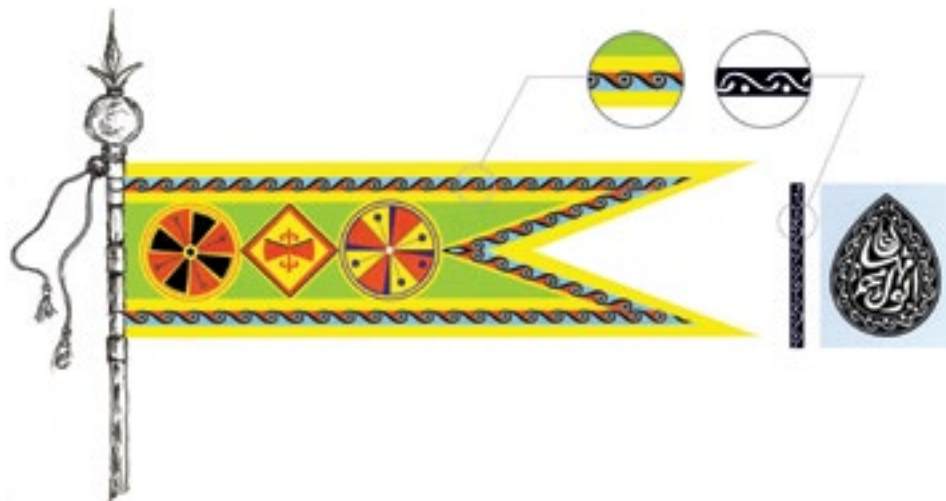

Рис. 2. Казахское красно-зеленое знамя. Реконструкция А.Ш. Бимендиева. Справа печать Абулмамбет-хана и прорисовка ее окантовки [8, с. 18–46].

Согласно специальным изысканиям Т.Д. Скрынниковой, вместилищем харизмы в обрядовых действиях и текстах являются – голова вождя, древко знамени или его навершие [10, с. 249, 265-266; 11, с. 82-86]. В текстах обрядов, которые она приводит говорится следующее: «Священная харизма, произошедшая от алых Солнца и Луны, священная харизма, обладающая древком знамени и светом Солнца и Луны» [11, с. 85]. Здесь раскрывается происхождение харизмы (sulder) от света Солнца и Луны. Автор полагает, что культ Сульдэ-тенгри, который традиционно определялся как культ особого божества, на самом деле был одной из форм поклонения харизме Чингис-хана, сына «Вечного синего Неба» [11, с. 84].

Здесь уместно обратить внимание на высказанное нами ранее предположение о том, что в знаменах казахских чингизидов к харизме великого предка (которая, очевидно, концентрировалась в солярных символах) были добавлены знаки ромбика с двусторонними секирой и «лапами сокола». Последнее в орнаменталистике может означать символ богини-матери плодородия и вечной жизни. В изображении же герба казахского чингизида, кроме знаков Чингис-хана и ханов Букеевской орды, важным геральдическим элементом является – золотой лук, золотые секира и стрела, восходящие к древнетюркским мировоззренческим традициям и понятиям, и означающие – Умай-ана в виде стрелы с луком [8, с. 18-46]. Аналогию можно увидеть в описании Чжаохуна. Характеризуя боевое знамя чингизовского наместника Мухали в Северном Китае, он выделил изображение Черной луны. Учитывая связь знаменного древка и луны с харизмой Чингис-хана, М.Г. Крамаровский предположил, что копьевидный знак на пайцзах Токты и Узбека и есть изображение древка знамени на фоне полной луны (рис. 3) [12, с. 305; 13, с. 135-136], а древко знамени имеет стреловидную (копьевидную) форму, также апеллирующее к небесному пантеону. На аналогичной пайцзе 1361 г. [Симферопольский клад. ГИМ] нанесена позолоченная монгольская надпись: «Благодаря силе Вечного Неба (Вечных Небес) и помощи Великого могущества и сияния. Указ Кельдибека кто не будет уважать, будет убит и умрет» [12, с. 305].

Таким образом, изображение и почитание птицы (истоки которого берут начало в каменном веке, а последние примеры фиксируются в новое время, в среде евразийских кочевников оно получило свое иконографическое воплощение в персонаже гунно-тюркского пантеона Умай или Умай-ана) имеет ярко выраженные корни в этнографическом субстрате как знамя (знаменный комплекс). Идеологически обусловленный характер знаменного комплекса имел особую роль в системе оформления власти чингизидов, в том числе и казахских правителей, не только в военно-политической культуре казахского народа, но и во многих других сферах жизни традиционного кочевого общества (религиозного, обрядового, хозяйственного и т.д.) [8, с. 18-46].

При изучении терминологии и морфологии знамен казахских чингизидов, очень большой интерес представляет вопрос этимологии, семантики и роли наверший, а также их конструкция, т.е. как они выглядели.

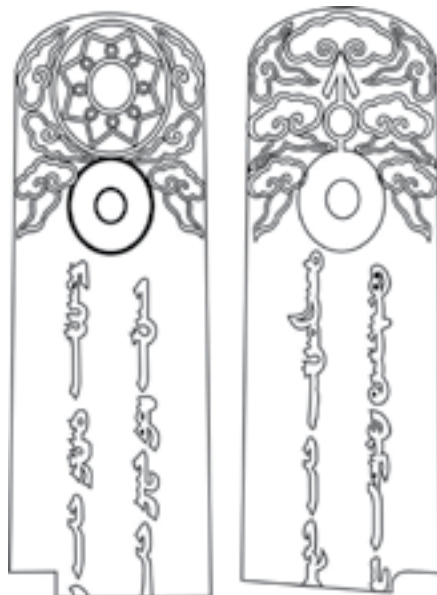

Рис. 3. Серебряные пайцзы времен хана Токты и Узбека [13, с. 135–136]

Рис. 4. Навершие знамен среднеазиатских правителей XVI в. [16].

Историограф Шибанида Абдуллы-хана (XVI в.), восхваляя, применяя разнообразные эпитеты при описании достоинств Абдуллы-хана и его знамени, обращается к стягу как к воодушевленному предмету, а также дает очень ценные и интересные сведения о конструкции этих знамен: «облетевший весь мир небесный Дракон (созвездие Дракона. – А.Б.) от боязни и страха перед наверхием знамени, пришел в расстройство и смущение; бесстрашный небесный Лев (созвездие Льва. – А.Б.) от боязни перед львом на знаменах (Абдуллы-хана. – А.Б.) закрыл голову небесным покрывалом» [14, с. 65]. Некоторые исследователи [15, с. 47-66] обращали внимание на тот факт, что в этом повествовании, наверхие (вершина) знамени имеет форму дракона («аджар» – в тексте) или изображение дракона в полотнище. Такое наверхие, имеющее форму дракона, изображено в средневековых

миниатюрах XVI в., рис. 4 [16]. Во второй части автор напрямую указывает на наличие изображения льва в знамени.

На существование знамен с навершием в виде полумесяца однозначно указывает неоднократное упоминание о нем в источнике: «...Полумесяц его знамени достиг цели в небе» [14, с. 83, 84, 111, 113], «Полумесяц знамен царапает небо» [14, с. 168]. Надо отметить, что наряду с полумесяцем, можно заметить наличие навершия и в виде солнца (геометрический образ круглой формы): «...Пока знаменосец небесный в голубом небе, для украшения (знамени) находит полумесяц (в виде) солнца, да будет солнце твоего знамени по достоинству завоевателем мира».

Интересно сведение о знамени и его навершия в виде «копейцо булатное, что бывает на знамени». Так, хивинский (ургенцкий) царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед в первой половине XVII в. просил своих приаральских родственников прислать ему это «копейцо» в Россию, где он на тот момент находился [17, с. 50-59]. Данный факт интересен тем, что показывает стремление чингизида, чтобы даже в мелких деталях, облик этого предмета (навершия) был «родным» и важен был факт происхождения навершия из «родины». Трудно поверить, что в тогдашней Москве

Рис. 5. Навершие «копьевидное из булата» знамен, казахов войск Абулхайр-хана сына Касым-хана, XVI в. [18]. Копия миниатюры приобретена мною в Британской библиотеке Лондона. Выражаю признательность к.и.н. Н.А. Атыгаеву за предоставленную информацию о месте хранения.

Рис. 6. Золотоордынское навершие древка знамени, XIV–XV вв. [19, с. 79]

Рис. 7а. Изображение Феникса в монгольских знаменах. Фрагмент персидской миниатюры [20, с. 206].

Рис. 7б. Изображение птицы Феникса в орнаментах кочевой культуры. Фрагмент казахского колчана.

кузнецы не смогли бы выковать его по описанию или же по рисунку. Изображение аналогичного навершия знамени в виде «копейцо булатное, что бывает на знамени», можно увидеть на миниатюре 1620 г. (рис. 5), где изображена битва объединенных войск Шибанидов и казахов Касым-хана во главе с Абулхайр-ханом (сын Касым-хана) с войском Шаха Исмаила [18].

Еще один предмет, который относится к XIV–XV вв. найденный в округе золотоордынского города Укек, который служил навершием древка знамени или бунчука, имеющий вид плоского двузубца с завершениями и завитками на концах (выступающий высокий зубец снабжен на конце завитка кольцом), оканчивающийся черешком для насада длиной 12 см. Общая длина предмета 49 см., ширина 19,5 см. (рис. 6) [19, с. 79]. Эта конструкция навершия напоминает, даже в чем-то копирует форму «птицы-копьеметалки» и по всей видимости, отражает взаимоотношения души и неба. Такое понимание восходит к шаманскому или мировому дереву – как источнику жизни и хранилищу душ, имеющих облик птиц.

Как было нами показано [8, с. 18–46], крестообразный знак, который присутствует в знаменах казахских чингизидов XV–XVIII вв. (золотая тамга Чингис-хана), в Велико монгольский период, а также у ильханидов, часто сочетается с изображением птицы феникс (рис. 7а). Изображение птицы у тюрко-монгольских кочевников восходит к древнетюркскому мировоззрению, где птица-огонь ассоциируется с Умай-ана, покровительствующей «кут» и плодородию, т.е. продолжению и сохранению потомства. Изображение этой птицы, ее семантический смысл в поздний период, в период казахских чингизидов, по мировоззрению и мироощущению казахов и их

предков, начало преобразовываться, вкладываться в образы и символы, влившись в орнаменты кочевой культуры (рис. 7б). Одна из таких взаимосвязей Чингисхана и птицы (Умай) сохранилась в изображении родословной киргиз-кайсаков (казахов. – А.Б.) Меньшей орды (рис. 7в) [20, с. 63]. В нижней части этого генеалогического древа, составитель схемы И. Казанцев поместил небольшое пояснение, начинающееся со слов: «Это Родословная составлена в виде птицы, потому что Киргизский хан Урус-Инак, современник всемирного завоевателя Темучина, добровольно с народом признал власть его над собою, послав ему в дар редкую птицу Туранчик (кречета): всего белого, кроме красных глаз, носа и ног. Эта птица перед Темучином будто вскричала Чингис, т.е. Владыка Мира! С того времени Темучин стал называться Чингисом и за то дал киргизам перед другими покоренными ему народами преимущество тамги (знаки) родовые, ураны (оклики), назначил под кочевье места. За что киргизы чтят память Чингиса и наблюдают по преданию по настоящее время Зекат (правило)».

Навершиям и самим средневековым казахским знаменам в нашей исторической науке уделялось очень мало внимания, возможно из-за скудности сохранившихся артефактов в музеях. Более ранние варианты навершия в реалиях до нас не дошли и потому остаются вне поля зрения исследователей. Вместе с тем, исторические источники сохранили множество упоминаний и изображений, позволяющих составить представление о значении и применении знамен в Казахском ханстве, их конструкции и внешнем виде. Среди этих источников, пожалуй, наиболее важны средневековые миниатюры, изображающие десятки знамен XV–XVI вв. в батальных сценах битв среднеазиатских войск с войсками Дашт-и Кыпчака, как времен Тимура и Токтамыша, так и эпохи борьбы Шибанидов с казахскими правителями. Ценность миниатюр (рис. 4, 5, 7г) [16; 18; 21], которые входят в научный оборот (с высокой разрешающей способностью) с нашей подачи, заключается в изобра-

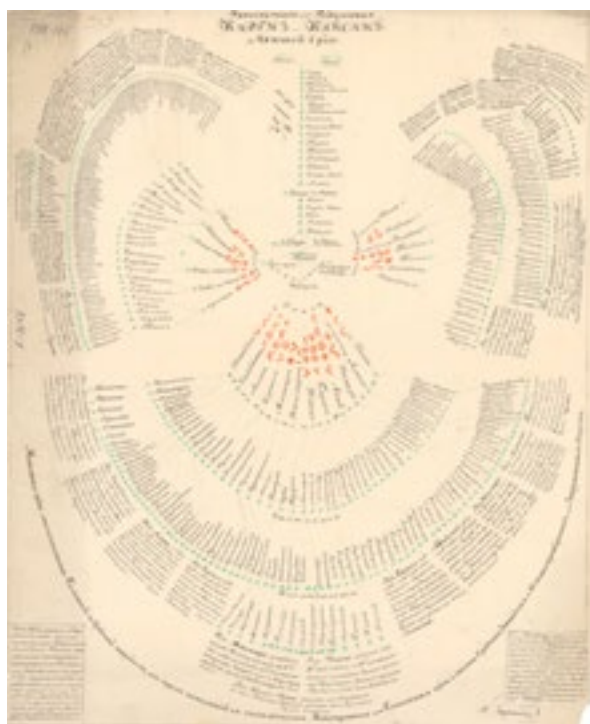

Рис. 7в. Генеалогическое древо казахов Младшего жуза [20, с. 63].

Рис. 7г. Навершия знамен Шибанида Абулхаир-хана, XVI в. Фрагмент миниатюры [21].

жениях знамен с наибольшей точностью и информативностью. Заметно стремление художников изобразить конкретное время. Это обстоятельство в соединении с использованием описания событий [14; 22, с. 150], происходивших в конце XV и XVI вв., придает изображениям еще большую достоверность. Точность передачи форм средневековых предметов иллюстраторами подтверждается экстраполяцией аналогичных форм наверший знамен казахских предводителей более поздних времен, сохранившихся в музеях Казахстана (рис. 8-12) [23, с. 432; 24; 25]. Эти миниатюры могут быть использованы как для реконструкции самих знамен, благодаря обилию разных конструкций знамен, так и их наверший. Попробуем восстановить конструкцию и внешний вид навершия, представленного знамени [8] казахских чингизидов, рис. 2. Для этого можно использовать изображения миниатюр, а также музейные экспонаты в единичных экземплярах. Для более объективного воссоздания конструкции навершия, его контура, формы и мелких деталей, вытекающих из различных миниатюр, необходимо вернуться к этнографическим и мировоззренческим корням «культы знамени», который «имел основание в том, что оно мыслилось как талисман, в котором обитает дух-покровитель племени» и «могущественная сила», от которой «зависит не только тот или иной военный успех, но и само существование данного племени» [6, с. 151]. Мы уже упоминали выше, что при идентификации форм «птицы-копьеметалки», рис. 1, и другой золотоордынской «птицы-навершия», рис. 6, в традиционной культуре кочевников, применение термина знамени – туг неоднозначно, и оно восходит к шаманскому или мировому дереву, как источнику жизни и хранилищу душ, и имеющих облик птиц [15, с. 47-66].

Рис. 8. Навершие казахского знамени [23, с. 432].

Рис. 9. Навершие казахского знамени [24].

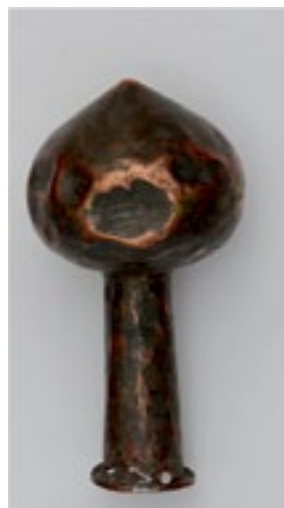

Рис. 10. Навершие казахского знамени [24].

Рис. 11. Навершие казахского знамени [24].

Рис. 12. Вооруженный всадник со знаменем. Некрополь Караман-ата [25, с. 276].

Умай и Кут, воплотившиеся в облике птицы, и представляющие не только жизненную силу, но и счастье, божественную благодать, титулы царственных особ, иконографически представлены в конструкции знамен наверхием (вершиной) знаменного комплекса – туга. У тюрко-монгольских кочевников средневековья птицы-навершия имеют в основном форму двух птиц: феникса (петухо-фазанообразного) [26, с. 26-36] и сокола [27; 28].

Присутствие образа феникса в конструкции знамени выражается наличием ее изображения в полотнище или формой наверхия в виде своеобразного двузубца, прообразом которых является «птица-навершие», приведенная на рис. 1 и 6.

Вот как описывает Масуд Ибн Усман Кухистани в «Тарих-и Абулхайр-хани» [22, с. 157] присутствие подобной птицы: «Когда феникс солнцеподобного знамени бросил тень над городом Тара, который стал местопребыванием трона государства и средоточием божьей помощи, начал дуть ветерок благополучия и счастья из места стремления ..., заря, указывающая на счастье и величие появилась на небосклоне славы, эта страна украсилась...увеличивающимся с каждым днем счастьем, ..., благодать и божественная милость последовали непрерывно, подобно благополучию небесному...». Феникс (*kit.* фэн – феникс-самец и хуан – феникс-самка), как божественная птица, не чужда для миропонимания центральноазиатских кочевников. Некоторые ученые видят в образе феникса черты, свидетельствующие о его солярных связях, а некоторые считают, что первоначально изображение чудесной птицы и ее название служило обозначением посланца небесного владыки [29].

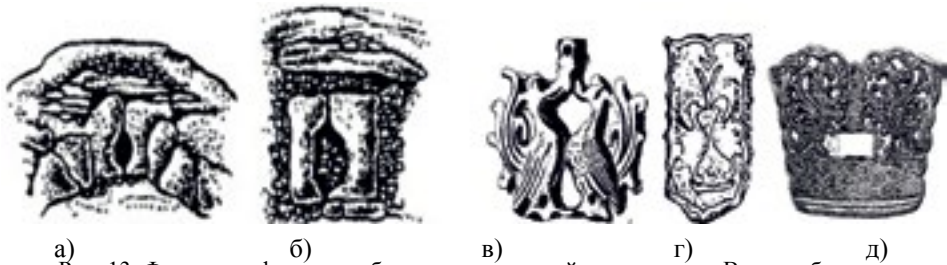

Рис. 13. Фигурки и формы изображения отверстий в виде чрева. Вульвообразное оформление входа в мегалитические гробницы Англии: а) Норис Тамп; б) Виндмидл Тамп; в-д) Оформление отверстий в торевтике парными фантастическими птицами у «деревя».

Известный знаток китайской философии А.И. Кобзев пишет: «Необходимо отметить, что феникс является спутником Сиванму (западной царицы-матери) – правительницы мифического царства, располагающегося, как полагали, на Западе, в горах Центральной Азии» [30]. Автор косвенно показывает на местонахождение этой птицы и царицы-матери, отсылая на территорию Средней Азии и в районы горной цепи до Саяно-Алтая. На этих территориях, как показывают этнографические и письменные источники [31], почитание Умай, («богиня-покровительница, «женское божество», «небожительница, которая спускается с Неба») видимо, очень древний культ, сложившийся у кочевников задолго до того времени, каким он датируется руническими надписями. Об этом говорит его тесная связь с культом огня, т.е. одним из древнейших культов первобытности, так же хорошо сохранившийся у многих современных тюркских народов Сибири и Средней Азии (и не только тюркских), выражающийся в олицетворении огня в образе женского божества, именуемого «мать-огонь» [32]. У казахов и телеутов шаман общается с Умай, призывая огонь, у кыргызов культ огня, по утверждениям Т. Баялиевой [33], переплетается, а иногда просто сливается с культом Умай. У телеутов, призывая Умай (окуривая можжевельник и вешая изображение лука со стрелой), произносят следующие слова: «Тридцатиголовая мать-огонь..., спустись, окружи и будь отцом! Спустись, покрой и будь матерью..., с гребневидной головой мать-Умай!...» [31]. Видимо, выражение «с гребневидными» волосами является клишированным, в котором подчеркивается, вероятно, весьма важный признак богини. Символами волос Умай, по-видимому, служили мишурные нити. Лучи-волосы реализуют метафору связи неба и земли.

В ближайшей ойкумене Евразийской степной полосы, на западе, в древнегреческой мифологии феникс – это птица, обладающая способностью сжигать себя и вновь возрождаться из пепла (первое письменное упоминание мифа о фениксе встречается у Геродота (V в. до н.э.), и являющаяся символом вечного обновления, а на юге, в иранской и арабской мифологии, а также в арабизированной мифологии народов Средней Азии – феникс это птица Хумай, волшебная птица, предвещающая счастье. Сказочная птица Хумай генетически связана с образом Умай – древним женским божеством тюркских народов [34, с. 342-245]. Судя по разработанности «птичьей» темы в мировоззрении центральноазиатских тюрков, ее вряд ли можно считать заимствованной в «готовом» виде откуда-то извне. Эта тема, вероятно, относится к древнейшим слоям мировоззрения и восходит к некоему урало-алтайскому архетипу [35].

Приведенные данные, учитывающие историко-культурные контексты, позволяют провести исторический экскурс в прошлое, во времена архаического миропонимания с учетом мифо-этических и этнографических параллелей. Так как в тюркской традиции Умай олицетворяла порождающее женское начало, соответственно во многих тюркских языках Умай означает порождающие женские органы (матку, утробу) [36]. В связи с этим напрашивается параллель: гипотетическое

Рис. 14. Двузубцы в знаменах половцев. Фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи «Бой полка Игоря Святославича Новгород-Северского с передовым отрядом половцев и захват половецких веж». 1186 г. Конец XV в. [37, с. 170–181].

сравнение анатомического строения порождающего женского органа (матки) с контуром, формой «птицы-копьеметалки» и с «отверстием в основании жезла, связанного с вульварной символикой», рис. 1 и 6, принадлежавшая жителям верхнего палеолита и золотоордынского времени. Б.А. Зубов отмечает, что многочисленные женские фигурки из камня и кости, безликие, но с подчеркнутыми признаками женского, рождающего естества, были очень широко распространены в верхнем палеолите всей северной Евразии. Почти безусловно они отражали возрождающую к вечной жизни

Рис. 15. Навершия в экземплярах торевтики [26, с. 168].

материнскую утробу земли. Эти «Венеры» являлись изображением «Матери Земли», сущность этих изображавшихся и была великой матерью, всегда производящей на свет жизнь. Она вечно беременное жизнью чрево, вечно кормящая своим молоком мать, поэтому они не могли не поклоняться матери – сырой земле, дающей пищу, жизнь и возрождение. «Надежды кроманьонцев не ограничивались землей, они душой стремились к небесному Богу-Зверю, всемогущему подателю жизни. Но из опыта повседневности они прекрасно знали, что семя жизни должно найти ту почву, в которой только и может прорасти. Семя жизни давало небо, почву – земля. Поклонение Матери-Земле, столь естественное у земледельческих народов, в действительности оказывается древнее земледелия, так как целью поклонения был для древнего человека не земной урожай, но жизнь будущего века» [1, с. 92-93]. Поэтому, все эти фигурки и формы изображения входа в пещеру в виде чрева, рис. 13а-д – все они из долгого ряда изображений Великой Богини. Смерть, при наличии этого чрева, оказывается не полным исчезновением из жизни, а только этапом бытия, за которым следует новое зачатие божественным семенем, новое рождение.

Эти исторические параллели позволяют выявить семантику навершия, имеющую форму птиц в знаменных комплексах средневековых кочевников.

Возвращаясь к форме навершия в виде своеобразного двузубия, в образе птиц семейства фазановых, можно обратиться к средневековым изобразительным источникам кимеко-кыпчакского (половецкого) времени. «Трезубцы» и «двузубцы» в знаменах половцев присутствуют в миниатюрах Радзивилловской летописи, но значительно чаще рисовали у половцев знамена с навершием в виде своеобразного двузубца или полумесяца, обращенного «рогами» вверх (символ, характерный

а) Мотив парных (противостоящих) фантастических птиц;

б) Фантастические птицы разных эпох из Саяно-Алтая и прилегающих территорий;

в) Мотив парных фантастических птиц у «деревя»

Рис. 16. Навершия в экземплярах торевтики [27, с. 160].

для поздних золотоордынских знамен), рис. 14 [37]. Также эта тема хорошо отражается в сохранившихся экземплярах торевтики, семантически связанная с культом богини Умай (птица–навершие), рис. 15 [26, с. 168]. Позднее эти фигуры птиц перекочевали для декора различных предметов из драгоценных и цветных металлов, но в основном для украшения бронзовых ременных и прочих деталей снаряжения всадников, а также женских украшений [27]. Предметы с такими характерными декорами встречаются во всей ойкумене кочевых обществ, но более широкое распространение получили в Кыргызском каганате (Средний и Верхний Енисей) IX-X вв., а также на территории кимеко-кыпчакского этнополитического объединения на северном Алтае и в Верхнем Прииртышье (рис. 16а-в) [27, с. 160].

Для прояснения семантики «птицы-навершия», имеющей форму второго вида – иконографического типа в образе сокола, который представляет собой «трезубец» или каплевидную форму, необходимо провести еще один исторический экскурс. С начала I тыс., с установлением господства номадов в степной Евразии, особенно в средневековье, популярной становится охота с ловчими хищными птицами, сохранившаяся в традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана (рис. 17а-б). Религиозно-магические истоки культа хищных птиц, а также все аспекты охоты с ними, детально и чрезвычайно интересно исследованы Г.Н. Симаковым [28]. У представителей кочевых империй соколы и ястребы были востребованы, и соколиная охота была демонстрацией власти, символом знатности, статуса, воинского духа (рис. 18).

Вариантами образов сокола в декоре художественного металла, особенно в символах власти казахских чингизидов, явились такие знаковые предметы, как печати казахских чингизидов (рис. 19а) [8], и навершие казахского знамени, рис. 8,

Рис. 17а. Птица на головном уборе статуи тюркского полководца Кюль-тегина.

Рис. 17б. Рисунок всадника с птицей. Урочище Кёк-Сай. Кыргызская Республика. По К.Ш. Табалдыеву.

вылившиеся в стилизованные изображения хищных птиц, понятно отображенные в иконографии, соответствуя образам традиционной местной культуры.

Перстневидные печати казахских правителей-джучидов всегда имели почти стандартную (каплевидную) форму, наглядно свидетельствующие о монополярной принадлежности таких эксклюзивных печатей к аристократическому сословию чингизидов [38, с. 19]. Каплевидность формы и ее монополизация чингизидами, началась еще во времена хана Золотой Орды Токтамыша, как видно на рис.19б. Корнями эта традиция, видимо, восходит к чугунным пайцзам, относящимся ко времени династии Юань (1279-1368), рис. 19в-г [12, с.76]. По данным М.Г. Крамаровского, в восточной части Монгольской империи (в Китае) в 1227 г. при Хубилае появляется тип круглой пайцзы с кречетом, но они до нас не дошли. По аналогии, так называемых, «львиных» и «тигровых» пайцз, можно реконструировать эти печати в каплевидной форме, рис. 20. Именно изображение сокола (кречета) в верхней части круглой печати, дает круглой форме каплевидность. Также необходимо отметить, что «белый сокол с солнцем и луной в когтях» является иконографическим воплощением харизмы Есугея и «народа кият» [8], а в перстневой печати казахского хана Аблая, рис. 19а, вершину, т.е. верхнюю часть обрамления завершает изображение «трезубца».

Для полного представления скрытых форм стилизованных изображений хищных птиц в навершии казахского знамени, рис 8, можно произвести сопоставление с другой, менее стилизованной конструкцией навершия-штанарта бабуридского наследия из коллекции Эрмитажа, предположительно изготовленные в XVII в. (рис. 21), в описании которого сказано: «Штанард представляет собой двустороннюю плоскую резную пластину с ажурным симметричным изображением правой и левой частей. В нижней части – две профильные фигуры соколов, соприкасающихся

спинами и отвернувшихся друг от друга. В зашеек им упираются хвостами две размещенные вертикально над ними рыбы, они соприкасаются вплотную животами так, что их контур образует еще одну, единую рыбу. Вся композиция увенчана трезубцем, напоминающим также форму одного из аламов. Резным контуром обозначены крылья и строение хвоста соколов, чешуя и глаза рыб. Острые плавники и соколиные лапы переданы припаянными цельными пластинками. В ажурный геометрический орнамент, заполняющий контуры туловищ рыб и соколов, вписаны арабской вязью краткие тексты заклинаний, повторяющиеся в зеркальной симметрии» [39, с. 316].

Для выявления «фигуры» в форме сокола в навершии казахского знамени, симметрично разделяя их, мы получаем две симметричные фигуры соколов, соприкасающиеся крыльями сверху и головой, лобной частью внизу, образующие

Рис. 18. Кречет. Иран или Центральная Азия, XV в. Музей Топкапы Сарайы. Стамбул.

каплевидную ажурную пластину, с овальным отверстием в центре (рис. 22). Хвосты соколов в теле каплевидного навершия придают нижней части завершенность, прикрывая втулочный держатель массивного изделия, образуя зонтичный профиль. Могучие крылья и строения птицы выдают принадлежность ее к одному из видов боевых птиц. По мнению орнитологов, орел и ястреб обладают «тупыми» и короткими крыльями по отношению к длине своих тел (рис. 23г-ж) [27, Прил. IV, V, рис. 18], в то время как в нашем случае изображена птица с острыми и длинными крыльями, поэтому, по нашему мнению, эта птица напоминает приземляющегося на втулку сокола. Сокол имеет короткое плотное туловище, большую массивную голову, довольно длинную шею, которая при полете вбирается в плечи, острые и длинные крылья, значительно превосходящие длину тела птицы, концы крыльев цельные, не «пыльчатые», длинный мощный

хвост, примыкающий к туловищу (иногда он несколько заострен на конце, но чаще оканчивается закруглением в виде лопаточки), который вместе с туловищем образует в полете птицы третий, средний зубец «трезубца», если на него смотреть с другого ракурса (рис. 23а-в) [40].

При рассмотрении конструкции навершия на рис. 11 можно отметить высокую степень стилизации изображения птицы, обусловленную, видимо, с мировоззренческим аспектом и явным предпочтением относительности и художественной стилизованности имитирующего образа той или иной птицы, оставляя главные орнитологические элементы. В.Ю. Чигаева при исследовании орноморфных изображений хищных птиц на наскальных рисунках отмечает, что «рисунки соколов изображались часто с непрорисованной шеей и головой, телом в виде прямой линии переходящей в хвост, зауженный книзу, расправленными крыльями средней ширины и непрорисованными ногами» (рис. 23г) [27, с. 34]. Рисунки ястребов отличаются от них наличием головы в виде овального выступа, рис. 23д, [27, Прил. IV, V, рис. 19], рисунки орлов от ястребов отличаются наличием

Рис. 19. Печати и пайцзы Чингизидов.

Рис. 20. Реконструкция пайцзы сокола (кречета) в верхней части круглой печати.

Рис. 21. Шгандарт-алам, Индия, XVII–XVIII вв. [39, с. 316].

более крупных, массивных форм и прямо обрезанным хвостом (рис. 23е) [27, Прил. IV, V, рис. 22].

Образ птицы в наскальном искусстве очень древний, всемирно распространенный и является частью мировой культуры и, причем, с очень высокой степенью стилизации. Поэтому конструкция навершия на рис. 11, на наш взгляд, выполнена в форме сокола, парящего вертикально. Такая форма навершия, видимо, применялась широко в казахских знаменах из-за простоты и лаконичности формы при изготовлении.

Проиллюстрированные нами конкретные экземпляры, музейные образцы, а также обнаруженные в средневековых миниатюрах формы наверший, вписываются в типологический классификатор изображений птиц [27, с. 95], учитывающий значительный спектр информации о внешних видовых особенностях птиц, как раз для учета изображений с размытыми очертаниями, т.е. птиц предельно стилизованных до формы «птица-знак»: 1. птица-трезубец (в полете); 2. птица-стрела; 3. Птица-крест; 4. птица с хвостом в виде трезубца; 5. птица V-образная; 6. Птица-тамга (рис. 23ж) [27, Прил. IV, V, табл. 6].

Птица-трезубец, по нашим исследованиям, это навершие на рис. 8 и 11, семантику которых мы раскрыли выше. Навершие на рис. 9, можно отнести к V-образным птицам. Птица-крест – это очень интересный вид, мы к этой группе отнесли навершие на рис. 10, исходя из того, что крест всегда символизирует солярный знак, иконографически представляющий круглую форму навершия. В связи с этим уместно отметить, что птица рассматривалась изначально как общечеловеческий символ неба и солнца.

Одна из причин схематичности и стилизованности форм навершия (птиц) заключается в том, что их, по сравнению со сложными видами художественного изображения, достаточно просто изготовить. Кроме того, навершие несет как мифологическую (т.е. птица-Умай), так и функциональную нагрузку, т.е. конструкция должна быть достаточно прочной и крепкой и даже для нанесения удара им по противнику, в связи с чем происходит стилизация формы изображения птиц посредством простых начертаний. По мнению А.А. Бобринского птица в полете могла изображаться в виде знака креста или свастики [40, с. 9]. А, по мнению А.П. Окладникова

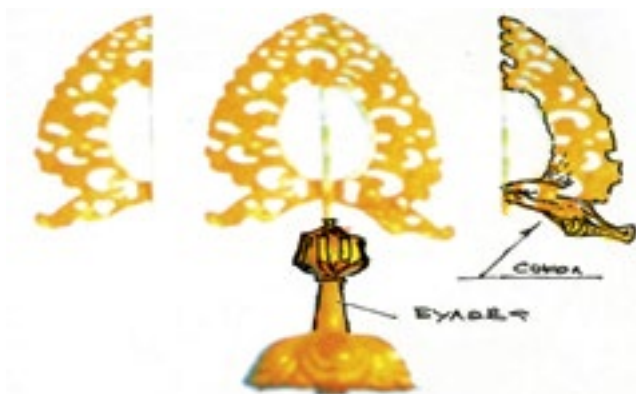

Рис. 22. Фигуры сокола в навершии казахского знамени.

а

б

в

Рис. 23. Профили летящих хищных птиц.

[6] и других ученых [12], в знамени (с навершием) «обитает дух-покровитель племени». В связи с этим В.Ю. Чигаева отмечает, что в наскальном искусстве различные духи и души умерших представлены в виде птиц без характерных признаков вида («неопределенного» вида), подтверждением тому является, не только изображение птицы-стрелы на писаницах Сибири, но и птицы-креста [27, с. 98]. У якутов и алтайцев крест воспринимался как символ птицеподобной души шамана [41, с. 15; 42, с. 39], а с другой стороны, мог изображать летящую птицу, иногда солнце (птица-огонь, жар-птица). Крест с крючкообразно загнутыми в одну сторону концами, монголы и якуты называют словом «хас», по-тюркски (каз.) «каз» – «гусь», «птица». Данный крест у них считается символом благополучия и счастья, означал «благоположение – милость Неба» [43, с. 225]. Можно сюда добавить известный факт, что крест с крючкообразно загнутыми в одну сторону концами – тамга племени кият, племени отца Чингиз-хана – Есугея [11].

Навершие на рис. 12, представляющее собой «копейцо» булатное с пучком конских волос на навершие копья, восходит к иконографической форме Умай-птицы, в образе «лучка со стрелой». Так в Авесте, например, имеются сведения о стреле с перьями птицы (орла и петуха). Авестийская стрела являлась воплощением полета птицы, неба и границ миров [44, с. 44-45]. Отголоски этого встречаются в стрелообразных изображениях птиц в наскальном искусстве [27, с. 95]. Мифологическая основа этого сюжета с участием птицы-стрелы отмечается также вне территории Центральной Азии. Например, в эпосе

североамериканских индейцев также встречаются сравнения птиц со стрелами: «В небе стаями летели, мчались лебеди, как стрелы, как большие стрелы в перьях,

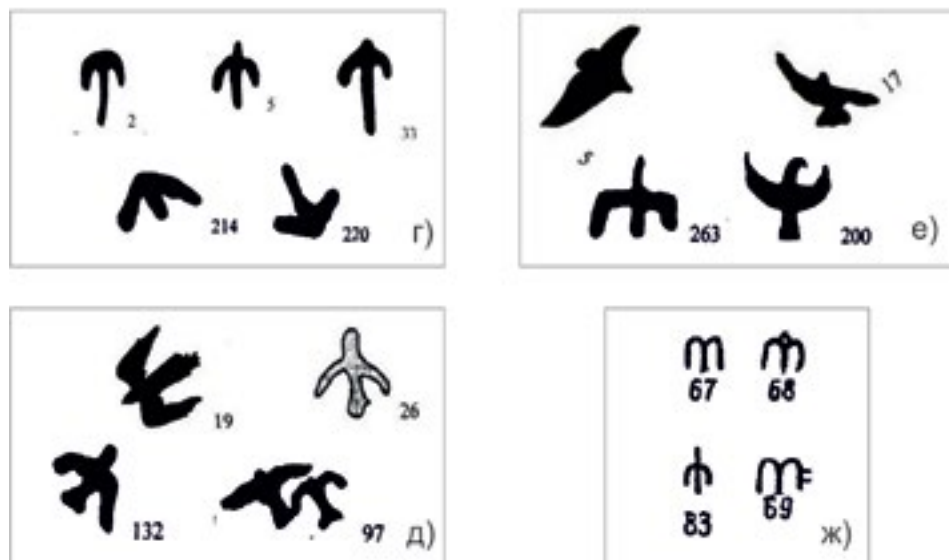

Рис. 23. Профили летящих хищных птиц.

... плыли гуси длинной цепью...» [45, с. 246]. Как видно, по миниатюрам [16; 18; 21], навершие птица-стрела является самым распространенным видом навершия средневековых знамен кочевников.

Последний вариант в типологии птиц интересен тем, что он затрагивает «птицевидные тамги», т.е. объединяет изображения птиц «спорного характера». Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев, авторы работ «Народные рисунки хакасов», указывают на характерную для этносов Хакасии, еще со времени раннего железного века и средневековья, стилизацию в манере исполнения рисунков птиц в виде тамгообразных изображений [46, с. 25]. Так как знак тамги является личным знаком или знаком целого рода, можно предположить, что тамгообразные образы птиц перекликаются с изображением родового тотема (рис. 23ж) [27, Прил. II, табл. 6].

Завершая обоснование типологии наверший с учетом предопределения конструкции от изобразительных особенностей птиц, как иконографического воплощения Умай, хотелось отметить напрашивающуюся параллель: разновидность «птица-крест» повторяет золотую тамгу в виде скошенного креста X – знак Чингис-хана из герба Губайдуллы Жангир-оглы Чингис-хана, сына хана Бокеевской орды Жангира, а разновидность «птица-тамга», рис. 24ж, аналогичен золотой тамге в виде буквы m – знаку ханов Бокеевской орды из того же герба [8].

При изучении конструкции навершия казахских знамен, можно выделить интересную деталь во втулочной части. В нашем случае, в навершии на рис. 8, втулочная часть аналогична конструкции посоха казахского баксы (шамана), запечатленного Кошаровым в 1864 г. в Семиречье (рис. 24в). Верхняя часть этого посоха повторяет профиль булавы, грозного оружия кочевников, а также древнего символа, атрибута богов-громовержцев у многих народов. В средневековье булава стала церемониальным символом власти и господства во всех уголках бывшей Монгольской империи (рис. 24а) [16]. По этому поводу Т.Д. Скрынникова особо обращает внимание на сходство, которое наблюдается у правителя (жреца) и шамана в атрибутике, сходство, которое является большим, чем просто внешнее сходство, поскольку, вероятнее всего, для обеих групп эти атрибуты были связаны с предками: шапка, бубен (барабан), копьё (знамя) [11].

а) б) в)
 Рис. 24. Казахский баксы с посохом. Рисунок П.М. Кашарова из собрания РГО (СПб).
 Прорисовка посоха. Слева фрагмент миниатюры с изображением правителя с булавой.

А в навершии на рис. 9, втулочная часть сделана по-другому, конструкцию которого можно узнать и идентифицировать с формой посоха, которая исходит из наследия Касимовских царей, тронное место (царство) в которой в 1600-1610 гг. занимал казахский царевич Ураз-Мухаммед сын Ондана, брата казахского Таукель-хана (1582–1598 гг.) (рис. 25).

Таким образом, выявленные особенности конструкции и семантики такого сложного этнографического субстрата, как знамя (знаменный комплекс), приблизило нас к определению или хотя бы изложению предположения об архаических

Рис. 25. Посох Касимовского хана (из книги В.В. Вельяминова-Зернова) и навершие знамени.

корнях и генезисе туга, самого механизма культа знаменного комплекса и его роли в разных сферах жизни традиционного кочевого общества. Среди множества названий знамени в тюрко-монгольских языках, наибольшее распространение получило название ту/тук/туг. По данным С.В. Дмитриева, некоторые исследователи считают термин туг заимствованным из других языков. По мнению же Т.Д. Скрынниковой, это слово тюркского происхождения [11]. В данном случае можно обратиться к «Опыту словаря тюркских наречий», где тук – (на тур.-осман.) «штандарт, навешанный на кончик знамени, кисть из волос конского хвоста на знамени», туга – (алт.) «подвеска на колотушке бубна шамана», туган – (уйгурск.) означает птица [47, с. 1429, 1430]. Такое разностороннее толкование становится очень логичным и понятным, если внимательно присмотреться к рис. 13, где «птица-копьеметалка», отражающая взаимоотношение души и Неба, восходящая к шаманскому или мировому древу – «как источнику жизни и хранилища душ, имеющих облик птиц». Последняя фраза в кавычках, в контексте всего

сказанного, зафиксировано в «вечно беременной жизнью чрева», материнской матке. Что удивительно, тук – в этом, «порождающее жизнь» органе, означает ворсистые кончики (тук – на казахском языке означает пушковый волосной покров тела человека), именно работа этих ворсистых кончиков определяет осеменение (яичника), т.е. рождение души (т.е. жизни). Один из знаковых святых «Баба Түкті Шашты Азиз» казахского эпоса согласно преданиям [48, с. 343], является одним из покровителей, к которому обращались люди, жаждущие о потомстве. Еще одним дополнительным аргументом в пользу связи тука (пушковые волосы) с порождающим женским органом (маткой), могут послужить разновременные этнографические источники. В Западной Сибири, в низовьях реки Нюрольки, фактически на границе самого большого в мире Васюганского болота находится аналогичное древнее святилище Сываркыла («лягушачье»), принадлежащее хантам. Когда-то здесь хантыйские девушки выбирали себе мужей и приносили всем женским миром жертвы царице-лягушке, воплощавшей не только женскую сущность и детородную способность, но также и женское начало, как первооснову Вселенной [49, с. 110]. Лягушка в виде стилизованного орнамента вышивалась на женской одежде, рис. 27, ее изображения хранились в особой берестяной коробке или сундуке, она считалась духом-охранителем во время родов, а после благополучного появления на свет ребенка ей приносились дары и жертвы. Вообще же, по мнению многих специалистов-этнографов, в мифологии хантов архаичный образ лягушки сливается с первобожеством хантыйского пантеона, праматерью Калтась, женой верховного Небесного божества Тарума и божественным олицетворением Матери-Земли. Данный этнографический источник важен тем, что на стилизованных изображениях лягушки, присутствует птица, также имеющая форму женского органа (матки), но самое главное, здесь тоже присутствует, явно подчеркнуто, изображение тук (пушковых волос). Можно привести еще один пример из «Казахско-русского словаря» [50, с. 562] словосочетание «жүрегін қылы (түгі) бар» – очень храбрый (букв. – у него волосатое сердце), где «кыл» – волосы (хвоста) и гривы лошади), щетина, волосок на теле, шерстинки на теле. «Жүректің қылын шерту» – затронуть сердечную струну, т.е. попасть в самую душу. А вот уменьшительная форма с аффиксом «тық» звучит как «кылтық» и означает – волосинки, где «тық» – видоизмененный «түк – туг».

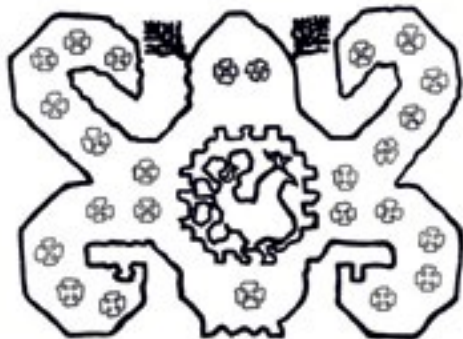

Рис. 26. Стилизованное вышитое изображение лягушки на полотенце. Архангельская губерния, XIX в. [48, с. 108].

Вышеуказанный материал подтверждает мнение Т.Д. Скрынниковой, что термин «туг-тук» – это слово тюркского происхождения. Таким образом, термины «туг-тук», означающие и гриву лошади (волосы), входящую в состав бунчука знамени, и щетину-волосинки (пушковые волосы), являющиеся неким передатчиком и уловителем невидимого, неосязаемого, но чувствующего человеческим сердцем, для которого применительно выражение из словаря [50, с. 563], «попадающие в самую душу». Таким образом, можно констатировать, что и знамя, и навершие казахских чингизидов являются классическим знаменным комплексом тюрко-монгольской традиционной культуры и несли в себе отчетливо выраженную семиотику древней тенгрианской концептуальной идеи, исполненной всеобъемлющей вселенской силой и строго элегантно мифопоэтической картиной мироздания.

Литература

1 Зубов А.Б. История религий. Книга первая: Доисторические и вне-исторические религии. Курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 344 с.

2 Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. С 3-мя таблицами (фотокопиями) и 129-ю рисунками в тексте (Отдельный оттиск из Материалов по археологии восточных губерний изд. Императорским Моск. Археологическим Обществом т. 3). – М.: Типография М.Г. Волчанинова, Кудринская ул., д. Киреевой, 1899. – С. 87-160.

3 Потапов Л.П. Умай – божество у древних тюрок в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 265-286.

4 Вербицкий В.И. Алтайцы / Соч. Алт. миссионера, свящ. Василия Вербицкого. – Томск: тип. Губ. правл., 1870. – 224 с.

5 Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. Изд. этногр. отд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. ун-те / Под ред. А.А. Ивановского; [Послесл. В.А. Муйгуевой]. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с. Репринт: М.: Т-воскоропечатни А.А. Левенсон, 1893.

6 Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. I. – М.; Л., 1951. – С. 143-154.

7 Банзаров Дорджи. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи (с портретом и биографией). Под ред. Г.Н. Потанина. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. – XL+129 с.

8 Бимендиев А.Ш. Знамя как символ власти казахских ханов-чингизидов (по изобразительным и этнографическим источникам) // Отан тарихы. – 2015. – № 3. – С. 18-46.

9 Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-unnigücatobciyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

10 Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е перераб., допол. и исправл. – СПб.: Евразия, 2013. – 384 с.

11 Скрынникова Т.Д. Представления монголов XIII в. о харизме и культ Чингис-хана // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. – Новосибирск, 1995. – С. 66-88.

12 Крамаровский М. Золото чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001. – 364 с.

13 Спицын А.А. Татарские байсы // Известия Императорской археологической комиссии. – СПб., 1909. – Вып. 29. – С. 130-141.

14 Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-наме-йи шахи (книга шахской славы) // Факсимиле рукописи. D 88. Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М.А. Салахетдиновой. Ч. II. – М.: Наука, 1982. – 209 с.

15 Дмитриев С.В. Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии) // Parabellum: Военно-исторический журнал. – 2002. – № 14. – С. 47-66.

16 Миниатюра «Битва между Тимуром и ханом Тохтамышем (1395 г.)». – 1599 г. – Великобритания, Лондон, Британская библиотека.

17 Беляков А.В. В поисках инсигний служилых чингизидов в России XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 1 (март). – С. 50-59.

18 Миниатюра «Шах Исмаил с войском Суфитов, одетые в «кизилбаш» шлемы в битве с суннитами, и наблюдающим за всем Абулхайр-ханом. 1620 г. Великобритания, Лондон, Британская библиотека.

19 Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – Казан. гос. ун-т. – М.: «Вост. лит». РАН, 2000. – 224 с.

- 20 Казахи. История и культура / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2013. – 656 с.
- 21 Миниатюры в лондонском списке «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме». – British Library, от. 3222. (Сражение войска Мухаммед-Шейбани хана с войском Султан Махмуд-хана и Алача-хана). – Великобритания, Лондон, Британская библиотека.
- 22 Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений), 1-ое переизд. – Астана: Ғылым баспасы, 2015. – 464 б.
- 23 Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. – Алматы: АБДИ Компани, 2008. – 880 с.
- 24 Национальный музей. – Астана.
- 25 Тасмағамбетов И. Құлпытас. – Астана: ОФ «Берел», 2002. – 392 с.
- 26 Король Г.Г. Фантастические животные в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая // Российская археология. – 2013. – № 3. – С. 26-36.
- 27 Чигаева В.Ю. Образы птиц в наскальном искусстве Северной Азии: Дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 171+261 с.
- 28 Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). – СПб: Петербургское востоковедение, 1998. – 320 с.
- 29 Чистякова А.Н. Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – 34 с.
- 30 Кобзев А.И. Методология китайской классической философии (нумерология и протолика): Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1988. – 353 с.
- 31 Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- 32 Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов // Сб. МАЭ. – Л., 1927. – Т. VI. – С. 63-78.
- 33 Баялиев Т.Дж. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.
- 34 Черемисин Д. В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. докл. Междунар. науч. конф. – Новосибирск: РАН СО, Институт филологии, Институт истории и археологии, 1995. – Т. 1. – С. 342-345.
- 35 Сагалаев А.М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 21-31.
- 36 Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 610 с.
- 37 Рабинович М. Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. Сб. статей в честь А.В. Арциховского. – М.: Изд. МГУ, 1972. – С. 170-181.
- 38 Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). – Алматы: ИД Аркаим, 2001. – 152 с.
- 39 Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – 432 с.
- 40 Бобринский А.А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии. – М., 1902. – 12 с.
- 41 Ксенофонтов И.Н. Шаманизм и христианство. – Иркутск, 1929. – 115 с.
- 42 Окладникова Е.А. Петроглифы средней Катунь. – Новосибирск: Наука, 1984. – 111 с.
- 43 Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.
- 44 Акишев А. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.

- 45 Лонгфелло Генри. Песнь о Гайавате. Пер. с англ. И.А. Бунина. – Л.: Художественная литература, 1976. – 270 с.
- 46 Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 177 с.
- 47 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т. III, ч. I. – М., 1963. – С. 1421, 1429, 1430.
- 48 Бабалар сөзі: Жүз томдық. – Астана: Фолиант, 2006. Т. 34: Батырлар жыры. – 384 бет.
- 49 Демин В.Н. Уральская Гиперборея. – М.: Вече, 2012. – 288 с.
- 50 Казахско-русский словарь. Под ред. чл.-корр. НАН РК Сыздыковой Р.Г., проф. Хусаин К.Х. Институт языкознания им. А. Байтурсынова Министерства образования и науки РК. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.

References

- Zubov A.B. Istoriya religiy. Kniga pervaya: Doistoricheskie i vne-istoricheskie religii. Kurs lekciy. – М.: Planeta detey, 1997. – 344 s
- Anuchin D.N. K istorii iskusstva i verovaniy u priural'skoy chudi. Chudskie izobrazheniya letyashchih ptits i mificheskikh krylatyh sushchestv. S 3-mya tablicami (fotokopiyami) i 129-yu risunkami v tekste (Otdel'nyy ottisk iz materialov po arheologii vostochnyh guberniy izd. Imperatorskim Mosk. Arheologicheskim Obshestvom t. 3). – М.: Tipografiya M.G. Volchaninova, Kudrinskaya ul., d. Kireevoy, 1899. – S. 87 – 160.
- Potapov L.P. Umaı – bozhество u drevnih tyurok v svete etnograficheskikh danykh // Tyurkologicheskii sbornik. 1972. – М.: Nauka, 1973. – S. 265–286.
- Verbitskiy V.I. Altaıcy / Soch. Alt. missionera, svyashch. Vasiliiya Verbitskogo. – Tomsk: tip. Gub. pravl., 1870. – 224 s.
- Verbitskiy V.I. Altaıskie inorodtsy: Sb. ehtnogr. st. iissled. alt. missionera, protoiereya V.I. Verbitskogo. Izd. ehtnogr. otd. Imp. o-va lyubiteley yestestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Mosk. un-te / Pod red. A.A. Ivanovskogo; [Poslesl. V.A. Muytuevoy]. – Gorno-Altaysk: Ak-Chechek, 1993. – 268 s. Reprint.: М.: T-vo skoropchatni A.A. Levenson, 1893.
- Okladnikov A.P. Kon' i znamya na Lenskih pisanicah // Tyurkologicheskii sbornik. I. – М.; L., 1951. – S. 143–154.
- Banzarov Dordzhi. Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov i drugie stat'i (s portretom i biografiey). Pod red. G.N. Potanina. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1891. – XL+129 s.
- Bimendiev A.Sh. Znamya kak simvol vlasti kazakhskikh khanov-chingizidov (po izobrazitel'nykh i etnograficheskim istochnikam) // Otan tarihy. 2015. №3. – S. 18-46.
- Kozin S.A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol-ynnigučatobčıyan. Yuan' Chao Bi Shi. Mongol'skiy obydenıny sbornik. – М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – 619 s.
- Skrynnikova T.D. Harizma i vlast' v ehposu Chingis-hana. Izd. 2-e pererab., dopol. i ispravl. – SPb.: Evraziya, 2013. – 384 s.
- Skrynnikova T.D. Predstavleniya mongolov XIII v. o harizme i kul't Chingis-hana // «Taynaya istoriya mongolov»: istochnikovedenie, istoriya, filologiya. Novosibirsk, 1995. С. 66-88.
- Kramarovskiy M. Zoloto chingizidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy. – SPb.: Slaviya, 2001. – 364 s.
- Spitsyn A.A. Tatarskie baysy // Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoy komissii. – SPb., 1909. Vyp. 29. – S. 130-141.
- Hafiz-iTanysh ibn Mir Muhammad Buhari. Sharaf-name-jishahi (kniga shakhskoy slavy) // Faksimile rukopisi. D 88. Per. s pers., vved., primech. i ukaz. M.A. Salahetdinovoj. CH. II. – М.: Nauka, 1982. – 209 s.
- Dmitriev S.V. Znamennyı kompleks v voenno-politicheskoy kul'ture srednevekovykh kochevnikov Central'noy Azii (nekotorye voprosy terminologii i morfologii) // Para bellum: Voенno-istoricheskii zhurnal. – 2002. – № 14. – S. 47–66.

- 16 Miniatyura «Bitva mezhdru Timurom i khanom Tokhtamyshe (1395 g.)». 1599 g. – Velikobritaniya, London, Britanskaya biblioteka.
- 17 Belyakov A.V. V poiskah insigniy sluzhilykh chingisidov v Rossii XVI–XVII v. // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* – 2015. – № 1 (mart). – S. 50–59.
- 18 Miniatyura «Shah Ismail s voyskom Sufitov, odetye v «kizilbash» shlemy v bitve s sunnitami, i nablyudayushchim za vsem Abulhair-hanom. 1620 g. Velikobritaniya, London, Britanskaya biblioteka.
- 19 Nedashkovskiy L.F. Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga. – Kazan. gos. un-t. – M.: «Vost. lit». RAN, 2000. – 224 s.
- 20 Kazahi. Istoriya i kul'tura / Gl. ruk.proekta A.Sh. Bimendiev. – Almaty: AO «ABDI Kompani», 2013. – 656 s.
- 21 Miniatyury v londonskom spiske «Tavarih-iguzida-yi Nusrat-name». – British Library, or. 3222. (Srazhenie voyska Muhammed-Sheybani khana s voyskom Sultan Makhmud-hanai Alacha-khana). Velikobritaniya, London, Britanskaya biblioteka.
- 22 Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh ityurkskikh sochineniy), 1-oe pereizd. – Astana: Gylym baspasy, 2015. – 464 b.
- 23 Bol'shoy atlas istorii i kul'tury Kazakhstana / Gl. ruk. proekta A.Sh. Bimendiev. – Almaty: ABDI Kompani, 2008. – 880 s.
- 24 Nacional'nyi muzei. – Astana.
- 25 Tasmagambetov I. Qulpytas. – Astana: OF «Berel», 2002. – 392 s.
- 26 Korol' G.G. Fantasticheskie zhivotnye v dekore srednevekovogo hudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya // *Rossiyskaya arkhologiya.* – 2013. – № 3. – S. 26-36.
- 27 Chigaeva V.YU. Obrazy ptits v naskal'nom iskusstve Severnoy Azii: Diss. ... kand. ist. nauk. – Kemerovo, 2007. – 171+261 s.
- 28 Simakov G.N. Sokolinaya okhota i kul't hishchnykh ptits v Sredney Azii (ritual'nyy i prakticheskiy aspekty). – SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. – 320 s.
- 29 Chistyakova A.N. Proiskhozhdenie i evolyuciya obraza feniksa v kul'ture Kitaya po dannym arkhologii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Novosibirsk, 2007. – 34 s.
- 30 Kobzev A.I. Metodologiya kitayskoy klassicheskoy filosofii (numerologiya I protologika): Diss. ... dokt. ist. nauk. – M., 1988. – 353 s.
- 31 Potapov L.P. Altayskiy shamanizm. – L.: Nauka, 1991. – 321 s.
- 32 Dyrenkova N.P. Kul't ognya u altaycev i teleutov // *Sb. MAEH.* – L., 1927. – T. VI. – S. 63-78.
- 33 Bayalieva T.Dzh. Doislamskie verovaniya i ih perezhitki u kirgizov. – Frunze: Ilim, 1972. – 170 s.
- 34 Cheremisina D. V. K izucheniyu irano-tyurkskikh svyazey v sfere mifologii // *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchih yazykov i kul'tur: Tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf.* – Novosibirsk: RAN SO, Institut filologii, Institut istorii i arkhologii, 1995. – T. 1. – S. 342-345.
- 35 Sagalaev A.M. Ptitsa, dayushchaya zhizn' (iz tyurko-ugorskikh mifologicheskikh paralleley) // *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov.* – Novosibirsk, 1990. – S. 21-31.
- 36 *Drevnetyurkskiy slovar'.* – L.: Nauka, 1969. – 610 s.
- 37 Rabinovich M. *Drevnerusskie znamena (X–XV vv.) po izobrazheniyam na miniatyurah* // *Novoe v arkhologii.* Sb. statey v chest' A.V. Archivskogo. – M.: Izd. MGU, 1972. – S. 170-181.
- 38 Erofeeva I.V. Simvoly kazakhskoy gosudarstvennosti (pozdnnee srednevekov'e i novoe vremya). – Almaty: ID Arkaim, 2001. – 152 s.
- 39 Vo dvorcah i v shatrah. Islamskiy mir ot Kitaya do Evropy. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2008. – 432 s.
- 40 Bobrinskiy A.A. O nekotorykh simvolicheskikh znakah, obshchih pervobytnoy ornamentike vsekh narodov Evropy i Azii. – M., 1902. – 12 s.
- 41 Ksenofontov I.N. Shamanizm i khristianstvo. – Irkutsk, 1929. – 115 s.
- 42 Okladnikova E.A. Petroglify sredney Katuni. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 111 s.

- 43 Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Sredney Leny. – L.: Nauka, 1972. – 272 s.
- 44 Akishev A. Iskusstvo i mifologiya sakov. – Alma-Ata: Nauka, 1984. – 176 s.
- 45 Longfello Genri. Pesn’o Gayavate. Per. s angl. I.A. Bunina. – L.: Hudozhestvennaya literatura, 1976. – 270 s.
- 46 Kyzlasov L.R., Leont’ev N.V. Narodnye risunki hakasov. – M.: Nauka, 1980. – 177 s.
- 47 Radlov V.V. Opyt slovarya tyurkskih narechiy. – T. III, ch. I. – M., 1963. – S. 1421, 1429, 1430.
- 48 Babalar sozi: Zhuz tomdyk. – Astana: Foliant, 2006. – T. 34: Batyrlar zhyry. – 384 b.
- 49 Demin V.N. Ural’skaya Giperboreya. – M.: Veche, 2012. – 288 s.
- 50 Kazakhsko-russkiy slovar’. Pod red. chl.-korr. NAN RK Syzdykovoy R.G., prof. Husain K.H. Institut yazykoznaniiya im. A. Baitursynova Ministerstva obrazovaniya i nauki RK. – Almaty: Dajk-Press, 2002. – 1008 s.

БИМЕНДИЕВ Ә.Ш.

Тәуелсіз зерттеуші, техн.ф.к.

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЗАҚ БИЛЕУШІЛЕРІНІҢ БАЙРАҚТАРЫНДАҒЫ ҚҰС ОБРАЗЫ

Түйін

Ортағасырлық деректемелер мен тарихнама мағлұматтары және музей жинақтарындағы сирек кездесетін экспонаттар негізінде бұл материалда қазақ билеушілері ортағасырда көтерген байрақтардың түрпаты мен мән-мағынасы сарапталады. Автордың ой-пікірінше, біз білетін ортағасырлық парсы миниатюраларындағы бейне-суреттерде кездесетін байрақтардың ұшар басының түп нұсқалары аңшылық құстардың немесе жыртқыш құстардың бейнесі көркемдік әсірелеу сипатымен көрініс тапқан.

Осыған орай Орталық Азияның мекендеген этностардың ежелгі және ортағасырлық материалдық мәдениетіндегі құс образының архаикасы түркілердің бертіндегі діни түсініктерімен тікелей байланыстылығы туралы болжам жасалған. Соның ішінде, көшпенділер байрағындағы құс бейнесі Ұмай ана бейнесі болуы мүмкін деген жорамал айтылады.

Түйін сөздер: ту, Құт, «екі айырлы» байрақ, «үш айырлы» байрақ, Аспан, жарты ай, құс, құс бейнелі тамғалар, тамға, Тәңірі, Ұмай, феникс, Шыңғыс хан

BIMENDIYEV A.SH.

Independent Researcher, Candidate of Technical Sciences

ON THE PROBLEM OF BIRDS IMAGES ON FLAGS’ FINIAL OF THE KAZAKH MEDIEVAL RULERS

Summary

In the article on the basis of data from historiography, the Middle Ages sources, and rare exhibits of the museum’s collections, it has been analyzed the form and the semantics of flags’ finials in the period of the medieval Kazakh rulers. According to the author, the prototype of a number of finials, known to us from the images on the Middle Age Persian miniatures, is the hammy image of a hunting or predatory bird. It has been suggested about the archaic image of the bird in the material culture of ancient and the Middle Age population of Central Asia and its direct connection with the religious beliefs of the Turks. In particular, in the image of the bird on flags’ finials the nomads, apparently, depicted a female goddess – Umai.

Keywords: flags, Kut, finial, finial-«bident», finial-«tridents», Sky, crescent, bird, bird like tamga (stamp), tamga, Tengri, tug (standard/banner), Umai, phoenix, Genghis Khan

ТАРИХ ЖӘНЕ ТҮЛҒА ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ HISTORY AND PERSON

УДК -94(574)(092)

КУЗЕКОВА Р.С.

член историко-просветительского общества «Адилет»

ФАЙЗУЛЛА ГАЛИМЖАНОВ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация

Понятия «Алаш Орда» и «алашордынцы» в советское время вызывали негативные ассоциации. С приобретением независимости люди получили возможность знать поименно выдающихся представителей казахской национальной интеллигенции и ознакомиться с их общественно-политической деятельностью и творчеством.

Статья, написанная невесткой Ф. Галимжанова (супругой его сына Искандера), основанная на воспоминаниях его близких родственников (супруги, детей, снохи), а также на документах из фондов Центрального Госархива РК и Архива Президента РК, раскрывает его жизнь и общественно-политическую деятельность. Также в данной работе на фоне исследования биографии Файзуллы Галимжанова прослеживается сложный и драматический путь представителей казахской интеллигенции, их поиск собственного места и роли в новых условиях системы Советской власти.

Ключевые слова: «Алаш Орда», «алашордынцы», советское время, Госархив РК, Архив Президента РК, биография.

В течение семидесяти лет имена и дела участников и руководителей движения «Алаш-орды» предавались не только забвению, но и проклятию со стороны официальной печати. Советские средства массовой информации вкупе с коммунистической пропагандой создали крайне отрицательный образ организаторов движения Алаш-орды как «ярких националистов» и «реакционных буржуазных деятелей». Понятия «Алаш-орда» и «алашордынцы», а также имена их лидеров, вызывали негативные ассоциации. Между тем это были не политиканы-временщики, а умные серьезные люди, думающие на далекую перспективу, стойкие в своих убеждениях, высокообразованные интеллектуалы. Еще до «Великой» Октябрьской именно они первыми высказали идею суверенитета и политической независимости Казахстана, и первыми попытались эти принципы претворить в жизнь, создав в условиях анархии и гражданской войны 1917-1920 годов первые органы национального самоуправления, которые гордо назвали страной детей алаша – «Алаш-ордой».

С приобретением независимости мы получили возможность знать поименно вождей «Алаш-орды», читать произведения этих великих людей, изучать их творчество, с волнением прослеживать перипетии их яркой сложной насыщенной жизни, наиболее активная и трагическая часть которой выпала на первую треть XX века. В 1988-89 годах были реабилитированы литературные, научно-педагогические, философские, общественно-политические произведения Жусупбека Аймаутова, Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсунова, Алихана

Букейханова, Миржакупа Дулатова и других лидеров «Алаш-орды». Но сотни уничтоженных сподвижников – «рядовых» алашордынского движения – остаются безвестными. К их числу относится и наш дед – Файзулла Галимжанов, родившийся 1891 году в волости Аксары, Кокшетауского уезда Акмолинской губернии (ныне посёлок Когам Енбекшильдерского района – в окрестностях Бурабай). Мой сын, Мухтар Искандерович, внук Файзуллы, руководствуясь пробудившимся в последнее время всеобщим интересом к генеалогии, считает нужным отметить, что его дед из рода Керей, Ашамайлы Керей, Аксары Керей в частности, его предками до седьмого колена были – Галимжан (отец), Дана (дед), Бижан (прадед), Елшибай (прапрадед), Нурмагамбет, Жакай, Куттыкадам.

Основываясь на воспоминаниях свекрови (я прожила вместе с ней с 1962 по 1966 гг., т.е. до ее кончины в июле 1966 года), на рассказах об отце старшей дочери Галимжановых – Сары, родной племянницы и племянника Файзуллы Галимжанова – Лайлы Галиевны Галимжановой и Даулета Газизовича Галимжанова, а также на документах из фондов Госархива РК и Архива Президента РК, я решила написать и довести до казахстанцев историю короткой, но яркой, одновременно трагической, жизни рядового алашордынца, беззаветно служившего Родине.

По словам моей свекрови, Куралай (Оспановой) Галимжановой, Файзулла родился в семье с достатком. Это подтверждает тот факт, что его старший брат Галиулла, также как и он, получил довольно хорошее образование, работал в Петропавловске, в Алмате адвокатом, судьей. В 1937 году был репрессирован, в 1938 году расстрелян под Алматы. Закончив аульную школу, Файзулла поступает в двухклассное русско-киргизское училище в городе Троицке, куда несколько лет назад переехал и отец – Галимжан – человек мастеровой, с «золотыми» руками. Он чеканил из серебра украшения для конской сбруи, делал седла, мужские ремни, отделанные серебряной чеканкой и многое другое. В годы учебы в Троицке умирают родители Файзуллы, и осиротевший подросток, в свободное от учебы время работает батраком у баев либо на торфяном производстве известных капиталистов – братьев Якушевых, зарабатывая таким образом на книги и одежду, и, несмотря на лишения, успешно заканчивает полный курс обучения в училище.

В 1912 г., выдержав конкурсные испытания, Файзулла поступает в Оренбургскую русско-киргизскую четырехгодичную учительскую школу, основанную известным просветителем Ибраем Алтынсариним, которую 1895 г. закончил Ахмет Байтурсынов.

Годы учебы в Оренбурге – это период активного личностного становления. Здесь, в среде образованной, патриотично настроенной казахской молодежи сформировалось мировоззрение молодого Файзуллы. Это был период устойчивой общественно-политической активности казахской интеллигенции, вызванной революцией 1905 года в России ставшей начальной вехой становления движения «Алаш». В 1913 году А. Байтурсынов вместе с бывшим депутатом Госдумы А. Бокейхановым и поэтом М. Дулатовым открывают в Оренбурге газету «Казах». В первом же номере газеты была четко определена главная цель этого издания: «Для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре, для этого мы обязаны первым долгом развить литературу на родном языке. Никогда не надо забывать, что на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу» (Передовица,

1913) [1]. На страницах газеты казахи читали и оживленно обсуждали проблемы языка, религии, оседания, быта, образования. Издателей волновали вопросы равноправного существования в условиях наплыва переселенцев, перелома в экономической жизни. Помимо статей на актуальные темы, в газете публикуются стихи, рассказы, повести, басни Байтурсьнова, Дулатова, Жумабаева и других авторов. Как свидетельствуют воспоминания современников, газета быстро стала популярной во всем Степном крае, в Туркестане, Турции, России. Молодежь боготворила Бокейханова, Байтурсьнова, Дулатова и стала объединяться в кружки. Особенно популярным стал кружок «Еркин дала», которым руководил Назир Туракулов. При газете был учрежден фонд помощи студентам-казахам, обучающимся в вузах Москвы, Петербурга, Варшавы, Стамбула, Парижа, Берлина. Значение газеты «Казах» трудно переоценить. Само название газеты вернуло имя народу, истинное звучание названия нации «казах», а не «киргиз», как это было угодно колонизаторам. Ежедневная газета требовала не только творческой, но и большой организационной работы. Именно в эти годы Ахмет Байтурсьнов обратил внимание на студента учительской школы Галимжанова Файзулла, свободно владевшего помимо родного – русским и татарским языками, и стал привлекать его к работе в газете, сначала в качестве курьера, затем корректора, наборщика, помощника директора типографии, и, наконец, выпускающего редактора.

Новый этап в развитии самосознания казахов начался в годы Первой мировой войны. Интеллигенция Оренбурга стала зачинателем движения в поддержку государства. Начался сбор пожертвований в фонд общества Красного Креста, проводились благотворительные спектакли, на фронт дополнительно отправлялись лошади, юрты, на собранные деньги открывали лазареты. Газета «Казах» призывала народ не противиться мобилизации на тыловые работы во избежание насильственных действий со стороны правительства [2]. Одновременно газета вела последовательную и кропотливую работу по социальной защите «реквизированных» казахов в районах размещения. По ходатайству Бокейханова был создан инородческий отдел при Главном комитете. Бокейханов сам возглавил инородческий (туземный) отдел. Для работы в инородческом отделе была мобилизована студенческая молодежь, способная защитить интересы тыловиков и в последующем помочь эвакуироваться на Родину. В числе этой молодежи был и Галимжанов Файзулла, работавший в Минске, в тылу Западного фронта под началом Алихана Бокейханова и Миржакупа Дулатова. В мае 1917 года, вернувшись из Минска, он вновь окунается в бурную общественно-политическую жизнь Оренбурга. Его назначают заместителем председателя Тургайского областного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских, киргизских и солдатских депутатов. В конце 1917 года в начале 1918 года работает в газете «Казах» выпускающим редактором. В романе «Тернистый путь» Сакен Сейфуллин для подтверждения антибольшевистской позиции алашордынцев пишет: «В газете «Казах» от 14 ноября 1917 года Букейханов и его «единоверцы» опубликовали гнусную статью против партии большевиков. Они грубо вульгаризировали смысл большевистской деятельности, рисовали большевиков двуличными, хитрыми и всячески поносили их, пытаясь вызвать у читателя отвращение к большевикам. Под этой статьей подписались А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов, Ахмет Беремжанов, С. Досжанов, Ж. Жанибеков, Ф. Галимжанов, К. Аргынгазиев, Г. Жундибаев, Газимбек Беремжанов. В том же номере от 14 ноября опубликована дополнительная телеграмма, подписанная А. Букейхановым, А. Байтурсуновым, С. Досжановым, Ельдесом Омаровым о созыве II съезда в Оренбурге...» [3, с. 88]. На самом деле эта статья объективно отражала действительность, сложившуюся в Степном крае после революции и развала германского фронта, массового дезертизма вооруженных солдат, бесчинствовавших в приграничных с Россией казахских аулах.

В связи с поступающими с юга страны тревожными вестями о вопиюще бедственном положении Жетысуских беженцев, возвращавшихся обобранными из Китая, куда они бежали после кровавой расправы колониальных войск с повстанцами в 1916 году, в газете «Бирлик туы» за № 17 1917 года [4], печатается обращение-призыв «к образованной интеллигенции» об оказании материальной помощи несчастным беженцам и начале сбора газетой «Казах» денежных средств. В числе 12-ти человек, подписавших это письмо, стоит и фамилия Файзуллы ата. А через полгода, после установления советской власти, на 1-ом Тургайском областном съезде советов он был избран членом Тургайского Областного исполнительного комитета [5]. Летом этого же года, при наступлении Дутова на Оренбург, Тургайский Облсполком эвакуировался из Оренбурга. При этом в городе остался Алихан Букейханов и несколько человек из числа сотрудников Облсполкома, в том числе и Файзулла Галимжанов. Из истории Алаш-орды и антибольшевистского сопротивления в Сибири известно, как трудно было позиционироваться в условиях красно-белой-тюрко-казацкой гражданской войны, но неизменной оставалась алашская идея казахской государственности и полное отрицание Октябрьской революции учредителем и командующим Оренбургским военным округом – атаманом-полковником Дутовым, который с помощью чехословацкого корпуса полностью очищает Оренбурщину от большевиков. Одновременно он начал налаживать контакты с башкирскими националистами и казахскими алашордынцами, обещая им автономию, если они поддержат его. Руководители «Алаш-орды» контактировали с КОМУЧ-ом, вели переговоры с атаманом Дутовым. В результате, командующий Первого алашского конного полка, сформированного в июне 1918 года в городе Семипалатинске, капитан Г.Н. Тохтамышев принял за формирование Второго Алашского конного полка. Файзулла Галимжанов в конце 1918 года поступает на службу во вновь сформированный, так называемый Второй Киргизский кавалерийский полк в качестве казначея, но через 2 месяца уже работает в Кустанае в уездной земской управе. Весной 1919 года настанции Троицк, по пути на Родину, он был арестован генералом Зюлькарнайн Дашкиным [6] и, без предъявления обвинения, без суда и следствия, просидел в тюрьме 89 дней. Осенью того же года он добрался до родного аула и через некоторое время поступил на службу заведующим подотделом национальных меньшинств Кокшетауского уездного отдела народного образования. Тем временем, лидеры «Алаш-орды» контактировали с Советской властью. Ахмет Байтурсынов, Халел Досмухамедов и Жаканша Досмухамедов встречались с В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Халел Габбасов также вел переговоры с наркомом по делам национальностей – Сталиным. Помимо этого были установлены контакты с Временным Сибирским правительством в Омске, и впоследствии с Верховным Правителем адмиралом Колчаком. Через некоторое время от контактов и компромиссов перешли к союзу с адмиралом Колчаком с целью борьбы с Советами.

К концу 1919 года военно-стратегическое положение в Евразийском регионе существенно изменилось. Поражение адмирала Колчака и другие обстоятельства предопределили переход «Алаш-орды» на сторону советской власти. Окончательная ликвидация партии «Алаш», государственных органов и воинских частей «Алаш-орды» завершилась к концу 20-го года. После неоднократных телефонных разговоров, конфиденциальных бесед лидеров «Алаш-орды» с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, двусторонних переговоров был достигнут консенсус, который лег в основу Постановления Всероссийского ЦИК от 4 апреля 1919 года о реабилитации партии «Алаш» и направлении бывших членов правительства «Алаш-орда» на советскую работу, а преследования по делам прошлого прекратить.

В начале 20-го года В.И. Ленин предоставил Казахстану автономию, то есть удовлетворил основное требование «Алаш». Летом 1920 года на первом уездном съезде Советов Галимжанов Файзулла был избран в Кокчетавский уездный

исполком. В том же году его направили делегатом от Кокчетавского уезда на 1-ый Всеказахский Съезд Советов, где был избран членом КазЦИКа (КазАтКом) [7, 57-б.] и возобновил в Оренбурге прерванную учительско-педагогическую работу преподавателем русско-киргизских педагогических курсов, впоследствии преобразованных в Казахский институт народного образования (КИНО). В это же время входит в состав коллегии Наркомпроса.

Казахская интеллигенция, признавшая Советскую власть, переживала сложный и драматический поиск собственного места и роли в новых условиях. Коммунистические идеи, проведение в жизнь политики ликвидации неравенства народов, забота о благоденствии и просвещении населения, уважения к национальным традициям и чувствам, содействия в развитии казахского языка и литературы импонировали национальной интеллигенции, пришедшей на службу Советской власти в области народного просвещения, так как большую часть ее составляли вчерашние мугалимы.

Основные трудности в народном просвещении заключались в недостатке учебников и учителей. Положение с учителями пытались выправить путем открытия курсов мугалимов. Вопрос просвещения народа постоянно волновал казахскую интеллектуальную элиту. Так, в 1918 году в процессе непростых переговоров с Временным Сибирским правительством по глобальным вопросам, по настоянию лидеров «Алаш-орды», в Омске открывают курсы по подготовке мугалимов под руководством Магжана Жумабаева. По прошествии времени на основе этих курсов организован педагогический институт в Петропавловске, который носит имя великого поэта. С 1918 года в Ташкенте открываются педагогические курсы для казахов, через некоторое время на базе курсов открывают педагогическое училище, а с 1 октября 1920 года училище преобразуют в Казахский институт просвещения (Казинпрос). Педагогические курсы открываются в Павлодаре, Семипалатинске, Акмолинске.

Считалось большим успехом, когда в Семипалатинске в 1921 году смогли напечатать учебники «Есеп кұралы» тиражом в 5 тысяч экземпляров, и «Оқу кұралы», «Тіл кұралы» тиражом в 4 тысячи экземпляров, авторами этих учебников были А. Байтұрсынов и М. Дулатов. Но для кардинального решения вопроса требовалось административное решение на уровне правительства.

На совещании у председателя КирЦИКа С. Мендешева, 2 декабря 1920 года в Оренбурге, правительство молодой Казахской Республики возложило обязанность обеспечения учебниками и другой учебной литературой на родном языке на вновь созданную редакционную коллегию при Госиздате Киргизской АССР в составе: А. Байтұрсынов, А. Букейханов, С. Садвакасов, Х. Болганбаев, Ж. Аймаутов. Первыми шагами редакционной коллегии были рекомендация к печати сборника стихов Абая Кунанбаева и басен-загадок Ахмеда Байтұрсынова, установление деловых контактов с людьми, которые могли бы создать казахские учебники и перевести учебники и учебную литературу, принятые в системе Наркомпроса РСФСР, на казахский язык. После определенной организационной работы, редакционная коллегия собралась, чтобы составить план ликвидации книжного голода в казахской школе. Редакционную коллегию возглавлял А. Байтұрсынов. Как видно из Протокола №2 Объединенного совещания от 31 января 1921 года, созданного Народным комиссариатом просвещения и редакционной коллегией при Госиздате на совещании присутствовали Ильдес Омаров, Хайреддин Болганбаев, Смагул Садвакасов, Файзулла Галимжанов, Бий-Ахмед Сарсенов, Жусупбек Аймаутов, Садвакас Сейфуллин, Алихан Букейханов, Сабир Айтхожин и многие другие. Совещание постановило поручить переводы нижеуказанных предметов следующим товарищам:

- а) Арифметика – Тургамысов
- б) Геометрия – Сарсенов
- в) Естествознание – Омаров и Кеменгеров
- г) Физика – Ф.Г. Галимжанов [8]

- д) География – А. Букейханов
- ж) Всеобщая история – Ж. Болганбаев
- з) Школьная гигиена – А. Тлеулин
- и) Алгебра первоначальная – Б. Омаров
- к) Педагогика – М. Жумабаев

Исполнение намеченного в вышеуказанном документе считалось важным государственным делом и нашло отражение в переписке Наркомпроса с правительством. Успехи в ликвидации неграмотности казахского населения, успехи в общем в народном образовании и были достигнуты благодаря активной, чаще бескорыстной, деятельности большей части национальной интеллигенции.

С 1917-1921 гг. административно-деловым и общественно-политическим центром Казахстана последовательно, а иногда и одновременно, становятся Омск, Оренбург, Ташкент. В период с 1921 по 1924 гг. почти все активные деятели казахской интеллигенции, в частности, алашордынцы, обосновываются в Ташкенте. В 1922 году приезжает сюда и Файзулла Галимжанов, и устраивается на работу в Казинпрос. К 1920 году в Ташкенте сложился мощный центр казахской культуры и просвещения. Этому способствовал открытый в 1918 году по инициативе передовой туркестанской интеллигенции Туркестанский народный университет (ТуркНУ), и Туркестанский восточный институт (ТВИ), в структуре университета организована кафедра казахской этнографии и казахского языка, с 1921 года действует Киргизская (Казахская) научная комиссия, при содействии которой было издано значительное количество учебников и художественных книг на казахском языке. Казинпрос и вышеназванные кафедры при ТуркНУ возглавлял талантливый педагог, опытный организатор просветительской работы, этнограф, исследователь-аналитик А.А. Диваев, в ТуркНУ и в Казинпросе в разные годы этого десятилетия преподавали А. Байтурсынов, А. Букейханов, Х. Досмухамедов, М. Тынышбаев, Мухтар Ауэзов, Магжан Жумабаев, С. Асфандиаров, С. Кожанов, Ж. Аймаутов, Д. Адиллов и многие другие. ТуркНУ и Казинпрос сыграли значительную роль в формировании новой казахской гуманитарной интеллигенции.

В это время наблюдается неуклонный рост образовательного потенциала казахской молодежи. Так, если в 1920-21 учебном году в ТуркНУ училось только 6 казахов, то в 1921-22 уже 18, а в 1923 году 117 человек. Значительно активизируется периодическая печать. Издаются газеты на казахском языке, журналы «Наука и просвещение», «Сана», «Инкляб» («Революция»), редактором последнего стал известный казахский интеллигент Назир Тюракулов. В Оренбурге возникло «Общество изучения Киргизского края», Киргизский институт народного образования (КИНО). Печатается много исследовательского материала историко-археологического, географического, этнографического характера, собирается обширный материал по изучению музыкальной и языковой культуры казахов. Активизируется просветительская работа в Омске.

Годы жизни в Ташкенте были счастливыми и довольно спокойными для нашего деда. Через год после приезда в Ташкент, по большой трогательной любви он женится на семнадцатилетней местной казашке по имени Куралай из рода шаньшыкыл и, как положено, вскоре появляются один за другим двое детей – Едиге и Сара. Молодая семья была гостеприимной и хлебосольной. С ними постоянно жил кто-нибудь из многочисленной родни молодой хозяйки, помогая в ведении домашнего хозяйства и, одновременно, занимаясь на курсах или в Казинпросе. Так, родная сестра Куралай – Шарапат, двоюродная сестра Жамал (будущая народная артистка Омарова) учились в Казинпросе. Тепло семейного очага притягивало в дом многих друзей Файзуллы, но чаще всех бывали Магжан Жумабаев, Мухтар Ауэзов, Султанбек Ходжанов, бывал и Сакен Сейфуллин. Я хорошо помню, как пришла к нам (мы жили в Ташкенте) жена Султанбека Хожанова. Это был 1963-ий год. Ее привела к нам теща А.Н. Нуралиева, в то время он был министром хлопкозаготовок Узбекской ССР. Куланда апа и моя свекровь долго плакали, молча обнявшись. Уже несколько лет Куланда апа была на свободе, но воспоминания о ГУЛАГе были

необыкновенно ясными. Она рассказывала о таких эпизодах, которые потрясли меня. К примеру, в балхашских степях они пасли овец, зимой в бараках было так холодно, что бедные женщины предпочитали спать в кошаре, прижавшись к овцам.

Помимо преподавательской работы, Файзулла Галимжанов много времени

посвящал переводческой деятельности. Он переводил на казахский язык учебники по техническим предметам, политическую литературу. К примеру, учебник геологии английского автора А. Гейки, составил терминологический словарь к переводу труда И. Сталина «Вопросы ленинизма» [9].

Из рассказов близких известно, что он занимался переводом казахского фольклора на русский язык, позже сотрудничал с драматургами и театральными работниками. В 1925 году учится в Москве на краткосрочных курсах переводчиков при Литературном институте («Брюсовке»).

В 1924 году завершился процесс национально-территориального размежевания Средней Азии. В 1926 году Казинпрос преобразуется в самостоятельный Казахский педагогический институт (Казпедвуз), ректорами которого последовательно были Далел Сарсенов, Темирбек Жургунов, Смагул Садвакасов. ТуркНУ стал называться САГУ, и всё более становилась воплощением статуса нового Узбекистана. Ташкент, где была сконцентрирована вся казахская интеллигенция, уже не мог выполнять функцию культурного центра Казахстана. Хотя, фактически он оставался им до конца двадцатых. А в 1927 году перед казахской интеллигенцией во весь рост встал вопрос переноса в Алма-Ату научно-культурного потенциала. К этому времени относится документ, представляющий собой соглашение между Народным Комиссаром просвещения Оразом Джандосовым и заместителем ректора Казпедвуза, профессором и членом-корреспондентом Российской Академии наук Халелом Досмухамедовым о переезде последнего в Алма-Ату. В 1928 году на основе Казпедвуза в Ташкенте открывается Казахский педагогический институт в Алма-Ате. В 1926 году для организации производственной практики студентов ТуркГУ получил государственное имение «Капланбек» (в 17 километрах от Ташкента, на окраине посёлка Сарыагаш), там же был организован позже Зооветеринарный техникум. Файзулла Галимжанов направляется туда преподавателем. В Капланбеке семья пополняется еще двумя детьми: Гульзада, 1931 года и Искандер, 1933 года рождения. Новое учебное заведение отнимало очень много времени, но весь педагогический коллектив, не считаясь со временем, делал все, чтобы наладить учебный процесс, создать условия для проживания студентов. Одновременно организует деятельность подпольного алашордынского кружка [10].

С 1928 года наступает тревожное время для нашего деда. Период некоторой либерализации, обозначившийся в жизни страны в 1921-1928 годах, когда в РКП(б) могли открыто дискутировать о путях развития страны, сменился гонением на политические свободы. Казахстану выпало стать полигоном политического террора, когда Казахский крайком возглавил один из организаторов и исполнителей кровавого уничтожения царской семьи – Филипп (Шая) Исаевич Голощекин.

По Казахстану прокатилась волна арестов интеллигенции, выступившей против нелепых насильственных методов коллективизации, насаждения колхозов и совхозов, против политики «малого Октября». Положение усугубилось грянувшим в 1931-1933 гг. голодом, который больше всего ущерба причинил Казахстану. Большая группа алашордынцев была арестована, несколько человек приговорено к смертной казни, которую позже некоторым заменили кому заключением, кому высылкой. Арестовали не только алашордынцев, но многих партийно-хозяйственных руководителей, которые общались или просто были знакомы с ними и, также, как алашордынцы, честно работали, думая только о благе народа. Но их обвинили во всех неудачах социалистического строительства. Главная задача – слом политического сопротивления на местах – была выполнена. В 1934 году по ходатайству Пешковой, бывшей жены А.М. Горького, представлявшей Красный Крест в СССР, ряд осужденных в 1929-1930 годах освобождается. А. Байтурсынов возвращается в Алма-Ату, М. Жумабаев – в Петропавловск, но их не принимают ни на государственную службу, ни на преподавательскую работу, не печатают научных трудов, художественных произведений. М. Дулатов в 1935 году умирает в Карелии, на месте ссылки. Алихан Букейханов живет под домашним арестом в Москве.

В 1934 году по приглашению Наркомпроса Файзулла Галимжанов едет в Алма-Ату и поступает на работу в КазПИ на кафедру казахского языка в должности доцента [11].

В 1919 году, отвечая на вопрос анкеты – Какая работа вам больше по душе, он писал – учительско-педагогическая [12]. Он был большим знатоком казахского языка, любил детей, уважал подрастающее молодое поколение и с удовольствием занимался любимым делом. Много работал над содержанием методикой обучения языку, делал интересные сообщения на заседаниях кафедры. Параллельно он занимался переводческой работой. Сотрудничает с известной переводчицей произведений М. Ауэзова и других казахских писателей, А.Б. Никольской, выполняя подстрочный перевод. Составлял и переводил либретто для только что возникших национальных театров Алматы.

Здесь в Алма-Ате появляются на свет еще двое детей: Болат – 1935 года и Роза – 1937 года рождения. Самой младшей в семье Розе не было и года, а старшему из шести детей исполнилось 13 лет, когда за Файзуллой, как было принято тогда, ночью 9 декабря 1937 года пришли из УГБ НКВД КССР. На следующий день, 10 декабря 1937 г. заседание тройки НКВД его осудило по статье 58-10 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. С тех пор в памяти детей остался пугающий образ мрачного чекиста в кожанке. Эта дата стала черной для всей семьи, ибо не стало нежного теплого света, которым отец, добрейший человек, окружал всех в доме – жену, детей, многочисленных родственников, близких и не очень, по-прежнему проживавших в семье, пользуясь бескорыстной опекой хозяина. Вскоре, переждав несколько дней с младшими детьми у двоюродной сестры (народной певицы Жамал Омаровой), а Едиге и Сара переждали в доме у старшего брата Галиуллы, с помощью родственников, Куралай, спасая теперь уже себя от ареста, а детей от полного сиротства, взяв только самое необходимое, уезжает на свою родину в Ташкент. На поездах, на ишак-арбе, а когда и пешком, с длительными вынужденными остановками в Чимкенте, Туркестане, наконец, добираются до «хлебного» Ташкента, где и проходит полуголодное, бесприютное, сиротское детство детей Галимжановых, которое совпало еще и с годами войны. Если бы не теплый климат и изобилие фруктов, и самое главное, самоотверженная помощь близких родственников...

Здесь становится известно, что решением «тройки» отец осужден на 10 лет ИТЛ. Срок он отбывал в РСФСР, в Ярославской области. Стали иногда приходиться письма, где в обратном адресе указан г. Рыбинск, отдельный Шекснинский карьерный участок ГМК, а впоследствии г. Углич, 229-3-3, с почтовым штампом 11140, или п/я №6, Волжский ИТЛ по-видимому ВолгоЛАГ. А в мае 1942 г., перед мобилизацией на войну старшего сына Едиге, пришло последнее письмо. При Шарапат-апа Едиге вскрыл, и прочитав письмо, заплакал и порвал его, так и не сказав ничего о его содержании. В семье предполагают, что это было прощальное

письмо. Едиге один носил эту тяжкую тайну в душе, ни с кем не поделился, чтобы не огорчать близких, и ушел с ней на войну. Позже, при реабилитации в 1957 году, выяснилось, что согласно свидетельству о смерти, Файзулла Галимжанов умер 19 апреля 1942 года, в возрасте 51 года. Причиной смерти указан авитаминоз... Судьба уготовила Куралай еще один тяжелейший удар – Едиге пропал без вести в Сталинградской мясорубке. От нервного потрясения бедная женщина надолго заболела, и потеряла работу на швейной фабрике. Двоих детей она вынуждена была отдать на время в детский дом. Ее младшая сестра Шарапат, проживавшая в Ташкенте, чтобы прокормить детей сестры оставила учительскую работу, и устроилась продавщицей хлебного магазина, через некоторое время была вынуждена оставить мужа, и со своим годовалым сыном жила с сестрой, ведя одно хозяйство.

Несмотря на всевозможные тяготы быта, необразованная, но, как оказалось, мудрая женщина, воспитывала детей высоким именем и образом отца. Самой справедливой оценкой того или иного поступка детей были слова «А это отцу не понравилось бы», «А этот поступок отец не одобрил бы», или «Отцу было бы стыдно за тебя», «Отец гордился бы тобой». Так эти две самотверженные женщины, две сестры, в лихую годину политических репрессий и войны подняли детей, всем дали высшее образование, а самый младший – сын Шарапат-апы – Еркин Исаханов, стал доктором наук, живет в Алматы. Все обзавелись семьями, вырастили достойных детей, имеют внуков, т.е. правнуков Файзуллы-ата. Из 6 детей Файзуллы Галимжанова, слава Аллаху, еще живы 3 дочери. Старшая из них, Сара, живет в Шымкенте, следующая, Гульзада, живет с детьми в США, часто приезжает в Шымкент, где проживает её старшая дочь Гаухар и младший сын Магжан, самая младшая из сестер Роза, как приехала в Ташкент в годовалом возрасте, так и живет там по сегодняшний день. Самый старший в семье, Едиге, пропал без вести на войне, Искандер и Болат умерли соответственно в 2008 и 1998 гг., уже будучи пенсионерами, успев вырастить детей и понынчив внуков.

Так заканчиваются перипетии судьбы нашего незабвенного отца, деда, прадеда, Файзуллы Галимжанова, тесно переплетаясь с событиями истории казахского народа, определяясь ими, окрашиваясь то в мажорные, то в трагические тона.

Литература

- 1 Бас мақала // Қазақ. – 1913. – февраль. – №1.
- 2 // Қазақ. – 1916.
- 3 Сейфулин С. Тар жол, тайғақ кешу. – Алматы: Қаммем көркем әдебиет баспасы, 1960. – 483 б.; //Қазақ. – 1917. – 14 қараша. – № 250.
- 4 Жетісудағы босқын қазақ-қырғыздарына ақшалай көмек көрсетуге шақырған қазақ зиялыларының хаты // Бірлік туы. – 1917. – №17
- 5 Биографическая справка на Галимжанова Файзуллу. Тургайский областной съезд Советов. Протоколы. – Алма-Ата-Москва, 1936. – С. 146 // Архив Президента РК. Ф.139, оп. 1, д. 33, л.4.
- 6 Зюлькарнайн Дашкин – казачий генерал, из оренбургских татар дворянского происхождения, пожалованных в князья
- 7 Шілдебай С. Бірінші сайланған Қазақ Орталық Атқару комитетінің құрамы // Қазақстан мұрағаттары. – 2007. – № 2(4). – 54-63-бб.
- 8 Протокол №2 Объединенного совещания Наркомпроса от 31 января 1921 года.
- 9 Казахско-русский и русско-казахский терминологический словарь к переводу «Вопросов ленинизма» И. Сталина. – Алма-Ата: ПартиздатКазКрайкома ВКП(б), 1937.
- 10 ЦГА РК. Ф. 1142, оп. 1, д. 19, 74-п.
- 11 ЦГА РК. Ф. 5, оп. 2, д. 105

References

- 1 Bas maqala // Qazaq. – 1913. – fevral'. – №1.
- 2 // Qazaq. – 1916.
- 3 Seifulin S. Tar zhol, taigaq keshu. – Almaty: Qammem көркем әдебиет баспасы, 1960. – 483 б. // Qazaq. – 1917. – 14 qarasha. – № 250.

4 Zhetisudagy bosqyn qazaq-qyrgyzdaryna aqshalai komek korsetuge shaqyrgan qazaq ziyalylarynyn haty // Birlik tuy. – 1917. – №17.

5 Biograficheskaya spravka na Galimzhanova Faizullu. Turgayskiy oblastnoy s'yezd Sovetov. Protokoly. – Alma-Ata-Moskva, 1936. – S. 146 // Arhiv Prezidenta RK. F.139, op.1, d. 33, l.4.

6 Zul'karnain Dashkin – kazachiy general, iz orenburgskikh tatar dvoryanskogo proiskhozhdeniya, pozhalovannyh v knyaz'ya.

7 Shildebay S. Birinshi saylangan Qazaq Ortalyq Atqaru komitetinin quramy // Qazaqstan muragattary. – 2007. – № 2 (4). – 54-63-bb.

8 Protokol №2 Obyedinennogo soveshchaniya Narkomprosa ot 31 yanvary 1921 goda.

9 Kazakhsko-russkiy i russko-kazakhskiy terminologicheskii slovar' k perevodu. «Voprosov leninizma» I. Stalina. – Alma-Ata: Partizdat KazKraikoma VKP(b), 1937.

10 CGA RK. F. 1142, op. 1, d. 19, 74-p.

11 CGA RK. F. 5, op. 2, d. 105.

КУЗЕКОВА Р.С.

«Әділет» тарихи-ағарту қоғамының мүшесі

ФАЙЗУЛЛА ҒАЛЫМЖАНОВ: ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІ

Түйін

Кеңес одағы кезінде «Алаш Орда» және «алашордашылар» ұғымы теріс мазмұнға ие болды. Тәуелсіздікке қол жеткізгеннен кейін халқымыз көрнекті қазақ зиялыларының өкілдерін жеке-жеке танып, олардың қоғамдық-саяси қызметімен және шығармашылығын жан-жақты тануға мүмкіндік алды.

Мақала Файзулла Ғалымжановтың жақын туыстарының (әйелі, балалары, келіні) естеліктеріне, сондай-ақ Орталық мемлекеттік мұрағаты және ҚР Президенті мұрағаты қорларындағы құжаттарға негізделіп, оның өмірі мен қоғамдық-саяси қызметін аша түседі. Файзулла Ғалымжановтың өмірбаянын зерттеу аясында, қазақ зиялылар өкілдерінің күрделі қайшылықты тағдыры айқын көрініс беріп, кеңестік билік жүйесіндегі олардың орны мен рөлі мәселесі ашылады.

Түйін сөздер: «Алаш Орда», «алашордашылар», кеңестік кезең, ҚР Орталық мемлекеттік мұрағаты, ҚР Президенті мұрағаты, өмірбаян.

KUZEKOVA R.S.

Member of the historical-educational society 'Adilet'

FAIZULLAH GALIMZHANOV: LIFE AND ACTIVITY

Summary

The concepts of «Alash Orda» and «Alash Orda members» caused negative associations in Soviet times. Since the acquisition of independence, people got the opportunity to know the names of prominent representatives of the Kazakh national intelligentsia and to become familiar with their socio-political activity and creativity.

The author reveals the Galimzhanov's life and political activity (based on the memoirs of Faizullah Galimzhanov's wife, as well as documents from the State Archives of the Republic of Kazakhstan and the President Archives of the Republic of Kazakhstan). Besides, in this paper, using the Faizullah Galimzhanov's biography as a background, there can be traced a complicated and dramatic path of the representatives of the Kazakh intelligentsia, their search for own place and role in the new environment of the system of Soviet power.

Keywords: «Alash Orda», «Alash Orda members», Soviet time, State Archive of the Republic of Kazakhstan, Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, biography.

Ташкент. 1922 год.

Справа налево: 1 ряд: 1-2. неизвестные, 3. Мариям Аканбекова, 4-7 неизвестные, 8. Рабига Карагаева, 9. Сара Капина, 10. Захира Досмуханбетова, 11. Мадина Касьмова, 12. Магрифа Койайдарова, 13. неизвестный, 14. Зауре Омарова, 15. неизвестный, 16. Анел (сестренка С. Асфандиярова), 17. Гулайым Байгурина, 18. Нарзолла Рустемов, 19. Аралбаев, 20. неизвестный, 21. Мырзагазы Есолов
2 ряд: 1. Айша Айзунова, 2. Зылиха Жумабаева, 3. Кулянда Кожанова, 4. Мадина Кашкынбаева, 5. Аубакир Диваев, 6. Аккагаз Досжанова, 7. Халел Досмухамедов, 8. Софья Кашкынбаева, 9-11 неизвестные, 12. Айша Куттыбарова (сестренка С. Асфандиярова)
3 ряд: 1. Алжан Байгурин, 2-3. неизвестные, 4. Билял Сулеев, 5. Санжар Асфандияров, 6. Магжан Жумабаев, 7. Мухаметжан Тынышбаев, 8. Иса Кашкынбаев, 9. Серикбай Акаев, 10. Жунис Кияков, 11. Сегибай Айзунов, 12. Карим Жалелов
4 ряд: 1. Ашим Омаров, 2. Амир Досжанов, 3. Билял Шонанов, 4. Смаилов, 5. Ташим Моллдабаев, 6. Мухтар Ауезов, 7. Файзулла Галимжанов, 8. Султанбек Кожанов, 9. Абдрахман Мунайтпасов, 10. Сабыр Калинин, 11. Хайрулла Карагаев.

1-ий випуск КазИнПроса: преподаватели и студенты. – Ташкент.

Слева направо: 1 ряд: Икдафин (инспектор), Сегизбай Айзунов (директор), Д. Адиев (зам. директора);

2 ряд: С. Баймаханулы (выпускник), Халел Досмухамедов (преподаватель), Уалиулы (выпускник);

3 ряд: Н.Т. Бенедиктов (преподаватель), М.И. Шамшин (преподаватель), Магжан Жумабаев (преподаватель), Мусайулы (выпускник), Б. Даниярулы (выпускник), Мухамелжан Тынышбаев (преподаватель), А. Байтасов (преподаватель), Е.М. Бен (преподаватель);

4 ряд: У.М. Насибов (преподаватель), Файзулла Галимжанов (преподаватель), Ж. Нурбекулы (выпускник), Алжан Бухарбайулы (выпускник), Насыр Кожамкулулы (выпускник), К. Жаленов (преподаватель), Н.П. Архангельский (преподаватель);

5 ряд: Н.А. Мерколович (преподаватель), С.Н. Абрамов (преподаватель).

1916 ЖЫЛҒЫ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ КӨТЕРІЛІСІНЕ – 100 ЖЫЛ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМУ ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА – 100 ЛЕТ
1916 NATIONAL LIBERATION UPRISING – 100 YEARS

УДК 94:91(574).08/084

КСЕНЖИК Г.Н.

Зав. отделом истории Казахстана нового времени
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
д.и.н., доцент, академик МААО

**ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ СЕМИРЕЧЕНСКОГО
ВОССТАНИЯ 1916 г. В КАРТОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКАХ И ДОКУМЕНТАХ**

Аннотация

Данная статья посвящена 100-летию национально-освободительной борьбы казахского народа в Семиречье против колониального гнета, произвола и насилия царских чиновников.

Основная цель данной статьи – введение в научный оборот картографических источников и архивных документов, отражающих основные причины восстания и страницы героической борьбы казахского народа за свою независимость.

Ключевые слова: колонизация, земельный кризис, Первая мировая война, 1916 г., «Реквизиция», восстание, старые карты, документы.

В данном исследовании автор, прибегая к данным картографических источников и архивных документов, предпринимает попытку проанализировать основные причины и последствия национально-освободительного восстания 1916 г. в Семиречье.

Общеизвестно, что непосредственным поводом к восстанию послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о «Реквизиции» на тыловые работы (устройство оборонительных сооружений и путей военных сообщений в районе действующей армии) «инородческого» мужского населения Казахстана, Средней Азии и частично Сибири в возрасте от 19 до 43 лет. К тыловым работам планировалось привлечь из Казахстана и Центральной Азии 400 тыс. человек, в том числе из всех областей, населенных казахами, около 240 тыс. человек [1, с. 636-651]. Изъятие такого количества рабочих рук приводило казахские хозяйства к разорению и к социальному взрыву в регионах Казахстана.

Основной причиной национально-освободительного восстания 1916 г. являлось массовое изъятие земель у казахского населения, которое было связано с казачьей и переселенческой политикой в Семиречье.

В исследовании, посвященном военно-казачьей колонизации, выполненном М.Ж. Абдировым и З.С. Актамбердиевой, отмечено, что «в 1867 году с образованием Семиреченской области из состава Сибирского войска выделилось особое Семиреченское казачье войско. Положение Военного Совета «О поземельном устройстве казачьих станиц» вступило в силу 21 апреля 1869 г., оно окончательно утвердило казакам во всех войсках норму земельного надела в 30 дес. и 10 дес. в войсковой запас «для обеспечения его безбедного существования» [2, с. 109].

Отводы земель под поселения Семиреченского войска за отсутствием точных картографических сведений и съёмок производились примерно, причём из пользования казахского населения были изъяты лучшие сенокосы и пашни, о чем красноречиво свидетельствуют данные архивного документа: «В 1884 году во

владении 29 поселений Семиреченского войска считалось больше 570000 десятин земли кроме тех выселков, коим съёмки ещё не были произведены» [3, л. 43-45 об.].

В начале XX в. отводы под казачьи поселения были ежегодные и первоочередные. Приведем выдержку из «Объявления» военного губернатора Семиреченской области генерал-лейтенанта Покотило от 19 февраля 1908 г.: «в первую очередь будут отводиться земли казакам Семиреченского казачьего войска до полной нормы душевого надела, на что потребуется свыше 200 тысяч десятин свободной государственной земли, которой пока еще и не намечено» [4, л. 16].

Результаты изъятия лучших земель под казачьи поселения визуально демонстрирует карта «Земель Семиреченского казачьего войска», издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. Данная цветная карта имеет легенду. Ее масштаб составляет 1: 3.360.000. На ней указаны границы станичных округов и территории казачьих станиц, переселенческих участков, крестьянских старожилов, земли, отведенные под города, монастыри; географические объекты (горы, озера, реки, хребты); населенные пункты (города, станицы, укрепления); пути сообщения, места захоронения и т. д. [5, Ко 10/IV-2]. Карта «Земель Семиреченского казачьего войска» предоставляет нам компактную и ёмкую информацию о масштабах казачьей колонизации, которая позволяет наглядно проследить процесс изъятия у казахов лучших земель с целью создания военных укреплений, казачьих станиц, и провести анализ количественных и качественных характеристик земельных отводов.

Переселенческая политика царской администрации, проводимая по отношению к территории Семиреченской области, привела к изменению демографической картины и обострению земельного кризиса казахского населения. При административно-территориальном преобразовании Семиречья Российская империя преследовала, прежде всего, захватническую цель. Свидетельство этому мы находим в исследовании российского историка Е.А. Глущенко «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования» (2010 г.), в котором он пишет: «русскому флагу было нужно более прочное основание, нежели небольшие опорные пункты – русские города» [6, с. 340-365].

Переселение крестьян в Семиречье регулировалось в основном теми же законодательными актами, что и переселение в Сибирь, но здесь оно имело свои местные особенности. Обустройство крестьянских поселений в Семиреченской области было начато вслед за учреждением. В период с 1868 по 1883 годы благоприятные для земледелия климатические условия привлекли в крестьянские поселения до 20.000 душ обоого пола. Первоначально в Семиреченской области душевой надел переселенцам был предложен в размере 15 десятин (*1 десятина = 1,09 га. – Г.К.*), но изучение сельского хозяйства привело местную колониальную администрацию к заключению, что при благоприятных природных условиях региона надел до 10 десятин на душу вполне достаточен для обеспечения земледельца. Документ, выявленный в ЦГА РК, гласит: «Согласно этой норме, принятой в 1882 году, предположено и большею частью уже отведено в надел 37 крестьянских поселений 169.880 десятин. Кроме того, 237.768 десятин назначено к отводу в надел для 32 поселений таранчей и дунган в числе 26.683 душ мужского пола» [3, л. 43-45 об.].

Обострившийся в 1906-1907 годах в европейской части Российской империи аграрный вопрос заставил искать выход в усиленном переселении. Царская администрация стремилась большую массу крестьян как можно быстрее поселить на окраинах державы, к которым относилась и территория Казахстана. В Семиреченской области начались лихорадочные работы по отмежеванию земель, а именно выявление и изъятие так называемых «излишков» земли у казахского населения. Действительно, если бы казахи вели оседлый образ жизни, тогда норма оставляемой им земли была бы вполне достаточной для существования, но их

хозяйство было скотоводческо-кочевым, то есть предполагало наличие больших площадей.

В 1909 г. Переселенческое управление, занимающееся работой по переселению, приступило к широкомасштабному обследованию Семиреченской области. При этом данным органом не планировалось обеспечение казахского населения земельными наделами в полном объёме. «Переселенческая партия, главным предметом ведения которой остается, во всяком случае, устройство переселенцев, может приступить к отводу оседлых наделов киргизам лишь при неперменном условии, что от сего последуют выгоды для колонизации и что работы по обеспечению оседлыми наделами киргиз не помешают заготовке всего намеченного на соответствующий полевой период количества долей для русских переселенцев», – говорилось в «Прошении» главноуправляющего землеустройством и земледелием по переселенческому Управлению А.В. Самсонова заместителю министра от 30 марта 1911 г. [7, л. 25].

Итог работы Переселенческого управления и масштабы массового изъятия земли из пользования казахских хозяйств наглядно представлены на «Схематической карте Семиреченской области» 1915 г. Ее масштаб – 60 верст в одном дюйме. На ней представлены: административно-территориальные единицы (уезды, волости); географические объекты: озера, реки; границы расселения казахских родов («джалайир», «дулатъ», «матай», «кара-гирей», «сары-уйсюнь», «албанъ», «черик», «канглы», «суан», «чапрашты», «солты», «сары-багышь», «саяк-басеигъ», «богу», «исты» и т. д.); населенные пункты: города, укрепления, казачьи станицы, крестьянские селения, таранчинские и дунганские поселения; переселенческие участки, запроектированные до 1908 г. с душевыми долями; участки, переданные Переселенческой партии из войскового запаса; торговые места, почтовые дороги и станции, проселочные дороги и т.д. Кроме того, карта содержит значительный статистический материал, указания на месторасположение и названия уездов и волостей Семиреченской области, а также на их количество: в Лепсинском уезде – 17 волостей; в Копальском уезде – 20; в Джаркентском уезде – 19; в Верненском уезде – 23; в Пишпекском уезде – 29; в Пржевальском уезде – 22 волости [8, Ко 105/IX-19].

Таким образом, «Схематическая карта Семиреченской области» является важным документом, проливающим свет на размах и масштабы переселенческого движения, отчуждения земельных участков, пригодных для земледелия и пастбищ из пользования казахского населения, что привело к земельному кризису в регионе. Данный источник наглядно показывает, как с введением новых административно-территориальных реформ были изменены основы землепользования казахов: на место рода заступила волость. Радикальные изменения административного управления коснулись экономических, социальных процессов и территориальной организации казахского населения.

При использовании карт Переселенческого управления необходимо не забывать о том, что к применению данного материала следует подходить весьма осторожно и оценивать его критически, так как «историки-аграрники, детально изучавшие переселенческое движение, неоднократно отмечали исключительную небрежность почвенно-ботанических обследований, проводившихся на основе рекогносцировочных съёмок. За период с 1885 по 1906 гг. Переселенческое управление Российской империи организовало 98 почвенно-ботанических экспедиций, из которых лишь 48 – представили крайне скудную документацию. Поскольку экспедиции были плохо оборудованы». Об этом в свое время писала еще С.И. Сотникова в своей статье «К истории картографирования переселенческого движения», опубликованной в 1987 г.

Анализ переселенческих картографических документов позволяет сделать следующие выводы:

– В организации переселенческого движения картографирование служило эффективным рычагом управления на всех его этапах – от предварительных работ по выявлению колонизационного фонда до выдачи юридических документов на землевладение или землепользование.

– Переселенческие карты и планы являются источниками, информирующими об очередности освоения колонизируемых окраин, структуре земельных угодий, сословном составе землевладения и землепользования.

– При использовании первичных картографических материалов – планов переселенческих участков – в различных историко-географических исследованиях необходимо тщательное выяснение обстоятельств их создания и, в частности, учета возможности искаженного показа в ряде случаев контуров пахотно-пригодных земель [9, с. 96-104].

Главным доказательством того, что основной причиной национально-освободительного восстания 1916 г. является неурегулированный должным образом земельный вопрос, служат «доклады» чиновников российской колониальной администрации. В качестве примера приведем выдержки из некоторых из них:

– заведующий Верненским жандармским розыскным пунктом (ноябрь 1916 г.): «К сожалению, Переселенческое Управление в своей лихорадочной деятельности с нарезкой земель переселенцам не заботилось о параллельном устройстве хозяйств киргиз /доклад мой Товарищу Министру от 21 октября 1915 г. № 3993/, планомерного перевода киргиз с кочевого хозяйства на оседлое не производилось, а этот перевод нужно было производить систематически... Работа Переселенческого Управления нарушила весь уклад привычной жизни туземцев. Под переселенческие участки были заняты зимние стойбища киргиз с их саклями и орошенными землями и клеверниками, а сами они передвинуты к горам и к границам песков. Летние пастбища «джайляу» в горах, в тех местах, где имелся лес, были отобраны лесным ведомством, для сохранения лесов. Привычные тропы с зимних на летние пастбища были перерезаны участками переселенцев. Есть кое-где места, где зимние стойбища киргиз передвигались за семь лет существования переселения по два три раза, с места на место» [10, л. 475-505].

– командующий войсками Туркестанского военного округа, генерал А.Н. Куропаткин (октябрь 1916 г.): «Дело в том, что киргизам оставлялись на пользование только худшие земли, все же лучшие – от них отбирались и передавались русским переселенцам, которые, вместо того, чтобы самим обрабатывать землю и быть, так сказать культуртрегерами в крае, находили для себя более выгодным и удобным не работать, а сдавать эти земли тем же киргизам в аренду или же обрабатывать их киргизами же, нанимая их за нищенское вознаграждение. Таким образом, получилась такая картина, что киргиз, лишившись лучшей своей земли, платил в это же время за нее и деньги. Такое ненормальное явление естественно вызывало неудовольствие киргиз к русским переселенцам, в которых киргизы видели так сказать виновников своих бед. Неудовольствие это было давно, росло по мере отчуждения новых земель под новые русские поселки и наконец, вылилось в форму восстания, толчком к которому послужил призыв рабочих, а цель, которого было желание освободиться от русских переселенцев, так щедро наделяемых землей в ущерб киргизского населения» [11, л. 161-163 об.].

По данным Т.Р. Рыскулова, итогом переселенческой политики Российской империи было то, что «к 1916 г. в распоряжении русских поселков и станиц в Туркестане (всего до 941 селения) числилось 1900 тыс. десятин, или 57,6% обрабатываемой площади. Иначе говоря, на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятины обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (казаха, узбека, киргиза, таджика, туркмена) – только 0,21 десятины, т.е. в 15 раз меньше. Таким образом, при остром безземельи коренное население, составлявшее 94% всего населения края, владело только 42,4% всей

обрабатываемой площади, а остальные 57,6 % приходились на долю русских переселенцев. По Казахстану в целом к 1916 г. изъято было всего до 40 млн. га удобной земли под переселение и в ведение казны» [12, с.1-12].

– Второй причиной восстания являлись поборы, незаконный сбор «чиган», некорректное отношение царских чиновников к казахской администрации: «В первое время владения нами (Семиреченской) областью действительные расходы «чиган» были невелики, так как лиц, принадлежащих к числу русской администрации было немного, но с появлением в области разного рода чиновничества, а особенно низшего обычая гостеприимства начали злоупотреблять сами чиновники, предъявляя требование выставлять и подавать угощение непосредственно к самим киргизам, а не к их администрации, и на этой почве выходили недоразумения и даже столкновения. Особенно отличались на этой почве мелкие чины местного переселенческого управления. Расходы «чиган» сделались очень обременительными, особенно в последнее время, когда цены на все страшно возросли и цена барана поднялась с 3-4 рублей до 15-20 рублей. Я слышал от чиновников разных ведомств, что киргизы не желают брать платы, что гостеприимство их освященных традициями обычай и что они волей неволей принуждены вводить их в расход, так как останавливаться в степи кроме юрт негде. Из личной практики я знаю, что это неправда», – отмечал в докладе заведующий Верненским жандарским розыскным пунктом в ноябре 1916 г. [10, л. 475-495].

– Третьим слагаемым восстания, являлось жестокое отношение переселенцев к казахскому населению, судебный и административный произвол царизма. Так после аграрных беспорядков в европейской России, самый худший элемент, разнузданная, малоспособная к упорному труду, слабая по своим хозяйственным инстинктам масса ринулась на окраины Российской империи, в том числе и в Семиречье, получая бесплатно здесь землю. Переселенцы в основном считали, что им должны дать всё для их обеспечения и сразу: «Собаки» – вот то название, которое дали крестьяне-переселенцы туземцам и обращение с ними было соответствующее. Переселенцы выискали источник постоянного дохода с киргиз. Киргизские пастбища были рядом с землями новых переселенцев. Начались форменные набеги на скот туземцев. Его отбирали у пастухов с киргизской земли, гнали в поселок, а приехавшим за скотом киргизам заявляли, что скот взят за потраву на земле, принадлежащей поселку, и требовали за потраву деньги – 1, 2 и 3 рубля с головы. Возвращаясь с летних пастбищ, некоторые киргизы волей-неволей должны были прогонять скот по занятым под земли поселков участки, хотя бы даже и необработанным, который вытравливал часть пути. Киргизы редко обращались к судебной или административной власти и вообще подобное обращение мало давало результатов, так как администрация, малочисленная по своему составу, не имела ни времени, ни возможности, а частью и желания разбираться в этих делах, почему туземцы предпочитали улаживать дело миром, уплачивая за мнимую потраву. Общий тон переселенцев-новоселов был таков: «нам должно быть дано всё, туземцы – собаки, и с ними церемониться нечего». Это презрительное отношение к туземцам-киргизам мало по малу передалось и староселам, и казакам, жившим раньше в добрососедских отношениях с киргизами» [10, л. 475-495].

– Четвертой причиной восстания являлось резкое ухудшение экономического положения казахского населения, в связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной, злоупотребления местной администрации, что следует из уже упомянутого нами доклада заведующего Верненским жандарским розыскным пунктом: «С начала текущей войны местная русская администрация призвала киргиз к пожертвованиям деньгами, юртами, кошмами /войлок/, одеялами, пойпаками /войлочные чулки/ и т.д. Вначале киргизы охотно жертвовали, но затем пожертвования приняли форму вымогательства. Сами сборы этих пожертвований были в корне поставлены неправильно. Все уездные начальники области друг перед

другом старались доставить возможно большее число пожертвований и число пожертвований учитывалось высшей областной властью как распорядительность Уездных начальников. Сборы производились администрацией через тех же «почетных лиц» и «манапов» и велись в крупных размерах. Постоянно внушалось киргизам: «вы не идете на войну, поэтому должны жертвовать». Пожертвования выколачивались с бедных киргиз «почетными» и «манапами». Но и они в свою очередь разъясняли, что киргиз не берут на «войну» и они, поэтому должны давать. И здесь были злоупотребления туземной администрации, которая часть пожертвований утаивала себе... Кроме того, само русское население принимало участие в вызове сомнений между киргизами ... «Вот погонят в окопы да всех перебьют, что с вами церемониться, так вам и надо». Когда же вас в солдаты берут» [10, л. 495-505].

Все перечисленные выше причины создали ту почву и то настроение, которые после сильного толчка – царского указа от 25 июня 1916 г. о «Реквизиции» на тыловые работы – привели к национальному восстанию казахов и принесли страдания, гонения и обнищание коренному населению.

Рис. 1. «Карта № 4 Семиреченской области с обозначением районов, охваченных восстанием». Масштаб: в 1 дюйме 40 верст // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165, оп. 1, д. 5105, л. 4.

Общее количество казачьих войск в июле 1916 г. в Семиреченской области, согласно докладной записке начальника Генерального штаба генерала М.А. Беляева временному управляющему военным министерством П.А. Фролову от 27 июля 1916 г., составляло: «3 дружины Государственного ополчения /в Верном, Джаркенте и Копале/; 3-й казачий Семиреченский полк /в Джаркенте и Бахты/; 3 карательные команды /в Пишпеке, Пржевальске и ст. Сергиопольске» [13, л.74-74 об.].

Однако таким количеством карательных войск царизм не ограничился и для подавления восстания были переброшены казачьи сотни из других регионов, что наглядно видно на приводимой нами ниже «Карте № 4 Семиреченской области с обозначением районов, охваченных восстанием». Красной линией обозначены места охваченные восстанием, черной линией – движение карательных отрядов [14, л. 4, рис. 1].

Данная карта являлась приложением к «Рапорту генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина императору Николаю II о восстании в Туркестанском крае и мерах по его подавлению от 22 февраля 1917 г.», в котором имелось описание данного картографического документа.

В «Рапорте» присутствуют данные о ходе восстания, отмечены главные очаги и методы организации восставших, даны сведения о продвижении колониальных войск для подавления восстания, количестве жертв среди гражданского населения в Семиреченской области: «Первые сведения о восстании киргизского населения были получены 6 августа; в этот день, в юго-восточной части Верненского уезда,

в долине реки Асы, две волости оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного начальника, прибывшему для составления списков рабочих. Того же числа, в район станции Самсу, в 80 верстах к западу от Верного, киргизы испортили телеграф и нарушили правильность почтового сообщения, а также разрушили почтовые станции, совершая разбойные нападения на почту, забирая имущество у пассажиров и угоня лошадей. К 9-му августа уже были разгромлены все почтовые станции от Курдая до Верного. Затем восстанием было охвачено 6-ть волостей в окрестностях г. Пишпека и Токмака и прервано всякое сообщение с Пржевальском; одновременно началось восстание и в окрестностях Пржевальска. В действиях восставшего населения замечалась некоторая организованность: часть их имела особые значки-знамена; у некоторых на шапках были надеты однообразные металлические бляхи, применялась сигнализация для передачи сведений о движении колониальных отрядов; в горах были устроены мастерские для изготовления пороха и изготовления холодного оружия. Главными очагами восстания явились горные местности южной части Пишпекского уезда и весь Пржевальский уезд с прилегающей к нему южной частью Джаркентского уезда. В остальных уездах Семиреченской области хотя и не было столь резких проявлений мятежа, но замечалось брожение среди казахского населения. Около 17 волостей северной части Джаркентского уезда несколько кочевых волостей из Прибалхашского района Верненского, Копальского и Лепсинского уездов собирались переселиться в Китай» [15, л.1-10 об.].

Для военного подавления восстания Семиреченских казахов из других областей края были направлены 3 ^{1/2} дружины, 7 рот стрелков из состава запасных полков, 5 сотен и 14 орудий. Эти войска были высланы в Семиречье в трех направлениях: со стороны Андижана – на Нарынское укрепление, со стороны Черняево (Шымкент) – вдоль почтового тракта на Пишпек (Бишкек) и Токмак и окружным путем по железным дорогам на Семипалатинск и оттуда походом на Сергиополь-Лепсинск-Верный. Кроме того, из действующей армии были присланы два казачьих полка с казачьей батареей и двумя Кольтовскими пулеметными командами, из них – 7 Оренбургский полк, через Семипалатинск на Верный (*Пути следования отрядов отмечены на карте*).

С прибытием этих карательных войск восставшее казахское население было отеснено в пограничные горы, терпя недостаток в продовольствии, теряя скот от нехватки в горах подножного корма.

По доставленным уездными начальниками сведениям, число жертв восстания в Семиреченской области из гражданского населения составило:

В Верненском уезде убито – 16 чел.

В Джаркенском – 32 чел.

Без вести пропали – 20 чел.

В Пишпекском уезде убито – 98 чел.

Без вести пропали – 65 чел.

В Пржевальском уезде убито – 2179 чел.

Без вести пропали – 1299 чел. [15, л.10-5 об.].

Следует обратить внимание на следующий факт – в национально-освободительном восстании 1916 г. принимали участие коренные жители различных национальностей Средней Азии, которые вели как оседлый, так и полукочевой образ жизни, что наглядно представлено в картографических документах:

– «Схема повреждения телеграфной линии мятежниками – омудами в 1916 г.» (территория современной Туркмении) является приложением к секретному донесению начальника Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в Семиреченской области от 23 января 1917 г. Выполнена без масштаба черной тушью. На картосхеме отмечены

населенные пункты и города (Красноводск, Чикишдырь, Кизило-арват, Ашхабат и т.д.); географические объекты (Каспийское море). Показаны пути прохождения телеграфного кабеля, отмечены места его повреждения восставшими. Телеграфные кабели в конце XIX-XX вв. имели стратегическое значение. Они играли существенную роль в военном деле, решении политических вопросов, развитии экономических и культурных связей. Поэтому нарушение работы телеграфных кабелей восставшими приводило к снижению наступательной активности и организованности карательных войск царизма. «Схема повреждения телеграфной линии мятежниками-омудами в 1916 г.» документально и визуально показывает размах и участие в восстании туркменского населения» [16, л. 133].

– «Схема района повреждений телеграфа во время мятежа сартов в 1916 г.» – выполнена без масштаба черной тушью. На картосхеме отмечены населенные пункты и города (Катта-курбан, Самарканд, Джизак, Черняево (Шымкент)). Отмечены пути прохождения телеграфного кабеля и места его повреждения восставшими. Данная схема компактно дает ёмкую информацию об основных очагах военных действий и масштабах разрушений, а также отражает участие оседлого населения (территории Узбекистана и Казахстана в XXI в.) в национально-освободительном восстании 1916 г. Оседлое население региона своими действиями деактивировало телеграф, необходимый для стратегических наступательных действий карательных войск царизма [17, л. 134].

– «Схема района повреждений телеграфной линии мятежными киргизами в 1916 г.» – выполнена без масштаба черной тушью. На ней отмечены города и населённые пункты (Мерке, Беловодское, Пржевальск, Казанско-Богородское, Верный); географические объекты (озеро Исык-куль). Самые крупные повреждения телеграфных линий отмечаются в Семиреченской области, в районе Казанско-Богородского и г. Верного. В описании схемы отмечается, что «В Семиречье восстанием были охвачены Пишпекский и Пржевальский, часть Верненского и Аулие-Атинского уездов. Повреждения телеграфных линий и разгром почтовых станций вызвали прекращение телеграфного действия на участках Пишпек-Верный, Пишпек-Пржевальск и Рыбачье-Нарын. Восставшие первоначально повредили телеграфную линию на участке Пишпек-Казанско-Богородское, вследствие чего 6 августа с 15 часов прекращена была связь Ташкента с Верным по 178 и 905 проводам. Первое донесение о повреждении линии было получено от начальника почтово-телеграфного отделения Казанско-Богородное» [18, л. 135].

Последствия национально-освободительного восстания в Семиречье в 1916 г. для казахов оказались крайне тяжелыми. Воинские команды казаков и переселенцев, помимо активных военных действий против восставших, занимались грабежами мирного населения, что получило отражение в докладах царских чиновников:

– «В Семиреченской области, в районах которые были охвачены восстанием, положение киргизского населения было крайне тяжелое, не имея запасов продуктов первой необходимости, они принуждены спускаться в русские поселки и обращаться за покупкою к русскому населению, которое в виду понятного озлобления совершенно не идет им в этом отношении на встречу. Насколько мне известно, были даже случаи кровавой расправы с киргизами, приближавшимися к русским поселкам за различными покупками. Такое положение, безусловно, ненормально и спешно необходимо принять меры к его урегулированию, иначе на почве голода возможны новые крупные эксцессы», – докладывал А.Н. Куропаткин в октябре 1916 г. [11, л. 161-163 об.].

– «Казаки-станичники станиц Каскеленской, станицы Джаланаш и станицы Николаевской награбили массу киргизского добра» – отмечал в докладе, заведующий Верненским жандармским розыскным пунктом в ноябре 1916 г. [10, л. 500-505].

В октябре 1916 г. началась отправка мужского населения Семиречья на фронт

на тыловые работы. «29 октября в направлении от Лепсинска на Семипалатинск отправлено 8 партий рабочих киргиз, численностью 2000 человек каждый» – сообщалось военному министру Д.С. Шувалову 31 октября 1916 г. [19, л. 395].

Таким образом, национально-освободительное восстание 1916 г. принесло разорение и обнищание казахскому населению Семиречья. Оно способствовало обострению политического и социально-экономического кризиса Российской империи, в дальнейшем приведшего её к краху. Исследование причин, истории и последствий данного события с помощью картографических источников представляет особую ценность. Так при помощи старых карт, планов, схем можно наглядно показать, в чём были причины восстания, места расположения его очагов, пространственную динамику различных этапов национально-освободительной борьбы казахского народа Семиречья с такой точностью, с какою их нельзя передать ни в каком описании.

Несмотря на то, что картографические исследования выполняли далекие от науки задачи, тем не менее, эти изыскания осуществлялись с применением методов военно-топографического описания, в результате чего были заложены основы реальному изучению территории Казахстана. Карты во все времена (при всем их относительном несовершенстве) имели общегосударственное значение и являлись письменными памятниками своей эпохи. Старинные карты не потеряли и никогда не потеряют своего значения, как уникальные документы, в которых зафиксированы сведения о географии территории, административно-территориальном делении, о нарастающих темпах переселенческого движения, об очагах национально-освободительного восстания, о путях следования военных отрядов и т.д. [20, с. 231-235].

Рассмотрение картографических документов с привлечением статистических и социально-экономических материалов позволяет исследователям выявить новые подробности об истории национально-освободительного восстания 1916 г. в Семиречье, а также избежать возможных ошибок при интерпретации исторических малоисследованных фактов, провести проверку нарративных и фольклорных источников, заметно углубить и обогатить исторические знания. Введение в научный оборот картографических документов является важным элементом познания прошлого, расширения культурного кругозора, средством формирования мировоззрения подрастающего поколения.

Следует изучать картографические источники не изолированно, а как части картографии определенной эпохи во всех её взаимосвязях и взаимообусловленностях с развитием смежных областей знаний, на базе глубокого знания социально-экономических и политических условий, без учета которых невозможна квалифицированная интерпретация источников такого типа. Значительные успехи в изучении старых карт могут быть достигнуты благодаря применению для их анализа современных достижений естественных наук с привлечением методов математического (главным образом статистического) анализа точности содержания карт и на основе применения географо-информационных технологий.

Литература

1 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Алматы: «Атамұра», 2000. – Т. 3. – 768 с.

2 Абдиров М.Ж., Ақтамбердиева З.С. Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867-1917 гг. – Алматы: Казак университеті, 2011. – 362 с.

3 ЦГА РК. Ф. И-369, оп. 1, д. 7621.

4 ЦГА РК Ф. И-369, оп.1, д. 9000.

5 Карта «Земель Семиреченского казачьего войска» / РГБ (Российская государственная библиотека) РФКo 10/IV-2 // Атлас Азиатской России. Издание

переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Издано под ближайшим руководством Т.В. Глинки. Листов 71. Типография: Картографические заведения и «Т-ва А.Ф Маркс, и Г.И. де-Кельш» и «Ю. Гаш», под наблюдением ревизора переселенческого Управления М.А. Цветкова. Общая редакция карт принадлежит М.А. Цветкову. Текст редактирован М.И. Творжевским. – СПб., 1914. – Лист-37.

6 Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: Издательство Центрополиграф, 2010. – 575 с.

7 ЦГА РК. Ф. И-44, оп. 1, д.11156.

8 Схематическая карта Семиреченской области. Масштаб: 60 верст в одном дюйме. – Верный. Типография: Тило-лит. А. Заряновский. 1915 г. / РГБ (Российская государственная библиотека) РФ Ко 105/IX-19.

9 Сотникова С.И. К истории картографирования переселенческого движения // История развития тематического картографирования в России и СССР. – М.: Московский филиал географического общества СССР. – 1987. –151 с.

10 РГИА РФ. Ф. 1292, оп. 1, д. 1933А.

11 ЦГА РК. Ф. И-44, оп.1, д. 20070.

12 Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы / Под редакцией и с предисловием Т.Р. Рыскулова. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство. – 1937. – 169 с.

13 РГВИА РФ. Ф. 2000, оп. 3, д. 2464.

14 Карта № 4 Семиреченской области с обозначением районов, охваченных восстанием». Масштаб: в 1 дюйме 40 верст. [22 февраля 1917 г.] Приложение к рапорту А.Н. Куропаткина Николаю II от 22 февраля 1917 г. / РГВИА РФ. Ф. 165, оп. 1, д. 5105. [Приложение, Рис.1].

15 РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4548.

16 «Схема повреждения телеграфной линии мятежниками-омудами» / Приложение к секретному донесению Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в Семиреченской области от 23 января 1917 г. (находится в Российском Государственном Историческом Архиве // РГИА РФ. Ф. 1289, оп. 12, д. 1265.

17 «Схема района повреждений телеграфа во время мятежа сартов в 1916 г.» / Приложение к секретному донесению Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в Семиреченской области от 23 января 1917 г. (находится в Российском Государственном Историческом Архиве) // РГИА РФ. Ф. 1289, оп. 12, д. 1265.

18 «Схема района повреждений телеграфной линии мятежными киргизами в 1916 г.» / Приложение к секретному донесению Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в Семиреченской области от 23 января 1917 г. (находится в Российском Государственном Историческом Архиве) // РГИА РФ. Ф. 1289, оп. 12, д. 1265.

19 РГВИА РФ. Ф. 400, оп. 1, д. 4546. – Ч. 1.

20 Ксенжик Г.Н. Картографические документы: источник по истории Казахстана // Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 550-летию казахского ханства «Теория и методология исторической науки». – Костанай: КГПИ, 27 марта 2015. – С. 231-235.

References

1 Istoriya Kazakhstana (s drevneyshih vremen do nashih dnei). V pyati tomah. – Т. 3. – Almaty: «Atamura», 2000. – 768 s.

2 Abdirov M.J., Aktamberdieva Z.S. Semirechenskoe kazachye voysko. Iz istorii voenno-kazachey kolonizatsii Jetysu 1867-1917 gg. – Almaty: Qazaq univesiteti, 2011. – 362 s.

3 TSGA RK. F. I-369, op. 1, d. 7621.

4 TSGA RK. F. I-369, op.1, d. 9000.

5 Karta «Zemel Semirechenskogo kazachego voyska» / RGB (Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka) RF Ko 10/IV-2 // Atlas Aziatskoy Rossii. Izdanie pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya. Izdano pod blizhayshim rukovodstvom T.V. Glinki. Listov 71. Tipografiya: Kartograficheskie zavedeniya «T-va A.F Marks, i G.I. de-Kelsh» i «YU. Gash», pod nablyudeniem revizora pereselencheskogo Upravleniya M.A. Tsvetkova. Obschchaya redaktsiya kart prinadlezhit M.A. Tsvetkovu. Tekst redaktirovan M.I. Tvorzhevskim. – SPb., 1914. – L.37.

6 Gluschchenko E.A. Rossiya v SredneyAzii. Zavoevaniya i preobrazovaniya. – M.: Izdatelstvo Tsentropoligraf, 2010. – 575 s.

7 TSGA RK F. I-44, op. 1, d.11156.

8 Skhematicheskaya karta Semirechenskoj oblasti. Masshtab: 60 verst v odnom dyuyme. – Vernyi. Tipografiya: Tilo-lit. A. Zaryanovskiy. 1915g. // RGB (Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka) RF Ko 105/IX-19.

9 Sotnikova S.I. K istorii kartografirovaniya pereselencheskogo dvizheniya // Istoriya razvitiya tematicheskogo kartografirovaniya v Rossii i SSSR. – M.: Moskovskiy filial geograficheskogo obschestva SSSR. – 1987. – 151 s.

10 RGIA RF. F. 1292, op. 1, d. 1933 A.

11 TSGA RK.F.I-44, op.1, d. 20070.

12 Vosstanie 1916 g. v Kirgizstane. Dokumenty i materialy / Pod redaktsiey s predisloviem T.R. Ryskulova. – Moskva: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo. – 1937. – S.169.

13 RGVIA RF F. 2000, op. 3, d. 2464.

14 Karta № 4 Semirechenskoj oblasti s oboznacheniem rayonov, ohvachennyh vosstaniem». Masshtab: v 1 dyuyme 40 verst. [22 fevralya 1917 g.] Prilozhenie k raportu A.N. Kuropatkina Nikolayu II ot 22 fevralya 1917g./RGVIA RF. F. 165, op. 1, d. 5105. [Prilozhenie, Ris.1].

15 RGVIA. F. 400, op. 1, d. 4548.

16 «Skhema povrezhdeniya telegrafnoy linii myatezhnikami-omudami» / Prilozhenie k sekretnomu doneseniyu Turkestanskogo pochtovo-telegrafnogo okruga S.P. Orlova nachalniku Glavnogo upravleniya pocht i telegrafov MVD V.B. Pohvisnevu o narushenii pochtovogo i telegrafnogo soobshcheniya v Semirechenskoj oblasti ot 23 yanvarya 1917 g. (nahoditsya v Rossiyskom Gosudarstvennom Istoricheskom Arhive // RGIA RF. F. 1289, op. 12, d. 1265.

17 «Skhema rayona povrezhdeniy telegrafa vo vremya myatezha sartov v 1916 g.» / Prilozhenie k sekretnomu doneseniyu Turkestanskogo pochtovo-telegrafnogo okruga S.P. Orlova nachalniku Glavnogo upravleniya pocht i telegrafov MVD V.B. Pohvisnevu o narushenii pochtovogo i telegrafnogo soobshcheniya v Semirechenskoj oblasti ot 23 yanvarya 1917g. (nahoditsya v Rossiyskom Gosudarstvennom Istoricheskom Arhive // RGIA RF. F. 1289, op. 12, d. 1265.

18 «Skhema rayona povrezhdeniy telegrafnoy linii myatezhnymi kirgizami v 1916g.» / Prilozhenie k sekretnomu doneseniyu Turkestanskogo pochtovo-telegrafnogo okruga S.P. Orlova nachalniku Glavnogo upravleniya pocht i telegrafov MVD V.B. Pohvisnevu o narushenii pochtovogo i telegrafnogo soobshcheniya v Semirechenskoj oblasti ot 23 yanvarya 1917g. (nahoditsya v Rossiyskom Gosudarstvennom Istoricheskom Arhive // RGIA RF. F. 1289, op. 12, d. 1265.

19 RGVIA RF. F. 400, op. 1, d. 4546. CH. 1.

20 Ksenzhhik G.N. Kartograficheskie dokumenty: istochnik po istorii Kazakhstana

// Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 550-letiyu Kazakhskogo khanstva «Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki». – Kostanay: Kostanayskiy gosudarstvenniy pedagogicheskiy institut, 27 marta 2015. – S. 231-235.

КСЕНЖИК Г.Н.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
Жаңа дәуірдегі Қазақстан тарихы бөлімінің меңгерушісі, т.ғ.д., доцент, ХАҚА
академигі

**КАРТОГРАФИЯЛЫҚ ҚҰЖАТТАР МЕН ДЕРЕККӨЗДЕРДЕГІ
1916 ЖЫЛҒЫ ЖЕТІСУДАҒЫ КӨТЕРІЛІСТЕРДІҢ СЕБЕП-САЛДАРЫ**

Түйін

Мақала Жетісудағы қазақ халқының отарлық езгіге, патшалық шенеуніктердің озбырлығы мен зорлық-зомбылығына қарсы ұлт-азаттық күресінің 100 жылдығына арналған.

Басты мақсаты көтерілістің негізгі себептерін және қазақ халқының өз тәуелсіздігі үшін ерлік күресін көрсететін картографиялық дереккөздер мен мұрағаттық құжаттарды ғылыми айналымға енгізу.

Түйін сөздер: отарлау, жер дағдарысы, бірінші дүниежүзілік соғыс, 1916 ж., «Меншікке алу», көтеріліс, көне карталар, құжаттар.

KSENZHİK G.N.

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
Head of the Department of History of Kazakhstan of Modern Times,
Doctor of Historical Sciences, Academician of IAAR

**THE REASONS AND CONSEQUENCES OF SEMIRECHENSKY REVOLT
OF 1916 IN CARTOGRAPHICAL SOURCES AND DOCUMENTS**

Summary

This article is devoted to the 100th anniversary of the national liberation struggle of the Kazakh people in the Semirechye against the colonial oppression, arbitrariness and violence of imperial officials.

The main purpose of this article is introducing to scientific turnover the cartographic sources and archival documents reflecting the main reasons of the uprising and the pages of the heroic struggle of the Kazakh people for their Independence.

Keywords: colonization, land crisis, the First World War, 1916, 'Requisition', revolt, old cards, documents.

ТАРИХ ТОЛҚЫНЫНДА В ПОТОКЕ ИСТОРИИ IN THE STREAM OF HISTORY

УДК 94:316.323 (574)

АХМЕТОВА Г.М.

Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова,
к.и.н., доцент

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX СТОЛЕТИЙ

Аннотация

В статье проведен анализ нормативно-правовой базы царского правительства в отношении торговли на присоединяемых территориях. Реформы внесли радикальные изменения в условия и принципы торговли, в частности представителями торговли могли быть лица различных сословий обоих полов, которые имели самостоятельный бизнес. Им предоставлялось право объединяться в торговые товарищества, создавать фирмы. Законодательные акты правительства по налоговой системе дали возможность уйти от схемы сословности и подразделить торгующих по величине торговых оборотов их предприятий. Торговая сфера рассматривалась как элемент пополнения бюджета, поэтому вводились различные документы, которые стали регистрировать экономическое положение торговых предприятий. Контроль за торговыми оборотами привел к вопросу об акцизах на наиболее распространенные и необходимые товары повседневного спроса. Государственная монополия на товары не содействовала разветвленности торговой сети. Правительство следило за деятельностью священнослужителей и евреев, обращало внимание на вопросы наследования купеческого звания. В тоже время правительство поощряло верных служителей коммерции, выдавая им различные почести и обеспечивая льготы. Главными критериями представителя торговли по актовым материалам были: привязанность предпринимателя к определенной территории; конфессиональная принадлежность; величина оборотов капитала; надежность и стабильность намерений; результативность коммерческой деятельности.

Ключевые слова: торговое законодательство, купеческие свидетельства, торговые депутаты, виды торговли, промысловые занятия.

Введение. Череда реформ последней четверти XIX века была направлена на последовательное включение данной территории в состав имперского пространства, изменение ее статуса, политических и экономических институтов. Всесторонний анализ основных направлений, принципов и содержания реформ позволил переосмыслить модель управления в казахской степи в сфере торгово-экономических отношений.

В рассматриваемый период претерпели изменения формы и виды торговли, подавляющая часть промышленных товаров оптовиками приобреталась на ярмарках или крупных городах и сбывалась через сеть зависимых от них скупщиков. На долю крупных торговцев приходилась львиная доля всех оборотов и прибылей в торговле. В начале XX века началась монополизация торговли, стали открываться развитые формы торговых предприятий, активизация коммуникационных связей внесла изменения в объем, характер и формы коммерческих операций, в соотношение торгово-распорядительных центров.

Качественные изменения в происходивших процессах урбанизации выражались в первую очередь в углублении разделения труда между земледелием и промышленностью, в относительном повышении роли товарно-промышленной деятельности городского населения, превращающих их в основные центры товарного обращения. Товарообмен являлся взаимовыгодным, и торговые обороты

купечества при наличии определенных колебаний в целом возростали и достигали нередко значительных результатов.

Методы исследования. Источники по проблеме исследования можно классифицировать на следующие группы: архивные материалы, данные ежегодных отчетов генерал-губернаторов, периодическая печать, статистические ежегодники, материалы по землепользованию казахов, собранные руководителями экспедиций.

Материалы актового характера, опубликованные в различных сборниках – законы, указы, договоры, позволяют проследить позиции правительства в отношении развития торговли, вопрос о привилегиях к отдельным категориям представителей торговли. В статье использованы следующие сборники законодательных материалов: «Свод законов Российской империи за 1857, 1899, 1909, 1914 годы», «Положение о государственном промысловом налоге», «Сборник торговых договоров и других, вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными державами и другие.

Архивные материалы Государственного архива Омской области позволяют осветить следующие проблемы: история торговых взаимоотношений края с сопредельными государствами; льготы, предоставленные купцам городов Акмолинской и Семипалатинской областей; положение торговых фирм в условиях провинции, их внешнеэкономические связи, сложности внутренней торговли; процесс наблюдения и проверки за производством торговли, рапорты и донесения о нарушителях свидетельского режима, журналы о проверке торговых и промышленных предприятий; сведения о функционировании складочных помещений, ведение торговых операций с кредитными и ссудо-сберегательными учреждениями; деятельность контролирующих и координирующих органов в области развития торговли и промышленности; годовые отчеты податных инспекторов.

В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан содержится богатый материал об условиях торгового предпринимательства, ведомости о развитии торговли, отчеты инспекторов, сведения о ярмарках, циркуляры и предписания властей о развитии торговых операций. Внимания заслуживают следующие материалы: Канцелярия Степного генерал-губернаторства, Канцелярия начальника Семипалатинского таможенного округа, Правление Семипалатинского союза служащих торгово-промышленных предприятий, Омская казенная палата, Акмолинское областное правление, Семипалатинское областное правление, Семипалатинский областной статистический комитет и другие.

Интересные материалы представлены на страницах «Обзоров областей» и «Памятных книжек области». Справочные материалы, в частности «Памятные книжки» областей, представляют сводный материал по торговле: статистические сведения о ярмарках, кредитных учреждениях, торговых заведениях, складах. Памятные книжки содержат интересный материал о состоянии торговли в определенные годы. Сравнивая их, следует отметить полноту сведений о торговых предприятиях, что позволяет выстроить картину функционирования торговых домов и магазинов в определенные годы в каждом городе области. Несмотря на представленный статистический материал, в «Книжках» содержится ряд разночтений, в особенности это касается деятельности торговых заведений. Анализируя «Обзоры» областей, можно проследить динамику развития экономики, основные тенденции внутреннего и внешнего товарооборота. В то же время в «Обзорах» нет сведений о составе торгового предпринимательства, видах торговли, материала о персональных лицах.

Материалы о казахском землепользовании позволяют выяснить состояние хозяйства в уездах, приоритетные виды деятельности населения, проследить изменения внутреннего рынка, показать статус хозяйственных ячеек.

Методологическая база статьи основывается на модернизационной парадигме развития. Применение данной парадигмы было обусловлено тем, что она применима и при исследовании микро и макросоциальных процессов. При анализе документов и материалов исследования применялись как специально-исторические методы (условно-документоведческий – при изучении деловой документации;

текстологический – при реконструкции отдельных аспектов предпринимательской деятельности; сравнительно-исторический – при сравнении деловой и общественной деятельности предпринимателей), так и общеисторические. Кроме того, были использованы также и макро-подходы, к которым относятся структурный анализ, позволивший рассмотреть особенности, цели и реализацию торговой политики царизма; функциональный анализ, с помощью которого определялось значение деятельности местного купечества в общей картине предпринимателей; системный анализ.

Результаты и обсуждение. Ж.К. Касымбаев отмечал, что правительство, заинтересованное в развитии торговли в пограничной зоне, постоянно обращало внимание комендантов укреплений на выгодность привлечения к меновой торговле местного населения. Это было вызвано стремлением правительства, не только расширить рынок сбыта российских товаров, но и увеличить поступление в казну пошлинных сборов [1].

Преобразование крепостей в центры торговли с казахами обусловили принятие некоторых мер по организации приема купцов. Еще в марте 1748 года коменданты пограничных пунктов получили распоряжение – построить гостиные двory для приезжающих купцов. По таможенному уставу 1756 года, для всех российских купцов производящих торговые сделки с зарубежными странами через пограничные пункты, была введена паспортная система, при оформлении документов купцы должны были указать состав приказчиков и других работников, с которыми они намеревались отправиться в степь. Из года в год росло число казахских торговцев, производящих меновую торговлю [2].

Выражая свое намерение расширить торговлю с казахами и народами Центральной Азии, царское правительство во второй половине XVIII-XIX веков придерживалось по отношению к купечеству протекционистской политики. Протекционистская политика выразилась в указании 1769 года, по которому запрещалось иностранным купцам продавать в крепостях товары, производимые в России, чтобы уберечь русских торговцев от возможной конкуренции. С обнаружением нового тарифа для Оренбургской, Троицкой и Семипалатинской таможен, разрешался беспошлинный привоз хлопчатобумажных изделий, шелка, шерсти и крупного рогатого скота.

Указами правительства 1797 и 1798 годов была узаконена отправка отрядов для охраны и сопровождения караванов до пунктов назначения. Поощряя приезд азиатских торговцев в укрепленные пункты, пограничные власти через таможенные заставы постоянно следили за «не допуском» для продажи запрещенных министерством коммерции товаров.

Исследователи В.Я. Басин, У.А. Умурзаков подчеркивали, что казахи, приезжавшие со своими товарами на российский рынок, торговые пошлины не платили [3]. В соответствии с указом Государственной коллегии иностранных дел от 22 сентября 1747 года за казахских купцов пошлины платили русские купцы. Такие поощрительные меры российского правительства явились серьезным стимулом для развития казахско-русской торговли [3, с.16].

В то же время, торговая деятельность вообще подвергалась детальной регламентации, причем в наибольшей степени это касалось многочисленного третьего гильдейского купечества. А любая регламентация коммерческой деятельности несет в себе начала, сдерживающие развитие деловой активности. XIX век ознаменовался чередой реформ в отношении присоединенных территорий. Новые правила, инструкции, указы касались всех сторон жизни, как коренного населения, так и вновь устраиваемого. Особое место распространению торговли в Среднем жузе придавалось в «Уставе о сибирских киргизах». В этом документе выделялось отделение IV – «Торговля», включавшая пункты: «Общие правила» (7 статей), «Обращение монеты» (3 статьи), «Таможни» (7 статей). Положения «Устава» были направлены для содействия развитию торговли, в особенности стационарных форм в документе указывались условия купли-продажи.

Казахам разрешалось сбывать изделия собственного производства и скот, как в округах, так и через таможи и заставаы. В главе 9 – «Особенные права и обычаи» подчеркивалось разрешение перехода представителей коренного населения в другое сословие, вступление на службу, запись в гильдии, на общих правилах, а по статье 276 владение недвижимой собственностью. Эти параграфы свидетельствуют о некоторых возможностях предоставленных местному населению в сфере торговли, им разрешалось приезжать в крепости только при сбыте своих товаров. Особое внимание уделялось вопросам снабжения продовольствием. В параграфах 153-161 показаны условия хлебной торговли, по статье 165 оставлялась во введении казахов свободная продажа соли из озер, лежащих на их территории.

Ж.К. Касымбаев отмечает, что положение об управлении сибирскими казахами открыло широкие возможности для расширения торгово-экономических отношений в казахской степи, в известной мере ограничив произвол чиновников административно-колониального аппарата. Купцам из числа коренного населения надлежало уплачивать пошлину наравне с другими торговцами того города, «где они в купечество записаны», пользуясь при этом пятилетней льготой [4, с. 29].

Н.Г. Аполлова подчеркивала, что все активнее в торговлю включались казахские баи. Русское правительство распоряжениями 1835 года пыталось увеличить число купцов за счет зажиточной верхушки казахского аула, приспособить казахское байство к требованиям растущей экономики [5].

Для облегчения местной торговли неоднократно отменялись разные пошлины, например, в 1831 году с кож и сала, в 1835 году с вывозимого в степь хлеба, земледельческих и других изделий из желез. В 1845 году последовало разрешение купцам заводить меновую торговлю в самой степи. В 1868 году все пошлины были уничтожены, и торговля стала проводиться на общих основаниях [6].

С лета 1857 года купцам 2 и 3 гильдии, зарегистрированным в городах Западной Сибири, Оренбургской и Астраханской губернии, а также крестьянам, торгующим по свидетельствам 2 и 3 родов, было предоставлено право направлять товары в «азиатские страны», и вывозить оттуда на правах купцов I гильдии. Освобождение от пошлин жителей города Акмолинска 26 сентября 1862 года создало благоприятную обстановку для роста купечества и включения в нее земледельческого населения. В 1872 году истек десятилетний срок, в течение которого Акмолинск пользовался особыми льготами в сфере торговли и предпринимательства. Совет Главного управления Западной Сибири отклонил ходатайство жителей города о продлении еще на пять лет предоставленной городу льготы от платежа гильдейских пошлин, государственных и других повинностей [7].

На лиц, вступающих в состав купечества распространялся ряд льгот. Так, для лиц с ограниченными социальными правами (крестьяне, мещане, лица иудейского вероисповедания) существенной являлась паспортная льгота [8]. Представители купеческого сословия пользовались бессрочными паспортными книжками. На лиц иудейского вероисповедания, обладавших купеческим статусом, не распространялось действие дискриминационных мер – запрет выезда за «черту оседлости», квоты на получение образования для иудеев. Менее существенными, но традиционно почетными, были – освобождение от рекрутской повинности и подушной подати. Однако эти преимущества потеряли свой смысл с отменой в 1874 году рекрутчины и в 1887 году подушного налога для крестьян [9].

В пореформенное время среди предпринимателей появились лица, обладавшие более высоким статусом, чем купеческое звание. Сотни представителей торгово-промышленных семей в результате деловой активности их основателей получили престижные звания потомственных почетных граждан, что означало принадлежность к высшему городскому сословию и передавалось по наследству. Не все почетные граждане занимались торговлей, но вовлеченные в нее вели происхождение от купеческих предков.

Некоторые предприниматели, владея торгово-промышленными заведениями высоких разрядов, получали статус «временно приписанного купца» или выкупали полугодовые свидетельства.

В конце XIX века в связи с составлением таблицы и шкалы уплаты государственного промыслового налога, появилась возможность градации, как предприятий, так и предпринимателей. Среди пяти разрядов торговли в трех – оптовая; розничная; розничные лавки – разрешался труд наемных работников и содержание стационарных заведений. Были и такие виды, где не применялся труд наемных работников, это ларьки и палатки, постоянные дворы, а также развозная и разносная торговля. С принятием в 1898 году нового закона о промысловом налоге, отменялось обязательное приобретение купеческих свидетельств, для желающих заниматься коммерческой деятельностью.

В 90-е годы XIX века, самой доходной частью бюджета стала винная монополия. С помощью этой меры правительство получало возможность повышать питейные доходы не только распространением ее на новые районы и за счет увеличения продажи крепких напитков, но и повышением цен на эти напитки. Винная монополия явилась эффективной, но не единственной мерой для пополнения казны, существенное значение имело повышение акцизов, а следовательно, и розничных цен на товары повседневного массового потребления: спички, табак, керосин, сахар, чай и другие.

На рубеже веков российское правительство провело ряд мероприятий содействовавших развитию торговли и промышленности: введен покровительственный таможенный тариф; заключены серии договоров выгодные для государства с другими странами в области торговых отношений; увеличена сеть железнодорожных дорог. Были открыты учебные заведения средне-специального и высшего звена, где велась подготовка специалистов коммерции.

Правовой основой, регламентирующей отдельные стороны торговой деятельности стали следующие реформы.

Устав торговый [10], в котором отмечались общие правила для торгующих, специфические черты данной операции, категории служащих в коммерции. По статье 2 право вступать в договоры и обязательства принадлежало лицам обоего пола, вне зависимости от этнической принадлежности торговцам и компаниям на основании установленных в империи законов. Особо оговаривались права и обязанности, сумма жалованья, договорные обязательства, взаимоотношения с хозяином, возрастные градации приказчиков первого и второго классов. Несколько статей определили понятие, роль, сущность, предназначение, порядок регистрации торгового товарищества.

По закону о промысловом налоге правительство не только вводило новую систему налогообложения, но и стремилось держать под контролем пеструю в имущественном плане армию торговцев. Об этом констатируют следующие статьи: 533 – образец заявления о выдаче промыслового свидетельства, где указывались сведения: год приобретения, разряд, цена выбранного документа, звание, имя, отчество, фамилия, местожительство клиента или название общества. Вид предприятия, местонахождение складочного помещения, вид подряда и поставки, название транспортного средства, необходимое для провоза товаров, причастность к ярмаркам или развозному и разносному торгу, объем продаж, ассортимент товаров – вот перечень вопросов, необходимых для регистрации торгующего лица [11].

Устав «О службе по определению от правительства» [12] предлагал следующие реформы: по статье 534 все государственные служащие и члены их семей могли беспрепятственно получать купеческие и промысловые свидетельства. В то же время по статьям 722, 723, 724 служилым чиновникам и членам их семей запрещалось входить в подряды и поставки на месте службы, являться залогодателями, входить в долговое обязательство с подрядчиками и поставщиками, иметь связь с торговой сферой. Государственным служащим, исполняющим обязанности в Сибири, запрещалось вступать в долговые обязательства с крестьянами и инородцами. Работникам таможни запрещалось участвовать в привозной и отпускной торговле, заключать с купцами сделки и принимать на себя по таможенным

делам доверенности, покупать товары, без досмотра и урегулирования всех формальностей. Статья 734 запрещала некоторым категориям государственных служащих быть членом товарищеских и кредитных учреждений за исключением деятельности в коммерческих судах, члены которого избирались из среды местного купечества. Правительство проявляло интерес к жизни чиновников, препятствуя совмещению обязанностей с предпринимательской деятельностью. В случае, если государственный служащий объявлял себя несостоятельным должником по торговым делам, то его увольняли с работы.

Устав о воинской повинности 1897 года [13] устанавливал правила введения торговли военными служащими. Статья 28 гласила: лица, состоящие на действительной службе, сохраняют свои личные и имущественные права по состоянию, во время службы подчиняются правилам и ограничениям. Офицерам, нижним чинам не запрещалось иметь торговые свидетельства, но торговать они могли только через посредника (приказчика, управляющего торговым домом), причем запрещалась продажа крепких спиртных напитков. Статья 60 разрешала отсрочку на два года лицам, имеющим собственное недвижимое имущество.

Статья 235 «Устава о прямых налогах» [14] запрещала брать купеческие и промысловые свидетельства священнослужителям и церковным причетникам; протестантским проповедникам, находящимся на должностях. Евреи получали документы на право продажи и промыслов по предоставлению свидетельства о приписке к призывным участкам или удостоверения «О явке к исполнению повинности или об окончании ее выполнении».

По Уставу об акцизных сборах [15] должностным лицам акцизного управления запрещалось содержать в проживающих губерниях табачные плантации, фабрики и склады, в которых производится торговля табаком. Без взятия установленных патентов ни выделка крепких напитков и изделий из вина и спирта, ни продажа напитков не дозволялась. Только в местах, где занимаются виноделием, допускалось без взятия патента продавать виноградные вина собственного производства на рынках и торговых пристанях с непостоянных лавок. Продажу пива, портера и меда, русского виноградного вина дозволялось производить оптом и в розницу из заводов подвалов, оптовых складов, ренсковых погребов, из погребов русского и виноградного вин. Доставку с заводов на дом покупателя по заказу разрешалось производить без ограничений количества, то есть методом прямых продаж. В городах запрещалось открывать заведения с продажей крепких напитков, кроме заведений трактирного промысла.

Определялись категории лиц, которые не могут быть содержателями заведений для раздробительной продажи напитков, а также приказчиками 1) лица, состоявшие под следствием или судом; 2) лица, исключенные или удаленные из обществ установленным порядком; 3) лица, состоявшие под судебным приговором под полицейским надзором; 4) лица, осужденные за принятие заведомо проданных вещей в заклад или промен в течение пяти лет со времени осуждения; 5) лица, осужденные во второй раз за проступки, представленные в уставе об акцизных сборах. Не позволялось содержать заведения для раздробительной продажи торговых напитков внегородских поселений 1) должностным лицам волостного и сельского управления; 2) письмо водителям мировых посредников; 3) местным церковным старостам; 4) женам и членам семей указанных лиц.

Статья 610 указывала, что приказчиками в заведениях для раздробительной продажи напитков не могут быть лица моложе 21 года. В заведениях трактирного промысла запрещалось держать прислугу моложе 15 лет, а в помещениях открытых для публики, в которых производится продажа крепких напитков моложе – 18 лет. Статья 611 регламентировала торговлю подакцизными товарами лицами, состоящим на действительной службе – им запрещалось производить торговлю крепких напитков из всех заведений, содержащихся по установленным патентам.

По статье 612 евреям дозволялась питейная торговля только в тех местах, где они постоянно проживают, из собственных домов. Сидельцы-евреи могли работать

только в заведениях своих единоверцев. Если еврей проживал не в установленном месте, определенном правительством для их оседлости, то не пользовался правом питейной торговли. Собственным домом для евреев считалось недвижимое имущество, перешедшее в собственность с 3 мая 1822 года.

Согласно статье 650 Устава об акцизных сборах предусматривалась оптовая продажа крепких напитков, их производство на заводских подвалах и оптовых складах. В оптовых складах для продажи вина, спирта и водки разрешалось продавать русское виноградное вино. Статья 919 осуществляла нововведения в торговле табачными изделиями. Патенты на табачные фабрики и отделы, на заведения для торговли табаком выдавались ежегодно на каждый год в течение ноября и декабря предшествующего года, с взиманием за них платы. По статье 935 всем заведениям трактирного промысла и другим заведениям общественного питания дозволялось производить табачную торговлю по патенту или марке. В противном случае запрещалось курение табака хозяину и посетителям, под ответственность хозяина.

Устав горный по статье 627 указывал, что торговля солью в городах и селах оптом и в розницу с возов, лодок, на рынках, может производиться свободно без платежа пошлин за право торговли и промыслов.

Статьи закона о состояниях регламентировали вопрос о статусе отдельных сословий. По статье 84 дворяне при взятии установленных промысловых документов пользовались правами для торговли и промышленности. Статья 399 предусматривала права священнослужителей и церковных причетников, так протестантским проповедникам не разрешалось выбирать промысловые свидетельства, некоторые льготы предоставлялись только для вдов и дочерей. По статье 420 монахам запрещалось торговать, они имели возможность продавать только изделия собственного рукоделия, с позволения своего начальства. По положению 530 статьи для купечества устанавливались 2 гильдии. На вступление в данное сословие не требовалось соглашение купеческого общества. По статье 532, лица, имеющие право вступать в купеческие сословия, и приписанные к купеческим обществам, пользуются при условии взятия сословных купеческих свидетельства правами: купцов 1 гильдии в случае выборки промыслового свидетельства на торговые предприятия 1 разряда или на промышленные предприятия одного из первых трех разрядов; купцов 2 гильдии в случае выборки промысловых свидетельств на торговые предприятия 2 разряда или на промышленные предприятия четвертого-пятого разрядов.

Лица, не принадлежащие к купеческому сословию, могли выбирать промысловые свидетельства с сохранением их звания или с причислением в купечество. Казачье население, за исключением лиц, состоящих в служилом составе, имели право выбрать промысловые и сословные купеческие свидетельства. В служилом состоянии занимались торговлей на общем основании, с сохранением своего звания.

При соблюдении этих условий купец и его семейство вступали в состав купечества по месту прописки. Примем во внимание, что промысловое свидетельство, выданное на имя полного товарищества или торгового дома, дает право на получение только одного сословного купеческого свидетельства на имя главы дома, прочие компаньоны или участники приобретают это право по порядку установленному в статьях 532, 533. При не возобновлении в установленный срок означенных свидетельств, начальник купеческого семейства и внесенные в его купеческое свидетельство лица считались выбывшими из купеческого сословия. Поэтому постоянство числа купцов очень трудно установить, изменения качественного и количественного состояния происходили каждый год.

По статье 537 – в сословное купеческое свидетельство, выдаваемое на имя мужа, может быть внесена жена; в выдаваемые на имя жены свидетельство мужа не вносят. Статьи 541, 542 рассматривали вопросы о наследовании купеческого свидетельства вдовой или детьми хозяина.

Статья 546 обращала внимание на проблемы, возникающие при банкротстве. Если купец совершил преступление, за которое определяется телесное наказание, то он освобождался от него, хотя он уже выбыл из купечества до установления приговора.

По статье 552 – купцы 1 гильдии, состоявшие в этом статусе 12 лет подряд, удостоивались звания Советник коммерции.

Статья 554 подчеркивала, купечество 1 гильдии составляет особый класс почетных людей в государстве. Они имели право приезжать к имперскому двору, носить шпагу или саблю, надевать губернский мундир в прописанной местности установленного покроя с воротником и обшитый под цвет мундира, то есть зеленого сукна с красным кантом. Купцы 1 гильдии христианского исповедания, состоящие на службе более 12 лет, могли просить об определении их детей комиссионерами в разные учебные заведения, без выхода их общества. Если купец 1 гильдии в течение 12 лет являлся банкротом, то он и его дети лишались всех привилегий.

Обзор законов показывает, что предпринимался конфессиональный, а не национальный признак ограничений в торговой сфере. Определенные регламентации личного характера были установлены для ряда категории должностных лиц. Так, чиновники акцизного ведомства не могли заниматься производством или продажей продукции, подпадавшей акцизному сбору. Не имели право лично заниматься промыслами, а только через уполномоченных, чины военного ведомства (как рядовые, так и офицеры). Запрещалось такого рода деятельность служителя религиозных культов. Законом 1889 года министру финансов было предоставлено право запрета отдельным банкирам в совершении некоторых операций.

С установлением торговых контактов, условия и правила коммерции распространились на степные пространства. В крепостях возникли Гостиные дворы, в аулах развивались различные виды передвижной и разносной торговли. По степени развития торговли и промыслов в империи были установлены классы местностей: столица, 1, 2, 3 и 4 классы. Акмолинская область (города Омск и Петропавловск) и Семипалатинская область (город Семипалатинск) были отнесены к 3 классу. Все торговые предприятия были разделены на пять разрядов, главным критерием являлся объем капитала.

Контролирующие и фискальные органы постоянно выпускали специальные книги-журналы заседаний раскладочных комиссий, в которых был представлен классификатор торговых и промышленных предприятий, личных промысловых занятий в областях на текущий год и определялись проценты прибыльности каждого вида деятельности. В частности в журналах, представлено сведения о проценте средней прибыльности предприятий и занятий, утвержденные 4 мая 1915 г. для Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей.

Виды торговли были разнообразными, в большинстве случаев зависели от таких параметров, как размер оборота, протяженность торговых путей, ассортимент товаров, связи с другими рынками, специфика торговых операций. Представители торгового предпринимательства, принимая участие во всех видах и формах торговых отношений, организовывали торговые предприятия разных форм собственности и уставного капитала, особенно эта тенденция проявилась при стационарной торговле.

Кроме вышеназванного, существовали вспомогательные торговые промыслы, предназначенные для облегчения торговых операций путем посредничества. Торговое посредничество выполняло определенную роль в установлении экономических связей отдельных регионов. В то же время законодательство посредническую деятельность сводило не только к деятельности маклеров и коммивояжеров, а рассматривало шире. В этой связи обратимся к понятию личные промысловые занятия, которые в законодательных актах состояли из 7 разрядов.

Сравнительный анализ выдачи свидетельств показывает, что за 1895-1911 гг. выросло количество свидетельств I класса приказчиков в 3,6 раза, II класса 1,7 раза, агентов 1,3 раза. Соотношение свидетельств 2-х классов приблизилось к 50%

в 1909 году, но предпочтение отдавалось свидетельствам приказчиков II класса [16, подсчитано автором].

Экономическое и бытовое положение представителей торговли было неоднородным. До издания закона 1906 года труд приказчика был не нормирован, праздники запрещались. Торговля на всех торговых предприятиях, базарах и ярмарках, разностная и развозная, продажа подакцизных товаров ограничивались во времени – не более 12 часов в сутки. Рестораны, трактиры, пивные, чайные, столовые, кофейные, бани имели возможность работать 15 часов. Исключение составляли особые обстоятельства: наступление сезона, открытие ярмарок и т.д. По закону 1907 года были поставлены условия торговли в праздничные дни – продолжительность рабочего дня – не более 5 часов [17].

В начале XX века появление крупных предприятий фабрикантов для розничной торговли изменило отношения между крупной и розничной торговлей. Теперь предприятия имели возможность обращаться со своими заказами прямо к производителю и платить наличными в более короткие сроки. Плодотворную деятельность в этом процессе осуществляли товарищества мелких торговцев, образованные с целью общей закупки товаров.

Однако основная часть товарооборота приходилась на мелкие лавки, палатки и торговлю вразнос. Недостаточность транспортной сети, товарных складов сдерживало внедрение новых форм торговли. Развитие внутренней торговли в целом тормозилось и низкой покупательной способностью основной массы населения. Традиционно крестьянин и скотовод тратили на приобретение товаров на рынке намного меньше, чем горожанин.

В последующие годы произошли изменения в соотношении выборки документов по разрядам и гильдиям. Это обстоятельство, видимо, можно связать с введением в практику закона о государственном промысловом налоге, где был приложен список товаров, не подлежащих обложению по 4 и 5 разрядам торговли и с передвижных переносных помещений. Следующие виды торговли были отнесены к названной категории: продажа продуктов сельского хозяйства, простонародной одежды, мелких товаров, подержанной утвари, сельскохозяйственных инструментов, некоторых видов сырья, спичек, цветов, растений, печатных материалов, керосина, некоторых видов ткани. Финансовый аппарат в 1900 году предоставил ряд льгот некоторым торговым заведениям. Это предприятия по скупке для перепродажи партиями отечественного сырья, домашних животных, птиц. Были уменьшены сумма налогов для приказчиков и заведующих магазином. Крупным торговым предприятиям разрешалось иметь в штате коммивояжеров, которые принимали заказы на изделия и товары или торговали по образцам, за счет доверителей.

Отменялась плата за содержание в торговом заведении, небольшого масштаба, ученика приказчика в возрасте до 17 лет, а также возчика и погонщика, для развозной торговли.

Следующие промыслы не подлежали налогообложению и поэтому были более всего распространены: торговые выставки; продажа в разнос и развоз с передвижных и переносных помещений товаров, отмеченных в особом списке, на улицах, площадях, рынках, домах; базары, торги, имеющие характер кратковременных ярмарок, продолжающиеся не менее 14 дней.

То есть, поощрялись те виды торговли, которые имели большую разветвленность, носили информационный и массовый характер, были продуктами собственного производства.

Особая роль в установлении порядка в торговых операциях, взаимоотношений с местными властями, контроле спекулятивной торговле принадлежала торговым депутатам. Торговые депутаты с кандидатами избирались в городах Думами. Выборы производили торговцы из своей среды, независимо от вероисповедания. Депутаты и кандидаты должны были наблюдать в пределах вверенных районов за производством торговли и промыслов по надлежащим промысловым сви-

детельствам, помогать податным инспекторам, собирать сведения о торговых предприятиях для правильного обложения. Дела об избрании торговых депутатов, позволяют выяснить фамилии торговых депутатов в городах региона, а следовательно, и назвать имена представителей торгового предпринимательства региона. По городу Усть-Каменогорску были избраны депутатами: Носов Афанасий – Петропавловский мещанин и Колотушкин Петр – Усть-Каменогорский мещанин, кандидатом – Возмищев Дмитрий – Усть-Каменогорский мещанин. Срок полномочий для всех избранных лиц был определен с 7 апреля 1907 года до 31 декабря 1910 года [18, л. 6-15], такие же сведения есть по всем городам Казахстана). В Акмолинской и Семипалатинской областях по 9 городам всего было зарегистрировано 23 депутата и 20 кандидатов [18, л. 98).

Торговые заведения, в зависимости от финансовых возможностей предпринимателя, были различного вида. Передвижным или переносным помещением считалось небольшого размера устройство и приспособление для товаров, такое как столы, лотки, лари, во внутрь которых покупатели не допускались. Прототип современных киосков.

Торговые заведения 3 разряда были синонимами провинциальной жизни. Правительство ограничивало продажу некоторых товаров мелким предприятиям – была подготовлена роспись товаров, которыми не разрешалось торговать по промысловым свидетельствам в заведениях 3 разряда, утвержденное 1.12.1898 года Министерством Финансов. Список состоял из 30 различных видов, основными критериями были дороговизна, редкость товара, спрос на изделия.

Российское законодательство устанавливало специальную торговую документацию – купеческие и маклерские книги [19]. Предприниматели обязаны были содержать в надлежащем порядке счетоводство в зависимости от рода торговли: оптовая, розничная, мелочная. Розничные торговцы обязывались вести следующую документацию: товарную, кассовую, расчетную и документную книги. Лица, ведущие мелочную торговлю, должны были иметь кассовую, товарную и расчетную книги. То есть, чем предприятие было выше по имущественному принципу, тем больше требовалось документации, для контроля их деятельности и правильного налогообложения.

Введение книг было обязательным атрибутом постоянной торговли, также у торговцев велась черновая ежедневная книга, где вписывается производство торговли и отсюда вносятся в основные документы. Черновая книга обязательно пронумеровывалась, язык ведения книг не оговаривался. Книги должны были вестись исправно, без поправок, подчисток и приписок. Каждый торговец должен был проверять себя по книгам каждые 18 месяцев и выводить баланс: 1) Собственный свой капитал, движимое и недвижимое имущество. 2) Наличие денег и денежных документов. 3) Наличие товара. 4) Долги ему и от него. 5) Долги спорные и сомнительные. 6) Расходы на домашние издержки. 7) Годовую прибыль и убыток. В книгах находилась вся информация о деятельности хозяина, его нерушимая коммерческая тайна.

Реформирование торговой системы влияло на рост торговых заведений, если в 1879 году в городах и крупных селениях Семипалатинской области насчитывалось 424 торговые лавки и 56 складов, снабжающих местное население промышленными изделиями, галантереей, продуктами питания. Из них 225 принадлежали торговцам – казахам. То в 1911 году в одном Семипалатинске было 966 торговых и 170 промышленных заведений [20].

Податным инспекторам выдавались инструкции и циркуляры для исполнения. Например, в 1895 году вышел циркуляр о дополнительной проверке предприятий в период оживления торговли, связанного с открытием навигации, временем скупки сырья, хлеба, привозом азиатских товаров. Устанавливалось время с 15 января по 15 марта каждого года, на основании проверок составлялся журнал, копии которого хранились у административных чинов. Для должного наблюдения за внешней торговлей и устранения сомнений в вопросе выборки свидетельств,

Казенная палата выдавала список отечественных товаров, которые разрешалось вывозить за границу, без выборки торговых документов. Главным условием при разрешении являлось отсутствие у предпринимателя конторы, склада или другого заведения. Обязательным являлась выборка свидетельств для содержания трактиров, постоянных дворов и других заведений, оказывающие функции предприятия общественного питания. При содержании заведений с различным ассортиментом товара, нужно было иметь соответствующие документы, например одно свидетельство на галантерейный магазин и другое на ренсковый погреб и т.д., в противном случае владелец подвергался штрафу.

Политика властей, нежелание торгового предпринимательства выбирать свидетельство высокого разряда, из-за провинциальности региона и ограниченности финансовых возможностей населения, не способствовали развитию предприятий 1 разряда. В документах податного инспектора Омского участка Акмолинской области на основании выдачи торговых документов зафиксированы следующие данные на январь 1900 года: торговых заведений 1 разряда нет, 2 разряда 13, 3- 55, четвертого – 11, развозной торг – 21, разносной – 32 [21]. По сравнению с 1899 годом при сокращении предприятий 2 разряда существенно повысилось число заведений 3 и 5 разрядов.

Заключение. С начала XX века произошел ряд нововведений: активно открывались специализированные магазины, рестораны, гостиницы. Ярмарки стали приобретать черты ежедневных базаров. Произошел существенный рост торговых заведений не только в городах, но и в уездах. Постепенно происходила монополизация торговли и концентрация торговых предприятий крупными предпринимателями. Изменяется структура привозных товаров. На 1-е место выходят склады земледельческих орудий. Рост торговых заведений, наблюдавшийся в уездах, не предполагал увеличения оборотов капитала в торговле. В селениях городские предприниматели открывали свою сеть торговых магазинов и контор по скупке. С начала первой мировой войны ситуация несколько изменилась: уменьшилось число торговых заведений, начали свертываться предприятия 1-го разряда. В более благополучном положении были развитые города региона.

Среди нововведений в начале XX века можно отметить факты использования реклам, ввод ценников, практику продажи на векселя, отправка агентов для составления каталога товаров в фирму производителя. Со своей стороны фабрики начали открывать оптовые склады и конторы на окраинах империи. Они были заинтересованы в быстрой реализации своего товара путем прямых продаж. Существенным элементом является открытие бирж, иностранных контор по скупке продукции, кооперативов, кредитных судебно-сберегательных товариществ, проведение выставок.

Таким образом, торгово-экономическая политика царизма способствовала росту торгового населения, активизации открытия торговых заведений, внедрению оптимальных форм и видов коммерческой деятельности.

Литература

- 1 Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинска (1718-1917 гг.) / Ж.К. Касымбаев. – Алматы, 1998. – 276 с.
- 2 Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861-1917 гг.: (Социально-эконом. аспект) / Ж.К. Касымбаев. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 184 с.
- 3 Басин В.Я. Русско-казахские торговые связи в период присоединения Казахстана к России / В.Я. Басин, У.А. Умурзаков // Изв. АН КазССР. – 1982. – № 3. – С. 14-18.
- 4 Касымбаев Ж. Казахстан-Китай: караванная торговля в XIX-начале XX вв. / Ж. Касымбаев. – Алматы: Өлке, 1996. – 206 с.
- 5 Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI - I половине XIX века / Н.Г. Аполлова. – М.: Наука, 1976. – 371 с.
- 6 Свод законов, изд. 1857 года. – СПб, 1857. – Т.8, Ч 1. – 370 с.

- 7 ГАОО. Ф. 3, оп. 5, д. 7172, л. 18.
- 8 Свод законов Российской империи, издания 1899 года. – СПб, 1899. –Т4. – 1032 с.
- 9 Очерк внешней торговли и таможенных доходов России. – СПб.: Изд. И. Гольденберга, 1896. – 77 с.
- 10 Свод законов Российской империи, издания 1893 года. – СПб, 1893. – Т. 2. – 929 с.
- 11 Положение о государственном промысловом налоге, дополненное всеми указами и распоряжениями правительства и разъясненный решениями правительствующего Сената и циркулярами Министерства финансов: Сост. Н. Хлебников, И. Пекарский. – СПб, 1902. – 855 с.
- 12 Свод законов Российской империи, издания 1893 года. – СПб, 1893. –Т. 7. – 929 с.
- 13 Свод законов Российской империи, издания 1899 года. – СПб, 1899. –Т. 9. – 1032 с.
- 14 Свод законов Российской империи, издания 1893 года. – СПб, 1899. – Т. 10. – 940 с.
- 15 Свод законов Российской империи за 1908 год. –2 изд. – СПб, 1911. – 1032 с.
- 16 ЦГА РК. Ф. 342, оп.1, д.661, л.165-170.
- 17 Свод законов Российской империи за 1914 год. – ПТГ, 1914. – Т. 5. – 535 с.
- 18 ЦГА РК. Ф. 342, оп. 1, д. 573.
- 19 ЦГА РК. Ф. 342, оп. 1, д. 551, л.1,3.
- 20 ЦГА РК. Ф. 342, оп. 1, д. 87, л.12.
- 21 ГАОО. Ф.36, оп.1, д.9, л.19.

References

- 1 Kasymbaev Zh.K. Istoriya goroda Semipalatinska (1718-1917 gg.) /Zh.K. Kasymbaev. –Almaty, 1998. – 276 s.
- 2 Kasymbaev ZH.K. Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861-1917 gg.: (Social'no-ekonom. aspekt) / Zh.K. Kasymbaev. –Alma-Ata: Gylym, 1990. – 184 s.
- 3 Basin V.YA. Russko-kazakhskie torgovye svyazi v period prisoedineniya Kazakhstana k Rossii / V.YA. Basin, U.A. Umurzakov // Izv. ANKazSSR. – 1982. – № 3. – S. 14-18.
- 4 Kasymbaev ZH. Kazakhstan-Kitay: karavannaya torgovlya v XIX-nachale XX vv. / Zh. Kasymbaev. –Almaty: Ulke, 1996. – 206 s.
- 5 Apollova N.G. Hozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v konce XVI-I polovine XIX veka / N.G. Apollova. – M.: Nauka, 1976. – 371 s.
- 6 Svod zakonov, izd. 1857 goda. – SPb, 1857. – Т.8. – Сн 1. – 370 s.
- 7 ГАОО. F.3, оп.5, д.7172, л.18.
- 8 Svod zakonov Rossiyskoy imperii, izdaniya 1899 goda. – SPb, 1899. –Т4. – 1032 s.
- 9 Ocherk vneshney torgovli i tamozhennyh dohodov Rossii. – SPb.: Izd. I. Gol'denberga, 1896. – 77 s.
- 10 Svod zakonov Rossiyskoy imperii, izdaniya 1893 goda. – SPb, 1893. – Т. 2. – 929 s.
- 11 Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge, dopolnennoe vsemi ukazaniyami i rasporyazheniyami pravitel'stva i raz'yasnennymi resheniyami pravitel'stvu ushchego Senata i cirkulyarami Ministerstva finansov: Sost. N. Hlebnikov, I. Pekarskii. – SPb, 1902. – 855 s.
- 12 Svod zakonov Rossiyskoy imperii, izdaniya 1893 goda. – SPb, 1893. – Т. 7. – 929 s.
- 13 Svod zakonov Rossiyskoy imperii, izdaniya 1899 goda. – SPb, 1899. – Т. 9. – 1032 s.
- 14 Svod zakonov Rossiyskoy imperii, izdaniya 1893 goda. – SPb, 1899. – Т. 10. – 940 s.
- 15 Svod zakonov Rossiyskoy imperii za 1908 god. – 2 izd. – SPb, 1911. – 1032 s.
- 16 CGA RK. F. 342, op.1, d.661, ll.165-170.
- 17 Svod zakonov Rossiyskou imperii za 1914 god. – PTg, 1914. – Т. 5. – 535 s.
- 18 CGA RK. F. 342, op.1, d. 573.
- 19 CGA RK. F. 342, op.1, d. 551, ll.1,3.
- 20 CGA RK. F. 342, op.1, d. 87, l.12.
- 21 ГАОО. F.36, оп.1, д.9, л.19.

АХМЕТОВА Г.М.

С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті, т.ғ.к.

XIX-XX ҒАСЫРЛАР ТОҒЫСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПАТШАЛЫҚТЫҢ САУДА-ЭКОНОМИКАЛЫҚ САЯСАТЫ

Түйін

Мақалада біріккен аумақтарда саудаға қатысты патша үкіметінің нормативті-құқықтық базасына талдау жасайды. Реформалар сауданың ұстанымдары мен шарттарына түбегейлі өзгеріс енгізді, атап айтқанда тәуелсіз бизнесі бар жеке кәсіпкерлер екі жыныстан, түрлі сословие тұлғасы болуына мүмкіндік жасады. Оларға компания құру, сауда ассоциацияларына бірігу құқығы берілді. Үкіметтік салық жүйесіне қатысты заңнамалық актілері сословиелік сызбасынан кетіп, кәсіпорындардың сауда айналымының көлеміне қарай бөлісіп алуға мүмкіндік берді. Сауда-саттық көлемі толықтыру элементі ретінде қарастырылды, оған әр түрлі құжаттар енгізілді, сауда кәсіпорындарының экономикалық жағдайы тіркеуге алынды. Тауар айналымына бақылаудың енгізілуі анағұрлым кең тараған және аса қажетті күнделікті тұтынатын тауарларға акциздер енгізу туралы мәселенің туындауына әкелді. Тауарларға қойылған мемлекеттік монополия сауда жүйесінің салалануына ықпал етпеді. Үкімет діни қызметкерлер мен еврейлердің қызметін қадағалап, көпестік атақтың мұралыққа қалдыру мәселесіне назар аударды. Сонымен қатар үкімет саудада адал қызмет еткендерге мемлекеттік марапаттар, түрлі жеңілдіктер мен сыйақылармен қамтамасыз етіп отырды. Акт материалдары бойынша сауда өкілдеріне қойылатын басты өлшемдер: кәсіпкердің нақты аумаққа тартылуы; діни бағыты; капиталдың айналым мөлшері; мақсаттың сенімділігі мен тұрақтылығы; сауда қызметінің нәтижелілігі.

Түйін сөздер: сауда заңдары, көпес куәліктері, сауда депутаттары, сауда түрлері, кәсіпкерлікпен шұғылдану.

АХМЕТОВА Г. М.

S. Amanzholov East Kazakhstan State University, Kazakhstan
Candidate of Historical Sciences

TRADE AND ECONOMIC POLICY OF TSARISM AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURY

Summary

The paper analyzes the legal framework of the tsarist government in relation to trade in the merged territories. Reforms have made radical changes in the conditions and principles of trade, in particular representatives of the trade could be the representatives of various classes of both sexes, who had an independent business. They were given the right to join trade associations, and to establish a company. Government Legislative Acts of the tax system made it possible to get away from the estates and to divide trading scheme by the amount of trade turnover of enterprises. Trading scope was considered as an element of replenishment, therefore introduced various documents, which were to register the economic situation of commercial enterprises. Control of the trade turnover led to the question of excise on the most common and essential consumer goods. The state monopoly on the goods contributed to the trading network of branching. The Government monitored the activities of the clergy and the Jews, and paid attention to the inheritance of the merchant class. At the same time, the government encouraged the faithful merchants, giving them a variety of honors and providing benefits. The main criteria for sales representative of material trade were the entrepreneur's attachment to particular territory; religious affiliation; the value of capital turnover; reliability and stability of intentions; the impact of business activities.

Keywords: trade law, merchant certificates, trade members, trade types, crafts.

ЖҰРТБАЙ Н.Т.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті журналистика факультетінің ЮНЕСКО, халықаралық журналистика және қоғаммен байланыс кафедрасының аға оқытушысы, PhD

**XIX ҒАСЫРДЫҢ АЯҒЫ МЕН XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ
БАСПАСӨЗІ ЖӘНЕ ЖЕР ЭКОЛОГИЯСЫ**

Аннотация

Алғашқы қазақ баспасөздеріндегі («Дала уалаятының газеті», «Қазақ», «Сарыарқа», «Абай», «Сана», «Шолпан», «Тан», «Жас Түркістан» (Парижде) газеттері) экология, жер экологиясы тақырыбының қалыптасу жолына қысқаша тарихи шолу жасалып, оның саяси, экономикалық негізгі аспектілері ашып көрсетіледі (1888-1918).

Түйін сөздер: қазақ баспасөзі, көшпелі өркениет, дәстүрлі көшпелі экологиялық мәдениет, «ақ шом» экономикасы, алаш идеясы, жер саясаты, «жасыл белдеу», қуаң, шөлейт аймақ, экономикалық саясат, экологиялық қауіп, жер экологиясы, тұрмыстық экология.

Табиғатты аялау, қоршаған ортаны қорғау, оның игілігін күтіп ұстау, су көзін ластанау және суалтып алмау, өзендегі өткелдер мен арық, тоғанды бүлдірмеу, өрттен сақтану, жайылымды жыл мезгіліне қарай орынды пайдалану, жер байлығын кесірсіз игеру – көшпелі өркениет үшін өмір сүру мен өлім мәселесін шешетін ең маңызды шара болды. Көшпелі өркениеттің тұрмысы мен тіршілігі табиғатпен және оның түрлі құбылыстарымен тікелей байланысты болғандықтан да, оның төрт маусым бойғы өзгерісі мен ауа райының ауысуына қарай күн көріс амалын да бейімдеп отырды. Табиғи тосын апаттар мен қуаңшылық, не қыстың ерте түсіп, көктемнің кешігіп келуінен туындайтын «жүт» деп аталатын күйзелістерден сақтану үшін табиғаттың қас-қабағын жазбай бақылап, алдын-ала болжап отыруға аса маңыз берді. Табиғаттың құпия сырын қаттап, ай мен жұлдыздың орналасуына қарап, сол жылдың қалай өтетінін жорып, жаз – жайлау, қыс – қыстауын сайлап, су көздерін ерекше назарға алды. Бұған сонау ескі көнкі түркі дәуірінен бергі табиғат құбылыстарының тәжірибесі жинақталған «Ежелгі түріктердің жыл топшылары» [1] атты жинақ толық дәлел.

Сондықтан да 1888-1902 жж. аралығында қазақ, орыс тілінде шығып тұрған алғашқы «Дала уалаятының газетіндегі» экологиялық тақырыпта жарияланған мақалалардың дені осы дала тіршілігінің тамыры болып табылатын түрлі анамалиялық табиғат құбылыстарына, ауа райына, су көздерінің тартылуына арналды. Мұны жалпылама алғанда шартты түрде ғылыми-ағарту, тұрмыстық экология туралы көпшілікқолды танымдық сыпаттағы жарияланымдар деп те атауға болады. Онда сел, тасқын, дүлей (смерч), қуаңшылық, жыл атына қарай «аққоян», «мешін», доңыз», «ақсүйек» деп атлаған дала апатын тудыратын табиғи күйзелістердің себептері мен одан сақтанудың жолдары, әр түрлі аймақтардың жер бедеріне, сол арадағы табиғат ерекшеліктеріне байланысты мәселелер қозғалды. Сондай-ақ табиғатты тиімді пайдалану, өзен, бұлақ, тоған арнасын бұрушыларға, көш жолындағы су көздеріне зиян келтірушілерге, өткелді бұзушыларға, табиғат апатына ұшырағандарға көмектеспеушілерге қарсы қолданылатын дәстүрлі дала ережелері түсіндірілді.

«Дала уалаятының газетіндегі» осы тақырыпты қамтыған мақалалар мен хабарлардың «Адам, қоғам, табиғат. 1888-1902» деген атпен дербес жинақ болып басылуының өзі қоршаған ортаны қорғау және оны тиімді пайдалану орайына тұрақты түрде көңіл бөлгендігін дәлелдейді [2]. Соның ішінде: «Белаш деген жер турасында» (51-б.), «Қазақ жерлеріндегі таудан алатын пайдалы кәсіптер» (66-б.), «Жақсы өнеге» (90-б.), «Жат жер» (92-б.), «Қазақта билердің хүкімінің

қандай екені туралы» (103-б.), «Баян-Аул» (106-б.), «Қазақ халқының тұрақ мекендері» (123-б.), «Закаспий облысы торабы» (131-б.), «Қалмақ халықтарының асырап-сақтап өсіруі турасынан», «Жер астындағы қалалар» (197-б.), «Қазақ жері» (246-б.), «Әр түрлі ағаштар турасынан» (260-б.), «Қазақтардың ант ішіп, жан берген хұсасында» (290-б.), «Кейінгінің қамын ойлап жазылған ақыл» (294-б.), «Құн турасында қазақтардың» (302-б.), «Қалайша тіршілік етіп тұрмақтың мәслихаты» (306-б.), «Қазақтың қыр даласындағы, таудағы кен завод жұмысының хұсасында» (314-б.), «Қазақтардың жерлерін арендаға жалдаған хисасында Ақмола облысының оңтүстік жағында» (321-б.), «Не себептен жерлердің сілкінгені пайда болады» (371-б.), «Қазақтардың аң аулауы» (384-б.), «Ағаш медресесі» (421-б.), «Жер, күн һәм жұлдыздар турасының баяны» (429-б.), «Қазақтардың жерін қалайша билеп пайдаланып тұрғанының баяны» (436-б.), «Қазақ халқына атадан балаға мирас қалған жермен пайдалану турасынан» (467-б.), «Қазақ халқының қазіргі һәм ілгіргі күні турасынан бірнеше ойға келген сана» (541-б.), «Торғай облысындағы ауыл медреселелері» (544-б.), «Эреже» одного чрезвычайного съезда народных судей» (562-б.), «Қазақ жылқысының жақсы тұқымы» (599-б.), «Керекуден келген хат» (607-б.), «Қазаққа дәрігердің керектігі» (615-б.), «Ереже» (624-б.), «Қазақ рәсімдері» (757-б.) атты мақалалар мен хабарлар халықтың экологиялық мағлұмат алуына ықпалын тигізді.

Бүгінгі ғаламдық сыпатқа ие болған экологиялық күйзелістерді тудырған басты себеп – экономикалық тұтыну мүддесі екені және оның жерге тікелей байланысты екені анық. Отарлық жағдайда өмір сүрген қазақ халқының алғашқы баспасөздеріндегі басты мәселенің жер болғандығы және ол тақырып саяси көзқараста талқыланғаны түсінікті де. Ұлттық және рухани тәуелсіздік идеясы ояна бастаған тұста жарық көрген «Қазақ» (1911-1918), «Сарыарқа» (1917-1918) газеттері мен «Айқап», «Абай» журналдарындағы мақалалардың тақырбы да осы жер мәселесін қамтыды. Бұл жарияланымдардың ұлттық, саяси сыпаты үстем түсіп жатқанымен де, түпкі мәселе – қуаң, шөлейт аймаққа зорлықпен шоғырланған қазақ елінің экологиялық демографиясы мен экологиялық табиғи күйзеліске келіп тірелетін. Осы орайда «Қазақ» газеті мен «Айқап» журналы жаппай халықтық дискуссия да ұйымдастырды. Аса қызу өткен ол пікір алысулар қашан «Айқап» журналы жабылып қалғана шейін үш қатырынан жүргізілді. Бұл сол кездегі қалыптасқан жағдайға байланысты түсінікті де еді. Оның басты себебін, Қазақ автономиялық өлкелік жер комиссариатының комиссары Жағыпар Сұлтанбеков өзінің «Жер саясаты» атты кітабында: «...Қазақтың «артық» қара топырақ, маңызды жерлерін, айдын шалқар көлдерін, өзен бойларын, ағаштың саялы жерлерін кесіп, келімсектерге, атты казактарға (патша өкіметі) алып берді. Қазақ бірте-бірте жақсы, сулы жерлерден ығыстырылып, борбас, тау-тас, шақат, шөлейтке шыға бастады. Кіндік кесіп, кір жуып өскен ата қоныс жерлеріне көз алдында зорлықпен орнап жатқан келімсектерге қазақтың дұшпандық көзімен қарамасқа шарасы бар ма еді? Сөйтіп, екі халықтың арасында өшпенділік туып, жанжал күшейіп, нешелер қантөгістер де болған» [3, 10-б.], – деп түсіндіреді.

Мұның астарында қыр қазақтары үшін үлкен экологиялық проблема жатқан болатын. Патша өкіметі үлкенді-кішілі өзендердің бойына «жасыл белдеу» деп атаған ереже шығарды. Ол ереже бойынша Еділ, Жайық, Ертіс, Есіл сияқты кең сахараны суарып тұрған дариялардың жағасына 10 шақырымға дейінгі аралықта қазақтардың мал жайып, пішен шабуына тиым салынды. Тоғандар мен арықтар суалды, егістіктер мен шабындықтар қуаңшылыққа ұшырады, ірілі-ұсақты су көздерін келімсектер мен казактар өздерінше тоспа жасап, су жібермеді. Ауыз сулар түрлі ұсақ кәсіпшіліктердің өндірістік қалдықтарынан (мысалы, жүн жуатын шағын өндірістердің кірінен, доңыз бен үй құстарын ұстаған фермалардың иіс-қоңысынан, нәжісінен) ластанып, оған химиялық заттар қосылып, ішуге жарамды. Түрлі жұқпалы ауырулардың ошағына айналды. Сөтіп, өз жерінде отырып, өз жерінің игілігін пайдалана алмады.

Қазақ жері мен еліне қатысты жоғарыдағыдай экологиялық мүддені қозғайтын негізгі жарияланымдардың тақырып аясы мен мазмұнын «Қазақ» газетіндегі [4] жинағында іріктеліп берілген: «Отырықшы болатын қазақтарға кесіп беретін жердің есебі», (12-б.), «Жер іздеген қазақтар» (24-б.), «Қазақ жайы» (30-б.), «Төртінші дума һәм қазақ» (45-б.), «Айқап» журналындағы [5] «Азып-тозып кетпеске не амал бар?» (52-б.), «Сусағанның түсіне су кіреді» (75-б.), «Жер жұмысына дін жұмысын қыстырмалау» (83-б.), «Потанин докладынан» (96-б.), «Социал-демократтар үсталу (П.А.Т.)» (115-б.), «Жаңа бағынған қазақтар» (116-б.), «Шаруа кеңесі» (169-б.), «Мал нормасына һәм қазақ положениесіне қайту» (192-б.), «Игілік қауымы» (195-б.), «Жұмыртқадай бидай» (215-б.), «Бағаналы (Торғай уезінен)» (225-б.), «Башқұрт жері» (227-б.), «Шаруалық өзгерісі» (244-б.), «Қайсысы пайдалы?» (291-б.), «Қазақ съезі» (374-б.), «Жерді қалай бөлу» (382-б.), «Қазақтың Сарыарқа деген жайлары...» (61-б.), «Государственная дума һәм қазақ» (62-б.), «Қазақ пайдасындағы жерді алу турасындағы нызамдар, бұйрықтар» (76-б.), «Жер мәселесі» (83-б.), «Мұқтаждық» (198-б.), «Қазақтардың діні, хұқық һәм жер хақындағы өзара кеңестерінің қорытындысы» (218-б.), «Біздің дертіміз» (268 б.), «Сарыарқа» газетіндегі [6]: «№7 Жер туралы» (78-б.), «№9 Жер комитеттері» (95-б.), «Жаңа ашылған қауымдар, Ел қамын ойлаған азаматтар» (230-б.), «№20 Қазақ партиясы «Алаштың» тұтынатын жолының жоспары» (251-б.), «Ұлт қазынасы» (305-б.); «Қазақ жеріндегі түз», «Ұлт қазынасы» (146-б.), «Жер мәселесі» (170-б.) [7] атты мақалалар шоғырынан анық байқай аламыз.

Бұған қарап, алғашқы қазақ баспасөздерінде жер мәселесі неге баспасөздің басты тақырыбына, өзекті мәселесіне айналды. Оның экологиялық ахуалға қандай қатысы бар – деген сұрақтардың туындауы да мүмкін. Оған айтар уәжіміз мынау: жер мәселесіне қатысты қазақ баспасөзіндегі түбірлі тақырыпты қамтымай, содан келіп туындайтын экологиялық зардаптардың түпкі тамырын түсіну мүмкін емес. Сондықтан да бұл тақырыпқа қысқаша түсінік бере кетуге еріксіз мүдделі болғандығымызды тағы да ескерте кетеміз.

Жоғарыда атап өткеніміздей, экологиялық сана мен дәстүрлі көшпелі экологиялық мәдениетті санасына мықтап сіңірген жер емшегін еміп, табиғат сиын қорегіне айналдырған қазақ халқының көшпелі экономикасына Ресейдің отарлауына, жерді аннекция жасауына, өнеркәсіптік орындардың ашылуына байланысты XIX ғасырдың екінші жартысынан бастап алаңдатарлық өзгерістер енді. 1867 жылғы «Екінші нызамнан» кейін жер, су толықтай патшаның меншігі деп жарияланды. Рухани тәуелсіздік пен байырғы экологиялық сана рухына экономикалық кіріптарлық алаңдату әкелді. Омбы бақылау палатасының аға ревизоры И. Мельниковтың қазақ ұлтын бүкілдей басыбайлы етіп, жерінен айырудың шешуші жоспарын, яғни, «Үшінші нызамды» тағы да бір тексеруден өткізіп, мәртебелі ағзамның кеңесіне жолдадаған «Қазақтарды Сібір қазақ әскерінің маңынан 10 шақырым (верст) аулақ қоныстандыру үшін оларды көшіру және қоражай салу үшін 500 сом бөлу туралы мәселеге орай» берген мәлімдемесінде:

«Қазақ халқының тағдыры біздің жер шарын мекендеген өзге елдер сияқты адамзат қоғамының пайда болуы мен дамуындағы тарихтың жазылмаған заңына бағыншыты және солай аяқталады. Ол заң бойынша: жер бетіндегілердің барлығы, оның ішінде адамдар да қоршаған орта мен қалыптасқан жағдайға бейімделсе және оған бағынса ғана өмір сүре алады. Ал оған мойынсұнғылары келмегендер жер бетінен аяусыз түрде жойылады. Қалыптасқан осындай жағдайға қазақ халқы мойынсұнып отыр ма? Қалай? Қайда? Не үшін және қандай дәрежеде? Бұған жауап беру деген сөз – қазақ халқын алда не күтіп тұр, қантөгіске ұшырамау үшін не істеу керек деген мәселеге жауап беру болып табылады. «Інжілдегі» дәруіштер сияқты емін-еркін өмірдің, Арабстандағы бәдәуилер іспетті көршілеріне шапқыншылық жасаудың дәуірі біткендігін, енді жерге қоныстанудың қажеттігін, болашақта өздерін не күтіп тұрғанын қазақтар да сезетін сияқты. Олардаң тым сылбырсып жүргендігінің бір себебі, олардың қай жерге барып ұя салары толық

белгіленбегендіктен деп есептеу керек. Осы халықтың тағдыры туралы тарих шығарған қатыгез үкімге қарамастан көңілге уайым түсірер бір күдік туралы айтпай кетуге болмайды, қыр жағдайымен етене танысқан соң мұндағы адамның өмірі табиғи ерекшеліктерге бейімделе ала ма деген ой келеді. Бұл арада орыстар тұрақты қоныстана ала ма? Қазақтардың малдарына қолайлы жерлерін алып алған соң олар кедейленіп шыға келеді. Ал ол араға қоныстанған орыстар кетіп қалу қаупі бар, ендеше бұларды асығыстықпен көшірмей, қарайласа дұрыс болар еді... Олардың өміріндегі мұндай экономикалық қасірет номадтардың тарихы мен әлеуметтік жағдайының нәтижесінде қалыптасқан қажеттілік... Қазақ даласындағы экономикалық күйзелістің басты себебі – номадтардың көшпелі тіршілігіндегі дәстүрлі қарым-қатынастың бұзылуы екенін үкімет ескертуі тиіс» [8, 69-70-бб.], – деп жазды.

Әрі үкім, әрі нұсқау ретінде жазылған бұл нұсқау бойынша қазақтар жерге қоныстанса да аштан өледі, сол көшпелі қалпын сақтаса да аштан өледі, сол көшпелі қалпын сақтаса да жұтқа ұшырайды. Жаз жайлау, күз күздеу, қыс қыстау жайына қалады. Шөл мен тастақ жер ғана олардың еншісіне тиеді. Көшпелілерді күйзелту – экономикалық саясаттың басты бағыттарының бірі әрі экологиялық апатқа қарай бет бұру деген сөз. «Жер өспейді, ел өседі». Мұның растығына сол шенеуніктің жоғарыдағы тұжырымдамасындағы:

«Түркістанды бағындыру арқылы даланың оңтүстігі қоршалды, бұл қазақтардың толықтай Ресейдің қол астына көшкендігінің ең шешуші пәрмені болып табылады: соның нәтижесінде, бір жағынан, қазақтардың азиялық хандықтарға емін-еркін көшуі тоқталса, екінші жағынан, қазақ даласына орыстардың жаппай қоныстануы күшейді, олар қазақтардың қонысына жайлы жерлерді орыстар егін салу үшін басып алып, өздерін қуып шықты, қысылып-қымтырылған қазақтар тұйықтан шығу үшін сулы жерге, көбінесе жағасы шалғын, нулы, бірақ та орыстар бекініп алған Ертіс өзенінің жағасына қарай ығысты, онда бос жер қалмағандықтан да жайылымды жалға ала бастады», – деген мәліметін келтірсек те жеткілікті.

Қазақ елі өз жерінде, өз елінде отырып, жатқа жалыншыты болды. Бұл дегеніңіз нағыз экономикалық тәуелділік, экологиялық жұттың басы еді.

Ұшы-қиырсыз жерді мекендеген көшпелілердің солтүстік қанаты көшпелі, оңтүстік қанаты жартылай көшпелі, жартылай отырықшылық тіршілік құрып, егіншілікпен айналысты. Олардың арасындағы экономикалық байланыс үзілген жоқ. Соның нәтижесінде көшпелілер тілдік, ортақ экономикалық, ұлттық бірлігін сақтап қалды. Сондай ұлттық экономиканың ең көне әрі негізгі көзінің бірі «ақ шом» экономикалық дәстүрі – қазақ көшпелі экономикасы мен дала экологиясын сақтаудың ең мүдделі тәсілі еді. Қысы ұзақ солтүстікте астық өндіру, жеміс-жидек, бақша баптау қиын. Ал оңтүстіктегі егіншілік өлкеде мал тұяғы умен тең. Сондықтан да көшпелілер «Ақ шом» айналымын қолданды. Күзде солтүстіктегі малшылар өзінің темір-терсек, жүн-жұрқасын артып, түйеге қолдап, оңтүстікке аттанады. Әр үйден, ауылдан белгілі азаматтар ере шығады. Сарыарқа мен Мұғаджардан ағылған «Ақшомшылар» арысы Бұхара, Самарқаннан, Хиуадан, берісі Түркістан, Шашқа барып апарған тері мен жүнін астыққа айырбастайды. Әркімнің өзінің күні бұрын келіскен адамы бар. Екі жақта өзгеге қолындағысын бермейді. Өнімдерінің сапасына сенеді. Жұт, қуаңшылық жылдары несиеге алады. Сонау миладиден бұрынғы скиф заманында да солай болыпты. Ол туралы Элладаның саяхатшысы Страбон жыл қайыруымыздан бұрын бес ғасыр ілгері заманда:

«Номадтар қарақшылық, шапқыншылықтан гөрі, көбінесе дүркін-дүркін жорыққа аттанып тұруға әуес және қолүздік үшін аттанады; олар жер өңдеуді білетін диқандарға өздерінің қол астындағы жерді бөліп береді, шыққан егіннен белгілі бір мөлшерде болмашы ғана ұшыр алады. Мұны олар қорлану, баю үшін емес, күн сайынғы тіршілік қажетін қамтамасыз ету үшін ғана жияды; егерде әлгі несиені бермеген жағдайға ғана оларға қарсы жорыққа аттанды... Шындығына келсек, сол несиенің өзі оларға дұрыстап төленбейтін. Өйткені, олардың шабуылын оп-оңай тойтарып тастаймыз немесе қарсы жорыққа шығамыз деп үміттенетіндер мен өз күшіне сенетіндер ғана салым төлемейтін» [9], – деп жазды.

Демек, «ақ шомның» негізі есте жоқ ескі заманда қалыптасқан. Ол ХХ ғасырға да сол қалпы жеткен. Бұл туралы жоғарыда аталып өткен Ж. Сұлтанбековтің «Жер

саясаты» атты кітабында: «Әр ру мал шаруашылығының жағдайы үшін көшіп-қонып жүруге тиісті болды. Әр елдің қысы, жазы көшіп жайлап жүретін беткейі – көш жолы болды. Мысалы: Жаппас деген ел соңғы уақытқа дейін жазға қарай Сыр бойынан көшіп Арқаға қарай жайлап, Қостанай уезіне шейін келетін еді. Қысқа қарай қайта жайлап, Сыр бойына түсетін еді. Себебі, көшпелі шаруа толы жатқан малға пішен шауып жинай алмайды. Соның үшін малды әр мезгілдің жағдайына, күннің райына қарай жаяды. Жаппастың жаз малды Арқаға қарай жайып шығатыны, жазды күні Сырдың бойы өте ыстық болып, қуаң тартады. Малға өріс өріс бере алмай, жайсыз болады. Арқа жақтың жазға қарай қары кетіп, жері көктеп, көлдеріне су түсіп, жерді, жазы малға қолайлы болады. Қысқа қарай Арқаға қар түсіп, жерді, шөпті басып қалатын болған соң, ел жылжып Сыр бойына түседі. Себебі: Сырда қысқа қарай қар түспей, түссе де жөнді болмай, күн райы жұмсап, жердегі өсімдігі артып, жайылыс мол болады. Осы сияқты әр ел ле жайылым, қоныс іздеп. Қоныс аулап көшіп жүретін болған. Сөйтіп, әр елдің дағдылы көш жолы беткейі болатын болған. Әрине, осылайша еркін бетімен жайыла көшіп жүргенде әр елдер, рулар кездеспей, соқтығыспай тұра алмайды. Соның үшін араларында көш жолына, қонысқа, суға талас – тартыс, жанжал болмай және тұрмайды» [3, 14-15-бб.], – деп жазды.

Осыдан келіп туындайтын жер дауы «Яса», «Қасым ханның қасқа жолы, Есім ханның ескі жол», «Жеті жарғы» сияқты дала заңдары арқылы шешіліп отырды. Онда көш жолын, өткелдер мен көпірлерді бұзуға, орданды кесуге, тоғай мен шабындықты өртеуге, бұлақ көздерін жабуға, жайылымдық, егістік, ауыз суларды жеке пайдалануға, меншіктеуге ластауға, тиым салынған дәстүрлі заң баптары болды.

Дәл осы экономикалық саясатты Әлихан Бөкейханов пен Швецов та ұсынады. Егерде жедел отырықшылануға көшсе қазақ халқы сөзсіз ашаршылыққа ұшырайды. Екіншіден, көшпелі экономикалық түзілімді сақтамаса, онда сөзсіз тәуелділікке көшіп, таза шикізаттың құлына айналады. Үшінші, олар крестьянданып, тез шоқынуды бейімделеді, – деп есептеді.

Ұлттық-демократиялық бағытты ұстанған «Алаш» партиясы, «Алашорда» халықтық кеңесі, «Алашорда» үкіметі ұсынған Біртұтас Алаш идеясы тұжырымдамасының басты ұстанымы, ең алдымен, осы жер мәселесіне қатысты болды. Әлихан Бөкейханов: «Қазақтың байырғы жерін қашан қазақтар өз бетінше ғылым мен техникаға сүйеніп толық игермейінше, жер жеке меншікке де, қоныстанушыларға да берілмесін. Өйткені, Жер – Отан, ал Отанды сатуға да, жеке меншікке айналдыруға да болмайды. Сол жер үшін әр қазақтың намысы жыртылып, ол жерге әр қазақтың тері мен қаны сіңген», – деп түсіндірді.

Екінші, жердің астындағы, үстіндегі, аспанындағы барлық шикізаттық игілікті игеруде қазақ мемлекетінің үлес салмағы, Ә. Бөкейханов айтқандай: «Оның әр бір түйір тасы әр қазақтың өміріне түйме болып қадалуға тиісті» болды.

Үшінші, мәселе, ол – экономикалық тәуелсіздік мәселесі: қазақтың жерінде өндірілген «бір уыс жүн сол мемлекеттің азаматтарының үстіне тоқыма болып киіле ме, жоқ па?» (Бөкейханов), яғни, толықтай экономикалық тәуелсіздік пен экономикалық бірлікке қол жеткізуге ұмтылуын» алғы шарт етіп қойды.

Яғни, бұл жер мен ауаның экологиялық тазалығына мемлекеттік тұрғыдан жауап беру деген сөз еді.

Әдебиет

1 Ежелгі түріктердің жыл топшылары // «Отырар кітапханасы» ғылыми орталығының қолжазба қоры.

2 Дала уалаятының газеті. Адам, қоғам, табиғат. 1888-1902 жж. / Құрастырушы: Ү. Субханбердина. – Алматы: Ғылым, 1994. – 816 б.

3 Сұлтанбекұлы Ж. Жер саясаты. – Қостанай: Ленин атындағы баспаханана. – 1925. – 56 б.

4 «Қазақ» газеті / Құрастырушылар: Ү. Субханбердина, С. Дәуітов, Қ. Сахов. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1998. – 560 б.

5 «Айқап» / Құрастырушылар: Ү. Субханбердина, С. Дәуітов. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1995. – 367 б.

- 6 «Сарыарқа» газеті // Алаш көсемсөзі. – 10 томдық. – 9-кітап. «Сарыарқа». – Алматы «Өнер», 2011. – 320 б.
- 7 «Сарыарқа» газеті // Алаш көсемсөзі. – 10 томдық. – 10-кітап. «Сарыарқа». – Алматы «Өнер», 2011. – 360 б.
- 8 Жұртбай Т. Күйесің, жүрек... сүйесің!... – Алматы: Қайнар, 2008. – 464 б.
- 9 Страбон. География. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 639 б.

References

- 1 «Ezhelgi turikterdin zhyl topshylary» // «Otyrar kitaphanasy» gylymi ortakygynyn kolzhazba kory.
- 2 «Dala ualaiatynyn gazetі». Adam, kogam, tabigat. 1888-1902. / Kurastyryshy: U.Subkhanberdina. – Алматы: «Gylym», 1994. – 816 б.
- 3 Syltanbekyly Zh. Zher saiasaty. – Kostanaidagy Lenin atyndagy baspahana, 1925. – 56 б.
- 4 «Kazakh» gazetі / Kurastyryshylar: U. Subkhanberdina, S. Dautov, K. Sahov. – Алматы: «Kazakh ensiklopediasy» Bas redaksiyası, 1998. – 560 б.
- 5 «Aikap» / Kurastyryshylar: U. Subkhanberdina, S. Dautov. – Алматы: «Kazakh ensiklopediasy» Bas redaksiyası, 1995. – 367 б.
- 6 «Saryarka» gazetі // Alashkosemsozi. – 10 tomдық. – 9 k. – Алматы: Oner, 2011. – 320 б.
- 7 «Saryarka» gazetі // Alashkosemsozi. – 10 tomдық. – 10 k. – Алматы: Oner, 2011. – 360 б.
- 8 Zhurtbai T. Kuiesin, zhurek...suiesin!... – Алматы: Kainar, 2008. – 464b.
- 9 Strabon. Geograpia. – М.: Olma-press, 2004. – 639 б.

ЖУРТБАЙ Н.Т.

ст. преподаватель кафедры ЮНЕСКО, международной журналистики и связи с общественностью факультета журналистики КазНУ имени аль-Фараби, PhD

КАЗАХСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ТЕМА ЭКОЛОГИИ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация

В статье рассматриваются первые казахские газеты и журналы, а именно исследуется тема экологии и экологии земли. Приводится краткий исторический анализ экологической тематики в периодических изданиях. А также раскрываются экономические и политические аспекты публикаций на тему окружающей среды.

Ключевые слова: казахская печать, цивилизация кочевников, традиционная экологическая культура кочевников, экономика «ақ шом», идея алаш, земельная политика, «зеленый мост», засуха, экономическая политика, экологическая опасность, бытовая экология.

ZHURTBAY N.T.

al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Journalism, UNESCO, International Journalism and Public Relations Department Senior Lecturer, PhD

KAZAKH PERIODICALS AND THE TOPIC OF EARTH ECOLOGY IN THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES

Summary

The article discusses the first Kazakh newspapers and magazines, particularly studies the topic of ecology and ecology of the earth. A brief historical analysis of the environmental issues in periodicals is given in this paper. Besides there were revealed the economic and political aspects of the publications on the environment.

Keywords: Kazakh press, nomadic civilization, traditional ecological culture, nomadic economy, «Ak Shom», the idea of Alash, Earth policy, ‘Green Bridge’, drought, economic policy, environmental situation, city ecology.

ТАРИХ ЖӘНЕ ДЕМОГРАФИЯ ИСТОРИЯ И ДЕМОГРАФИЯ HISTORY AND DEMOGRAPHY

УДК 351.746:314(574)

АУБАКИРОВА Ж.С.

Доцент кафедры истории Казахстана
ВКГУ им. С. Аманжолова, к.и.н.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА: ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ И УГРОЗЫ

Аннотация

Демографическая безопасность является одной из основных составляющих общей безопасности государства. Она характеризует устойчивость к внутренним и внешним демографическим рискам и угрозам, обеспечивает потенциал геополитического, экономического и этнического статуса государства. Изучение возможных угроз и рисков делает данную тему актуальной как с научной, так и с практической точки зрения. В данной статье дается комплексная оценка демографической безопасности Казахстана, делается акцент на региональных особенностях демографического развития (2000-2015 гг.).

Основные тренды данного периода. Стабильное увеличение численности населения Казахстана. С 2012 года рост населения происходил на 100% за счет естественного прироста, увеличилась рождаемость. «Конъюнктура» возрастной структуры населения оказалась удачной. Произошла кардинальная эволюция этнического состава. Численность казахов, узбеков и уйгуров за 25 лет (1989-2015 г.) увеличилась в 1,6 раза, и составила 70,5% населения государства (в 1989 году – 42,9%). Численность русских, украинцев и немцев за тот же период уменьшилась в 2,1 раза, ее удельный вес снизился с 49,1% в 1989 году до 23,8% в 2015 году.

Почти во всех областях РК большинством населения являются казахи, их демографическое поведение и определяет в решающей степени современные демографические тенденции страны, что с точки зрения реализации национальных интересов является большим плюсом. Демографическое влияние европейской этнической группы, более 100 лет определявшей динамику численности населения Казахстана, в настоящее время практически сошло на нет.

Демографические риски и угрозы. В стране происходит «старение» населения. Гендерный дисбаланс возрастной структуры. Высокая смертность трудоспособного населения (особенно мужского), увеличение числа недожитых лет. Высокая младенческая смертность. Увеличение масштабов незаконной миграции. Рост объемов трудовой миграции. Сокращение внешней миграции. Возрастание значения внутренней миграции. Миграционные потоки этнически выражены. Тенденции иммиграции определяют казахи, эмиграции – русские. После 2015 года можно прогнозировать снижение рождаемости. Исчерпание потенциала «благоприятной» возрастной структуры.

Региональные демографические угрозы. Выделены две группы регионов: с растущим населением и «своими» демографическими угрозами (южная и юго-западная часть) и с убывающим населением (северная, северо-восточная часть) и, соответственно, «другими» демографическими рисками.

Факторы, способствующие «демографическому ускорению». Меры обеспечения демографической безопасности Казахстана.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографические риски, демографические угрозы, Казахстан, численность населения, рождаемость, смертность, этносы, миграции, региональная дифференциация.

Демографическая безопасность: понятие, система критериев и параметров, опыт исследования

Демографическая безопасность является одной из основных составляющих общей безопасности государства, поэтому изучение возможных угроз и рисков делает данную тему актуальной как с научной, так и с практической точки зрения. Различные аспекты демографической безопасности и ее обеспечение в настоящее время являются объектом исследования ученых.

В самом общем понимании демографическую безопасность обычно рассматривают как устойчивость к депопуляции. Негативные оценки режима воспроизводства, ускоренный переход к депопуляции, низкая эффективность воспроизводства населения требуют его рассмотрения под углом зрения безопасности. Более безопасный процесс воспроизводства населения является более эффективным [1].

Так О.Н. Слоботчиков считает, что «система демографической безопасности призвана, с одной стороны, изучать и практически реагировать на опасное влияние демографических процессов на ход мирового, государственного, регионального развития, а с другой стороны, изучать и активно реагировать на ход демографического развития больших и малых народов различных стихийных общественных процессов и целенаправленной политики государств» [2, с.11-12].

По мнению крупного российского демографа А.Г. Вишневого «Существуют, по меньшей мере, два разных подхода к пониманию демографической безопасности. Их можно назвать инструментальным и ценностным. Инструментальный подход заключается в том, что демографические процессы оцениваются не сами по себе, а с точки зрения их вклада в решение тех или иных недемографических задач общества, рассматриваются лишь как средство, как инструмент для достижения других, недемографических целей. Второй подход к пониманию демографической безопасности предполагает самоценность демографических процессов, существование автономных, экзистенциальных демографических целей.

Демографическая безопасность понимается как «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей», а ее укрепление связывается с удлинением человеческой жизни, повышением эффективности демографического воспроизводства, расширением демографической свободы» [2, с.11-12].

Так или иначе, демографическая безопасность направлена в первую очередь на соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса.

В законе «О национальной безопасности в РК» в статье 5 «Угрозы национальной безопасности Республики Казахстан» 11 пунктом одной из угроз государства рассматривается ухудшение демографической ситуации, в том числе резкое снижение рождаемости, повышение смертности, возникновение неконтролируемых миграционных процессов [3].

Различные аспекты демографической безопасности Казахстана были освящены в публикациях Э.О. Кырыкбаевой [4], А. Королева, М. Мамаева [5], А.А. Кайгородцева [6].

Безусловно, важным является количественная оценка степени защищенности социально-экономического развития общества отдельным демографическим угрозам (динамика общих демографических показателей: рождаемости, естественного прироста, миграционного прироста, половозрастной структуры, коэффициента демографической нагрузки, плотности населения и т.д.). Затем качественная оценка отдельных характеристик населения (продолжительность жизни, здоровье нации, эффективность демографического воспроизводства, его экономичности, численность умерших в трудоспособном возрасте, уровень образования и др.)

Актуальным является теоретическое и методологическое осмысление оценки демографической безопасности государства. Кратко осветим один из

подходов, предложенных В.Б. Дударевым, П.А. Смеловым, М.В. Кармановым, А.М. Зареченским [7]. Учеными были выделены следующие основные аспекты данного процесса и обозначены возможные формы проявления демографических угроз.

В численности населения – депопуляция; нежелаемое изменение удельного веса жителей страны в численности населения региона, мира и т.п.; низкая или высокая плотность населения.

В размещении населения – диспропорциональность; несоответствие фактического размещения населения и целей социально-экономического развития государства; затухание и вымирание сельской популяции. Соответственно возможные угрозы демографического развития – старение популяции; диспропорциональность полового состава населения; трансформация этнических (расовых, национальных, религиозных и языковых) пропорций населения.

В естественном движении населения – низкая рождаемость или высокая смертность населения, а также отрицательный естественный прирост населения.

В миграционных движениях населения – нелегальная миграция; отрицательный миграционный прирост населения; внутренние миграционные потоки, несоответствующие целям социально-экономического развития государства как возможные угрозы.

И, собственно, в воспроизводстве населения – суженное замещение поколений популяции; низкая продолжительность жизни населения; большие потери в воспроизводстве населения вследствие высокой смертности [7, с. 22].

Таким образом, демографическая безопасность, можно сказать, характеризует защищенность социально-экономического развития общества от внутренних и внешних демографических угроз, обеспечивает как минимум сохранение геополитического, экономического и этнического статуса государства [7, с. 20]. Насколько это актуально мы можем оценить, учитывая наше геополитическое соседство с таким демографическими «тяжеловесами» как Китай (мирового масштаба) или Узбекистан (регионального масштаба).

Анализ демографической безопасности Казахстана (2000-2015). Численность и этнический состав населения

Рассмотрим основные демографические показатели населения Казахстана за последние 15 лет (2000-2015 гг.), которые, на наш взгляд, влияют на возникновение демографических угроз и рисков, либо характеризуют демографический потенциал государства.

Первое, что следует отметить стабильное увеличение численности населения Казахстана. В начале 2000-х годов рост начался благодаря тому, что отрицательное сальдо внешней миграции стало перекрываться естественным приростом. Важной тенденцией является то, что с 2004 года численность населения Казахстана стала расти уже за счет двух важных составляющих (и естественного прироста, и миграционного прироста). В 2005-2009 годах данные тенденции динамического роста населения оформились окончательно. При этом положительным для безопасности государства является то, что численность населения увеличивается все более быстрыми темпами, т.е. происходит ускорение темпов прироста населения Казахстана. Среднегодовые темпы роста в 2005-2010 годах были почти в 10 раз выше, чем в 1999-2005 годах. Позитивную демографическую ситуацию определяет и расширяющийся процесс воспроизводства населения. С 2012 года, например, рост численности населения на 100% происходит за счет естественного прироста [8]. В целом за последние 15 лет численность населения Казахстана увеличилась на 14,6%. Данный подъем, на наш взгляд, сформировал тот демографический потенциал, который еще будет давать инерцию в перспективе в росте численности населения.

Одним из важных факторов, определяющих новую тенденцию увеличения численности населения страны, является изменение его этнической структуры. В 2009 году численность населения Казахстана почти восстановилась на уровне

1989 года, в то время как этнический состав существенно трансформировался. Определяющим демографическую ситуацию большинством в настоящее время являются этносы, представленные народами тюркской группы. Численность казахов, узбеков, уйгур за 25 лет (1989-2015 годы) увеличилась в 1,6 раза, и составила 70,5 % населения государства (в 1989 году – 42,9 %). Европейская этническая группа (русские, украинцы, немцы) за тот же период уменьшилась в 2,1 раза, ее удельный вес снизился с 49,1 % в 1989 году до 23,8 % в 2015 году.

Таким образом, демографическое влияние европейской этнической группы, более 100 лет определявшей динамику численности населения Казахстана, в настоящее время практически сошло к нулю. Почти во всех областях РК большинство населения – казахи, их демографическое поведение и определяет в решающей степени современные демографические тенденции в стране [8]. С точки зрения реализации национальных интересов государства является большим плюсом.

Половозрастная структура населения: потенциал инерции

В стране происходит «старение населения», которое, как правило, сопровождается увеличением демографической нагрузки на трудоспособное население, а также ростом зависимости пожилых людей от экономической и социально активного населения. Доля населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась с 6,7% в 1999 г. до 7,4 % в 2015 году. В некоторой мере это связано с наличием ярко выраженных «демографических волн» в возрастной структуре населения.

Как считают эксперты, в Казахстане отсутствует государственная политика в отношении пожилых людей, соответствующая законодательная и институциональная база, что также можно отнести к демографическим рискам [9].

Ярко выраженный гендерный дисбаланс возрастной структуры объясняется тем, что в республике мужская смертность превышает женскую, и это преобладание начинается в молодом возрасте: например, в возрастной группе 15-19 лет – в 2 раза, а в 25-29 лет – в 3 раза из-за повышенной смертности от несчастных случаев, а в старшем возрасте – за счет большой смертности мужчин от сердечно-сосудистых заболеваний [10].

Диспропорция половой структуры в республике начинает складываться уже в возрасте 26 лет и старше. В старших возрастах удельный вес женщин значительно опережает долю мужчин: в 65-69 лет – в 1,5 раза, 75-79 лет – в 2,1 раза и 85 лет и старше – в 3,6 раза [10]. Наблюдающаяся половая диспропорция сложилась по причине высокой смертности мужчин по сравнению со смертностью женщин. На первую половину 1990-х гг. пришлось второе «эхо войны», когда малочисленное поколение детей также малочисленного поколения людей, родившихся в годы Великой Отечественной войны, вступило в фертильный возраст. По мнению Ю.К. Шокаманова, на уровень воспроизводства населения в 1990-х гг. повлиял также кризис переходных годов на постсоветском пространстве, когда появились ранее не наблюдавшиеся гиперинфляция, масштабная безработица, «падение» систем здравоохранения, соцобеспечения. Теперь последствия второго «эха войны» и кризиса рождаемости этого периода согласно прогнозам отзовутся ответной волной после 2015 года. К этому времени малочисленное поколение второй половины 1990-х годов достигнет репродуктивной стадии развития [11, с. 142].

В возрастной структуре возникает еще одна проблема, когда разрыв длительности жизни различных возрастных групп внутри населения принимает угрожающий характер и приводит в итоге к росту числа недожитых лет, то есть количества лет, на которое существует реальная возможность продления жизни, что для населения Казахстана является актуальным.

Воспроизводство населения Казахстана

Общий коэффициент рождаемости населения в целом по стране в 2008 году на 1000 человек составил 22,9 родившихся, в 2015 году – 23,13. Суммарный коэффициент рождаемости, показывающий, сколько в среднем детей родила бы

одна женщина на протяжении всего продуктивного периода (в возрасте 15-49 лет) возрос 1,8 в 1999 году до 2,68 в 2008 году и до 2,76 в 2015 году. Фактически он вырос за 15 лет в 1,5 раза, улучшив систему показателей демографической безопасности. Основной причиной роста рождаемости служит, по мнению авторов, эволюция этнического состава населения Казахстана, растущий удельный вес в населении казахов, узбеков и уйгуров сохранивших достаточно высокие репродуктивные установки.

В настоящее время общий коэффициент смертности остается на высоком уровне, и при прочих других обстоятельствах, обуславливающих такой уровень смертности, доминирующую роль сыграло старение населения (увеличение в составе населения лиц старшего возраста, смертность среди которых всегда выше) [9].

В 1991-2008 гг. в республике умерло 2765,3 тысяч человек. Следует отметить, что «пик» смертности приходился на 1995 г. (168,7 тысяч). Уровень смертности населения на 1000 человек после этого снизился с 10,7 умерших в 1995г. до 9,9 – в 1999 г., а затем с небольшими колебаниями в сторону увеличения и снижения к 2008 г. вновь достиг величины 9,9 умерших [12, с. 143]. К 2015 году данный показатель составил 7,57.

Высокая смертность населения приводит к тому, что значительная часть, как мужчин, так и женщин умирает в молодом или зрелом возрасте. По расчетам Ю.К. Шокаманова из числа 25-летних мужчин не доживает до 50 лет почти каждый пятый, до пенсионного возраста (63 года) – 45%, до 65 лет – каждый второй. Из числа 25-летних женщин не доживает до 50 лет каждая пятнадцатая, до возраста (58 лет) – каждая восьмая, до 65 лет – каждая четвертая. Сверхсмертность мужчин в молодом возрасте приводит к тому, что их численность уже с 26-летнего возраста становится меньше численности женщин, что приводит к тому, что к моменту вступления в брак ощущается недостаток мужчин. В результате значительная часть населения в возрасте после 30 лет все еще не находится в браке. Так, по данным переписи населения 1999 года среди населения в возрасте 30-34 года 14,1% никогда не состояли в браке. Сверхсмертность мужчин приводит к тому, что из числа 30-летних мужчин не доживает до 50 лет почти каждый пятый. В результате растет число вдов и детей, оставшихся без отца. В свою очередь это приводит к недостатку доходов в семье и сокращающимся возможностям в области получения образования, что увеличивает риск оказаться безработным. В конечном итоге сокращаются возможности развития человеческого потенциала супруги и детей и в других сферах – здоровье, жилищных условиях и т. д. [11, с. 143]. Таким образом, одним из демографических угроз является высокая смертность населения (особенно мужского), в трудоспособном возрасте.

Агентство РК по делам здравоохранения (АДЗ) и Агентство РК по статистике (АС) до 2008 г. регистрировало данные по живорождениям и младенческой смертности, следуя критериям, установленным в Советском Союзе. Они отличаются от критериев, рекомендуемых Всемирной Организацией здравоохранения (ВОЗ), согласно которым, беременность, завершившаяся при сроке менее 28 недель, классифицировалась как поздний выкидыш (даже при наличии признаков жизни в момент родов). Только в случае выживания преждевременно родившегося ребенка в течение 7 дней, он рассматривался как живорожденный. Исход беременности, завершившийся в 28 и более недель, классифицировался как живорождение при наличии дыхания, и как мертворождение – при отсутствии дыхания. В свою очередь, роды, завершившиеся рождением живого ребенка, при наличии любого признака жизни (дыхание, сердцебиение или произвольное сокращение мышц) ВОЗ классифицировала как живорождение, независимо от гестационного срока в момент завершения беременности. Это касается и беременностей, завершившихся при сроке 28 недель и более. В 2008 году после перехода республики на ВОЗовские критерии младенческая смертность увеличилась в 1,5 и более раза. Согласно новому отчету межведомственной группы ООН в 2014 году данный коэффициент составил 14,6%. Высокими остаются риски в смертности младенцев.

Миграция населения Казахстана: риски и угрозы

Кардинально изменилась миграционная ситуация в республике за последние 15 лет. Произошел резкий спад эмиграции. Из миграционного донора Казахстан в 2004 году превратился в реципиента. В 2007 году наметилась тенденция сокращения положительного сальдо внешней миграции, при этом более весомый вклад в ее становление вносит уменьшающаяся иммиграция.

На эволюцию иммиграции в 2000-е годы наибольшее влияние оказали прибывающие потоки населения из Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Киргизии. Роль Германии в миграционных процессах сведена в настоящее время к минимуму, потенциал практически исчерпан.

Миграционные потоки, по-прежнему, характеризуются этнической выраженностью. Тенденции иммиграции определяются казахами, эмиграции – русскими. Хотя в последние годы иммиграционная активность казахов сократилась, менее интенсивной становится и эмиграция русских [8]. Таким образом, значение внешней миграции в этот период сократилось, но внутренней существенно возросло.

В настоящее время миграционная активность населения Казахстана реализуется, в основном, во внутренней миграции. Тенденции межрегиональной миграции сохраняются многие годы: население стремится, как правило, в Астану и Алматы. Положительное сальдо межобластной миграции в Карагандинской области объясняется относительной близостью Караганды к столице. Мангистауская область остается привлекательной как для граждан Казахстана, так и для мигрантов из-за пределов государства в силу нефтедобывающей специфики данного региона [8]. Мангистауская область в целом развивается по «собственному» пути демографического развития.

Демографическая политика Казахстана

Активная демографическая политика осуществляется в республике с конца 1990-х годов. Результаты этой политики можно проследить в положительных тенденциях современной демографической ситуации. Казахстан не вошел в ситуацию «демографического креста», с 2000 г. в республике наблюдается устойчивый рост показателей рождаемости и естественного прироста населения, а с 2004 г. уже имеет место и положительное сальдо внешней миграции, которое ранее на протяжении 36 лет подряд было отрицательным. Суммарный коэффициент рождаемости, снизившись к 1999 г. до уровня 1,8, увеличился к 2015 г. в 1,6 раза. Фактическое состояние дел с обеспечением демографического развития республики показывают несостоятельность демографических прогнозов международных организаций в отношении Казахстана, предрекавших депопуляцию его населения и сокращение общей численности. Наоборот, можно отметить, что, начиная с 2005 года, в Казахстане происходит «демографическое ускорение»: рост численности населения, увеличение естественного прироста, спад эмиграции.

Следует особо подчеркнуть качественные сдвиги в демографической ситуации, которая определяется казахским этносом с его репродуктивными установками. Население страны растет и становится более однородным по своему составу.

В целом, количественные показатели к 2015 году, характеризующие демографическую безопасность Казахстана, являются положительными. Однако, широкий спектр показателей, характеризующий, качественные характеристики населения, влияющие на демографическую безопасность, требует глубоких исследований. В частности удельный вес детей, родившихся больными; интенсивность смерто-рождений; заболеваемость населения отдельными видами болезней; степень диспропорции полового состава; интенсивность аборт-ов; уровень нелегальной миграции; экономичность воспроизводства населения; уровень инвалидности населения; коэффициент использования средней продолжительности жизни в трудоспособном возрасте.

Региональные демографические риски и угрозы

Однако, несмотря на улучшение демографической ситуации в целом по республике необходимо обратить внимание на существенную региональную

специфику в этом процессе. Соответственно изучение проблем под углом зрения региональных демографических угроз.

Выделим две группы регионов, согласно предложенному автором демографическому районированию (на основе кластер-анализа). Первая группа – с растущим населением и относительно низкими демографическими рисками, но «своими» демографическими проблемами (Юго-Западная этнодемографическая зона: Западно-Казахстанская, Актюбинская, Жамбылская и Алматинская; Южная этнодемографическая зона: Южно-Казахстанская, Атырауская, Кызылординская области и Западная этнодемографическая зона: Мангистауская область, а также столицы – гг. Астана и Алматы). И вторая группа – с убывающим населением и достаточно высокими демографическими рисками и угрозами (Северо-Восточная этнодемографическая зона в составе Северо-Казахстанской, Костанайской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской областей и Центральная этнодемографическая зона, состоящая из Павлодарской и Карагандинской областей) [12, с. 41].

Явным демографическим донором являются южные области – в 1999-2010 годах они на 67,8% определяли динамику роста численности населения государства. В областях, входящих в «убывающую» группу в последние годы также наметились позитивные тенденции – динамика сокращения численности населения в 2010-2015 годы была на порядок (в 9 раз) ниже, чем в 1999-2005 годах. Более того, в Центральной зоне численность населения начала увеличиваться (на 1,5% в 2005-2010 годах), однако пока не достигла уровня 1999 года. Данный процесс начался и в Северо-Восточной зоне. Влияние региональной дифференциации на динамику численности населения постепенно уменьшается. Можно предположить, что во втором десятилетии XXI века будет наблюдаться рост численности населения во всех регионах Казахстана, но разными темпами. Разница при этом будет существенной.

Уровень рождаемости также существенно различается по регионам Казахстана. В Мангистауской и Южно-Казахстанской областях (Западная и Южная этнодемографические зоны), преимущественно заселенных казахами, коэффициент суммарной рождаемости более чем в два раза выше, чем в Костанайской и Северо-Казахстанской областях (Северо-Восточная этнодемографическая зона), где велик удельный вес европейского населения. Во всех группах репродуктивного возраста (кроме 15-19 лет) интенсивность рождений в Мангистауской и Южно-Казахстанской областях выше в два и более раз.

Таким образом, интересным фактом является то, что среднеказахстанский показатель складывается часто под влиянием противоположных тенденций демографического развития. Но, если ранее большее влияние на конечный результат имел «европейский» вариант, то в настоящее время ситуацию определяют демографические процессы, присущие «тюркской» группе.

Демографический потенциал Казахстана

Таким образом, в 2000-2015 годах демографические процессы в Республике Казахстан демонстрировали положительную динамику. Факторы, способствующие «демографическому ускорению», происходящего на фоне социально-экономической стабилизации (выплата пособий и т.п.):

- сохранение благоприятной возрастной структуры населения. В репродуктивном возрасте все еще находится значительная группа населения (вторая волна от «демографического взрыва» казахов 1960-х гг.);

- изменение этнического состава населения. Доминирующим этносом становятся казахи. Количественные изменения этнического состава перешли в новое качество. Демографическая ситуация в государстве определяется уже представителями казахского этноса, сохраняющего более высокие репродуктивные установки;

- быстрая урбанизация казахов привела к переносу в города демографических установок, характерных для сельской местности. В результате растущего миграционного потока из села в город на фоне эмиграции европейского населения,

рождаемость и естественный прирост в городах Казахстана выше, чем в селах (т.н. эффект «этнического замещения»);

– сохраняющаяся эмиграция уже почти не определяет сути демографических процессов. В то же время, иммиграционная политика государства начинает давать демографические результаты (рост рождаемости, увеличение количества многодетных семей) [8].

Положительная инерция вышеназванного сочетания факторов в состоянии определять демографические процессы еще около десяти лет и обеспечивать демографическую безопасность государства. В 20-е годы XXI века положительное воздействие возрастной структуры может сократиться, сельские мигранты постепенно адаптируются в городах (результатом чего всегда является снижение рождаемости), иссякнет эффект «этнического замещения». Некую неопределенность в демографические явления может вносить иммиграция этнических казахов, «привозящих» в Казахстан традиционные ценности из других государств. Но, в целом, в двадцатые годы XXI века период «демографического ускорения», вероятно, завершится [9]. Демографическое развитие Республики Казахстан будет происходить на стабильной основе, но со своими рисками и угрозами.

Поэтому демографическая безопасность Казахстана требует постоянного мониторинга и разработки научно обоснованной концепции, программы демографической безопасности, в рамках которой необходимо:

- разработать собственную систему показателей демографической безопасности Казахстана;
- оценить состояние демографической безопасности страны;
- выявить тенденции изменения численности, состава, движения и воспроизводства населения, оказывающие существенное влияние на снижение уровня демографической безопасности;
- провести многомерную классификацию регионов по основным индикаторам демографической безопасности;
- осуществлять мониторинг демографической безопасности государства.

Также следует постоянно учитывать то, что демографическая безопасность государства определяется не только демографическими процессами, протекающими в нем, но и демографическими процессами, которые происходят за ее пределами (в соседних государствах, регионах и т.д.).

Литература

- 1 Проблемы экономической безопасности Беларуси / П.Г. Никитенко, В.И. Ермашкевич, Г.Т. Кулаков и др. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2001. – 224 с.
- 2 Эпштейн Н.Д. Егорова Е.А. Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 168 с.
- 3 Закон РК «О национальной безопасности в РК» 06/04/2016/. – 153 с. // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>
- 4 Кырыкбаева Э.О. Демографические и миграционные угрозы для национальной безопасности Казахстана /10/01/2011/ – 4 с. // http://конференция.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf
- 5 Королев А., Мамаев М. Казахстану удалось справиться с демографическими вызовами /21/10/2011/ – 6 с. // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31070219
- 6 Кайгородцев А.А. Анализ экономической безопасности Казахстана // Вестник КАСУ. – 2007. – № 4. – С. 191-198.
- 7 Смелов П.А., Карманов М.Б., Дударев В.Б., Зареченский А.М. Методология экономико-статистического исследования демографической безопасности и здоровья общества. – М: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009 // <http://mba.mesi.ru/upload/iblock/c54/978-5-7764-0585-3.pdf>
- 8 Алексеев А.Н., Аубакирова Ж.С., Сарсенбаева Г. Демографические успехи Казахстана. Демоскоп Weekly. – №451-452. – 24 января – 06 февраля 2011. – 72 с. // <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/04>

9 Булуктаев Ю.О. Процесс старения населения в Казахстане: вызовы и риски 02/10/2012/ – 4 с. // <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/process-stareniya-naseleniya-v-kazahstane-vyzovuy-i-risk>

10 Отчет о человеческом развитии Казахстана – 2005. Старшее поколение: взгляд в будущее. Программа Развития ООН. Фонд народонаселения ООН. – Алматы, 2005. – 144 с.

11 Шокаманов Ю.К. Тенденции человеческого развития в Казахстане. – Алматы: Агентство РК по статистике, 2001. – 347 с.

12 Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана (этнорегиональный аспект). – Усть-Каменогорск: Либриус, 2010. – 190 с.

References

1 Problemy ekonomicheskoy bezopasnosti Belarusi / P.G. Nikitenko, V.I. Ermashkevich, G.T. Kulakovi dr. – Minsk: IOOO «Pravoiekonomika», 2001. – 224 s.

2 Apshtein N.D., Egorova E.A., Karmanov M.V., Smelov P.A., Karmanov A.M. Metodologiya analiza demograficheskoi bezopasnosni i migracii naceleniya. – M.: Financi b ctatitika, 2013. – 168 с.

3 Zakon RK «O nacionalnou bezopasnosti v RK» 06/04/2016/. – 153 s. // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>

4 Kyrykbaeva E.O. Demograficheskie i migracionnye ugrozy dlya nacionalnou bezopasnosti Kazaxstana /10/01/2011/ – 4 s. // http://konferenciya.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf

5 Korolev A., Mamaev M. Kazaxstanu udalos spravitsya s demograficheskimi vyzovami /21/10/2011/ – 6 s. // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31070219

6 Kajgorodcev A.A. Analiz ekonomicheskoy bezopasnosti Kazaxstana // Vestnik KACY. – № 4. – 2007. – S. 191-198.

7 Smelov P.A., Karmanov M.B., Dudarev V.B., Zarechenskii A.M. Metodologiya ekonomiko-statisticheskogo issledovaniya demograficheskou bezopasnosti I zdorovya obshhestva. – M: Isd-vo Moskovckogo gumanitarnogo yniversiteta, 2009 // <http://mba.mesi.ru/upload/iblock/c54/978-5-7764-0585-3.pdf>

8 Alekseyenko A.N., Aubakirova Zh.S., Sarsenbaeva G. Demograficheskie uspekhi Kazakhstana. Demoskop Weekly. – № 451-452. – 24 yanvarya – 06 fevralya 2011. – 72 s. // <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/04>

9 Buluktaev Yu.O. Process stareniya naseleniya v Kazakhstane: vyzovyriski 02/10/2012/ – 4 s. // <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/process-stareniya-naseleniya-v-kazahstane-vyzovuy-i-risk>

10 Otchet o chelovecheskom razvitii Kazakhstana – 2005. Starshye pokolenie: vzzglyad v budusheheye. Programma Razvitiya OON. Fond narodonaseleniya OON. – Almaty, 2005. – 144 s. // http://www.undp.kz/library_of_publications/files/5811-31705.pdf

11 Shokamanov Yu.K. Tendencii chelovecheskogo razvitiya v Kazakhstane. – Almaty: Agentctvo RK po ctatitike, 2001. – 347 s.

12 Aubakirova Zh.S. Vosproizvodstvo naseleniya Kazakhstana (etnoregionalnyi aspekt). – Ust-Kamenogorsk: Librus, 2010. – 190 s.

ӘУБӘКІРОВА Ж.С.

С. Аманжолов ат. ШҚМУ Қазақстан тарихы кафедрасының доценті, т.ғ.к.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ҚАУІПСІЗДІГІН САРАЛАУ: ӘЛЕУЕТІ, ТӘУЕКЕЛДЕР МЕН ҚАУІП-ҚАТЕРЛЕРІ

Түйін

Демографиялық қауіпсіздік мемлекеттің жалпы қауіпсіздігінің басты құрамдас бөлігі болып табылады. Мақалада Қазақстанның демографиялық қауіпсіздігінің кешенді талдауы беріліп, Қазақстан халқы дамуының аумақтық ерекшеліктеріне көңіл аударылады (2000-2015 жж). «Демографиялық қауіпсіздік» ұғымының

өртүрлі түсіндірмесі, «демографиялық жеделдету» әсер ететін факторлар және заманауи трендтер белгіленді. Демографиялық тәуекелдер мен қауіп-қатерлер анықталған: халықтың «қартаюы»; жас ерекшелігінің гендерлік үйлесімсіздігі, еңбекке қабілетті халықтың (әсіресе ерлердің) жоғары өлім-жітімі; өмір сүретін жылдардың азаюы сәби өлімінің ұлғайуы; заңсыз көші-қон ауқымының көбеюі. Аймақтық демографиялық қауіпіннің зерттелу мәселесі көтерілген. Қазақстанның демографиялық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің нақты шаралары ұсынылған.

Түйін сөздер: демографиялық қауіпсіздік, демографиялық қауіп-қатер, Қазақстан халық саны, туу, этнос, көші-қон, аймақтық дифференциация.

AUBAKIROVA ZH.S.

S. Amanzholov East Kazakhstan State University, Department of the History of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences, Docent

ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SECURITY OF KAZAKHSTAN: POTENTIAL, RISKS AND THREATS

Summary

Demographic security is one of the main components of the overall security of the state. This article provides a comprehensive analysis of demographic security of Kazakhstan, with the emphasis on the regional characteristics of the development of Kazakhstan's population (2000-2015). Different interpretations of the concept of «demographic security» are covered, as well as the factors that contribute to the «demographic acceleration», and modern trends are denoted. The following are determined as demographic risks and threats: aging population; gender imbalance in the age structure; high mortality rate of the working population (especially male); increase in the number of unlive years; high infant mortality; the increase in illegal migration. The problem of studying regional demographic threats is raised and specific measures to ensure demographic security of Kazakhstan are proposed in this paper.

Keywords: demographic security, demographic risks, demographic threat, Kazakhstan, population, fertility, mortality, ethnic groups, migration, regional differentiation.

ӘОЖ -39+94(574)

НИЯЗХАНҚЫЗЫ Г.

Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік техникалық университетінің аға оқытушысы, т.ғ.к.

ДИАСПОРАНЫҢ ТҮРЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ СЫНЫПТАУ

Аннотация

Мақалада диаспораның түрлері мен олардың сыныпталуына сипаттама жасалады. Әлеуметтік-экономикалық және саяси катаклизмдер басқа этникалық ортаға көшуге ынта білдірген топтардың пайда болуына әкеледі.

Автор шетелдік тарихнама негізінде диаспораның жіктелуіне, сыныпталуына, В.Д. Попков ұсынған диаспораны жіктеудің сегіз критерийіне талдау жасайды.

Қорытындыда автор «қандай да бір этностың диаспора бола бермейді» деген пайымдама жасайды. Оны диаспораларды сыныптау арқылы көрсетеді.

Түйін сөздер: диаспора, этнос, сыныптау, тарихи тағдыр, шекара, аймақ.

Диаспораны зерттеуші ғалымдар оны бірнеше түрге бөліп, жіктеуге талпыныс жасағанын байқауға болады. Мысалы, С.А. Арутонов және С.Я. Козлов диаспораның пайда болу кезінен бастап көрсете отырып, оның ежелгі тобына Ерте дүние немесе Орта ғасырдан бастапқы кездегі түрлеріне сипаттама жасаған. Оған Еуропа мен Батыс Азия елдеріндегі еврей, грек, армян диаспораларын, Оңтүстік-Шығыс Азия елдеріндегі қытай және үнді диаспораларын жатқызады.

Жас диаспоралардың қатарына бұл ғалымдар түрік, поляк, алжир, мароккан, корей, жапон диаспоралары жатады деп есептейді, ал жаңа диаспораларға Парсы шығанағы мен Аравия түбегіндегі мұнай мемлекеттеріндегі 1970-жылдардың басында гастарбайтерлер қалыптастырған диаспораларды жатқызады [1].

Р. Брубейкер ғылыми айналымға «катаклизм диаспорасы» атты жаңа ұғымды енгізді. Мұндай диаспоралардың пайда болуын ол дезинтеграциямен және саяси шекараның өзгеруіне алып келген ірі мемлекеттік құрылымдардың құлауымен байланыстырады. «Катаклизм диаспорасының» негізгі идеясы адамдардың шекара арқылы орын ауыстыруы емес, шекараның өзінің қозғалысы болып табылады. «Катаклизм диаспорасы» бізге белгілі тарихи және еңбек диаспорасынан айырмашылығы ол саяси құрылымның бірден өзгеру нәтижесінде бір сәтте пайда болады. Олар өздерін кеңістікте баяу ұстайтын және қабылдайтын елде әлсіз тамырланатын еңбек диаспорасымен салыстырғанда жинақы келеді [2, 19 p.].

Британдық әлеуметтанушы, Уорвик университетінің профессоры Р. Коэн диаспораның төрт түрін көрсетеді: құрбан болған диаспоралар (еврейлер, африкандықтар, армяндар, палестиналықтар), еңбек диаспоралары (үнділіктер), сауда (қытайлықтар) және империялық диаспоралар (британдар, француздар, испандар, португалдар) [3, 50 p.].

Висконсин университетінің профессоры (АҚШ) Дж. Армстронг диаспораны диаспоралар тамырланған мультиэтникалық мемлекеттермен өзара әрекетінің сипатына қарай жіктейді. Ол диаспораның екі түрін көрсетеді: «мобилизацияланған» және «пролетарлық». «Мобилизацияланған» диаспоралардың тарихы ұзақ және күрделі, олар ғасырлар бойы қалыптасқан. Бұл диаспоралар әлеуметтік жағынан ыңғайлануға қабілетті, сондықтан олар өздері қабылдаған қоғамға терең тамырланады. Дж. Армстронг атап көрсеткендей, «қоғамдағы орнына қарағанда бұл диаспоралар мультиэтникалық мемлекеттердегі басқа этникалық топтардан асып түспесе де, олармен салыстырғанда материалдық және мәдени артықшылықтары бар». «Мобилизацияланған» диаспора категориясына, автор, ең алдымен, еврей (оны архетиптік, яғни, шынайы, бастапқы диаспора дейді) және армян диаспорасын жатқызады. «Пролетарлық» диаспоралар этникалық қауымдастықтан енді шыққан жас диаспоралар болып табылады. Дж. Армстронг оны «қазіргі саясаттың сәтсіз өнімдері» деп санайды [4, 393 p.].

Г. Шеффер диаспораның мына түрлерін көрсетеді:

– тарихи тамыры терең диаспоралар (оған армяндар, еврейлер және қытайлар жатады);

– «маужыраған» диаспора (Еуропадағы және Азиядағы американдықтар, АҚШ-ғы скандинавтар);

– «жас» диаспоралар (оларды гректер, поляктар және түріктер құрастырады);

– «жаңа туып» келе жатқан диаспора, яғни өз қалыптасуының бастапқы кезеңінде тұрған диаспора (оларды тек корейлер, филиппиндер, сонымен қатар бұрынғы кеңес республикаларындағы орыстар қалыптастыра бастауда);

– «баспанасыздар», яғни «өз» мемлекеті жоқтар (бұл категорияға курдтар, палестиналықтар мен сығандар диаспорасы кіреді);

– «этноұлттық» – диаспораның ең көп тараған түрі. Олар артында «өз» мемлекеті тұрғандай сезінеді;

– «бытыраңқы» диаспора және ықшам тұратын диаспоралар [5, с. 165].

В.Д. Попков сегіз критерий негізінде диаспораны жіктеуді ұсынған. Атап айтқанда:

1. Тарихи тағдырдың біркелкілігі. Бұл критерийдің екі түрі бар: 1) диаспоралық құрылымдар, олардың мүшелері өздерінің бұрынғы мемлекеттерінің территориясында ғана емес, одан тыс жерде де тұрады (мысалы, Ресейде армян немесе азербайжан диаспорасы, орыс (немесе «орыс тілділер») қауымдары Орта Азия мемлекеттерінде); 2) мүшелері жаңа тұрып жатқан территориямен бұрын құқықтық, тілдік жағынан байланысы жоқ және еш уақытта біртұтас мемлекеттің бөлігі болмаған диаспоралық құрылымдар (бұған қазіргі кезде өмір сүріп жатқан

диаспоралар жатады, мысалы, АҚШ немесе Франциядағы армяндар, Германиядағы түріктер және т.б.).

II. Заңдық дәреже. Бұл критерий де барлық диаспораның екі түрге бөлуге мүмкіндік береді: 1) қабылдайтын аймақ территориясында жария түрде тұруға қажетті ресми заңды дәрежеге ие болатын қауымдар (бұған елдің азаматы дәрежесін алу, тұруға рұқсат алу, босқын дәрежесі және т.б.); 2) мүшелері қабылдайтын елде заңсыз тұрады және осы елге келгені туралы ресми құжаты жоқ қауымдар (В.Д. Попков бұл бөлімнің шартты екенін айтады, өйткені әр диаспоралық қауымға заңдық дәрежені мойындайтын тұлға ретіндегілер де, сонымен қатар заңсыз жүргендер де енеді).

III. Диаспораның пайда болу жағдайлары. Бұл жерде екі жағдай болуы мүмкін. Біріншісі миграциямен байланысты. Адамдардың топтары мемлекетті шекарада тоғысып, бір аймақтан басқа аймаққа өтеді, нәтижесінде жаңа диаспоралық қауымдар пайда болады. Екінші жағдайда шекараның өзі көшеді: қандай да бір топ орнында қалады және «кенеттен» этникалық аз топ жағдайында қалады, диаспоралық қауым құруға мәжбүр болады (мұның тамаша мысалына бұрынғы Кеңес Одағындағы орыстар жатады).

IV. Көшіп-қону мотивациясының сипаты. Бұл критерийге сәйкес диаспоралық құрылымдар екіге бөлінеді: 1) өз еркімен көшу нәтижесінде, мысалы экономикалық мүддемен қозғалғандар (оған ЕО елдеріндегі «жаңа» диаспоралық қауымдардың көпшілігі жатады, мысалы, Германиядағы түріктер немесе поляктар); 2) осы этникалық топтың мүшелерін отандық территориясында «күштеу» көрсету нәтижесінде түрлі әлеуметтік, саяси өзгерістердің немесе табиғи катаклизмнің пайда болуы (бұл категорияға көшіп-қонуға күштеу нәтижесінде пайда болған, сонымен қатар бірінші және екінші толқындағы орыс эмиграциясының көптеген классикалық диаспора кіреді).

V. Қоныстану аймағы территориясына көшіп келудің сипаты. Диаспораның бұл критериясы үш түрге бөлінеді: 1) мүшелері жаңа территорияда тұрақты тұруға, яғни отырықшы болып, қоныстанған елдің азаматтығын алуға бағытталған қауымдар; 2) мүшелері жаңа қоныстанған аймақты транзит облысы ретінде қарастыруға ыңғайланған қауымдар, олар миграцияны жалғастырады немесе өз еліне оралады; 3) мүшелері тұрған елі мен жаңадан қоныстанған аймақ арасындағы үздіксіз миграцияға талпынған қауымдар (бұған Ресейдегі азербайжандардың едәуір бөлігі жатады).

VI. Жаңа қоныстанған аймақта «базаның» болуы. Мұның екі түрі ерекшеленеді: 1) мүшелері ұзақ уақыт бойы қоныстану аймағының территориясында тұрады (немесе тұрған), жаңадан тұрған жерімен тарихи байланысты және оның мәдениеті және қоғамымен өзара әрекет тәжірибесі бар диаспоралық құрылымдар. Мұндай диаспоралар қалыптасқан коммуникация желілерімен, жоғары деңгейдегі ұйымдасуы және экономикалық капиталының болуымен ерекшелінеді (Ресей территориясындағы еврей немесе армян диаспоралары мысал бола алады); 2) таяу уақыттарда пайда болған және қабылдаған аймақтың мәдениеті және қоғамымен өзара әрекет тәжірибесі жоқ диаспоралық қауымдар (оған «жаңа» немесе «қазіргі» диаспоралар жатады, мысалы, Германиядағы түріктер немесе Ресейдегі ауғандар).

VII. Қабылдаушы тұрғындармен «мәдени ұқсастықтың» болуы. Бұл критерий үш түрге бөлінеді: 1) жақын мәдени қашықтықтағы қауымдар (мысалы, Ресейдегі украин қауымдары, Түркиядағы азербайжан қауымы, Ирандағы ауған қауымы); 2) орташа мәдени **дистанциядағы** қауымдар (мысалы Германиядағы орыс қауымдары немесе Ресейдегі армян қауымдары); 3) қабылдайтын аймақ тұрғындарына қатысты алыс мәдени қашықтықтағы қауымдар (мысалы, Ресейдегі ауған қауымдары немесе Германиядағы түрік қауымдары).

VIII. Шыққан елдің территориясындағы мемлекеттік құрылымдардың болуы. Бұл критерий диаспоралық қауымдардың үш түрге бөлінуін ұсынады: 1) мүшелерінің өз мемлекеті, тарихи отаны бар диаспоралық қауымдар, олар өз еркімен қайтып орала алады немесе жаңа аймақтағы билік оларды өз еліне

жібереді; 2) «мемлекетсіз» диаспоралар, оларды мойындаған ресми мемлекет жоқ, мемлекет қолдауына үміт жоқ (оған, мысалы, сығандар, палестиналықтар жатады, 1947 жылға дейін еврейлер жатты) [6].

Ресейдің ғылыми әдебиетінде диаспораны халықтың жаппай қоныс аударуы, қазіргі заманның этносаяси негізінде болатын мемлекеттің құлауы, этникааралық қақтығыстар, этноұлттық егемендікпен байланысты жалпыға белгілі тарихи оқиға негізінде сыныптайды. Мысалы, А. Пископфель диаспоралар уақыт пен кеңістікте ұзақ болатын өндірілетін тұтас объект сияқты деп пайымдайды [7, с. 103]. Этникалық құрама тұрғысынан алғандақандай да бір бөлетін шекара болады, яғни объектіге бөлінетін этникалық құрылым. Екінші жағынан алғанда, өзара толықтыру және этникалық құрылымдардың симбиозы.

О. Генисаретский бірнеше ұрпақтарда сақталатын метрополиядан шыққан диаспораларды бөліп көрсетеді, бір-бірімен коммуникативті және нақты конституционалды қатынастар бар екенін, ұқсастығына байланысты метрополиядан тарихи байланысты сақтағанымен мықты қауымдастық құра алмайтынын көрсетеді [7, с. 141].

О. Генисаретский этникалық және «тео-этномәдени» диаспоралар деп бөліп көрсетсе, Т. Полоскова дінге қатыстылығы өмір сүрудің және өсіп-өнуінің әдісі деп пайымдайды [8, с. 49-50].

Ж.Т. Тощенко және Т.И. Чаптыкова типологиялық белгілеріне қарай диаспоралар қай елдің өкілі немесе тарихи отаны қай ел, өткен тарихы қандай екеніне мән береді [9, с. 37]. Осындай белгілеріне қарай авторлар ішкі диаспоралар (бір мемлекеттің жерінде, бірақ басқа этникалық ортада тұратын) және сыртқы (мемлекеттен тыс жерде – этностың отанында) диаспоралар деп бөлуді ұсынады.

Қазіргі кезде ғалымдар мынадай типологиялық белгілерді көрсетеді: диаспора орындайтын қызметтің негізгі түрлері (Тощенко және Чаптыкова); кең әлеуметтік мәдени контекст аясында бірігудің жоғары дәрежесін сақтау, бұл жағдайда миссионерлік ордендер, мафиоздық топтар, ғылыми одақтарды жатқызуға болады. Әрине, бұл диаспораның жалпы ғылыми анықтамасына сай келмейді деп санаймыз. С. Соколовскийдің пікірімен де келісу қиын, өйткені «кәсіби, әлеуметтік диаспораларды» бөліп, оның негізіне мүдделердің бірлігі, мәдени нормалар еніп, олар мамандықпен байланысты екенін көрсетеді. Демек, қазіргі және тарихи диаспораны бөлуде этностың шыққан мемлекетін біліп, халықаралық қатынас жүйесінде бұл диаспораның орнын білу керек.

Бірінші белгіге қарағанда еврейлерде диаспора жоқ, бірақ еврейлер диаспорасының негізінде жоғалтқан Отанының, мемлекет символының идеясы жатыр, ал оған қайтадан ие болу керек деген пікірді Т. Полоскова айтады [8, с. 5]. Автор Ресейдегі және шетелдегі 15 диаспоралық бірлестіктерді талдау негізінде (Эстония, Латвия, Украина, Молдавия, Финляндия, Аргентина, Израиль, Швеция, Ұлыбритания), олардың мемлекетаралық байланыстар жүйесіне ықпалына қарай диаспораның мына түрлерін бөліп көрсеткен:

– Идеологиясы мен тәжірибелік қызыметі ғаламдық деңгейде халықаралық қатынастар жүйесінің дамуына ықпал ететін диаспоралар. Мұндай категорияға көптеген дүниежүзілік диаспоралар жатады (еврей, грек, армян, қытай, орыс);

– Аймақ және елдер топтары деңгейінде халықаралық байланыстар дамуына ықпал ететін диаспоралар;

– Екі жақты қатынастың дамуына ықпал ететін диаспоралар.

Бұл сыныптаудың этноәлеуметтіктен гөрі саяси жағы басым және негізгі белгісі мемлекетаралық қатынасқа ықпалы емес, оның дәрежесі жатады. Ұсынылған осы типология методологиялық жағынан қызықты және диаспоралық топтарды талдауда пайдалы деп санаймыз.

Ресейге қазіргі кезде де «алыс шетелден» келген мигранттар жаппай ағылуда, олар өздерінің табиғаты жағынан «экстремальды» [10, с. 8-9]. КСРО-ның құлауы және жаңа тәуелсіз мемлекеттердің құрылуы миграцияға қуатты ықпал етті және жаңа диаспоралық қауымдастықтар құрылды, мысалы, Ресей Федерациясынан тыс

жерлерде қалған орыстар саяси-құқықтық және мәдени шектеу болуы мүмкін деп Ресейге не қайтып келді, не диаспоралық құрылымға ыңғайланып, топтасты.

Ресей мемлекеттілігі және қоғамының даму тарихында шеттен келгендер жаңа жерлерді игеруге қатысты, шаруашылықты жүргізудің жаңа әдістерін, ғылыми жетістіктер мен білімді, т.б. енгізді, демек, олар ағартушы, әлеуметтік-саяси сипатта болды. Ресей әкімшілігінің шақыруымен ерекше этникалық қауымдастықтар – отарлаушы-диаспоралар қалыптасты. Мысалы, неміс диаспорасы Ресейде XVIII ғ. басынан бастап белгілі, оның қалыптасуында қуғын, мемлекеттілікті жоғалту сияқты дәстүрлі диаспоралық негіз жоқ. Ресей немістері ассимиляцияға ұшыраса да, этномәдени тұтастыққа қабілеттілігін сақтады, белсенді түрде шоғырланды.

ТМД елдеріндегі негізгі этностардың өкілдері өз отандарында әлеуметтік-экономикалық және саяси жағдайдың қолайсыз болуына байланысты көптеген диаспоралық құрылымдарды құрды, олардың көпшілігі Москва мен Санкт-Петербургте (азербайжандар, армяндар, грузиндер, өзбектер, тәжіктер, украиндар, молдовандар және т.б.) байқалады. Эволюция үдерісі шамамен мынадай: негізгі этнос – қоныс аударушылар – уақытша диаспора – тұрақты диаспора, немесе қайтып келгендер (Аствацатурова М.А.).

Диаспораның ерекше түріне этноұлттық егемендік деңгейінің салдары ретіндегі ішкі диаспоралар жатады. Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Суколов және М.А. Аствацатурова территориясынан тыс тұратын этноұлттардың бөлімдеріне диаспора терминін қолдануға болатынын айтады [11, с. 36]. Ішкі диаспораларға өздерінің тарихи отанынан және мемлекеттік құрылым субъектілерінен тыс тұратын көп ұлтты мемлекеттердегі шоғырланған топтар жатады. Мысалы, Ресей Федерациясында бір аттас республикалардан тыс мына ұлттар тұрады: татарлар – 68%, мордвалар – 71%, марийлер – 50%, чуваштар – 49%, сонымен қатар Ресей Федерациясына қатысты сыртқы диаспораға да жататын еврейлер және Еврей автономды облысына қатысты РФ-ның басқа субъектілеріндегі ішкі диаспоралар, ЕАО тыс тұратындар (98%) [12, с. 37].

Ресей халықтары қауымдастығының ішінде солтүстік кавказ халықтарының өкілдері ерекше орын алады: ингуштар, кабардиндер, Дағыстан халықтары, шешендер, осетиндер және т.б. Бұл қауымдастықтар топтық этникалық шоғырланудың жоғары деңгейімен ерекшеленеді, мұның өзі Ресейдегі ұсақ және орта бизнес, кәсіпкерлік, сауда сияқты салаларда солтүстік кавказдықтардың ұстанымын нығайтуға ықпал етеді.

Демек, қарастырылған диаспоралардың түрлеріне тән жалпы факторға жаппай қоныстанумен байланысты тарихи оқиғалар және көптеген этносаяси факторлар, оның ішінде мемлекеттердің күйреуі мен құрылуы жатады. Осы сипатталған типология негізінде диаспораларды қауымдық құрылым ретінде тағы да былай сыныптауға болады:

- «Классикалық», әлемдік диаспоралар;
- жаңа диаспоралар;
- диаспора-отаршылар;
- ішкі диаспоралар.

Жоғарыда келтірілген диаспораның түрлері диаспора феноменінің күрделі әрі біркелкі емес екенін көрсетеді. Сондықтан бірде-бір зерттеуші бәрі келісетін анықтама бере алмай жатыр. Ұлттық стратегия институтының вице-президенті А.Ю. Милитарев «қазіргі әдебиетте бұл термин түрлі үдерістер мен құбылыстарға ырықты қолданылады, қандай да бір автор немесе ғылыми мектеп оған өз ойларына мағына береді» [13, с. 24].

Қорыта айтқанда, басқа халықтың ортасында өмір сүретін «бір жапырақ халық» емес, ол өз халқының ұлттық болмысымен сипатталатын, тілін, мәдениетін, санасын дамытуға ықпал жасайтын, қолдайтын ұлттық қауымдастық болып табылады. Кез келген этнос диаспора құра алмайды, тек ассимиляцияға тұрақтылары ғана диаспораны жасайды. Объективті түрде қарағанда тұрақтылық диаспораны ұйымдастыру факторына (өзін өзі басқару органы, оқу, мәдени, саяси

және т.б. ұйымдар) байланысты болса, субъективті түрде қандай да бір өзектің, не ұлттық идея, тарихи зейін, діни көзқарас, т.б. топтастырады, этникалық қауымдастықты сақтайды және олардың басқа этникалық ортаға сіңіп кетпеуіне мүмкіндік бермейді.

Этникалық миграция жаңа диаспораның пайда болуының және қалыптасуының басты дерегі, ол халықтар мен этникалық топтардың саяси, әлеуметтік-экономикалық, мәдени қатынастарына енеді.

Диаспора феноменінің тарихы ертеден басталады. Соңғы он жылда диаспораның жалпы теориялық мәселесіне арналған бірқатар ғылыми еңбектер шықты. Оларда диаспоралардың пайда болу шарттары мен эволюциясы, оларды шоғырландыру белгілері мен үдерістері. Диаспоралық құрылымдарды сыныптау мәселесі де ерекше орын алады. Ғалымдардың диаспоралық құрылымдарды сыныптауға негіздеуге ұсынған типологиялық белгілердің көптігі қазіргі кезде дүние жүзілік ғылыми қауымдастық мойындаған тарихи және қазіргі диаспораны жеке түрлер бойынша бөлу жүйесі жоқ деп пайымдауға болады. сипатталады. Диаспора дефинициясының өзі сан жағынан аз ұлтқа бағытталғанына қарай сипатталады.

Әдебиет

1 Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. – 2005. – 23 ноября.

2 Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past and present. – Wien., 2000.

3 Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen. – Second edition. – N. Y., 2008. – 219 p.

4 Armstrong J. A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. – Wash., 1976. – Vol. 70, №2. – P. 393 – 408.

5 Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. – М., 2003. – №1. – С. 162–184.

6 Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. – М., 2003. – 340 с. – Режим доступа: <http://www.tovievich.ru/book/12/168/1.htm>

7 Этничность и диаспоральность: Материалы круглого стола. – М.: Путь, 1997. – 144 с.

8 Полоскова Т. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). – М.: Научная книга, 1999. – 283 с.

9 Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – 1996. – №12. – С. 33-42.

10 Витковская Г., Панарин С. Миграция и безопасность в России. – М.: Интердиалект+, 2000. – 341 с.

11 Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.

12 Вестник статистики. Демографическая ситуация и денежные доходы в национально-государственных образованиях России. – 1993. – С. 32-45.

13 Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. – М., 1999. – № 1. – С. 24-33.

References

1 Arutunov S.A., KozlovS.Ya. Diaspory: skrytaya ugroza ili dopolnitelnyi resurs // Nezavisimaya gazeta. – 2005. – 23 noyabrya.

2 Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past and present. – Wien., 2000.

3 Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen. –Second edition. – N. Y., 2008. – 219 p.

4 Armstrong J. A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. – Wash., 1976. – Vol. 70. – №2. – P. 393 – 408.

5 ShefferG. Diaspory v mirovoipolitike // Diaspory. – М., 2003. – №1. – S. 162–184.

6 Popkov V.D. Fenomen etnicheskikh diaspor. – М., 2003. – 340 s. – Rezhim dostipa: <http://www.tovievich.ru/book/12/168/1.htm>

7 Etnichnost I diasporalnost: Materialy konferentsii. – М.: Put', 1997. – 144 s.

8 Poloskova T. Sovremennye diaspory (vnutripoliticheskie I mezhdunarodnye aspekty). – М.: Nauchnaia kniga, 1999. – 283 s.

9 Toshenko Zh.T., Chaptikova T.I. Diaspora kak object sotciologicheskogo issledovaniya // Sotcis. – 1996. – №12. – S. 33-42.

10 Vitkovskaiya G., Panarin S. Migratsia i bezopasnost v Rossii. – М.: Interdialect+, 2000. – 341 s.

11 Arutunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Etnosotciologiya. – М.: Aspekt-Press, 1999. – 271 s.

12 Vestnik statistiki. Demograficheskaya situatsia i denezhnye dokhody v natsionalno-gosudarstvennykh obrazovaniyakh Rossii. – 1993. – S.32-45.

13 Militarev A.Yu. O sodержanii termina «diaspora» (k razrabotke definitsii) // Diaspory. – М., 1999. – № 1. – S. 24-33.

НИЯЗХАНКЫЗЫ Г.

Старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного технического университета имени Д. Серикбаева, к.и.н.

ТИПЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАСПОР

Аннотация

В статье автор характеризует типы и классификации диаспор. Социально-экономические и политические катаклизмы приводят к появлению довольно многочисленных групп, заинтересованных в переселении на другие инокультурные, иноэтнические территории.

Автор на основе зарубежной историографии и восьми критериев диаспор, предложенных В.Д. Попковым, анализирует классификации диаспор.

В заключении автор приходит к выводу о том, что нельзя назвать диаспорой группу лиц, хотя и представляющих определенный народ, но вступивших на путь ассимиляции, на путь исчезновения их как ветви данного народа. В статье это доказано на основе классификации диаспор.

Ключевые слова: диаспора, этнос, классификация, историческая судьба, граница, регион.

NIYAZKHANKYZY G.

D. Serikbayev East Kazakhstan State Technical University
Senior Lecturer, Candidate of Historical Sciences

TYPES AND CLASSIFICATION OF DIASPORAS

Summary

In this article the author describes the types and classification of diasporas. Social-economic and political upheavals led to the emergence of rather numerous groups interested in relocation to other cultural, other ethnic territory.

The author based on the foreign historiography and eight criteria proposed by V.D. Popkov reviews the classifications of diasporas.

In conclusion, the author concludes that the group of people (albeit representing a specific nationality), but have taken the path of assimilation, the path of extinction of this nationality's branch cannot be called a diaspora.

Keywords: diaspora, ethnicity, classification, historical destiny, border, region.

**ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES**

ӘОЖ 930.25 (512.122)

ЕСКЕКБАЕВ Д.Б.

Алматы менеджмент университетінің жетекші ғылыми қызметкері, т.ғ.к.

КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ АЛҒАШҚЫ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ АЙТЫС ӨНЕРІ

Аннотация

Мәскеу мұрағаттарынан табылған өткен ғасырдың отызыншы жылдарындағы қазақ және қырғыз халықтарындағы айтыс өнері хақында жазылған зерттеушілер еңбегі, олардың сол кезеңдегі айтыс өнеріне деген көзқарасы және сол тарихи жәдігерлерді көпшілікке таныту, таныстыру мақсаты мақала арқауына айналған. Мақалада іңдет болып тараған аштыққа және саяси қуғын-сүргін салдарынан болған құрбандықтарға қарамастан айтыс өнерінің өміршеңдігі туралы сөз болады.

Түйін сөздер: Мәскеу, мұрағат, Кеңес, өкіметі, тұсындағы, зұлмат, жылдардағы, айтыс, өнері, сақталуы, зерттелуі

Айтыс ғасырлар бойы халқымыздың әдет ғұрып, салт дәстүрімен сіңісіп, тұрмысымен бірге жасап біте қайнаған аса бай, төл жанр. Ертеден көшпелі тұрмыс құрып келген: қазақ, түрікмен, моңғол сықылды елдердің көбінде «айтыс» жанры дәстүрге айналған. Бұл жанрдың туып, өркендеуіне басты себеп – бұл елдерде әлі де болса жазба әдебиетінің қалыптаса қоймағандығымен және ежелгі жыр-аңыз, дастандардың ауыздан-ауызға тарап өзіндік әуен, мақаммен айтылуында болса керек. Мұндай елдерде ақынның күші аузына түседі, басқа жанрлар сықылды, «айтыс» өнері де ауызша жанрдың бір түрі ретінде тарап өркендеген. Қазақ би, шешендері қара сөзбен өленді төгіліп жырға қоса сөйлеуі де осы жанр дәстүрінен қалыптасқан сияқты. Сондықтан «айтыс» өнері қазақ ауыз әдебиетінде ерте заманнан келе жатқан жанрлардың бірі екендігінде дау жоқ. Мысалға «жар-жар», «бәдік» айтыстарын алсақ, бұлар ерте заманнан белгілі. Бірақ ескі замандағы айтыстардың шыққан мезгілін, авторын шамалау қиын, бұлар ауыздан ауызға көшіп, халық қазынасына айналып кеткен. Халық ауыз әдебиетінің ең бір өміршен жанры айтыс өнері туралы М. Әуезов «Айтыс заманында өзге елдерде де болған. Парсыда «мұшайра», арабтарда «мұғалләкәт» дегендігін атап көрсетеді [1].

Ал 1942 жылы С. Мұқанов «Айтыс» жинағын қолға алып даярлау барысында жазу әдебиетінің тарихы әріден келе жатқан, ерте мәдениеттенген елдерде (грек, рим т.б.) «айтыс» ұшыраспайды. Тек мәдениеті ерте замандарда бой көрсеткен араб елінде айтыс үлкен орын алған. Арабта біздің «айтысқа» ұқсас өлеңмен сөйлесу (мұғаллақат) бар. Бірақ зерттеушілердің сөзіне қарағанда «мұғаллақат», көбінесе арабтың көшпелі тайпалары бедеуіндер (бәдеуи) арасында ұшырасатын көрінеді. Жазба әдебиеті ертеден келе жатқан басқа елдерде «айтыс» өнерінің болғандығы ғылыми әлі дәлелденген жоқ», – деп баға берген [2, 21-б.].

XIX ғасырға дейін аты мәлім айтыс ақындарын қазақ әдебиетінің тарихы әлі білмейді және білу мүмкіндігі қиын да. Себебі, XIX ғасырға дейінгі қазақ поэзиясының қай түрін алсақ та, қағаз бетіне түскені, жазылып алынғаны жоқ. Сондықтан, Сыпыра жырау, Асанқайғы секілді бірлі жарым ақындардың ғана аты тарихта сақталған. Қалай десек те орта ғасырлар дәуірі қазақ ауыз әдебиеті, шешендік өнердің алға шығып, билер дәуірінің салмағы артқан кез. Дәл осы кезеңде айтыстың құлашы кеңіп «аруақпен айтысу» (Х. Досмұхамедов), «билер айтысы» (М. Әуезов) сияқты тақырыптық жағынан аясы шарықтаған сәт болса керек [3, 21-б.].

Айтыс өнері қазақ халқының ауыз әдебиетіндегі көлемі жағынан батырлар жырынан кейінгі көлемдісі де, әлеуметтік шындықты терең ашу жағынан көрнектісі

де осы жанр. Ол сонау замандарда шыққан бәдік сияқты айтыстың көне түрінен өрбиді де, аяғы кеңестік дәуірдегі ақындар айтысына тіреледі. Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарында айтыстар белгілі бір ұйымдастыру жұмыстарының ақ халық өнерін қызықтаған жұрттың сауық кештерінің ажырамас бір бөлімі есебінде өтіп халықтың көп жиналған жерлерінде, ойын тойларда аты белгілі ақындардың кездесіп қалуын пайдаланып, ел оларды айтысқа шақырған, қоздырып, көтермелеп, ақындық өнер жарысын ұйымдастырып отырған. Академик С. Қирабаев кеңес дәуіріндегі айтыстың мазмұны мен үлгісі де әр қилы болып, түрлі сипатқа ие болып «қыз бен жігіт айтысы», «қасқыр мен қойдың айтысы», «сиыршы мен сиырдың айтысы», «бай мен кедейдің айтысы», «шал мен бәйбішенің айтысы» деген сияқты заманға лайықталынып, бейімделген айтыс үлгілерінің пайда болғандығын жазады [3, 61-б.]. Айтыстың әлеумет тіршілігіне тікелей қатысы бары өкімет, партия басшыларының назарына ілігеді. Халық әдебиеті сол арқылы өзінің өміршеңдігін, жаңа өмір жасауға қатыса алатын мүмкіндігін дәлелдейді. Ендігі жерде жергілікті өкімет айтыс ақындарын іздеп тауып, іске пайдаланады. Жаңа құрылған Жазушылар Одағы араласып, айтыс өткізуді мәдени дәстүрге айналдырады. Отызыншы жылдары республиканың көп жерінде ірілі-уақты біраз айтыстар өткен. Облыс басшылары мұны сол кезде кең етек алған «Социалистік жарыстың» барысын қадағалау ісіне пайдаланған.

Айтыс жанрының ең бір өнімді дамыған тұсы – Ұлы Отан соғысы кезі. Бұл тұрғыда қазіргі дәуірдегі айтыс өнерін зерттеуші ғалым М. Жолдасбеков «кешегі соғыс жылдарында М. Әуезов, Ғ. Мүсірепов, Ә. Тәжібаев, Е. Ысмайылов ағаларымыз бар шаруаларын жинап қойып, айтысты заманаға лайық қайта жаңғырту ісіне араласып кетіп еді», – деп жазады [4].

Соғыс жылдарындағы ақындар айтысына Қарағанды ақындары бастамашы болып, ұйымдастыру жұмыстарына жазушы Ғ. Мүсірепов қатысқан. Оған сол кездегі белгілі танымал ақындар Доскей ақын, Көшен Елеуов, Шашубай Қошқарбаев, Ілияс Жанкин, Жәкен Байтуов, Маясар Жапақов т.б. қатысып, Қарағанды шахталары атынан Қайып Айнабеков сөз алады. Бұл туралы Қазақстан ұлттық энциклопедиясында: «К. Айнабеков – инициатор и организатор 1-го республиканского айтыса (г. Караганда, 1943)», – деп атап көрсеткен [5, 124-б.]. Ақынның осындай еңбегін Ғ. Мүсірепов дер кезінде жоғары бағалап: «Айтыс ақындар қатарын молайта түсуге де, екшеуге де жол ашып отыр. Бұл күнге дейін қалтарыста қалған Қайып Айнабеков сияқты ақындарымыз Қарағанды айтыстарының үстінде өздерін жұртқа да көрсете алды, өсіп те қалды. Басқа реттерде көптің бірі сияқты болып жүрген ақындардың ішінде шаршы топқа түскенде құлаштай алатындары барлығы да сол айтыстарда көрінді. Шашубайға төтеп бере алған Көшен, іргелі ақын Сәбит пен Ілиясты жеңген Қайып бұл айтыстарға дейін көріне алмай, елеусіз жүріп еді», – деп жазады (4, 5). Бұл айтыс дәстүрі кейінгі жылдары да жалғаса берген. Қайып 1947 жылы екінші рет Көшен Елеуовпен, Ілияс Манкинмен айтысқа түсіп тағы да жеңіп шықты. Қ. Айнабеков айтысқа өзі тікелей қатыспаған күнде де соны ұйымдастырушылардың бірі болып, айтысушы ақындарға өлеңмен кезекпе-кезек сөз беріп отырған [6, 6-7-бб.].

Енді осы бір өрелі өнердің ұйтқысы болған Қ. Айнабеков туралы ұлттық энциклопедияда: «Айнабеков Қайып (18.05.1885 жылы қазіргі Қарағанды облысы, Нұра ауданы, Көбетай ауылында туылып, 29.01.1955 жылы Қарағандыда қайтыс болған) – ақын. Алғашқы өлеңдер жинағы «Қырдың қызыл гүлдері» 1928 ж. жарық көрді. Айнабеков 1943 ж. Қарағандыда өткен облыстық ақындар айтысын бастаушылардың бірі болды. І. Манкинмен, С. Әзденбаевпен, К. Елеуовпен айтысты. Қазақ ауылының сол кезеңдегі жағдайын баяндайтын «Қолаң» және көмірлі Қарағанды кеншілерінің ауыр өмірін суреттейтін «Алып туралы аңыз» дастандары бар. Ол бірнеше ән шығарып, халық әндерін ел аузынан жинау, жаздыру ісімен де айналысты [7]. Белгілі музыка жинаушы А.В. Затаевич Айнабековтен «Сұлушаш», «Қос көтерме», «Әуілдек», «Наз қоңыр», «Жеңеше» сияқты халық әндерін жазып алған», – деген деректер де бар [8]. Қ. Айнабеков 1923 жылы Мәскеу қаласында

болған Бүкілодақтық көрмеде қобыз тартып, астана еңбекшілеріне өз өнерін көрсетеді. Қазақ КСР-ның халық әртісі А.В. Затаевич Қ. Айнабековтың әншілік талантын былай бағалайды: «Кайып Айнабеков – киргизский поэт, приезжавший в Оренбург, осенью 1921 года делегатом на Всекиргизский съезд и вступивший также, осенью 1923 года в киргизском отделе Всесоюзной Выставки в Москве в качестве игрока на «кобызе» [9, 323-б.].

Жалпы ақын Қ. Айнабековке тоқталыңқырап отырған себебіміз ХІХ-ХХ ғасырдың бас кезінде өзінің даму деңгейінде біршама биіктерге көтерілген айтыс өнері ХХ ғ. 20-30 жылдарындағы аласапыран кезеңдерде біраз баяулап, саяси кезең ықпалымен өзінің классикалық формасын жоғалтып алды. Мақала барысында аты аталынған қазақ зиялыларының арқасында қандай үлгіде болса да әйтеуір айтыстың үні, жаңғырығы сақталынып қалды.

Сөзіміз дәлелді болу үшін біз осы мақалаға қосымшаға сол кездегі айтыстар туралы Ресей Федерациясы Мемлекеттік архивінің А628. 1/959. 29-п., 1949 ж.; А628. 1/913. 13-п., 1948 ж. тіркеуіндегі құжаттардан алынған мына зерттеу мақалалардың түп нұсқасын ұсынып отырмыз (Қосымша – 1). Бұл мақаладағы зерттеулердің ерекшелігі сонда біріншіден, сол кездің тынысын жеткізгендігі; екіншіден, отызыншы жылдардағы өзекті тақырып, әлеуметтік мәселелер; үшіншіден зерттеушілердің орыс тілді болуы олардың қазақтың айтысына деген көзқарасы, танымы және оған берген бағасы қазіргі айтыс қарқынымен салыстырғанда өзіндік бір өлшемі, ұстанымы бар. Сондықтан, біздің ойымызша, қазіргі айтыстарда да белгілі бір ұлттық тәрбие, ұлт болашағына қатысты жанашырлық, ұлттық саясатты қолдау сияқты ұстанымдар болу керек деп ойлаймыз.

Жалпы алғанда біз халқымыздың қай кезеңдегі болмасын мәдени мұраларын қастерлеп, оны ұрпаққа насихаттай отыруымыз қажет. Бұл өскелең ұрпаққа өткенімізбен болашағымызды зерделеп, халқының мәдени бай қазынасын тануға, онымен ұлтжандылық қасиетін қалыптастыруға да мүмкіндік алады.

Қосымша - 1

НУРМАХАНОВ КАЛЖАН

РОЛЬ АЙТЫСОВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСТАНА

До Великой Октябрьской Социалистической революции Казахстан был самым отсталым краем Российской империи.

Колонизаторская политика царизма душила национальную и духовную силу казахского народа, превратив его в объект эксплуатации. Царское правительство в тесном контакте с местными баями-феодалами не дало возможности казахскому народу пробудить свои национальные силы. Благодаря партии большевиков и помощи великого русского народа казахский народ стал хозяином своей собственной земли и судьбы.

Передовые представители казахского народа Абай Кунанбаев и Ыбрай Алтынсарин в лице великого русского народа видели спасителя и защитника многострадального казахского народа. Они выступили в казахской степи, как проповедники идей освободительной эпохи. Прогрессивные идеи великих русских просветителей и революционных демократов выступили в простор казахских степей в произведениях Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Крылова, Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Таким образом уже во второй половине прошлого столетия казахский народ вступил в путь просвещения, проповедниками которого в казахской степи были Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов, Ыбрай Алтынсарин.

Великая Октябрьская революция открыла перед казахским народом дверь нового мира. Казахский народ получил возможность создать свое государство и невиданно быстрым темпом развивалась культура казахского народа. Благодаря

отечественной заботе партии Ленина, благодаря братской помощи великого русского народа Казахстан превратился в индустриальную страну и стал крупной животноводческой базой Союза на советском Востоке.

Казахский народ за годы советской власти создал свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру. В настоящее время Казахстан имеет свой собственный университет, свою Академию наук, где работает несколько тысяч кадров казахского народа. Казахи на родном языке читают произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, творения Пушкина, Шекспира, Толстого, Байрона, Горького, Маяковского, Шоты Руставели, Шевченко, Фадеева, Шолохова.

Изменилась жизнь колхозной деревни. В настоящее время в каждом колхозе имеются клубы, киноустановки, школы, избы-читальни. Произведения русских классиков – Пушкина, Лермонтова, Салтыково-Щедрина, стали настольными книгами колхозников.

Об этом справедливо сказал народный акын Курлыбек Баймуратов в своем стихотворении «Москва»:

Были дни, когда нищий - казах
И не знал о других языках.
Жизнь текла, как протяжная песня
О верблюдах, волах и песках.
А теперь в каждом доме простом
Вы отыщите Пушкина том.
По казахски беседуют люди

О Шевченко, Белинском, Толстом («Москва» в переводе Д. Самойлова).

В настоящее время в каждом колхозе есть люди с высшим образованием: зоотехники, ветеринары, врачи, агрономы. Глубоко внедряется передовая мичуринская наука. Бывшие – батраки и кочевники прокладывают путь к сияющим вершинам науки. Они стали докторами наук и виднейшими учеными страны. Многоотысячная армия учащихся казахской молодежи получает образование, начиная со средней школы, кончая аспирантурой. Казахский народ вместе со всеми народами Советского Союза твердыми шагами идет к светлой заре коммунизма.

Разрешите перейти к основной теме доклада «Роль айтысов в общественной и производственной жизни Казахстана».

Вопросы айтысов привлекли внимание известных востоковедов. В трудах акад. Радлова и в трудах казахского ученого Ч.Ч. Валиханова и других востоковедов встречаются отдельные высказывания об айтысах народных певцов. Но систематическое изучение айтыса принадлежит академику М.О. Ауэзову. Впервые в истории казахской советской фольклористики Ауэзов дал научное определение, систематизировал, собрал сведения о всех до революции существовавших айтысах народных певцов. Он впервые доказал, что айтысы являлись самым распространенным жанром казахской устной поэзии, М. Ауэзов установил исторические истоки возникновения айтысов в казахской фольклористике.

Слово «айтыс» (этимология айтыса) в переводе на русский язык означает «состязание». Если мы встречаем в устном народном творчестве поединок богатырей, то айтыс является поединком народных певцов в устном народном творчестве. Таким образом айтыс есть песенное состязание народных певцов, имеющее социально-политический смысл.

Несколько слов о характере и содержании дореволюционных айтысов.

Когда мы говорим об айтысах дореволюционного периода, нам необходимо рассматривать их с точки зрения классиков марксизма-ленинизма. Мы должны подойти к айтысам с точки зрения ленинской установки: о наличии двух культур в каждой науке. Было бы неправильным сказать о том, что все дореволюционные айтысы выражали глубокие думы и чаяния народа. Среди дореволюционных айтысов мы встречаем таких айтысов, которые выражали интересы угнетенной массы казахского народа. Во всех без исключения айтысах мы наблюдаем, что акын выступивший от имени народа и вышедший из самого народа, выступая в

состязание с другими акынами, которые выступает от имени казахских баев-феодалов, восхваляют предков того или другого знатного бая-феодала, прославляя лучшие качества народа, бичует баев-феодалов и царских чиновников и раскрывает причину тех бедствий и страданий, которым подвергаются бедные слои казахского народа.

Таким образом можно заключить, что айтысы в дореволюционном Казахстане носили в себе ярко выраженные классовые противоречия и были самым острым орудием идеологической и политической борьбы казахского народа против своих угнетателей-феодалов и царских чиновников. Классическим образцом дореволюционных айтысов являются айтысы великого Джамбула с акынами Семиречья. Среди них большое внимание на себя обращает его айтыс с Кулмамбетом. В этом айтысе Джамбул выступает от имени своего родного народа и с убийственной силой поэтического дарования рабоблачает истинное лицо баев-феодалов и царских чиновников; Кулмамбет восхваляет баев-феодалов и обвиняет Джамбула, выступившего от имени черни:

Истинных богачей видел ли ты, прыщ?
Ваш богач Шолокбай в наших глазах нищ.
Вот аул Майлыбай – у себя ты хоть раз
Мог ли видеть такой плотный строй жилищ?
Вот Бектембай, Тарпан и бек Мойсеит
Кто из ваших так, как они, знаменит?
Вот Ниязбек Сарсенбаев знатный сын -
Денег сто тысяч в сундуке хранит,
Вот с чьим акыном тягаться ты дерзнул!
Масло не для тебя взбили мы, Джамбул!
Выпрямлюсь я, как прежде, побив тебя,
Ты же назад поплетешься, хром и сутул,
Кулмамбет до конца айтыса восхваляет родовую знать и их предков.
Джамбул в ответ говорит:
Эй! ... прислушайся Кулмамбет, –
В баях твоих смысла нет
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и на ослов.
Дрязги, сплетни и клевета -
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ бай кладут
Будешь и ты в той тени
Баям вовек не буду сродни,
Байским добром не бахвалюсь я
Бедностью опечалюсь я
В мощи порода – сила моя
Цель народу ясна моя.
... Был ты певцом Шоншарским-Дулатским стал,
Прежде худой, толстяком ты спесив стал.
За три бешмета бая и себя продав,
Сам глумиться над горем бедняцким стал

После того Кулмамбет не мог найти ответа, потому что вся правда была на стороне народа, Джамбула. В этом айтысе Джамбул одержал победу. Во всех айтысах Джамбул вышел победителем, перед правдой, перед гневной силой народа никто не смог противостоять.

Айтысы играли большую роль в среде казахского народа, не имевшего в прошлом свою письменность. Айтысы в дореволюционном Казахстане играли роль устной печати. Айтысы народных певцов распространились так быстро, как электричество по проводам. Песни народных певцов, где были выражены глубокие думы и мечты казахского народа, быстро заучивались и передавались из уст в уста.

В дореволюционном Казахстане айтысы происходили на больших пиршествах и поминках, которые были единственным зрелищем населения. На этих поминках и пиршествах присутствовали представители знатных родов и поколений, со своими подкупленными акынами, через которых они проводили свои идеи. Наряду с ними на этих поминках и пиршествах присутствовали представители беднейших слоев казахского народа. Вот при таких обстоятельствах происходили айтысы народных певцов в дореволюционном Казахстане. Народ устами своего певца выражал свой гнев и ненависть баям-феодалам, разоблачал лицемерие, алчность и корыстолюбие баев-феодалов.

По традиции казахские акыны разъезжали по территории Казахстана от одного акына к другому, от одного аула к другому. Приезд акына в какой-нибудь аул ознаменовался большим событием. Именно на таких айтысах акыны получили признание народом своего поэтического таланта. Если тот или иной поэт побеждает того или другого раньше всеми признанного акына, то такой поэт получает признание народом своего поэтического дара и имя этого поэта через какой-нибудь недолгий срок становилось известным по всему Казахстану. Поэты перед собой поставили цель во чтобы то ни стало победить своего противника, поэтому они заранее через проезжающих и «длинное ухо» собирали сведения о своем противнике, расспрашивали о слабых сторонах поэта, чтобы победить своего противника они прибегали ко всяким мерам.

Такие айтысы в дореволюционном Казахстане происходили во всех аулах и районах, где начинающий поэт получает признание народа, побеждая того или иного поэта, а признанные народом поэты получают признания своего поэтического мастерства и дара.

В дореволюционном Казахстане народные певцы выступая перед народом играли роль народного агитатора и роль воспитателя, ибо они были передовыми людьми своего времени. Именно такими были учитель Джамбула Суйнбай и сам Джамбул.

Эти народные певцы разъезжая по различным аулам Казахстана собственными глазами увидели страдание и неотрадную жизнь казахской бедноты, страдавших под двойным гнетом. Они в своих пламенных стихах и айтысах пели о горечи народа разоблачая лицемерие баев-феодалов. Поэтому они неоднократно подвергались преследованию со стороны баев-феодалов и царских чиновников. С другой стороны эти айтысы имели воспитательное значение, ибо айтысы требовали от певцов всестороннего знания быта, жизни, истории каждого рода и поколения. Они были знаками устного народного творчества. Успех или победа акына над своим противником зависели от уровня знания акынов, вступающих в песенное состязание. Те противоречия, которые имели место в Казахстане в связи с колонизацией края и с изменением экономического и политического уклада нашли свое отражение в произведениях казахских акынов. Это ярко выступает в дореволюционных айтысах Джамбула и других казахских певцов.

Какое значение имеют айтысы по установлению советской власти в Казахстане и какую роль играют народные певцы в общественной и производственной жизни Казахстана?

После установления Советской власти в Казахстане коренным образом изменились содержание и форма айтысов казахских акынов, в связи с изменением экономической и политической структуры Казахстана. После установления советской власти в Казахстане народные певцы выступили со своими стихами в аулах и селах, проповедывая идеи новой власти и разъясняя народу значение тех событий, которые происходили в жизни казахского народа. В то время они были проводниками идей нашей партии и правительства в аулах и деревнях. На первых порах Советской власти певцы выступали с маленькими призывными стихотворениями, а айтысы, как таковые не организовались. В этот период короткие, содержательные стихотворения оказались гораздо оперативнее, нежели айтысы областного и республиканского характера. Не организовались айтысы

республиканского и областного масштабов, исходя из соображения, что вообще айтысы приурочиваются к какой-нибудь знаменательной даже или итогам важных мероприятий.

На первых порах Советской власти Казахстан находился в процессе становления, в процессе перестройки старого феодального уклада на социалистический уклад хозяйства. Такими поводами в дореволюционном Казахстане были поминки, пиршества и другие различные сборища в Казахских аулах. Казахские певцы слились в общий поток всенародного движения, поставившее перед собою цель – установление и укрепление советской власти. Большую роль играли народные певца в годы сталинских пятилеток. Большие айтысы – айтысы республиканского масштаба не организовались, пользовались популярностью межрайонные и межколхозные айтысы. Зато широкое распространение получили короткие, идейно насыщенные стихотворения.

В годы великих сталинских пятилеток народные певцы выступали перед народов со своими стихотворениями, где они подводили итога тех грандиозных работ, которые были сделана народом. В этих стихотворениях они бичевали лентяев, отстающих, прославляли передовиков труда, и призывали труженников к труду и тем саман помогли нашей партии и правительству в осуществлении важных мероприятий и в воспитании народа.

Велика была роль народных акынов во время Великой Отечественной войны. Во время войны их песни как острее штыка вонзили врага, вдохновляли воинов на подвиги, а в тылу они призвали народ все отдать фронту, чтобы приблизить час победы над врагом и воспитали в народе глубокую веру в победу над врагом.

Народный акын Кенен Азирбаев в своем стихотворении «Бросайтесь лавой на врага» говорит:

Бросайтесь лавой на врага,
Подняв победные знамена,
Пусть наша твердая нога
Растопчет Гитлера колонны
Врага напавшего на нас
Безжалостно уничтожайте
Настало время, в грозный час
Его с земли родной сметайте.
Нам Ленин дал жизнь,
Он страну поднял ввысь;
Его знамя правды и труда
Мы не уроним никогда!
За родину, в священный бой,
Герой, соколы мой!
Вот клич народа боевой,
Идите в рукопашный бой (в переводе В. Копытина)

Такими пламенными стихами выступили почти все поэты советского Казахстана. Такие стихи, призывного характера занимали центральное место в творчествах народных певцов во время Великой Отечественной войны.

Если акыны в городах: У. Айнабеков, И. Манкин, К. Елеев воспевали труд горняков и призывали увеличить добычи угля, то Шашубай из Балхаша, Болман из Жезказгана, Канишбай из Конурата, Нияз из Улу-Тау, Макар из Ш воспевали труд свинцевиков и рудокопов, а Халдыкей из Усуры (Караганда), Нартай из Кызыл-Орды, Омар Шипин из Костаная воспевали труд животноводов и хлеборов и их социалистическое соревнование, призывали на высокий урожай, за продуктивность животноводства и в своих пламенных стихах прославляли знатных людей колхозных полей и распространили опыты передовиков сельского хозяйства.

Во время войны по инициативе казахского правительства был организован большой республиканский айтыс в Алма-Ате, куда были приглашены акына всех областей Казахстана. Казахское правительство уделяло большое внимание республиканскому айтысу народных певцов.

Айтýс происходил между отдельными областями. До айтýса акыны были командированы в область, с представителем, который они должны были вступить в состояние. Они собирали факты и материалы из жизни колхозной деревни. Все недостатки были зафиксированы в памяти акына. Они тщательно познакомились с общественной и производственной жизнью отдельных областей. Акыны, выступая от имени своей области острие своих слов направляли на недостатки, которые не должны были иметь место во время войны. Убийственной силой слов они бичевали тех колхозников, председателей, зоотехников, которые бесполезно истратили колхозное имущество, воспользовавшись занятостью народа во время войны. Народные акыны, заранее осведомленные состоянием дел в области своего противника акына, в своих стихотворениях раскрыли сущность дел в колхозах и совхозах республики и тем самым помогли казахскому правительству, чтобы навести порядок в некоторых колхозах и районах республики.

Народные акыны, вступая на республиканском айтýсе акынов раскрыли перед народом истинное лицо некоторых лже-интеллигентов, не социалистическое отношение некоторых председателей и зоотехников к общественному имуществу. Выступления народных акынов передавались, по радио и были опубликованы на страницах центральных и областных газет.

Песни народных певцов заучивались колхозниками, школьниками, Они заучивали отдельные куски стихов народных певцов и выступали перед колхозниками своего колхоза или района. Те имена председателей, колхозников, зоотехников, которые были приведены в айтýсах народных певцов, служили синонимами тех людей, которые проявили на социалистические отношения к общественным делам и богатствам во время войны. Этот айтýс помог казахским колхозникам разоблачить истинное лицо некоторых вредителей социалистического хозяйства.

Казахские колхозники установили строгий контроль над колхозным богатством и тщательно следили за ходом трудового процесса в колхозе. Таким был айтýс 1943 г. Так выполнили казахские акыны свои обязательства перед партией, перед советским правительством во время Великой Отечественной войны. Несомненно этот айтýс имел большое государственное значение и принес большую пользу для республики в ее работе военного времени. Характерной чертой айтýсов народных акынов является реалистическое изображение действительности без всякого преувеличения, без всякого художественного окрашивания. Они в своих произведениях изображают то, что они видели в колхозах и общественных учреждениях своей области. Подавляющее большинство народных певцов живет в колхозах республики и является членами колхоза. Некоторые из них работают на шахтах и в медных рудниках. Они пользуются большой любовью и уважением со стороны народа. Трудовая и общественная деятельность народных певцов тесно связана с жизнью народа и в своих стихотворениях они с большим мастерством и правдивостью изображают трудовой процесс. Изображение трудового процесса у народных певцов занимает одно из центральных мест в их творчествах.

Акыны собирая факты из повседневной жизни колхозной деревни создают стихи в форме жалобы коровы, быка, лошади, которых акын видел умирающими от голода и от плохого ухода. С такими стихотворениями они выступают перед колхозниками и животноводами на далеком отгоне.

Такая форма передачи очень доходчива до сознания казахского скотовода. Она получила широкое распространение во время войны и даже в письменной литературе (для примера можно взять стихи поэта Аскара Токмагамбетова, выступившего перед колхозниками во время войны). В конце таких стихотворений певцы часто обращаются к чабанам, зоотехникам и председателям колхоза, чтобы в их колхозе не было таких от голода, от плохого ухода умирающих коров, лошадей, овец.

Поэт Мэзгожаев в своем стихотворении «Слепой верблюжонок» пишет о плохом уходе за слепым верблюжонком. Поэт эту жалобу передает устами самого же слепого верблюжонка.

Большую роль играют айтысы в послевоенной жизни советского Казахстана. После победоносного окончания войны они активно вторглись в общественную и производственную жизнь Казахстана. Они сразу переключились на воспевание мирного труда присоединяясь к голосу народа «пятилетку в 4-года», повысить продуктивность общественного животноводства, «за высокий урожай».

По сведению республиканского дома народного творчества в настоящее время в Казахстане творят 131 народных акына. Конечно это число акынов всеми признанных. Будет не лишним сказать, что сейчас каждый колхоз имеет своего акына, который хорошо владеет поэтическим мастерством и даром слов. В настоящее время айтысы происходят между отдельными колхозами, между отдельными рудниками, между отдельными трестами. Обычно айтысы происходят в день, когда тот или иной колхоз выполнил или перевыполнил сдачу хлеба государству и в день принятия больших государственных мероприятий. В наше время айтысы служат проповедником идей социализма, проповедником идей партии Ленина, одновременно они становятся обличителями чуждых социализму идей. Таким образом акыны выполняют большую государственную функцию.

В настоящее время центром айтысов является Карагандинская область. В Карагандинской области около 30 поэтов, которых знает вся область. Они тесно связаны с промышленной и культурной жизнью Караганды. Большинство из них живет в колхозной деревне, а некоторые работают на угольной шахте и в медных рудниках.

Народные, одним словом говоря, тесно связаны с жизнью народа и являются активными участниками важных государственных мероприятий.

Они выступают на различных собраниях, где подводятся итоги производственных работ или где принимают важные мероприятия. В 1948 году в Караганде проводилось совещание передовиков сельского хозяйства совместно с партийно-советскими активными области. На этом совещании акыны-представители соревнующихся районов, выступили перед колхозниками-делегатами. Выступили акыны Айнабеков (Караганда, Нурмагамбетов (Куринский район), Кожабаяев (Жезказган), Ожанов (Улутауский район), Жатаков (Шетинский район) с актуальной темой «Колхозники в борьбе за выполнение пятилетки в четыре года».

Акыны в своих песенных выступлениях беспощадно бичевали лентяев, отстающих и убедительно раскрыли причину тех недостатков в работе колхозов и указывали на дальнейшие пути ликвидации этих недостатков. Акыны в конце своих выступлений призывают всех колхозников области не делать тех ошибок, которые имели место в предыдущем году, которые были вскрыты в айтысах народных акынов.

Таким образом, из этого примера видно, что район соревнуется с районом, а их акыны тоже соревнуются между собой и тем самым они оказывают большую помощь для работы партийной и комсомольской организаций колхозов.

В 1948 г. в Карагандинской области были организованы три айтыса между отдельными шахтами и трестами.

Эти айтысы имели большое значение в общественной и производственной жизни не только Караганды, но и всей республики. Поэтому необходимо остановиться на содержании и сущности этих айтысов.

Как происходит организация айтысов?

Если два акына состязаются от имени двух шахт, то они предварительно собирают материалы объезжая шахту своего «противника». Акын обходит шахту, познакомится с производственными процессами, жизнью рабочих, общежитий, столовой, клубов, школы, библиотеки, спортплощадки, даже политической грамотностью рабочих. Он записывает себе хорошую и плохую сторону, тщательно изучает, каким путем тот или иной стахановец добился успеха и как он распространяет свой опыт в среде рабочих. Он знакомится с лавой, штреком, забоем и их механизацией, короче говоря, он знакомится со всеми процессами

добычи угля. Когда ясен объект, то так называемые рифмы, ритмы приходят без всякого затруднения.

Айтысы происходят в рабочих клубах шахты, куда приходят шахтеры, стахановцы, представители партийных и советских организаций. У каждого акына свои «болельщики», которые бросают одобрительные возгласы во время айтыса. Вот при таких обстоятельствах происходит так называемые айтысы казахских акынов.

8 января 1948 года проведен айтыс акынов между трестами «Ленинуголь», от имени которого выступил поэт Кошимов и «Молотовуголь», от имени которого выступил поэт Байсеитов.

Выступивший первым поэт Кошимов говорит в своей первой песне о значении угля для родины, о героических делах Карагандинских шахтеров во время Отечественной войны, о руководстве нашей партией производственной жизнью шахтеров, о зажиточной жизни горняков, о сознательности рабочих.

Поэт Байсеитов кончает свою первую песню таким же выступлением, как и поэт Кошимов. Поэт кончает свою первую песню обращением:

Коль шахта и твоя всегда
Своей победою горда, прославь ее победной песней
Перед героями труда.
Иль шахты нет такой,
Могущей мерится со мной?!
А ну, акын, прочисть ка горло
И покажи нам голос свой.
Отвечает поэт Кошимов:
О шахте двадцатой я песню пою,
Лучше ее нет в шахтерском краю.
Если бы ты хоть раз в ней побывал
Много-б полезного ты увидал
В ней веет прохлада подземных ветров
Словно в чудесном Московском метро.
Прославляя достижения своей шахты он задает вопрос Байсеитову:
Чем-же ты похвалиться готов
К празднику славному горняков?

Технику ты полностью не освоил
Десяти домов горнякам не построил
Не думаешь ты и о завтрашнем дне
А что сделано по подготовке к зиме?
Тот отвечает, разоблачая недостатки в шахте своего «противника»:
Ты говоришь на полный ход
У Вас строительство идет?
А как 2 месяца промчится
Стой! и ни назад и ни вперед
Порядка нет - секрет простой
Глядишь по месяцу простой
С таким строительством «сверх скорым»
Недалеко и до позора
Знать, должны что, нет у Вас заботы
О быте вашего шахтера.

Оба поэта до конца айтыса воспевая успехи шахты и производственные показатели передовиков, бичевали отстающих и лентяев. Из этих выше приведенных примеров ясно видно, какое содержание, какую форму приобрели айтысы народных певцов в наше время. Они полны дыханием нового времени, духом социалистической эпохи.

Айтысы народных певцов есть отражение реальной жизни тружеников Казахстана.

Айтысы – великая сила в руках нашей партии и правительства в воспитании нашего народа в духе преданности партии Ленина-Сталина и советскому правительству.

Большой интерес представляет айтыс – между Жезказганским и Успенским рудниками на тему «Сталинскую пятилетку в четыре года». От имени Жезказганских горняков выступил опытный поэт старшего поколения. Болман Кожабаяев, а от имени Успенского рудника выступил поэт Маясар Жапаков. При открытии айтыса зал зимнего клуба был переполнен. На айтысе присутствовали представители партийных и советских организаций и были знатные люди Карагандинского угольного бассейна.

Айтыс двух акынов старшего поколения носит традиционный характер. Кожабаяев, выступая от имени Жезказганцев знакомит с прошлым своего рудника, поет о больших строительствах, о прошлом и настоящем казахского народа. Он восхваляет рудник Жезказган.

Успенку ты с моим рудником сравнил
Ты этим сравнением меня рассмешил
Сравнить твой рудник с моим рудником
Значит сравнить муху со слоном.
Маясар, мой друг, ты в зал посмотри
Сидят там знатные богатыри
Улыбкой светится каждый взгляд
Наградами гордые груди горят
В труде они славят отчизну мою
О них свою песню сегодня пою

И далее говорит:
Я шел по Успенке и был удивлен
Поселок твой мусором весь нахламлен.
Оставил в душе моей тягостный след
Беспечный твой поселковый совет
Два раза я по поселку прошел
Но кустика зелени я не нашел и т.д.

Далее:
Вечно твой клуб закрыт на замке
Что ты смотришь на меня хмуро?
Не любят в вашей Успенке культуру!

*-

Маясар отвечает:
Акын, ты поселок свой восхвалял
Когда-то в садах будто он утопал
А я сегодня идя по поселку
Путаясь в мусоре дважды упал.
Далее:

Еще я хотел бы услышать сейчас
О Куламергена потомках рассказ
О том, как бросая очаг и работу
Едет начальство твое на охоту.

Болман говорит в ответ:
Три года подряд твой рудник отставал
Стране он иного руда задолжал
К чему же твое пустое бахвальство?
Сначала долги уплати, Аксакал!
Далее поэт обращаясь к своим жезказганцам, сидящим в зале айтыса говорит:

Утроим хватку печей мульзавода,
Утроим отправку руды на заводы!
Наш клич! «Пятилетку в 4 года»
Наш девиз вперед и вперед!

Айтыс заканчивается прославлением партии Ленина прославлением шахтерского труда и прославлением знатных людей рудников.

Действительно, на неудовлетворительное руководство карагандинских партийных и советских организаций, на производственную задолженность Карагандинского угольного бассейна было указано в передовой статье «Правды» от 4 октября 1949 г. за номером 277 /11384/.

Готовясь достойно встретить день шахтера Обл. дом Народного творчества совместно с Обкомом профсоюза угольщиков провел третий айтыс акынов между трестами «Ленинуголь» и «Кировуголь» (шахты 20 и 20 бис). Такой айтыс был организован в Южно-Казахстанской области в 1949 г., посвященный важным вопросам послевоенной жизни колхозной деревни.

Таким образом, на опыте Карагандинской области мы можем сказать, что роль народных акынов и роль айтысов в общественной и производственной жизни Казахстана велика.

Народные акыны являются распространителями большевистской агитации в колхозах и кишлаках республики и являются большой силой в руках партии и правительства в распространении великих идей партии Ленина и в воспитании народа в духе преданности нашей великой Родине.

Такие айтысы, как Карагандинские айтысы народных певцов получают широкий размах в различных областях республики в связи с 32-годовщиной Великого Октября и 30-летием установления Советской власти в Казахстане.

Народные певцы играют роли общественного деятеля в колхозной деревне республики и принимают активное участие в культурной жизни Казахстана.

Во время посевной компании народные певцы разъезжают по районам и колхозам области в составе бригад Культобслуживания. В составе этих бригад имеются музыканты, исполнители казахских народных мелодий, певцы-исполнители.

Народные акыны выступая перед колхозниками рассказывают им как избежать тех недостатков в работе, которые были обнаружены ими в других колхозах района, призывают колхозников следовать примеру передовиков сельского хозяйства.

Например, при Кызыл-Ординском концертно-эстрадном бюро в настоящее время работают 3 бригады. Над этими бригадами руководят Народный акын Казахстана Нартай Бекежанов и акыны Туякбаев и Жусунов. Акынами руководят местные партийные и советские организации, дают им конкретные, целевые указания. Такие культбригады акынов организуются Карагандинским домом Народного Творчества. Во время посевной и уборочной компании акыны направляются домом Народного Творчества в различные районы области. В составе этих бригад наряду с музыкантами и народными певцами имеются агитаторы, пропагандисты. Приезд таких бригад в какой-нибудь колхоз ознаменуется большим событием в жизни колхозников. Они пользуются большой любовью и почетом со стороны колхозников. В настоящее время в Казахстане нет ни одной области, где не имелись бы постоянные культбригады, руководимые народными акынами. С каждым годом число культбригад увеличивается, что объясняет жизнеспособность этих культбригад.

Заслуженной любовью и почетом пользуются народные акыны со стороны народа, ибо они являются хранителями лучших традиций народа.

С другой стороны они неразрывно связаны с жизнью труженников советского Казахстана. Они вместе с простыми людьми работают на колхозных полях, на шахтах и в медных рудниках. Народные певцы, носители лучших традиций казахского народа, в своих произведениях выступают как воспитатели народа.

Народный акын А. Сариев в своем стихотворении «Председателю колхоза» говорит так:

«Если ты председатель колхоза,
То будь широкой грудью.
Будь верным партии и власти
Веди людей, будь мужественным.

(подстрочный перевод – *К.Н.*)

В этом же стихотворении:

Будь хозяином, а не рыцарем
Не обижай свою супругу
Не поглядывай на чужих жен
Людей встречай не по карману
Не по бутылкам в карманах

А по труду и по чести (подстрочный перевод – *К.Н.*)

Из этих приведенных примеров и фактов не трудно будет заключить, что Казахские народные певцы играют большую роль в общественной и производственной жизни советского Казахстана. Народные акыны не ограничиваются созданием маленьких стихотворений и айтысами. Ими были созданы большие поэмы, правдиво изображающие жизнь казахского народа.

В этом плане следует отметить поэму Игенсартова «Жизнь в лаве», написанную из реальной жизни шахтеров. Карагандинского угольного бассейна.

Эта поэма высоко оценена казахскими литераторами и была напечатана на страницах республиканского литературного журнала «Литература и Искусство» за 1949 г.

Следует особо отметить поэму народного акына Кошена Елеуова «Арка жигит» («Жигит из стей»), где акын с большим мастерством изображает жизненный путь Сарыаркинского жигита, выросшего из простого колхозника до передовика производства, полностью овладев тайной техники. Эти поэмы по своему содержанию и по своей форме резко отличаются от эпических поэм, которые были самым излюбленным жанром дореволюционных казахских акынов. Построение сюжета и средств изображения сильно отличаются от былинных традиций дореволюционных поэтов. Они ценны тем, что в них изображена жизни и подвиги простых людей и по своей художественной форме и содержанию они ничуть не отстают от некоторых произведений и поэм письменной литературы.

С изменением содержания айтысов изменилась и форма айтысов. Появилась письменная форма айтысов. Она дает возможность акынам точнее выразить свои мысли, отшлифовать свой стих. Письменные айтысы публикуются на страницах районных и областных газет и передаются по радио.

По следам этих публикаций председатели колхозов, управляющие шахтами и трестами дают письменные подтверждения тех или иных недостатков, которые были приведены в айтысах народных певцов.

В последнее время письменная форма айтысов между двумя акынами широко распространяется среди казахских певцов.

Лучшие строки стихотворения народных певцов посвящены партии большевиков, великому русскому у народу. Партия большевиков занимает центральное место в стихотворениях к айтысах народных акынов.

Наша партия правдой сильна.

Нашу партию славит страна

Нерушимую дружбу народов

Общим делом скрепила она – говорит народный акын Казахстана Н. Баймуратов в своем стихотворении «Москва».

Народные акыны Казахстана справедливо называют себя учениками Джамбула в своих стихотворениях продолжают традиции великого поэта.

Не мало пламенных строк было посвящено великому русскому народу и родной Москве.

Как прекрасна сегодня Москва!

Как народному сердцу близка!

В ней сияют лучи коммунизма,
В ней истоки его торжества.
«Ломоносов нам мир открывал
Пушкин к свету и вольности звал
Их стихи от друзей - декабристов
Наш великий Абай узнавал, – говорит народный акын Казахстана Н. Баймуратов
в своем стихотворении «Москва» (стихи привод. в пер. Самойловича).

Из этих выше приведенных примеров и образцов из стихотворений народных певцов нам не трудно представлять какую роль играют народные акыны в общественной и производственной жизни Казахстана и какую форму и какое содержание приобрели айтысы народных акынов в настоящее время.

Казахские фольклористы, правду говоря, перестали заниматься, научным изучением устного творчества казахского народа. Они не уделяют внимания на ту важную роль, которую играет устное народное творчество в общественной и производственной жизни Казахстана. До сих пор в республике народное творчество не стало объектом научного изучения, не были написаны отдельные труды обобщающие опыты и новые явления народного творчества за советский период.

Айтысы народных певцов не издаются отдельными сборниками и очень редко печатаются на страницах республиканской печати. Среди казахских фольклористов есть некоторые фольклористы, которые думают, якобы устное народное творчество постепенно помирает.

Это совершенно неправильный подход к народному творчеству. Народное творчество будет жить до тех пор, пока будет жить народ. Народное творчество является неиссякаемым источником письменной литературы, из которого черпать будут поколения всех времен и эпох. Не зная устного народного творчества нельзя стать писателем или поэтом, близким к народу.

Я заканчиваю свою статью словами великого Горького о значении народного творчества: «На меня, и – я знаю – не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг (ящуг) Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его (М. Горький. Сборник о литературе. – Москва, Гослитиздат, 1935. С. 400-401).

Велика роль народных певцов в претворении в жизнь великих идей нашей партии и правительства. Оно имеет большое значение в коммунистическом воспитании масс. И устное народное творчество в связи с изменением в жизни казахского народа, приобрело социалистическое содержание, оставаясь в своей национальной форме.

Все отрывки, приведенные в статье взяты мною из материалов ВДНТ им. Крупской, за исключением отрывков из айтыса Джембула Кулмамбетом.

Автор

ВИНОГРАДОВ В.

АКЫНЫ КИРГИЗИИ И КАЗАХСТАНА

Акынами в Киргизии и Казахстане называются народные певцы-поэты, обладающие способностью и навыками музыкально-поэтической импровизации. В Киргизии акын сопровождает свое пение игрой на комузе, в Казахстане он аккомпанирует себе на домбре. Акын выступал и выступает только соло. Эта форма музицирования сохраняется и тогда, когда акыны соревнуются друг с другом (см. ниже).

Выросшее из народно-песенных (старинных) первоисточников творчество акынов и в последующем развивалось, приобретало ведущие художественно-

профессиональные признаки также под воздействием народных музыкальных традиций. Культура акынов - древняя традиционная народная культура, не смотря на то, что появление самого термина «акын» относится, по-видимому, к более поздним временам (по свидетельству например Мураталы и Алымкули он приобрел относительно широкое распространение у киргизов лишь в конце 19 и начале 20 веков), несмотря на то что выделение профессиональных кадров акынов в Казахстане и тем более в Киргизии может быть также отнесено к позднему времени (к последним двум векам).

У киргизов и казахов с давних пор существовали народные певцы, носившие свое название, например ырчи у киргизов, которые сохраняли линию приемственности с древними народными творческими традициями и которое шлифовали их, подготавливая почву к появлению акынов той формации, которая дошла до наших дней.

Народный певец-поэт жил интересами народа: социальными и художественными. Яркие представители прогрессивных, демократических чаяний народа как например акыны Токтагул Сатылгаов, жаяу-Муса и некоторые другие подвергались репрессиям со стороны степной аристократии и царских сатрапов. Токтагул за свои песни, изобличающие хищных эксплуататоров манапов Рыскулбековых, был сослан в Сибирь.

Феодалы понимали, какой огромной организующей силой располагает народ в лице своих певцов и они узурпировали созданные народными певцами формы песнетворчества, заводили штат своих придворных акынов, которые обязаны были укреплять своими песнями авторитет главы рода. Мусульманское духовенство в свою очередь стремилось оказать влияние на песнетворчество акынов. Косные традиции многовекового кочевого быта, культурно-отсталые взгляды и настроения также не могли не сказаться в известной степени на творчестве тех или иных акынов.

Таким образом все творческое наследие акынов прошлого и выработанные ими художественные формы не представляют собой «единого потока». Это творчество запечатлело классовую дифференциацию и классовую борьбу в ее своеобразных формах, свойственных кочевому феодально-родовому обществу.

И при всем этом было бы большой ошибкой считать, что искусство акына порождено феодально-придворным бытом, нельзя не видеть его подлинно-народной, демократической основы, не учитывать того, что оно глубоко популярно, любимо народом и наконец, что оно в состоянии выполнять в наше время ценные, нужные художественно-политические функции.

Почти без всякой помощи со стороны учреждений искусства и культпросветов, которым надлежало бы этим заниматься, акыны Киргизии и Казахстана пережили и переживают период активной творческой перестройки, подчиняют свое искусство задачам социалистического строительства. Дом народного творчества Киргизской ССР совершенно не работал с акынами. Он даже не имел у себя учета хотя бы наиболее известных акынов республики. И лишь теперь приступил к учету их и наметил начальные мероприятия по работе с ними. Лучше в этом отношении обстоит дело в Казахстане, где за последний год учтено Домом народного творчества по анкетным данным около 100 акынов, налажена связь с рядом акынов, проживающих в областях и где выявляются новые интересные формы работы самих акынов (см. об этом ниже). Методист ДНТ тов. Кинганова добросовестно и много занимается акынами.

Сколько же акынов насчитывается в Киргизии и Казахстане? На этот вопрос нигде нельзя найти хотя бы приблизительного ответа. В Казахской академии наук известно около 120 акынов, творчество которых там представлено (им занимается Сафаргали Бегалин, уделяющий этому большое внимание). Союзы писателей имеют дело лишь с 10-20 акынами, являющимися членами Союза писателей. Союзы композиторов интересуются 3-5 известными акынами, чьи песни своей мелодичностью представляют музыкальный интерес. Подлинный контингент

акынов не известен даже областным и районным учреждениям Культпросветотделов.

В Караганде (где имеется областной дом народного творчества) учтено 27 акынов, а например, в Акмолинской, Северо-Казахстанской и Талдыкурганской областях по данным культпросветотделов их насчитывается по 2 акына на область, что явно не соответствует действительности. Или, например, из Сузакского р-на Джилалабадской области сообщают, что там имеется всего навсего один акын – Барны Алыкулов (действительно крупный акын), что также явно не верно. Учитывая то, что на юге Киргизии или в Восточном Казахстане культура акынов получила меньшее распространение, что Тянь-Шань, Иссык-Куль, Талас, Караганда, Кызылорда являются наиболее богатыми в этом смысле областями, мы должны признать, что и там и здесь нет точного представления о подлинном размахе акынского движения, что до сих пор не выявлены талантливые, опытнейшие акыны.

Встретившиеся мне на юге Киргизии колхозник акыны Жусуп-Ырчи (Суфикурчанский р-н), Нуркулов Мамак (Узгенский р-н), на севере – черикчие Султанкул, Казакпаев Иманбек (Панфиловский р-н) и др. не только не известны в столице республики, но и в области.

В доме народного творчества Казахстана говорят, что у них в республике насчитывается около 300 акынов. В Киргизии не могут назвать даже приблизительные цифры. Из личных наблюдений в результате поездок в районы Киргиз, из опроса многих лиц можно с приближением к действительности утверждать, что в Казахстане и Киргизии акынов, способных играть общественную организующую художественно-политическую роль, насчитывается не менее 1000 человек. В Казахстане их, естественно, больше чем в Киргизии.

Этот большой отряд представителей народной художественной самодеятельности состоит из киргизов и казахов, которые повседневно общаются с колхозными массами и которые в жизни этих масс на сегодня играют гораздо большую роль чем коллективы художественной самодеятельности. Когда состоящие в штате Киргизской Филармонии акыны выезжают на гастроли по колхозам республики, то им оказывается там со стороны местного руководства такой прием, в котором сочетаются почет, уважение к ним и как к певцам, и как к общественно-политическим деятелям. Таким же авторитетом пользуются бригады акынов, которые по инициативе Казахстанских областных и районных организаций создаются на местах в области и районах из местных акынов и командуются по колхозам во время сельскохозяйственных кампаний.

В чем же сила акынов? Во-первых, в политической остроте и актуальности содержания их творчества, во вторых – в любимой народом привычной традиционной форме его. Эта традиционная форма акынского песнетворчества за годы советской власти подверглась своеобразному испытанию с точки зрения ее способности вместить новое содержание. Из всего арсенала прошлого акыны отобрали и пользуются теперь главным образом следующими наиболее гибкими формами своего искусства, которые, конечно, подверглись некоторой переработке:

- 1) Мактоо (каз. Мактау) – восхваление
- 2) Кордоо (каз. корлау) – порицание
- 3) Арноо (каз. Арнау) – посвящение
- 4) Айтыш (каз. Айтыс) – соревнование

Встречаются и другие виды творчества, как например, песни-описания (толгау – у казахов), наставления, назидания (санат, насыят у киргизов), примерные (ульгу у киргизов) и т.д., но их распространение ограниченнее. Поют акыны народные эпические сказания («Козы Корпеш», «Кедей кан» и многие другие), а также сами сочиняют большие поэмы, как об историческом прошлом, так и о значительных событиях наших дней.

В форме «мактоо» поются обычно песни, в которых восхваляются конкретные герои социалистического труда, стахановцы полей, заводов и шахт. Акын заранее собирает сведения об их производственных показателях и, выступая перед

большой аудиторией, ставит всем в пример их трудовые подвиги. Как правило, «мактоо» чередуются с «кордоо» – песнями, бичующими лодырей, несознательно относящихся к своим обязанностям колхозников, отстающих на производстве рабочих. «Ударник жана жалко» – т.е. ударник и лодырь – эта тема в различных вариантах не сходит с уст акынов Казахстана и Киргизии. Акын не обязательно называет конкретные лица; он поет о социалистическом труде, о доблести его передовых людей, о необходимости следовать их примеру, о вреде, который приносят нашей Родине лодыри и лентяи.

Арноо – посвящения слагаются в честь вождей и больших событий. Песни о Ленине и Сталине, о Победе, к 800-летию Москвы вот круг тем, которые поистине в неисчислимых вариантах опозитизированы всеми акынами Казахстана и Киргизии.

Айтышы – соревнования акынов в поэтической импровизации, находчивости, ведущие свое начало с давних времен и отражающие в прошлом интересы родового общества, превратились в наше время в злободневный и действенный вид акынского искусства. Темой айтышей служат проверка выполнения соцдоговоров между колхозами, районами, областями и шахтами. Акыны готовятся к этим соревнованиям, знакомятся с показателями соцсоревнования своих и соревнующихся с ними колхозов и предприятий и, выступая против своих «противников», оперируют точными данными и именами. Случайно возникающие айтышы между акынами соседних колхозов, посвящаются текущей с.х. кампании: посевной, уборочной и т.д. Акын воспекает досрочную уборку урожая в своем колхозе, славит лучших его людей и указывает на слабые стороны в работе колхоза своего соперника-акына.

Художественные средства акына – поэзия-песня. Можно классифицировать несколько типов акынов, отличающихся друг от друга по способу интерпретации своих стихов. Самой распространенной манерой исполнения у акынов является речитативная манера исполнения, называемая у казахов «терме». Обычно у акына имеется одна излюбленная попевка речитативного склада, в которой одному слогу соответствует один звук. Все слоги стиха за исключением последнего, исполняются ритмически равноценными нотами. Начав свой стих возгласом «ой» на высокой ноте, акын переходит в более низкий регистр и скандирует песню на 3-4-5 повторяющихся звуках.

В манере «терме» пел свои стихи Джамбул. В этой же манере поет и большинство акынов. Впрочем, терме у некоторых акынов приближается к песенной форме, как например, излюбленная попевка Алымкула Усенбаева, по-видимому, воспринятая им от своего учителя Токтогула Сатылганова. Эта более эмоциональная и распеваемая манера исполнения носит у казахов название «жельдирме», большим мастером которой был умерший в 1946 г. Иса Байзаков.

Как в Казахстане, так и Киргизии есть акыны-певцы, которые облачают свои стихи в настоящие развернутые индивидуализированные песенные формы, т.е. соответствующие только данному тексту. Эти акыны-энши (каз.), ырчи (киргиз.) являются авторами не только текста, но и мелодии. Они в ряде случаев называются композиторами-мелодистами и состоят в Союзе композиторов. Таковы, например, Кенен Азербайев, Естай Беркембаев, Молдо Ахмет Тербиев – в Казахстане, Атай Огонбаев, Муса Баетов, Егенчиев – в Киргизии. Наконец встречаются акыны, которые просто читают свой стих, а не поют его. Наряду с поэтически одаренными представителями молодого поколения акынов (которые главным образом и пользуются этой манерой исполнения), так читают свои стихи и некоторые из пожилых акынов. Женщина-акын Утегалиева Халима 55 лет из Уральской области, начала сочинять стихи всего 13 лет тому назад. Она их читает, а не поет. Шестидесятирехлетний Карыбаев Умбетали из Алматинской области поет свои стихи под аккомпанемент домбры, но он и читает их очень выразительно и темпераментно.

Таким образом, каждый акын, как говорят в Казахстане, имеет свой сарын, т.е. свою манеру исполнения. С ней связан и профиль акына, приближающийся то к

профилю поэта, то певца. Акын в быту народа выступает то в качестве агитатора, то поэта, то певца, то рассказчика, то виртуоза-инструменталиста, то шутника-комика, то лирика и т.д. и т.п. Амплитуда средств его очень разнообразна.

С распространением грамотности, общего образования среди населения традиции акынского песнетворчества перерастают в наших условиях в профессиональные навыки поэта, или певца, или композитора. И лауреат Сталинской премии композитор казах М. Тулебаев, и народный артист СССР композитор киргиз Малдыбаев, народный артист Казахской ССР М. Ержанов, и поэты киргизы К. Маликов, А. Токомбаев и многие другие – все они выросли и растут на основе развития прогрессивных, профессионально-совершенствуемых черт и признаков искусства акынов. Конечно, при организации регулярной помощи народным акынам со стороны ДНТ и культпросветов, при условии изучения их персонального состава мы могли бы в лице акынов иметь замечательный неиссякаемый резерв, из которого могли бы выделяться и воспитываться кадры поэтов, композиторов, певцов и даже общественно-политических деятелей.

В результате собирания и изучения разнообразных материалов о деятельности акынов Киргизии и Казахстана, мы считаем необходимым привести некоторые фактические данные, характеризующие их общественную роль и методы работы с ними.

В Улутаском р-не Карагандинской области акын Гожанов Нияз состязался при большом стечении народа с акыном Кожебаевым Балманом из соседнего района по вопросу достижений этих районов в развитии животноводства.

В 1948 г. в Карагандинской области дважды, 13/1 и 10/IX состоялись областные айтысы акынов. В этом же году и там же около 10 акынов принимало участие в проведении итогов соцсоревнования двух крупнейших шахт. С 16 по 20 июня на совещании передовиков сельского хозяйства и животноводов Карагандинской области принимали участие 5 видных акынов области, высыпавших со своим творчеством.

В Кызылординской области действуют две бригады акынов по 7 человек каждая. Они с проверенным репертуаром и заданиями выезжают во время посевной кампании в полевые бригады.

В Караганде большую работу проделали акыны по популяризации кандидатов в народные судьи и заседатели и по агитации за их кандидатуры.

В газете «Советтик Караганды» регулярно помещается творчество местных акынов. Бекбадов Сафа 1914 г.р. Западно-Казахстанской области, Приуральского р-на, п. с. Факел, работающий в подсобном хозяйстве завода им. Ворошилова, участник Отечественной войны, сочинил большую поэму об этой войне, построенную по принципу летописи всех важнейших событий, свидетелем которых он был вплоть до взятия Берлина. Такую же летопись в стихах составил Дюшеналы Тюлемушев 1922 г.р. директор неполной средней школы из колхоза им. Калинина, Джетыюгузского района, Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Отец Дюшеналы – Тюлемуш Джеентаев (ок.75 лет) проживающий там же очень крупный, но малоизвестный акын. Из рассказа акына Карыбаева Умбеталы (см. выше): Года три тому назад я обратил в своих песнях внимание на плохую работу наших колхозниц Шекер и Улту. С тех пор я следил за ними: корил перед всеми, стыдил, а если нужно и хвалил. Теперь они стахановцы нашего колхоза и благодарят меня за воспитание их. На нас мало обращают внимания. Все алматинские газеты публикуют писателей, а нас, акынов Алмаатинской области нигде не публикуют.

В 1945 г. состоялся привлекший широкое внимание айтыш двух крупнейших киргизских акынов: Алымкули Усенбаева – за Таласскую область и Осмонкули Болеболаева – за Фрунзенскую область.

Двадцатилетний колхозник Казакпаев Иманбек из колхоза им. Тельмана Панфиловского р-на Фрунзенской области Киргизской ССР по-моему заданию тут же во время записи сочинил песню, посвященную этой записи (он пел о «машинке», т.е. фонографе, о внимании к акынам в советский период, о своем желании сочинять и петь песни).

Алымкул Усенбаев рассказывал, что во время своих поездок по районам Киргизии, он встречал в колхозах акынов, которые по своему таланту и квалификации превосходят акынов, состоящих в штате филармонии.

Акыны на местах очень неохотно признаются приезжим, посторонним людям в их акынских способностях. «Знал бы зачем меня зовут, то не пришел бы» – такими словами начал свое знакомство со мной акын Чериксиев Султанкул в колхозе «Букара» Фрунзенской области, где он работает мурабом. Он долго сидел, присматривался, как я записывал фонографом песни и не хотел сам петь. Лишь к вечеру он приехал вновь ко мне и привез аккуратно завернутые в носовом платке три текста своих хороших советских песен, которые он старательно напел перед рупором микрофона. При первом знакомстве с колхозом и опросе колхозников очень часто, как правило, не удается выявить во всем колхозе ни одного акына, ни одного певца. Постепенно, знакомясь ближе, завоевывая доверие и проявляя настойчивость, удается обнаружить ряд талантливых акынов. Так бывало почти в каждом колхозе, который приходилось посещать.

Среди акынов преобладают люди старшего и среднего поколения – Кенен Азербайев, Омар Шипин, Нартай, Шашубай, Тулумуш, Осмонкул, Коргоу и другие, но в их ряды вливается и талантливая молодежь». Приходилось не раз встречать акынов 15-18 летнего возраста. Асрандиев Жумабай из колхоза им. Тельмана Панфиловского р-на Фрунзенской области, 1934 года рождения – автор более чем 30 песен, среди них остроумный «кемпир динхошогу» с антирелигиозным оттенком, патриотическая «Жакши» и многие другие. Он обладает звонким приятным детским голосом; уже популярен в колхозе как акын; поет на вечерах, общественных собраниях и т.п.

Все это говорит о том, что движение акынов не только не иссякает (что приходилось иногда слышать), но наоборот растет и растет несмотря на то, что ему нет должной помощи, нет должного руководства и внимания со стороны культпросветов и ДНТ.

Какие же формы работы с акынами наиболее целесообразны?

Все более или менее талантливые акыны должны быть учтены ДНТ и объединены при них, независимо от того, входят они в Союз писателей. Союз композиторов или какие другие общественные организации. Местные (областные и районные) учреждения культпросветов также имеют у себя персональные учетные данные на акынов.

ДНТ оказывают систематическую методически-консультативную помощь акынам путем переписки, созыва местных и общереспубликанских (что например, запланировано на 1949 г. в Киргизии) слетов акынов и т.д. ДНТ содействуют публикации в газетах (районных, областных и республиканских), журналах лучших произведений акынов, создают сборники их творчества, а также отсеивают старые обжившие формы и содержание их творчества, направляют его по советскому руслу развития.

Изучая кадры акынов, работая с ними ДНТ выявляют наиболее талантливых из них, помогают формированию их творческого профиля и направляют на учебу как поэтов, или певцов, или композиторов.

Надо изучить опыт работы акынов в наших условиях, особенно опыт Карагандинских и Кызылординских акынов. Составить популярную брошюру-памятку для акынов, в которой осветить этот организационно-творческий положительный опыт и одновременно указать на необходимость изживания старых чуждых нам традиций и навыков.

Надо издать сборник лучших образцов творчества колхозных акынов Киргизии и Казахстана, состоящий из их песен и айтыше сочиненных по конкретным поводам. Этот сборник и брошюру-памятку надо разослать в адреса всех акынов.

Самой яркой, самой замечательной чертой нового песнетворчества акынов и их организационном деятельности является поэтизация ими социалистического труда, его героев, их борьба против лодырей, лентяев, против отсталых настроений

и взглядов колхозников, борьба за выполнение государственных планов и заданий. Практика показала, что самой действенной формой этой борьбы являются айтыши. Их надо популяризовать среди акынов, им надо придать нужное направление, надо добиться включения их в условиях Казахстана и Киргизии в систему общественных мероприятий, играющих большую воспитательную роль.

Целесообразно ВДНТ запланировать на ближайшее время проведение специального совещания по вопросу о работе акынов, пригласив на него из республик и областей людей, знающих местный опыт и условия.

Әдебиет

1 Мұхтар Әуезов. Энциклопедия. – Алматы: «Атамұра» баспасы, 2011. – 480 б.; Әуезов М. Шығармалары. – 20 томдық. – Алматы: Жазушы, 1979-1985. – 17 т. – 348 б.

2 Мұқанов С. Айтыстар // Көкейкесті әдебиеттану. – 3-кітап / Құрастырған Р. Нұрғали. – Астана: Күлтегін, 2003. – 264 б.

3 Қирабаев С. Қазіргі айтыс: тарихы мен проблемалары // Шығармалар жинағы: Көптомдық. – Алматы: «Қазығұрт» баспасы, 2007. – 5 т. – 464 б.

4 Жолдасбеков М. Сөзіннің арасына қыл сыймасын: Айтыс өнері туралы // Егемен Қазақстан. – 2003, 21 ақпан. – № 41-42.

5 Қазақстан. Национальная энциклопедия. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2004. – 560 с.

6 Айтыс: Жинақ. – Алматы: Қазмембіріккенбас, 1943. – 74 б.

7 Советтік Қарағанды. – 1947. – 26 қазан. – № 211; – 1947. – 7 қараша. – № 219; – мамыр. – № 107.

8 Затаевич А. 1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии). – Оренбург, 1925. – 403 с.

9 «Қазақстан». Ұлттық энциклопедия. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1998. – 720 б.

References

1 Muxtar Aueзов. Enciklopediya. – Almaty: «Atamura» baspasy, 2011. – 480 b.; Aueзов M. Shygarmalary. – 20 tomdyk. – Almaty: Zhazushy, 1979-1985. – 17 t. – 348 b.

2 Mukanov S. Ajtystar // Kukejkesti adebiettanu. – 3-kitap / Kurastyrgan R. Nurgali. – Astana: Kultegin, 2003. – 264 b.

3 Kirabaev S. Kazirgi ajtys: tarixy men problemalary // Shygarmalar zhinagy: Kuptomdyk. – Almaty: «Kazygurt» baspasy, 2007. – 5 t. – 464 b.

4 Zholdasbekov M. Suzinnin arasyna kыл syjmasyn: Ajtys uneri turaly // Egemem Kazakstan. – 2003, 21 aқpan. – № 41-42.

5 Kazaxstan. Nacionalnaya enciklopediya. – Almaty: «Kazak enciklopediyasy», 2004. – 560 s.

6 Ajtys: Zhinak. – Almaty: Kazmembirikkenbas, 1943. – 74 b.

7 Sovettik Karagandy. – 1947. – 26 kazan. – № 211; – 1947. – 7 karasha. – № 219; – мамыр. – № 107.

8 Zataevich A. 1000 pesen kirgizskogo naroda (napevy i melodii). – Orenburg, 1925. – 403 s.

9 «Kazakstan». Ulityk enciklopediya. – Almaty: «Kazak enciklopediyasy», 1998. – 720 b.

ЕСКЕКБАЕВ Д.

Ведущий научный сотрудник Алматинского университета менеджмента, к.и.н.

ИСКУССТВО АЙТЫС В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Резюме

Основой статьи стал труд исследователей, написанный об искусстве айтыс у казахского и кыргызского народов тридцатых годов прошлого века, найденный в московских архивах. В этом труде отражен взгляд на искусство айтыса в тот период

и цель популяризации, представление этих исторических реликвий широкому кругу. Статья повествует о жизнеспособности искусства айтыс несмотря на голод, распространявшийся как чума, и урон, нанесенный репрессиями.

Ключевые слова: Москва, архив, сохранение и исследование искусства айтыс в годы бедствий во времена советской власти.

YESKEKBAYEV D.

Almaty University of Management Leading Researcher,
Candidate of Historical Sciences

THE ART OF AITYS IN THE EARLY YEARS OF THE SOVIET POWER

Summary

The basis of the article is the proceedings of researchers who wrote about the art of aitys of the Kazakh and Kyrgyz peoples in 30ies of the last century, found in the Moscow archives, their look at the art of aitys in that period and the purpose of popularization, presentation of these historical relics to the wide range of readers. The article tells about the viability of the art of aitys despite the hunger spread like the plague, and the damage caused by the repressions.

Keywords: Moscow, archive, preservation and research of the art of aitys in disasters during the Soviet governance

ӘОЖ 910.4+94]:930.221(574)

ТІЛЕУБЕКОВА Г.Б.

І. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті,
Қазақстан тарихы кафедрасының доценті, т.ғ.к.

ШОҚАН УӘЛИХАНОВТЫҢ ХАТТАРЫ ТАРИХИ ДЕРЕК РЕТІНДЕ

Түйін

Мақалада ғалым Шоқан Уәлихановтың жеке хаттарына деректанулық талдау жасалған. Автор Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағатында «Колпаковский» қорында түпнұсқа түрінде сақталған Ш. Уәлихановтың хаттары арқылы, ғалымның өмірінің жеке қырларын хаттары қарастырады.

Түйін сөздер: деректану, дерек, жеке адамдық құжаттар, хат алысу, хаттар.

Қазақ халқының көрнекті ғалымы Шоқан Уәлихановтың туғанына 180 жыл толып отыр. Шоқанды білмейтін қазақ жоқ, Шоқанды білмейтін ұрпақ жоқ десек болады. Себебі, отыз жыл ғана өмір сүрген қазақтың жас әрі дарынды ғалымы келер ұрпаққа үлкен ғылыми байлық қалдырды.

Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов (1835-1865) – қазақтың ұлы ғалымы, ағартушы, шығыстанушы, тарихшы, этнолог, географ, фольклортанушы, суретші. Қазіргі Қостанай облысы аумағында (Сарыкөл ауданы Күнтимес мекенінде) дүниеге келген. Бабасы – Абылай Қазақ Ордасының, атасы – Уәли Орта жүздің хандары болған. Әкесі – Аманқарағай округінің аға сұлтаны Шыңғыс Уәлиханов. Әкесі Күнтимес қыстауында ашқан қазақ мектебінде Шоқан бастауыш білім алған.

Шоқан Уәлихановтың жеке хаттары, күнделігі, жалпы оның өз қолымен жазған ғылыми еңбектері құнды тарихи деректер болып табылады. Деректану ғылымында жеке хаттар, күнделіктер, естеліктер мен заманхаттар жеке адамдық құжаттардың тобын құрайды. Жеке адамдық декетер арқылы адамның жеке өмірінің көпшілікке беймәлім сәттерін, мінез-құлқын, көңіл-күйін анықтауға болады. Жеке адамдық құжаттардың айрықша белгілерінің бірі – көпшілікке мәлімет үшін жазымайды. Шоқанның жеке хаттары, күнделігі, жалпы оның өз қолымен жазған жеке тарихи

деректері арқылы қазақ ғалымының өмірінің қызықты сәттерімен танысуға болады. Оның жеке хаттарын тарихи дерек ретінде үш топқа бөлуге болады: туыстарына, жолдастарына жолданған және қызмет бабымен жазылған хаттар.

Шоқан Уәлиханов 1858 жылы әйгілі Қашқарияға сапарын жасады. Сол сапардан аман-есен оралғаннан кейін, ол 1860 жылы Петербург қаласында екі жылдай тұрып, әкесімен хат жазысты.

1860 жылы 6 шілдеде Шыңғыс Уәлиханов Сырымбет ауылынан баласына хат жолдайды: *«Сүйікті ұлым Мұхаммед-Ханафия, һәм Абіл-Мақыжанға дұғай сәлемімізді жолдадық. Сіздің хатыңызды алып, баршамыз қуандық.*

Өзімнің саған уәде берген жылында бір жібермек ақишаларыңды даярлап қойдым. Бірақ құдайға тапсырдым: жақсы жүр, ішімдіктен сақ бол. Егерде бір үйренсең, қайтып құтылмақ қиын болады.

Мақының портретін есіңде болса тез жіберіңіз. Жалқаулық қылма, уақытың болса, сәлемді біздерге көп жазып тұрсаң. «Жырақ жерден жарқын көңіл» деген.

Мақының сұраған «пояс» дегені не нәрсе екен, оны бізге жазыңыз.

Және маған жазыңыз: Петерборда қандай адамдардан өзіңізге дос-жар кісі таптыңыз?

Және өздеріңіздің есендіктеріңізді көбірек жазып, білдіріп, қуандырып біздерді тұрсаңыздар ақишаны да көбірек жіберемін, егер де аз жазсаңыз ақишаны да аз жіберемін.

Әрдайым құдайдан есендіктеріңізді тілеп жазғуш атаң сұлтан Шыңғыс Уәлихан ұлы» [1, 197-199-бб.].

Хаттың түпнұсқасы Ресей Ғылым академиясының мұрағатында сақталған. Алғаш рет хатты 1959 жылы С. Мұқанов «Қазақ әдебиеті» газетіне жариялады.

Бұл хаттан Шоқанның әкесі Шыңғыс сұлтан балаларын сағынғандығын, әрдайым олардың амандақтарын тілегендігін көруге болады. Хаттағы Абіл-Мақыжан, Мақы деп отырған Шоқанның кіші інісі. Ол 1855-1864 жылдар аралығында Петербург қаласында құлағы естімейтін балаларға арналған мектепте білім алған. Хаттан әкесінің кенже баласын ерекше сағынғандығын байқауға болады, оның суретін жіберуді Шоқанға тапсырған.

Шоқан хатқа жауабын Петербургтан 1860 жылы 9 тамызда жолдады. Хатта әкесіне амандықтарын танытып, барлық туыстарына сәлем айта келе, ақшадан қатты қиналғандығын білдіріп әкесінен көмек сұрайды: *«Бұл хатты алғаннан кейін біраз ақша жіберсеңіз жақсы болар еді. Арамыз алыс, мұнда аз кешіксе хал қиын. Бірнеше күн ақшасыз отырып көп қиындық көрдім»,* – деп жазады [1, 137-138-бб.]. Хаттан Шоқанның әкесінің бұйрығы бойынша үйінен келген қаржыны қалай жұмсағандығын баяндап, есеп бере ол әкесінен кеңес алып, ақылдасып отырған.

Шыңғыс Уәлиұлы 1860 жылғы 19 қыркүйектегі баласына жазған хатында: *«Сүйікті ұлым Мұхаммед-Ханафия бірлән Мақыжанға көп дұғай сәлем.*

Сіздің августің 9-да жазған сәлем хатыңызды сентябрьдің 8-де алып, қуандық.

Енді есендік болса бір тәсріф сайын 300 теңгеден ақша жіберіп тұрамыз. Осы жолы да 300 теңге жібердім.

Және Мақыжанды аузынан, тамағынан көп сүй – мен үшін.

Мақының портретін жасатып жібер, бірақ тезірек.

Және менің саған насихатым: Петерборда көп ақша шығарып, мақтаншылық қылып тұрма. Мұндағы біздің халімізді де білсең керек.

Бұл жолы жіберген 300 теңгені есеп қылмаймын, сол жақта әр ұлықтарға танысып, араласып жүргенің үшін наград қылып бергенім, артын қайырлы қылсын», – деп баласына өз ақылын, кеңесін берген [1, 202-203-бб.]. Әкесі кенже баласын көп сүйіп, сағынышын білдіреді және Шоқанға жіберген ақшасын сый-ақы ретінде жолдап, есеп сұрмайтындығын айтады.

Әкесінің осы хатына Шоқан 1860 жылы 4 қарашадағы жауабында:

«Сізге аса құрметті ия сүйікті атамызға сәлем, ия мейірбан анамызға, уа іні, аға, қарындастарымызға сәлем.

Бізден хабар сұрасаңыз, біз сау-саламатбыз. Бір айдан бері жүрегімнің дерті тұтып, ауырып тұрмын. Петербордың ауасы дешт-сахарлыққа жақсы емес екен. Дәрігерлер қысқа зағрицаға баруға бұйырды. Құдай разы болса, уайым қылмаңыз.

Құдай бұйырса бір айдан кейін Петербордан Парижге шығамыз. Ақшаны қарызға аламын – мұндағы бір кісіден. Оның үстіне, Сіздің жіберген ақша мені Петербурган таппас. Бұл хатты алғаннан кейін ақша шамамен жіберерсіз, мың теңгедей. Жат жерлерде борышты кісі не қандай маиһур болса да, генерал болсын – қамауға жіберер.

Сіздің халыңызды біліп мың теңгеден артық сұрамаймын. Мусafirшілікпен тұрсам, кім біледі, ас-суға денстер», – деп келтіреді [1, 141-б.].

Бұл хатында Шоқан денсаулығының нашар, сонымен бірге бір айдан кейін Парижге баратындығын әкесіне айтып, сол үшін мың теңге ақша сұрайды.

Шоқан Парижге барды ма, әлде барған жоқ па бұл туралы мәлімет беймәлім. Оның замандастары ғылыми мұрасын ерекше қадір тұтқан және өз естеліктерінде атап өткен. Солардың бірі, ресейлік әскер басшы 1854-1858 жж. Семей қаласында әскери қызметін атқарған А.Е. Врангель. Ол Ф.М. Достоевскийдің жақын досы болды. Врангельдің естеліктерінің бірінде Шоқанды Парижден көргендігі туралы айтылады: «Валиханов имел вид вполне воспитанного, умного и образованного человека. Мне он очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его. Впоследствии я встречал его в Петербурге и Париже. Как я узнал, вскоре он погиб, бедняга, от чахотки – Петербургский климат доконал его» [1, с. 237].

Сонымен, әкесімен жазысқан хаттары арқылы оның Петербургтегі хал-жағдайы анықталады.

1854 жылы Шоқан Омбы қаласында Федор Михайлович Достоевскиймен танысып, араласып жақын дос болып кетеді. Шоқан Уәлиханов пен Достоевскийдің достығы екеуінің Омбыда, Семейде, Петербургте бірге болған кездерінде де үзілмей, 1856-1862 жылдар аралығында хат арқылы жалғасып, нығая түсті.

1856 жылы 5 желтоқсанда Шоқан досы Ф. Достоевскийге Омбы қаласынан мынадай мазмұнда хат жолдайды:

«Многоуважаемый Федор Михайлович!

Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем городе и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно скучен. Растаться с людьми, которых я так любил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это не к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю» [1, 132-133-бб.]. Бұл хаттан Шоқанның Достоевскиймен қоштасқанына көп уақыт болмаса да, оның досына деген сезімін, сағынышын көруге болады. Оған 1856 жылы 14 желтоқсанда Семей қаласынан жауап жазады. Амандығын, оған деген достық сезімін былайша келтіреді:

«Письмо Ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич.

Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг – ничего не напишешь: чувство и влечение – дело необъяснимое. Когда мы простились с вами, нам всем было грустно на душе целый день.

В Кузнецке я много говорил о вас одной даме. Я говорил о вас так много, что она полюбила вас никогда и не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе ее друзей, чего вам желаю.

Дорогой мой Чокан. На вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы бы заинтересовали Географическое Общество.

Я так вас люблю, что мечтаю о вас и судьбе вашей по целым дням. Помните меня и пишите чаще» [1, 176-179-бб].

1856 жылы Шоқан 25 жаста еді. Ғылымға алғашқы аяқ басып, зерттеулер жүргізе бастаған кезі. Қашқарияға сапарға барып, ол Орыс Географиялық қоғамының мүшесі болады. Достоевский Шоқанды ғылыми ортаға тартып, қолдау көрсетіп отырды.

Шоқан Уәлихановтың бүкіл қолжазбалары Ресей Федерациясының мұрағаттарында сақталған. Біздің еліміз үшін құнды болып табылатын құжаттар қазіргі таңда сол жақтың мәдени мұрасы болып отыр. Қазақстан мұрағаттарда Шоқанның қолжазбаларының тек көшірмелері бар.

ҚР Орталық мемлекеттік мұрағатындағы «Колпаковскийдің» 825-ші қорында Шоқан Уәлихановтың қолымен жазылған үш хаттың түпнұсқасы сақталған. Бұл хаттар ғылыми-тарихи және мәдени жағынан аса маңызды болып табылады, себебі, Шоқанның өмірінің соңғы кезеңінен мәліметтер береді. Бұл үш хат Қазақстан территориясындағы Шоқан Уәлихановтан қалған қолжазбалар [2].

Мұрағат қорында сақталған бұл хаттар Кеңес кезеңінде Колпаковскийдің қорымен Ресей Федерациясының орталық әскери-тарихи мұрағатынан әкелінген. Хаттарды алғаш рет өзіміздің тарихшы А.Х. Марғұлан 1957 жылы тауып, ғылыми айналымға енгізді [3, 61-64-бб.].

1864 жылғы 1 желтоқсандағы Шоқанның хаты жеті парақ, сегізінші парақта 2 желтоқсанмен қосымша толықтырылды. Хат көк сиямен жұқа ақ қағазға жазылған. Парақтың көлемі: ені – 132 мм., ұзындығы – 212 мм.

1865 жылғы 19 ақпандағы хаты үш парақта сол көк сиямен жазылған. Парақтың көлемі: ені – 265 мм., ұзындығы – 210 мм. Хат Шоқан Уәлихановтың жазуына тән қиын оқылады. Оның әлсіреген қолмен жазылған хаттарынан денсаулығының нашарлағанын байқауға болады. Екі хат та генерал Колпаковскийге арналған. Олар жартылай ресми, жартылай жеке мазмұнды болып келген.

1864 жылғы 1 желтоқсанда жазылған хаттың Шығыс Түркістандағы саяси жағдай сипатталады, Шоқан Тезек төренің ауылындағы сот істері жайында айтылады. Жалпы хаттар есеп түрінде жазылған, хаттың соңында Колпаковскийге денсаулығының нашарлай түскеніне байланысты, көмек сұрайды:

«... У меня побаливает грудь. Не будете ли тем добры, выслать мне мазь или что-нибудь другое, чтобы вызвать нарывы на груди и еще что-нибудь способствующее отделению мокроты. Этим крайне обяжете преданного Вам. Ч. Валиханов» [1, 164-166-бб]. Осы жолдары арқылы оның Колпаковскиймен жақын достық қарым-қатынаста болғанын көруге болады.

1865 жылы 19 ақпанда жолданған соңғы хатында Шоқанның денсаулығының тіпті нашарлағаны байқалады. Ол Колпаковскийден алдын-ала ақысын 100 сом күміс ақша жіберуді сұрайды. Өмірінің соңғы кезеңінде дәрігерге қаралуға мүмкіндігі болмай, тіпті қаржылай қиындық көргендігін:

«Ваше превосходительство, милостивый государь, Герасим Алексеевич!

... Кроме того, я сам сильно болен – когда вы уезжали, я был простудившись: болела грудь и горло. На горло я мало обращал внимания и лечился от груди, между тем, теперь грудь поправилась, но горло разболелось так, что едва могу глотать пищу, голос совершенно спал. Попасть в Верное оказалось невозможным по трудности пути и по неимению экипажа, и я отдал себя в руки киргизского врача – невежды, который поит бог знает чем. Все-таки это лучше, чем умирать сложа руки» , – деп білдіреді [1, 174-175-бб].

1865 жылдың сәуір айында Шоқан қайтыс болды. Ол өмірінің соңғы жылдарына дейін Азия департаментінің Бас штабында қызмет етіп, дүниеден қайтардан біраз күн бұрын Ш. Уәлиханов әкесіне соңғы хатын жолдады. Бұл хатында ол өзінің туысқандарын, таныстарын сағынғанын, орындалмай қалған армандарын айтып, өкініш білдіреді. «Қажыдым, күшім бітті, – дейді Шоқан, – қан-сөлім кетіп, құр сүйегім ғана қалды, кешікпей жарық дүниеден кетермін. Менің аяулы туыстарым мен достарыммен көрісуді тағдыр жазбай тұр. Бұл менің ең соңғы хатым. Қош

болыңыздар, баршаңызды құшағыма алдым». Арада біраз уақыт өткеннен кейін Сырымбетке Шоқанның дүниеден өткені жайлы Тезектен хат келді.

Шоқан әкесіне жолдаған ең соңғы хатында: «Жетісуға келіп, бейшара Айсараны елге алып қайтыңыз, оны қараусыз қалдырмаңыз», – деп жазады [4]. Шоқанның осы ақырғы тілегін орындау үшін 1865 жылдың жазында Көкшетаудан Алтын Емелге керуен жіберілді. Керуен Шоқанның әйелін алып кейін қайтты.

Қазақтың аса көрнекті ғалымы әрі ағартушысы Ш. Уәлиханов өзінен кейін мол мұра қалдырды. Ғалым өзінің қысқа өмірінде көптеген ғылыми еңбектер жазды. Бірақ, Шоқанның хаттары арқылы ғылыми еңбектерде жазылмайтын, өмірінің қызықты сәттерін білуге болады. Бұл келер тарих ғылымы үшін өте құнды деректер болып табылады.

Әдебиет

1 Уәлиханов Ш.Ш. Бес томдық шығармалар жинағы. – Алматы: Қазақ Совет энциклопедиясының бас редакциясы, 1985. – Т. 5. – 527 б.

2 ҚР ОМА. И-825-қ., 1-т., 4-іс.

3 Маргулан А.Х., Ивлев Н.П. Неизвестные письма Чокана Валиханова // Известия АН КазССР. – Серия общественная. – 1970. – № 6. – С. 61-64.

4 <http://old.abai.kz/node/5319>

References

1 Valikhanov Ch.Ch. Sobr. soch. v pjati tomah. – Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazakhskoi sovietsoi jenciklopedii, 1985. – Т. 5. – 527 p.

2 CGARK. I-825-g., 1-t., 4-is.

3 Margulan A.H., Ivlev N.P. Neizvestnye pisma Chokana Valikhanova // Izvestiya AN KazSSR. – Serija obshchestvennaya. – 1970. – № 6. – Pp. 61-64.

4 <http://old.abai.kz/node/5319>

ТЛЕУБЕКОВА Г.Б.

Доцент кафедры истории Казахстана Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова, к.и.н.

ПИСЬМА ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация

В статье приведен источниковедческий анализ личных писем Чокана Валиханова. Автор произвел внешнюю критику писем Ч. Валиханова, которые сохранились в оригинале в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан в фонде «Колпаковского».

Ключевые слова: источниковедение, источник, источники личного происхождения, переписка, письма.

TLEUBEKOVA G.B.

Zhansugurov Zhetysu State University, Associate Professor
of the History of Kazakhstan Department, Candidate of Historical Sciences

THE LETTERS OF CHOKAN VALIKHANOV AS A HISTORICAL SOURCE

Summary

In this paper the author presents the source study analysis of the personal letters of Ch. Valikhanov. The author provided the external criticism to Chokan Valikhanov's letters which have been preserved in the original in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan in the 'Kolpakovskiy' fund.

Keywords: source studies, source, sources of personal origin, correspondence, letters.

**ЭТНОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЕСКЕРТКІШТАНУ
ЭТНОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ПАМЯТНОКОВЕДЕНИЕ
ETHNOLOGY, ARCHAEOLOGY AND MONUMENT STUDIES**

УДК -94+903/904+39+016(574)

АЖИГАЛИ С.Е.

Зав. отделом этнологии и антропологии Института истории и этнологии им.
Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, д.и.н., член-корр. Международной академии
архитектуры стран Востока

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА,
«ДРЕВНОСТЕЙ И РАЗВАЛИН» АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА
В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ ПО ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ)
(статья 1-я)**

Аннотация

Статья посвящена истории изучения недвижимых памятников истории и культуры Арало-Каспийского региона, прежде всего, народному зодчеству казахов, в досоветский («дореволюционный») период и является первой частью обзорного исследования на эту тему. Рассматриваются ранние сведения о памятниках региона в восточных и западноевропейских источниках средневекового, позднесредневекового периодов. Основное внимание уделено известиям российских авторов (путешественников, военных, ученых) XVIII–1-й половины XIX вв., среди которых особую важность имеют публикации П.И. Рычкова, П.С. Палласа, Я.П. Гавердовского, Е. Кайдалова, А.И. Левшина, Г.С. Карелина. Изучение народной архитектуры, других памятников Западного Казахстана, преимущественно, носит попутный, казуальный характер в ходе военно-изыскательских экспедиций, торгово-дипломатических миссий и т.п. в форме фиксаций, кратких описаний «древностей и развалин», которым придается практическое значение как важных ориентиров в Казахской степи. В целом изучение памятников является составной частью территориального освоения региона в русле стратегической колониальной политики Российской империи в Казахстане и Средней Азии (Хива, Бухара). Единичные исследования носят целенаправленный характер: важным примером является поездка Палласа на мавзолей Кесене на северо-востоке Арало-Каспийского региона. Отдельные авторы (Рычков, Гавердовский, Левшин) осуществили попытки некоторой обобщенной характеристики памятников региона, их «классификации». Но в целом это был сугубо эмпирический этап развития памятниковедения Казахстана, когда был собран значительный, весьма ценный, хотя и исключительно разрозненный, фактологический материал. Усилиями российских авторов тема памятников, «древностей и развалин» постепенно вычленилась из общей историко-этнографической и географической тематики и стала предметом дальнейшего изучения и фиксаций, основой становления в будущем особого исследовательского направления.

Ключевые слова: памятники народного зодчества, «древности и развалины», Арало-Каспийский регион, этнографическая библиография, казахское памятниковедение, кладбища, мавзолеи, российские исследователи, военно-изыскательские экспедиции, колонизационное освоение.

«...ремесла ... находятся у кочевников на той же, или еще высшей, степени, на какой [мы] видим их обыкновенно в оседлом сельском населении. Мало того: не уступают кочевники поселянам и в строительном искусстве, хотя и не возводят себе постоянных жилищ: об этом свидетельствуют многочисленные кладбища в киргизских степях, издали представляющиеся красивыми городками, высокие,

куполообразные и других форм гробницы которых, или, точнее сказать, надгробные часовни, нередко весьма обширные, возведены все и продолжают возводиться, с замечательной прочностью, руками самих киргизов [казахов]»

В.В. Григорьев. «О скифском народе саках»

В настоящее время специалисты академического отдела этнологии приступили к выполнению весьма важной научно-практической задачи: созданию Библиографического указателя литературы досоветского/дореволюционного периода по этнографии казахского народа¹. Несмотря на весьма длительное развитие в Казахстане с послевоенного периода этнологического-этнографического науки, в лоне данного самостоятельного и большого научного направления до сих пор отсутствуют сводные библиографические указатели литературы, что, несомненно, препятствует развитию отрасли. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делалось, наоборот имеются значительные наработки в этой сфере, относящиеся как к досоветскому, так и советскому периодам, но, тем не менее, соответствующего справочного издания/изданий по исключительно обширной казаховедческой литературе у нас до сих пор нет: по обоим этапам. Этот существенный недостаток является, по нашему мнению, своеобразной «ахиллесовой пятой» современной отечественной этнологии и ряда смежных дисциплин. И, в частности, вследствие этого многие ценные и малоизвестные публикации «дореволюционного периода» не используются не только специалистами общеисторического профиля, но и самими этнологами.

Если лишь вкратце обратиться к предыстории вопроса, то необходимо упомянуть здесь некоторые наиболее важные издания и работы, касающиеся проблемы этнографической библиографии Казахстана. В досоветский период, где-то с 1870-х гг. (периода активной колонизации Туркестанского края), начали издаваться различные систематические указатели «сочинений», статей, книг по Казахстану и Средней Азии, в которых особое внимание уделялось сведениям о «киргизах» (казахах) – это, например, указатели Н.В. Дмитриевского (1874), З.М. Пенкиной (1888), В.И. Межова (1891), Фр. Шперка (1892) и некоторые др. Накопление большого количества публикаций о казахах в России повлекло за собой создание первых целенаправленных библиографических указателей по казаховедению: этнографа А.Н. Харузина [1а, с. I–LX; 1б, с. III–LII; 2] и знатока различных сторон жизни степняков А.Е. Алекторов [3]. Последний труд вышел отдельным большим изданием и содержал описание множества публикаций, преимущественно аннотированных, о казахах, в особенности из провинциальной и центральной периодики.

Этнографическая библиография получила систематическое развитие в советский период. В 1927 г. были опубликованы «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Средне-Азиатских республик» Е.А. Вознесенской и А.Б. Пиотровского [4] – одно из первых целевых изданий такого рода, которое, на наш взгляд (несмотря на определенную критику за неполноту сведений – А.А. Семенов), сыграло важную роль в развитии казаховедения в советский период. Активные библиографические изыскания, в особенности по многочисленным изданиям и публикациям досоветского периода, проводились представителями «казахской этнографической школы послевоенного периода», которые целенаправленно разрабатывали многие разделы исторической этнографии казахов и, по всей видимости, готовили соответствующий указатель литературы. Показательна в этом плане большая статья Р.Д. Ходжаевой, в которой помещен специальный «Библиографический указатель по одежде казахов» [см.: 5]. Специальное внимание проблеме истории изучения истории и культуры казахского

¹ Изыскания проводятся в рамках Программы «Народ в потоке истории» по проекту «Этнография казахского народа в источниках досоветского периода: создание библиографического указателя» (2015–2016 гг.). К большому сожалению, этот важный для фундаментальной и прикладной науки Казахстана проект, причем весьма сложный в плане реализации, на стадии экспертизы и утверждения был совершенно неоправданно урезан по части финансирования (более чем в 4 раза) и сроков исполнения. В связи с этим работы по проекту вынужденно осуществляются в определенном усеченном варианте и, можно сказать, в значительной степени выполняются на общественных началах.

народа в дореволюционной России и в СССР уделил крупный казахский этнограф Е.А. Масанов, который создал важный труд «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» [6]. Монография до сих пор играет для специалистов-этнологов и историков важную роль путеводителя в чрезвычайно обширном кругу казаховедческой литературы – в особенности досоветского периода.

Необходимо отметить также, что в 1964 г. была издана аннотированная «Библиография по истории Казахстана» дореволюционного периода, в которой лишь отчасти нашла отражение этнографическая, историко-культурная проблематика, разбросанная в различных ее разделах [см.: 7]. При этом в «Предисловии» указано, что в книгу не вошли «этнографические статьи и публикации в связи с тем, что в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР готовится издание специального аннотированного указателя этнографических работ» [там же, с. 5]¹. В конце 1980-х гг. был также опубликован библиографический указатель «История Казахстана: Дореволюционный период» в 2-х кн. [см.: 8], предметно-тематически связанный с вышеуказанным изданием. В нем имеется не очень значительный раздел «Этнография», в котором представлена только литература советского времени.

Определенное оживление в издании обобщающих библиографий происходит уже в наше время: в 2003 г. был опубликован том «Библиография» в многотомнике «Казахи» [9]. Однако данное издание нельзя признать полностью удачным и отвечающим требованиям научной библиографии, в том числе по части казаховедения. Из изданий последнего времени следует отметить библиографии по дореволюционному периоду, подготовленные Центральной научной библиотекой МОН РК, в т.ч. 2-хтомный аннотированный указатель «История Казахстана. Дореволюционный период» [10а, б]. Особенностью его является проблемно-тематический подход, дробность в описании (по главам и разделам) книжных изданий, разбивка информации (аннотаций) по структурным отделам указателя. Этнографическая тематика, зачастую, разбросана в различных разделах.

Таким образом, проблема отсутствия Сводных библиографических указателей по этнографии казахов в настоящее время высветилась достаточно рельефно и является весьма актуальной для науки. Это особенно заметно на фоне существования целого ряда изданий подобной направленности, периодически издаваемых Институтом этнологии и антропологии РАН (прежде: Институт этнографии АН СССР) и др. научными учреждениями РФ. В первую очередь, это «Библиографии трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая» (Л., 1967; СПб., 2008) и др.

Работа по подготовке настоящего Библиографического указателя досоветской литературы по этнографии казахов ведется по предметно-тематическому принципу, с распределением информации по большим разделам (в целом соответствующим проблематике исторической этнографии казахов). Одним из важных направлений сбора библиографических материалов является **блок источников по народному зодчеству, недвижимым памятникам казахов**, «древностям и развалинам в Казахской степи» и т.п. В настоящее время памятниковедческая тематика, прежде всего относящаяся к сфере традиционной (народной) архитектуры, признана неотъемлемой составной частью многообразной этнической культуры и предметом (также) этнографического, этнокультурного исследования. Благодаря исследованиям в этой области, в науке в настоящее время утвердились термины (отрасли) «казахского памятниковедения», «этнографического памятниковедения». В связи с этим, данная статья посвящена обзорной характеристике источников досоветского времени, касающихся большой темы сооружений народного зодчества казахов и других сопутствующих памятников на примере наиболее изученного в этом отношении западноказахстанского региона, известного также под более широким географическим названием – Арало-Каспийского региона.

¹ Если таковые планы и имели место в академическом Отделе этнографии в 1960-х гг., то они не были воплощены в жизнь – очевидно, в связи с кончиной основного специалиста в этой области Е.А. Масанова.

Ранние сведения о памятниках кочевого Арало-Каспия (до середины XVIII в.). Незаурядные памятники народного зодчества Западного Казахстана издавна привлекали внимание путешественников, военных, исследователей. Уже в работах средневековых авторов, посещавших территорию Арало-Каспия, обращается внимание на надгробные сооружения. Первый из них, арабский дипломат Ахмед ибн Фадлан, проезжавший через Устюрт в 922 г., характеризуя погребальный обряд огузов, упоминает сооружения наподобие мавзолеев [см.: 11, с. 128]. В то же время отдельные компилятивные авторы XI в. отмечают наличие башенных сооружений, колодцев на этом плато: в частности, аль-Бакри пишет о башне «на вершине горы Хорезма» (то есть на чинке Устюрта), в 12 фарсах от Ургенча [см.: 12, с. 30, 131]; а Гардизи – о нахождении вдоль дороги через пустынное плато колодцев (по всей видимости, обустроенных), куда «спускаются ... на веревке и достают воду для лошадей» [см.: 13, с. 56; 12, с. 130–131] и т. д. Развитие мемориальной традиции в форме «больших башен из кирпичей», «каменных домов» у кыпчаков фиксирует дипломатический посланник Людовика IX Гильом де Рубрук, побывавший в степях Северного Арало-Каспия в середине XIII в. [см.: 14, с. 102].

Заметный рост мемориально-культового строительства в Западном Казахстане и прилегающих областях наблюдается (судя по источникам) в период принятия и утверждения ислама в Золотой Орде. Так, арабский путешественник ибн Баттута, посетивший в начале 1333 г. город Сарайджук (Сарайчик) в низовьях Урала, отмечает там суфийскую обитель – завийа [см., напр.: 15, с. 72]. Думается, это была архитектурная постройка с мечетью. Распространение мечетей в Прикаспии, в том числе в кочевнических районах, в этот период (возможно и ранее) подтверждается как археологическими раскопками в золотоордынских городах Поволжья [см.: 16; 17], так и фиксацией, исследованием их на Мангышлаке (мечеть-комплекс Шакпак-ата и др.). Весьма интересны сведения о возведении в 1359–1360 гг. на востоке изучаемого региона, на Сырдарье, мавзолея кыйата Джир-Кутлу (Жыркутлы), приводимые тюркоязычным автором 1-й половины XVI в. Утемишем-хаджи [см.: 18]. Это сообщение имеет значение для истории создания средневековых особо монументальных мемориальных зданий в кочевнической среде, которые, в частности в Западном Казахстане (судя по различным источникам), были достаточно распространены. Возведение их (как отмечено в «Чингиз-наме») было сопряжено с большими затратами и т. д.

Ряд косвенных, но достаточно важных сведений о памятниках кочевников Арало-Каспия обнаруживается в позднесредневековых источниках. Заслуживает внимания упоминание англичанина Антония Дженкинсона (1558–1560) о могиле некоего мусульманского «святого» Vaughleata (Богли-ата) к западу от устья Урала, являвшейся местом популярного культа [19, с. 173]. На Устюрте путешественник отмечает «старинные глубокие колодцы» на караванном пути (с. 176). Кроме того, в его записках указываются и другие историко-культурные пункты региона: город Сарайчик (Seratchik), расположенный в одном дне пути вверх от устья Яика, «гавань Мангышлак (Manguslake)» и «крепость Селлизур (Sellisure)» (городище Вазир на юго-восточной оконечности плато) [там же, с. 173, 174, 176]. Интересно также сообщение Ивана Хохлова – руководителя русского посольства в Бухарию в 1620–1622 гг. – о местности «Белая мечеть» (букв.: «Белый мечеть») на Мангышлаке, на п-ове Тюпкараган [см.: 20]. Вероятно, здесь имеется в виду один из известных культовых комплексов: Канга-баба, Шакпак-ата либо Султан-Эпе.

Среди источников этого периода следует отметить и сведения немецкого ученого Адама Олеария, совершившего в 1630-х гг. путешествие по Волге и Каспию в Персию. В частности, он также упоминает о месте погребения одного из «татарских святых», которое располагалось на острове в дельте этой реки и представляло собой «высокий деревянный дом, над которым на длинном колу была поставлена овечья голова». Приводится зарисовка этого, видимо ногайского, памятника, который у русских назывался «татарским мольбищем» [см.: 21, с. 416,

417]. Интересно, что Олеарий одним из первых (1637 г.) обращает внимание, будучи на западном побережье Каспия, на характерные для всего региона мемориальные эпиграфические памятники, фиксирует их – среди них и стелы, аналогичные западноказахстанским [там же, с. 458–460].

Исследовательский интерес к обширной территории Казахстана, Арало-Каспийскому региону существенно активизируется в начале XVIII в., а именно со стороны Российской империи, и он носит стратегическую, геополитическую направленность. В частности, военно-изыскательский характер имела организованная Петром I экспедиция под руководством А. Бековича-Черкасского 1715–1717 гг., которая завершилась неудачно. Деятельность этой экспедиции для нашей темы имеет определенный интерес в том отношении, что в 1716 г. отдельными отрядами ее на восточном побережье Каспия были заложены три крепости – в бухте «Тюк-Караган», при заливе Александр-бай и на косе Красноводского залива. Эти сооружения (являвшие собой памятники колониального освоения русскими Прикаспия) после трагической гибели основного отряда экспедиции в Хиве и вследствие неудачного размещения были покинуты гарнизонами, но еще долго сохраняли свои остатки, о чем пишет ряд авторов 2-й половины XVIII-XIX вв. (Л.Л. Ладыженский, С.Г. Гмелин, Н.Н. Муравьев, И.Ф. Бларамберг, Н. Пущин и др.).

«По свежим следам» историю экспедиции и заложения указанных крепостей описал русский гидрограф и картограф Ф.И. Соймонов, который обследовал Каспий и его побережье в 1719–1720 гг., хотя труд его «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний...» вышел значительно позднее: в 1763 г. Он вкратце охарактеризовал местоположение этих крепостей, их особенности в плане жизнеобеспечения (в целом неудачные), заметив, что наиболее крупной была последняя – в Красноводском заливе [см.: 22, с. 15–16]. Отметим, что в указанной работе определенный интерес представляет также комментарий автора к маршруту путешествия Антония Дженкинсона и отдельным его пунктам: «земле Боглеата» на северном Каспии, на мысу, где проезжавшие магометане отправляли «поклонение у гроба Татарского мнимого святого»; «гавани Мангуслав/Манкишлак» и т.д. [там же, с. 267–268, 270–274, 276].

С началом в XVIII в. многостороннего изучения российскими и западноевропейскими исследователями территории Казахстана пробуждается интерес к древностям, в том числе и архитектурным сооружениям. К наиболее ранним источникам этого круга следует отнести дневник путешествия исследователя немецкого происхождения Иоганна Густава Гербера через Северо-Восточный Прикаспий и Устюрт в Хиву и Бухару в 1732 г., которое также не достигло своей конечной цели. Но в итинерарии имеются сведения об остатках каравансарая на р. Сагызе («Kanarsagas» = Кайнар–Сагыз) и Эмбе, «развалинах города» на северо-восточной оконечности Устюрта, в Мынсуалмассе («Eineruinirte Stadt Manssuhalmass») [см.: 23]¹. Возможно о крепости в той же части Устюрта, в урочище Мынсуалмас, пишет и купец Данила Рукавкин, проходивший здесь с караваном в 1753 г.: «... На верху той горы (Устюрта – С.А.), неподалеку от ее начала, стоит крепость пустая, четверугольная, сделанная из кирпича и небольшой величины, так как сажен по сто каждая стена... В близости оной колодец,

¹ Вообще, судить о содержании дневника Гербера, изданного на немецком языке, весьма сложно, хотя известны определенные попытки перевода его частей (в 1-м томе многотомника «История и культура Атырау в русских источниках XVIII–XX веков», изданном в Атырау в 2015 г.). Но, все же, академического перевода на русский язык, с комментариями, которое заслуживал бы этот источник, до сих пор нет. Востоковед В.В. Григорьев в свое время посвятил небольшую ознакомительную статью о нем в «Известиях РГО», отметив, что дневник был обнаружен действ. чл. Общества П.Н. Петровым [см.: 24, с. 46–48]. Дается краткое описание путешествия, в котором указывается: «...Тотчас по переправе на левый берег р. Урала, против Сарайчика, Гарбер встречает полотно этой древней дороги (т.е. Старой Ногайской дороги – С.А.), колодцы ... и следы жилья около ... колодцев. Достигнув Эмбы, он находит остатки большого караван-сарая, существовавшего при переправе через эту реку, равно как и следы прежних поселений на берегах Эмбы; по переходе чрез эту реку, путешественник встречает и развалины целого древнего города ... При подъеме на Усть-Урт Гарбер опять встречает развалины древнего города, и в след за этим, каменоломню, дававшую материал для построек в этом городе. Затем попадают еще старинные развалины в трех пунктах по пути к пескам Шам...» [там же, с. 47].

чрезмерно глубок, выложенный кирпичом...» [25, с. 125–126]¹. (Добавим также, что последний путешественник упоминает и некий «замок» на острове внутри сора Барсакельмес).

Интерес к памятникам древности в Казахской степи проявил во время поездки в ставку Абулхайр-хана в 1736 г. и английский священник, живописец Джон Кэстль, который, в частности, отметил развалины древнего «монгольского» города Рудера на р. Орь, могилы «язычников» в районе рек Каргалы и Илек (одну из которых он раскопал и обнаружил погребение человека с конем), а также «монгольские» и «ногайские» могильные памятники с камнями в виде пирамид ок. г. Сакмарска [см., напр.: 28, с. 144].

Отдельные, весьма отрывочные сведения о памятниках к северу от Аральского моря обнаруживаются и в записках экспедиции Гладышева и Муравина 1740–1741 гг. из Орска в Хиву и обратно. В частности, геодезист Иван Муравин упоминает «гору Мани-Тюбя» – Мәнітөбе (которая, как известно, издавна почиталась среди степняков), описывает месторасположение «города Янкента» (Жанкента) в дельте Сырдарьи, а также приводит интересное сведение о «бывшей мечети» в верховьях р. Ори, в правобережной части – возможно, и на ее восточном притоке: р. Тамды [см.: 29, с. 548, 551–552, 560, 562]². Видимо, этот значительный памятник (или его развалины) отмечен и на прилагаемой в издании карте на крайнем правом восточном рукаве верховьев Ори (Тамды?): значок «каменная палата». (Аналогичные сведения о существовании какого-то крупного памятника в верховьях Ори имеются также у Фалька – см. ниже). Таким образом, авторы, путешественники 1-й половины XVIII в. по Западному Казахстану старались попутно фиксировать памятники древности и примечательные места.

Изучение памятников Западного Казахстана во 2-й половине XVIII в.

Начало научного учета памятников древности в Западном Казахстане следует отнести ко 2-й половине XVIII в. и оно фактически было положено в трудах российских исследователей, уже целенаправленно занимавшихся изучением Казахской степи, – П.И. Рычкова, участников первых академических экспедиций 1768–1774 гг. П.С. Палласа, И.П. Фалька, С.Г. Гмелина, Н.П. Рычкова и др., сообщавших, по большей части, сведения о памятниках в северной части ареала. Большой вклад в изучение территории Казахстана в этот период внесли исследователи немецкого происхождения.

Важное значение для нас имеет труд П.И. Рычкова «Топография Оренбургская», написанный в 1755 г., и в котором в главе пятой 1-й части впервые выделен специальный раздел «Развалины старинных городов и строений» [см.: 30, ч. 1-я, с. 259–263]. В частности, здесь дано краткое описание древних городов Жанкента, Сарайчика (с остатками «кладбища знатных людей» со «многими палатками» – мавзолеями), некоторых других городищ за пределами Арало-Каспийского региона, информация о комплексе Абат-Байтак, а также о старинных некрополях с «развалинами каменных строений» в долине р. Уи. Особый интерес представляют впервые приводимые сведения о мавзолее, некрополе «Байтака» (на северо-западе совр. Актюбинской обл.): указывается, что в 1750 г. подпоручик-инженер Ригельман у места впадения речки Карасу в Большую Хобду «от Оренбурга же верстах в полтораста, нашел и рисовал немалые каменные строения, наподобие пирамид сделанные, которые у киргизцев (казахов – С.А.) называются *Астаны*, и сказывают, якобы тут погребены были знатные люди, из которых одного называют

¹ В одном из изданий по истории русских экспедиций в Среднюю Азию отмечено, что маршрут Рукавина пролегал восточнее и подъем на Устюрт осуществлялся по оврагу Курсай в Донызтау [см.: 26, с. 21; а также: 27, с. 9]. Но, судя по контексту описания пути (характер памятников, последующий переход через пески Сам), нам представляется, что маршрут, подъем на плато происходил, все же, западнее, в области Мынсуалмаса.

² О последнем свидетельствует то, что при описании маршрута, который пролегал на данном участке с севера на юг, вдоль р. Ори, автор указывает, что горы (Мугоджары) оставались «вправо», «а влево вершина речки Кайраклы (Кайракты – С.А.), которая впадала в Ирғиз» [там же, с. 560]. Эта топографическая характеристика наиболее соответствует верховьям речки Тамды, берущей начало в восточной части высокой горы Жамантау, напротив которой, еще восточнее берет начало р. Кайракты.

они *Байтан* (т.е. *Байтак*). Они же объявили ему, Ригельману, что тут в старину и город бывал...» [там же, с. 262].

Во 2-й части своего труда автор приводит дополнительные данные о памятниках в бассейне р. Уй (крайний северо-восток рассматриваемого нами ареала) – в частности, о «старинном каменном здании» в верстах в 60-ти на восток-северо-восток от Верхояицкой крепости (совр. Верхнеуральск), построенном, возможно, «от бывших тут в древние времена татарских или калмыцких народов» (предполагаем, что это был средневековый мавзолей) [30, ч. 2-я, с. 147]. Кроме того, Рычков пишет также о мавзолеях-«палатках» из жженого кирпича к северо-западу от Троицка, на левобережье р. Увельки и об аналогичном сооружении «верстах в 50» (к юго-юго-западу) от этой крепости, «около вершин речки *Таузака* (т.е. Тогузака)» [там же, с. 155]. Судя по контексту, здесь тоже говорится о средневековых мемориальных постройках, первая из которых находилась в полуразрушенном состоянии, а вторая сохранилась относительно хорошо. В последнем случае речь идет об известном шатровом мавзолее XV–XVI вв. Кесене на границе совр. Челябинской и Костанайской обл. Весьма важно, что это первая информация об этом значительном памятнике. (Все вышеуказанные пассажи о памятниках региона в труде П.И. Рычкова см. также по последнему изданию: [31, с. 133–135, 240, 245]).

Весьма интересные данные об отдельных памятниках региона приводятся в многотомном труде П.С. Палласа «Путешествия по разным провинциям Российской империи...»: в частности, в 1-й его части, посвященной путешествию 1768–1769 гг., публикуются сведения о культе святых гор, целительных источников у казахов – «Караульная гора» (Караултобе), «соленых ям» в районе Илецкой защиты; а также у калмыков – гора Богдо [см.: 32, с. 357, 364–365, 590–591]. Ученый также попутно отмечает встречающиеся в Казахской степи могилы, нередко в виде каменных набросок (с. 586), а в одном случае – на Аспидной горе, в районе Орска – из особого материала: «из наилучшей яшмы» («господские могилы») (с. 392). В целом автор указывает, что «...по большей части хоронят они (т.е. казахи – *С.А.*) мертвых около могил тех усопших, коих за святых почитают, и при том подле старых мечетей, а особливо в таких местах, где уже много старых могил находится» (с. 586). Давая краткое описание остатков древнего города Сарайчика у одноименного форпоста, Паллас, как видно, отмечает и старый некрополь, на котором много могил, «выкладенных кирпичом» (с. 610–611). Кроме того, в 3-й части (половина 2-я) своего труда он приводит сведения о калмыцком сооружении «Шоролигин Балгассун» из необожженных кирпичей в виде пирамиды в районе оз. Баскунчак [33, с. 329–330].

Особое значение в работе П.С. Палласа имеют материалы обследования известного степного памятника – мавзолея Кесене («Кошена», «Татарский молитвенный дом») и находящегося рядом казахского кладбища, которое было осуществлено исследователем в ходе специальной поездки из Троицка на юг в августе 1770 г. Дано довольно подробное описание самого монументального памятника, который находился «еще в хорошем состоянии», могильных сооружений, внешних проявлений погребально-поминального ритуала кочевников и, самое главное, сделана довольно приличная зарисовка мавзолея в двух ракурсах (с юга и востока) с антуражем некрополя [см.: 34, с. 388–393; 35, с. 33]. Исследователь отмечает, что кладбище окружено округлым (или овальным) в плане рвом до «сажен во сто» в поперечнике (т.е. до 200 или более метров) и состоит, в основном, из рядовых могил-насыпей с воткнутыми в изголовье березовыми колами, увешанными вотивами (конские волосы, тряпочки), и, нередко, огороженными решетками от юрт (кереге), а также покрытыми чиевыми циновками и т.д. Вообще, описание деталей могил (например, погребальных носилок в виде 2-х колесной арбы и т.п.) представляет этнографический интерес.

Главное внимание Паллас уделил мавзолею, который охарактеризован им достаточно детально и, в целом (несмотря на специфику объекта и особенности

стиля эпохи), понятно для современного специалиста; приведены основные параметры здания. Большое значение, безусловно, имеет графическая фиксация памятника, выполненная, с учетом масштаба, самим ученым (*рис. 1*). Необходимо отметить, что для памятниковедческой историографии Казахстана материалы поездки П.С. Палласа на мавзолей Кесене являют собой особо важное значение, как первый опыт (возможно, наряду с невыявленными еще материалами более ранней поездки Ригельмана на некрополь Абат-Байтак) архитектурного обследования конкретного памятника с выездом на место, последовательным описанием, обмерами и графической его фиксацией, т.е. с проведением т.н. «натурного обследования».

В 1771 г. совершил поездку в «Киргизскую степь» капитан Н. Рычков (также участник экспедиции Палласа), который в своих «Дневных записках» приводит описание степного кладбища Хан моласы, где был похоронен Абулхаир-хан. Он характеризует памятник последнего как небольшой четырехугольный в плане купольный мавзолей из сырцового кирпича и поясняет: «В округе Ханского кладбища находится еще множество других (памятников – С.А.), которые искусством строения не только не уступают, но еще и превосходят первое. Иные из них сделаны на подобие четверугольных же палат, другие круглые на подобие башни...» [36, с. 45].

Перечисление отдельных памятников Западного Казахстана – «развалин» городов, надмогильных сооружений – приводит также И.П. Фальк, отмечая при этом существование какого-то крупного сооружения («высокая церковь» – видимо мавзолей) на р. Ори, от которого последняя называлась «Тамлыор» (т.е. «Тамды Ор» = река Ор с мавзолеем: «тамом») [см.: 37, с. 45, 58-59]. В его же работе «Описание всех национальностей России» указываются «развалины древних городищ», «крепости» и в южной части региона – на Мангышлаке, в том числе Чергали (Шеркала) [см.: 38, с. 119]. Участник экспедиции Фалька Х. Барданес, осуществивший весной 1771 г. маршрут на юг и на восток от Челябины, посетил и кратко описал вышеупомянутое казахское кладбище южнее р. Тогузак у оз. «Кашанеликуль» с мавзолеем Кесене, который представлял собой «развалины ... каменного, худо оштукатуренного храма в виде осмиугольника...» и т.д. [39, с. 3-5].

Весьма важные сведения об отдельных памятниках прибрежного Мангышлака сообщает Самуил Готлиб Гмелин, который в 1773 г. совершил путешествие вдоль восточного побережья Каспия и дважды высаживался на берег по 10 дней: в «гавани Качак-Култук» («Мангышлак») – в южной части современного залива Кочак (напротив оврага Каракабак) и на «мысе Тюк-Караган» – а именно в Тюпкараганской бухте, у нынешнего пос. Баутино. В то время в этой части Восточного Прикаспия расселялись туркмены племен абдал, бурунчук/бурунджук, игдыр, чоудор и бузачи (принадлежавшие, как известно, к объединению эсен-или). В районе «гавани Качак-Култук» автор отмечает «остатки каменных построек и надмогильные камни на берегу», которые являют собой памятники характерного средневекового кладбища и, возможно, стены крепости (городища). В окрестностях второй стоянки (к югу от которой сейчас размещается г. Форт-Шевченко) Гмелин также фиксирует мемориальные сооружения: «У туркмен в этом месте расположено кладбище... Большое количество камней, наваленных друг на друга, обозначают место погребения знатного человека. В центре этих камней был вставлен шест с полотняным флажком. У подножья камней лежало множество рогов – остатки животных, съеденных здесь близкими в память покойного. Невдалеке от камней находится еще много надгробий менее значительных людей. Их охотно хоронят возле могил знатных или святых. На небольшом расстоянии отсюда находится ... незаконченная постройка из необожженного кирпича...» [40, с. 204]. Судя по карте этого района, которую составил «рисовальщик и геодезист» экспедиции Бауэр, здесь дано описание известного крупного некрополя Сейслам-ата, ныне расположенного на южной окраине Форт-Шевченко. Кроме того, исследователем упоминаются выложенные камнем колодцы, естественные пещеры в бортах скал, используемые

пастухами для ночевки, а также остатки одной из крепостей, основанных князем А. Бековичем-Черкасским на Тюпкараганском мысе (севернее Баутино), которая стояла тогда частично покрытая водами Каспия (с. 200, 202, 204). Таким образом, С.Г. Гмелину принадлежит одна из первых фиксации памятников Мангышлака с картографической привязкой.

Необходимо отметить, что с постепенным накоплением географической информации о Казахской степи с середины XVIII в. начали готовиться и публиковаться картографические материалы по территории Арало-Каспия, в которых находили некоторое отражение и памятники. В частности, на многих картах уже указывалось «место где погребен Абулхайр-хан» (впоследствии некрополь Хан моласы), «бывшая мечеть» на р. Ори, развалины Жанкента – это, например, «Карта казахских земель Младшего жуза» И.И. Красильникова 1755 г. [см.: 41, вклейка], «Карта Оренбургской губернии» 1772 г. И. Трускота и «Карта изображающая степь прилежащую к Российской границе и занимаемую Киргиз-кайсаками большой, средней и малой орды...» [см.: 42, с. 433, 460]. Более информативные картографические материалы стали публиковаться уже в XIX в. Укажем, что изучение их в русле памятниковедческой тематики является вопросом весьма специфичным и сложным и в данной статье картографические сведения привлекаются, по большей части, попутно, но не рассматриваются нами специально.

Исследование памятников Арало-Каспийского региона в 1-й половине XIX в. (до образования Русского географического общества). Значительно более разнообразные сведения об архитектурных сооружениях Арало-Каспия обнаруживаются в источниках XIX в., когда закладываются основы целенаправленного изучения древностей Казахстана. Обследование достаточно активно колонизируемых территорий Западного Казахстана (казахского Младшего жуза) в начале этого столетия, да и вообще в 1-й его половине, ведется российскими исследователями, путешественниками, военными главным образом в двух основных направлениях, ареалах: это, прежде всего, обширные пространства к северу, отчасти к востоку и юго-востоку от Аральского моря (зона влияния «трассы» Оренбург/Орск–Бухара) и межаралокаспийское пространство, включая и северо-восток Прикаспия (где доминировало направление Астрахань–Хива). На пустынно-степных землях обнаруживалось все большее число древностей, «развалин», в особенности самобытных казахских памятников (мавзолеев, кладбищ), являвшихся неотъемлемой частью ландшафта, но специального исследования их не проводилось. Необходимо отметить, что памятники как важные ориентиры на местности, в особенности на торговых путях, привлекают внимание представителей местной колониальной администрации, фигурируют во многих итинерариях, отчетах и т.п.

Показателен такой интересный факт: в 1803 г. в Оренбургской таможне было составлено «Описание Хивинского ханства», включающего маршрут Старой Ногайской дороги с низовьев Урала (от Сарайчиковского форпоста) через Устюрт до Хивы с указанием важнейших пунктов/переходов. Сведения об этой записке впервые (из известных нам источников) были изложены в рукописи начала XIX в. «Замечания о Киргизской степи» неизвестного автора (им оказался Я.П. Гавердовский – см. ниже), опубликованной только через полвека в «Астраханских губернских ведомостях» [см.: 43, № 41, с. 197–199]. Причем в публикации указывалось, что это описание было составлено «из разных известий» директором таможни Величко. Однако, фактически, этот документ стал известен лишь после специальной публикации востоковеда В.В. Григорьева в 1861 г. [44; см. также: 27, с. 20–21]. И уже в наше время (в 2007 г.) последняя публикация была переиздана в серии источников по истории Казахстана, где автором единолично указан Павел Елисеевич Величко [см.: 45]¹.

¹ В связи с личностью последнего отметим также, что на Величко первоначально предполагалось возложить руководство посольством (вооруженным караваном) для отправки в Бухару в 1803 г., которое затем было поручено поручику Гавердовскому [см.: 46, с. 96–97].

В этом источнике (мы пользуемся наиболее ранней его публикацией в «Астраханских ведомостях») были отмечены наиболее примечательные памятники на торговой трассе: «плотина» на р. Сагыз (каменный брод Таскешу – С.А.) – «развалины каменных и кирпичных зданий» у ключей Кайнар – развалины в «урочище Боканчик» (в публикации Григорьева: Баканчин; настоящее название: Бакашы) – развалины у ключей Ушкан и остатки трех крепостей южнее – три крепости на чинке Устюрта у «родника Жаксысу» – развалины Коптам (с остатками «до 30 зданий со сводами») – «древнее каменное здание, с одной башней, похожее на крепость» у «колодцев Блявули» (каравансарай Белеули на Устюрте) – «обширные, невысокие, древние ... здания на острове Барсакельмес» (возможно, городище Аланкала) – «12 буюк» (будок) в районе «склонения к Аральскому морю» (каменные башни на юго-восточном чинке Устюрта) и т.д. Следует отметить, что сведения этого «дорожника» хорошо перекликаются с данными «Карты части Средней Азии, содержащей земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев...» 1816 г. (см. ниже). Таким образом, при освоении территории Казахской степи памятникам стало придаваться и важное практическое значение.

Что же касается вышеотмеченных ареалов изучения памятников Западного Казахстана в первые десятилетия XIX в., то наиболее посещаемыми российскими исследователями в этот период были районы к северу и отчасти к востоку от Аральского моря. Упоминания, краткие описания казахских памятников («могил», кладбищ), древних курганов, «развалин» здесь мы встречаем в путевых заметках, отчетах, воспоминаниях участников различных миссий, поездок, экспедиций, следовавших из Оренбурга в низовья Сырдарьи, в Бухару. И прежде всего здесь надо остановиться на материалах русского посольства 1803 г. из Орска в Бухару под руководством поручика Я.П. Гавердовского, потерпевшего неудачу в Приаральских Каракумах вследствие нападения и разграбления каравана местными казахами. Подготовленный им большой труд «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи», как и журнал экспедиции, долгое время оставался неизданным, хотя, вследствие своей особой ценности, был известен и использовался отдельными историками и этнографами в архивном, рукописном варианте. Полностью материалы миссии Гавердовского были изданы только через 200 лет казахстанскими историками под руководством И.В. Ерофеевой [см.: 47].

Вместе с тем, следует отметить, что это не первое издание данных материалов: часть труда Я.П. Гавердовского, касающаяся географического описания Казахской степи, караванных путей, как отмечалось, была опубликована «анонимно» в 1855 г. в «Астраханских губернских ведомостях» [43]. При публикации было отмечено, что «рукописное сочинение неизвестного автора, составленное, как видно, еще в начале текущего столетия» было предоставлено в редакцию хорунжим Астраханского казачьего войска В.П. Алексеевым. Очевидно, Гавердовский готовил публикацию своей рукописи по частям, в продолжающемся издании (поскольку в данном случае публикуется, как раз, начало 2-й части его труда – Обобщения), но ввиду своей занятости, а затем и гибели в 1812 г. в Бородинском сражении, не смог воплотить это в жизнь.

В начале 1820-х гг. на ценный труд Я.П. Гавердовского было обращено внимание, благодаря, как видно, ознакомлению с ним Г.И. Спасского – издателя журнала «Сибирский вестник», в котором были опубликованы отдельные материалы из «Обозрения Киргиз-кайсацкой степи». В частности, разработки исследователя по родорасселению казахов были использованы Спасским в работе «Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды» [см.: 48, с. 86 (100)–109 (123)]. (Кстати, последнего нельзя считать единоличным автором этой публикации, фактическими соавторами которой являлись И. Андреев и Г. Фролов). Кроме того, Г.Ф. Генс издал статью «Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи», которое являет собой переложение, с небольшими стилистическими изменениями, аналогичного раздела труда Гавердовского. Но материал был опубликован со ссылкой на автора – как «Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г.Г.»

[см.: 49]. В 1823 г. вышли и другие публикации, касающиеся материалов и судьбы неудачной экспедиции 1803–1804 гг. [см.: 50; 51]. Отметим также, что записки одного из ее участников доктора Саввы Большого были опубликованы в 1822 г. в журнале «Сын отечества» [см.: 52]. Разработки Гавердовского были концептуально использованы впоследствии и А.И. Левшиным при составлении его обобщающего труда «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей...». В советское время отдельные выдержки по этнографии казахов – в том числе касающиеся традиционных поминок, а также надмогильного сооружения (тортулака) Джанбей-батыра (Джаныбека/Джанбека, как отмечено в указателе; на самом деле: Жана-бия) – были опубликованы в сборнике «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках» [см.: 53, с. 152–163].

Материалы экспедиции Гавердовского имеют немаловажное значение для истории изучения памятников Западного Казахстана и, прежде всего, Приаральского региона. Им было помещено вышеуказанное «Описание Старой Ногайской дороги» (и памятников на ней), а также и других караванных путей в Хиву и Бухару: из Астрахани (через Мангышлак), из Оренбурга – две трассы (вдоль западного берега Аральского моря, через Хиву и через низовья Сырдарьи, восточнее Арала) и более восточных. Среди этих описаний, помимо уже рассмотренного нами первого, привлекают внимание следующие факты: упоминание небольшого «трухменского селения у пристани Сарташ» на Мангышлаке (видимо, заимствовано у С.Г. Гмелина); а также весьма важное краткое описание «развалин Мавлюберды» у впадения р. Темир в Эмбу. Последнее представляет немалый интерес: «Развалины Мавлюберды находятся на ровном месте, недалеко от устья р. Темир. Они представляют каменное, довольно возвышенное, полуразрушившееся здание, похожее на капище. Сказывают, что здание это прежде было мухаммеданской мечетью, построенной одним святым, вышедшим сюда из Аравии еще во времена существования Золотой Орды...» [43, № 41, с. 204; см. также: 47, с. 334]¹. В этой части труда Гавердовского привлекает внимание также информация о «знаменитом колодце Букан» в южной части Кызылкумов (севернее совр. Учкудука), очевидно, хорошо обустроенном и обеспечивавшем водой в течение суток до 1000 человек и столько же лошадей [см.: 47, с. 336–337].

Немало памятниковедческой информации заключено и в собственных записках исследователя и его попутчиков на основе путевых наблюдений и опросов местных казахов – в основном это краткие упоминания тех или иных памятников, кладбищ, древних курганов, отдельных колодцев и т.п., но также и описания связанных с ними погребально-поминальных ритуалов казахов, культа предков (жертвоприношений). Среди казахских памятников отмечены, например, следующие: «большая могила Актан-бия, похожая на разрушившийся холм», «знаменитое урочище Бисмула» с кладбищем с каменным изваянием, гора Мануавлë «на вершине (которой) находится знаменитая могила, представляющая полуразрушившееся здание, под которым покоится прах киргизского святого Ману», «знаменитые могилы разного вида (кладбище) ... на вершине (горы) Карамулатюбя», кладбище с «надгробием Чжаны-бия (Жана-бия)» в форме тортулака [в урочище Тогыскен, у слияния Ыргыза и Торгая], «могила Бургай-бия», «могила Ходжаберган» (Кожаберген)², «гора Каратавлë ... с могилой одного из киргизских святых» [в р-не слияния Ыргыза и Торгая, либо севернее] [см.: 47, с. 180, 209, 215, 225 и 252, 229, 239, 243, 253] и др. безымянные (с. 180–181, 201, 233 и т.д.)³. При этом Гавердовский часто

¹ Возможно, здесь речь идет о комплексе, некрополе Маулимберды (Маулетберды) XV (XIV?) – XX вв., расположенном в указанном районе, в 25 км на ЗСЗ от слияния рек Темир и Эмба. Это наиболее крупный сохранившийся историко-культурный объект в этой местности, с остатками средневековых мавзолеев из жженого кирпича. Памятник обследован экспедицией 2003 г. под рук. автора.

² Необходимо подчеркнуть, что правильное наименование топонима: Кожаберген. Однако это урочище, где произошло роковое нападение казахов-шектинцев на караван и его разгром, вошло в историографию под искаженным названием Ходжаберган (видимо, произношение татарских переводчиков) [см.: 54, с. 72–73; 55, с. 10].

³ Следует отметить, что некоторые из памятников, упоминаемых в источнике (могильник Бесмола, кладбище Мөні-әулие), обследованы нами в 1980-х гг. [см.: 56, с. 27 (№ 380, 384); более подр. см.: 57, с. 160, 171 – карта (№ 32, 43)]. В частности, поясное изваяние, упоминаемое Гавердовским в урочище Бесмола («истукан с совершенно калмыцким лицом»), было утрачено – а именно, вывезено с бейита во 2-й половине 1970 г. («чтобы отправить куда-нибудь в музей»), но по неосторожности

отмечает возвышенную топографию казахских могил, правомерно связывая их с культом гор (которые, нередко, получают название от могил святых и батыров) и жертвенным культом. Надмогильные сооружения, забота о могилах занимает важное место в жизни казахов – «культ предков» (с. 180-181 и др.).

Определенный интерес представляет информация и о других видах памятников: упоминания о колодцах, высоких земляных валах в степи. Весьма важны сведения об отдельных объектах – в частности, описан такой специфический историко-ландшафтный памятник как гора Богенбай-батыра с «конусообразной каменной скалой» («Буканбаев маяк»): знаменитый наблюдательный пункт батыра из рода таракты-табын, который использовался в период казахско-джунгарской войны первых десятилетий XVIII в. По преданиям, приводимым Гавердовским, Богенбай погиб здесь и похоронен «на горе маячной» [см.: 47, с. 219-220]. (Гора расположена южнее долины среднего Ыртыза, в 37 км к ЮЮЗ от совр. одноименного райцентра и издавна известна среди казахского населения как «Богенбай шоқысы»).

Любопытна также информация о проекте постройки дома хану Младшего жуза Есиму в самом конце XVIII в. в северо-западной части песков Тайсойган. Однако этот замысел оренбургской администрации не был претворен в жизнь ввиду смерти хана в 1897 г. Но, несмотря на это, данный объект – «Зимнее ханское жилище» успел попасть на карты того времени (см. ниже). В своем более позднем труде А.И. Левшин, отмечая данный факт, указывает, что здесь, как бы, планировалось строить группу домов, в которых могли размещаться члены ханского совета (дивана) [см.: 58, с. 277].

У Я.П. Гавердовского имеются попытки общего взгляда на памятники Казахской степи, их оценки: в частности, отмечается их важное значение («выгода») как ориентиров; указывается, что древние могилы в степи (курганы и отдельные старинные сооружения) «приписываются киргизцами нагайцам и моголам» [см.: 47, с. 181-182, также с. 362]. Для обобщенной характеристики («классификации») «развалин в степи Киргизской» им выделен небольшой раздел – гл. 7-я во 2-й части «Обозрения», где памятники, хотя и недостаточно четко и ясно, распределены на три части: домусульманские; мусульманские и «развалины особливых строений» типа замков (крепостей), служившие «убежищем для ханов» либо «для удержания орд в покое и повиновении к владетелям». «Итоговое» освещение автором данной темы (в то время, конечно, совершенно не разработанной) выглядит недостаточно системным, путаным, но в нем, все же, прослеживаются два основных направления: поселенческие памятники, фортификационные сооружения – типа крепостей, замков, остатков городов (упомянуты памятники в низовьях Сыра и «на горе Чин» – на Устюрте) и погребально-культурные сооружения – в том числе древние курганы, развалины капищ периода «Зюнгорской орды», мавзолеи (преимущественно из глины), «остатки каменных мечетей и около их по обыкновению строящихся школ (медресы)». Особое место «в степи Киргизской» занимают надмогильные памятники, которые нередко образуют большие кладбища, «святые места (авлѣ)», «подобие великолепных городов» (как на островах в низовьях Сырдарьи: информация, полученная от другого участника экспедиции – доктора Саввы Большого) (с. 362-365).

И, наконец, весьма важное значение в труде Гавердовского имеют этнографические материалы, отражающие особенности погребально-поминального ритуала казахов, связанного, в свою очередь, с культом кладбищ – аулие и могил. Автор вкратце описывает некоторые особенности похорон, могильных конструкций, поминальных обычаев (в том числе женских плачей по умершему – «улен») [см.: 47, с. 465-467, 201]. В тексте отмечается, что «Большие тризны в честь людей знаменитых совершаются по большей части у могилы покойного, с некоторыми притом обрядами и при стечении многочисленного народа, который оказалось сброшенным в реку Ыртыз в районе пос. Киров (Материалы экспедиции 1984 г.). В целом же укажем, что локализация и идентификация многих объектов (как исторических, так и ландшафтно-географических), отмечаемых участниками экспедиции 1803 г., затруднена – прежде всего вследствие изменений в топонимической номенклатуре, произошедших за последние 150-200 лет, а также, думается, по причине разрушений многих памятников архаичного периода.

собирается туда по приглашению потомков, иногда его число простирается до 2000 человек» (с. 228). И, в частности, приводится описание тризны в честь бия Жана из рода шомаекей, которая проводилась около его могилы, кладбища и свидетелями которой были сами члены российского посольства (с. 228-229). Кроме того, автор приводит данные о грандиозных поминках в честь знаменитого батыра Сырыма Датулы, который скончался незадолго до выхода экспедиции в степь (с. 468).

Достаточно интересную информацию о памятниках приводит в своих записках и другой участник экспедиции Гавердовского – доктор Савва Большой, который во время нападения казахов попал в плен, был увезен в низовья Сырдарьи и пробыл там около десяти месяцев. Кроме тех объектов, которые были упомянуты в общем журнале (кладбища «Карамула», «Мануавлë») у него приводятся оригинальные сведения о памятниках указанного района, многие из которых он видел сам. В частности, путешественник отмечает несколько казахских кладбищ между Сырдарьей и Куандарьей: «знаменитое кладбище Айдарлы», Жаксыкостам, Жаманкостам, «Камалсыик» (возможно: Қамалсыық), «Чумайсыик» [47, с. 272–273]. При этом указывается, что имеет место обычай «временных кладбищ» (захоронений), откуда останки могут быть перенесены на общий некрополь – множество таковых, называемых «мула» (мола) или «авлë» (аулие), расположено как в долине Сыра, так и на островах реки. Весьма интересно, что автор ссылается на изображение № 15 (сделанное им самим?) одного из кладбищ¹. Среди типов надмогильных памятников казахов С. Большой выделяет «кирпичные или глиняные мавзолеи, называемые *мазарки*»; отмечает некоторые особенности погребального обряда, конструкций могил (с. 267–268).

Наряду с этим в записках сырдарьинского пленника упоминаются и другие виды памятников: «остатки крепости Жангиткала» (Жынгыткала) (со ссылкой на рис. № 14), которые достаточно хорошо сохранились (стены до 5 сажен высоты, стрельницы); остатки оросительных систем («канавы»); отмечен также «колодец Жамбимбет кудук» (Жалимбет кудык?) [47, с. 273].

Как видим, материалы экспедиции Я.П. Гавердовского 1803–1804 гг. занимают свое особое место в истории изучения «древностей и развалин» Казахской степи, традиционных казахских памятников, выделяясь как новизной и аутентичностью многих сведений, так и использованием/приведением данных ранних малоизвестных источников. Прежде всего, они значимы для памятниковедения Арало-Каспийской области, отчасти и других регионов степного Казахстана. При этом весьма важны наблюдения авторов из области погребально-поминального ритуала кочевого населения, казахской этнографии в целом, а также и географии региона с фиксацией архаичных элементов народной топонимии².

Неудача вышеописанной торгово-дипломатической миссии начала XIX века, конечно, не могла не повлиять на ход российских изысканий и экспедиций, которые в рассматриваемом регионе на некоторое время приостановились. Исследования в Приаральском районе были возобновлены в 1820-21 гг. в ходе дипломатической миссии А.Ф. Негри из Оренбурга в Бухару, участники которой по пути следования экспедиции отмечали, в частности, отдельные, встретившиеся им казахские памятники. Полковник А.К. Мейендорф описывает кладбище с мавзолеем, или мавзолеями, у оз. «Ходжа-куль» (к северу от современного г. Шалкара), причем отмечает, что некоторые памятники сооружены из «гончарной глины»,

¹ Данный рисунок, как и другие, упоминаемые в материалах настоящей экспедиции, имеют важное значение для рассматриваемой темы, но они, к сожалению, не опубликованы в известных нам изданиях. Не имея возможности, в настоящий момент, судить о содержании и даже наличии этих иллюстративных материалов в архивных делах, отметим, в частности, что указанный С. Большим рисунок кладбища на Сырдарье весьма напоминает сюжет аналогичной зарисовки, помещенной в труде А.И. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I–III» (СПб., 1832). Возникает вопрос: не был ли заимствован последний из материалов ранней экспедиции?

² Признавая важное научно-познавательное значение полного издания материалов данной экспедиции по программе «Культурное наследие» [см.: 47], отметим, все же, что оно имеет заметный недостаток, а именно отсутствие научных комментариев по этнографической (в т.ч. и памятниковедческой), топонимической части первоисточника, что, порой, затрудняет понимание и освоение важных сведений, локализацию событий и т.д.

т.е. из обожженного кирпича¹, и указывает, что «ближе к Сырдарье памятников становится все больше, они образуют кладбища, похожие на города» [59, с. 34]. Интересна информация автора о приглашении богатыми казахами «архитекторов из Бухары для сооружения могил из гончарной глины, они довольно прочны из-за сухости климата». (Отметим, что традиция призвания мастеров с юга, из Средней Азии, в том числе каракалпаков, для работ в мемориальном строительстве, у казахов Северного Приаралья сохранялась в течение XIX в., наряду с развитием местных традиций зодчества). Другой участник данной экспедиции натуралист Э.А. Эверсманн отмечает один интересный памятник на речке Тамбутак (?), которая впадает в Илек² – «могилу одного татарского князя» – и вкратце описывает его [см.: 60, с. 74]. Приводя общие параметры четырехугольного сооружения (видимо мавзолея – до 4,5 м в стороне и 3 м высоты), автор обращает внимание на конструкцию его стен: внутренняя кладка из сырцового кирпича, наружная – из жженого.

Для рассматриваемой нами темы немалый интерес представляют также т.н. «Караван-записки» ростовского купца Ефграфа Кайдалова – начальника торгового каравана, который в 1824 г., под прикрытием значительного вооруженного отряда (полк. Циолковский и подполк. Аничков), направлялся из Оренбурга в Бухару, но вследствие серьезного нападения хивинцев в песках Кызылкум вынужден был вернуться обратно в начале следующего года. Маршрут Кайдалова пролегал из Оренбурга на юго-восток к Аральскому морю, нижней Сырдарье, затем на юг по пескам Кызылкум, откуда из местности Бестобе – обратно (вне отряда): через нижнюю Сырдарью на север, до Троицка. В путевых записках, изданных в 3-х частях [см.: 61], любознательный путешественник отмечает ряд встретившихся на пути памятников – как «киргизских», так и более древних; фиксирует некоторые моменты, касающиеся казахской этнографии, в том числе погребально-минального обряда³.

В частности, на Илеке (севернее совр. г. Актобе) Кайдалову упоминает «могилу Тюш-Пулата-Чикей-Утяны» (в газетной публикации: Таш-Пулата-Чекчи-Утяпы-мула; то есть, видимо: Тасболат Шекты Отеп-мола). Здесь же отмечает, что после смерти одного из проводников-казахов последнего захоронили на близлежащей горе, что является характерной особенностью погребального обряда степняков, и, как пишет автор, основой «географии киргизцев» – могилы на возвышенностях «служат указателями пути» [61, ч. 1-я, с. 68–71]. Похоронно-минального обрядности казахов он вскользь касается и далее: при описании встретившегося траурного «коша», впереди которого ехали верхом (видимо) дочь умершего мужчины, с черным знаменем на пике, и его вдова; и при упоминании поминок-аса, проводившихся в не совсем обычное время (в конце марта)⁴ [там же, ч. 3-я, с. 18–22, 66–67].

Е. Кайдалов так же, как и предшественники, обращает внимание на казахские кладбища в низовьях Сырдарьи, «архитектурой достойные примечания», одно из которых описывает так: «... тут представлялось нам множество могил, кои странным своим Готическим зодчеством обращали внимание. Они устроены большей частью из необожженного кирпича; некоторые со сводами, с башнями и с зубчатыми наподобие крепостей стенами. Важнейшие из них суть могилы некоего

¹ По контексту источника не ясно количество мавзолеев на этом кладбище: один («могила ходжи») с несколькими надгробиями («гробницами») или же несколько мавзолеев – в том числе «из гончарной глины, смешанной с рубленой соломой», то есть из жженого кирпича (?).

² Возможно, это река Тамды, впадающая в Илек южнее совр. Актобе, но не исключено, что и речка Бутак, впадающая в реку Каргалы, недалеко от слияния последней с Илеком.

³ Необходимо отметить, что в кратком виде «Записки» автора, под неточной фамилией Кайданова, в форме дорожного дневника (итинерария), обнаруженного много позже (как указано в публикации: «совершенно случайно приобретенного»), были опубликованы в газете «Оренбургский край» в 1894 г. [см.: 62].

⁴ Возможно, это были не годовичные поминки, которые, как правило, проводятся в конце лета – осенью.

Кара-Кубека, богатыря, и его брата...». В путевом дневнике автор отмечает, что с последними им «снят рисунок», который был опубликован на авантитуле его книги, с подписью «Могилы на берегах реки Сыр-Дарья» [см.: 61, ч. 1-я, с. 108–109; 62, № 179]. Зарисовка свидетельствует о разнообразии надмогильной архитектуры казахов: видны юртообразные сырцовые мавзолеи типа «уйтам», крупные архитектурные ограды типа «төрткүлак», стрельчато-сводчатые надгробия «сағана» и др. (рис. 2).

Путешественник фиксирует также отдельные памятники и за Сырдарьей, на пути в Кызылкумы. Так, в урочище Карак, в месте переправы через р. Куандарью он описывает достаточно крупный культовый (культово-жилищный) комплекс, возведенный из сырцового кирпича и состоящий из окруженного высокой стеной большого двора с жилищами, мечетью – видимо с мектебом-медресе. Автор обращает внимание на архитектуру построек, выполненных «в бухарском вкусе», «пространную мечеть со сводами», которые перекрывались с использованием дерева – саксаула. Держатель мечети (мулла), исключительно благочестивый и авторитетный человек, носивший титул «ходжи», окончил курс религиозных наук в Бухаре и пользовался огромным уважением среди казахов [см.: 61, ч. 2-я, с. 5–8].

Целый ряд памятников археологического характера отмечает Кайдалов южнее, на реке Жанадарье (уже на обратном пути): «развалины города с разрушенными зданиями и множеством битой посуды»; «остатки водопроводов из реки с глубокими бассейнами», а также развалины в местности Арбакалган (где хивинцы в недавнем прошлом одержали победу над каракалпаками) [см.: 61, ч. 2-я, с. 104–105, 108–110]. Особое внимание путешественника привлекают «огромные развалины или род монастыря» под местным названием «Хожа-там» (Кожатам), обнесенные «правильной стеной», с расположенными внутри «остатками храма, имеющего в длину 50, а в ширину 30 сажень», «покоями со сводами» и «огромной башней» в центре обширной площади (с. 110–112). Очевидно, здесь мы имеем дело с двумя крупными древними памятниками на сухом русле Жанадарьи и ее протоков: городищами Чирик-рабат (Ширикрабат) – в первом случае и Бабиш-мулла – во втором.

Некоторые разрозненные данные о памятниках Приаральского региона содержатся и в более поздних записках о поездках из Орска в Бухару П.И. Демезона, И.В. Виткевича (середина 1830-х гг.), воспоминаниях И.Ф. Бларамберга (1840-е гг.). В частности, у Демезона, наряду с попутным упоминанием «могил Ямбар-Оба и Джан-бура» и др., говорится о казахских памятниках в Восточном Приаралье: «развалины у колодцев Серти-Там» на высохшем русле р. Жанадарьи (видимо, мавзолеем Сырлытам), «могила святого Кара-Ата» (= Карак-ата) в 150 верстах от Бухары; и, кстати, обращается внимание на наскальные рисунки – «изображения людей, повозок и лошадей» – в горах Букантау [см.: 63, с. 28, 30, 32, 33, 34, 53, 54]. Виткевич также отмечает святое место Карак-ата и косвенно свидетельствует о существовании к северу от дельты Сырдарьи загонных сооружений – «аранов» – для охоты на копытных [там же, с. 86, 118, 125].

В материалах Бларамберга мы тоже находим отдельные упоминания «киргизских могил», среди которых отмечены некоторые памятники в Ыргызско-торгайском районе – кладбище Жармола ок. будущего форта Ирғиз; мавзолеем с росписями севернее слияния рр. Ыргыз и Торгай, в районе Нуринских озер, о котором он пишет: «... мы наткнулись на большое сводчатое киргизское захоронение, на стенах которого внутри обнаружили грубую цветную роспись, изображавшую группу лошадей, верблюдов, людей и домашний скarb...» [64, с. 234, 241, 272]. (Несколько ниже мы еще раз коснемся деятельности этого исследователя относительно территории Восточного Прикаспия).

Необходимо отметить, что на степные памятники обращают внимание также военные, чиновники, представители провинциальной интеллигенции на местах. Свидетельством этого является упоминавшееся выше издание в 1822 г. Г.Ф. Генсом (в тот период начальником инженеров Отдельного Оренбургского корпуса) материала о памятниках Казахской степи из Гавердовского [см.: 49]. Примечательно также, что уроженец Оренбуржья известный литератор и поэт

П.М. Кудряшов в письме редактору «Отечественных записок» П. Свиныну (написанному в 1825–26 гг.) в образной форме сообщает о замечательном «храме или капище», расположенном в 100–150 верстах от крепости Степной (речь, как видно, идет об упоминавшемся уже мавзолее Кесене на востоке совр. Челябинской области). Основываясь на сообщениях местных линейных жителей, автор отмечает, что «...храм, построенный из дикого камня, начал уже разрушаться, но сохранил весь наружный вид и внутреннее расположение свое» и, как бы, задается вопросом необходимости изучения истории этого незаурядного памятника [см.: 65, с. 159–161].

Как отмечалось, другим узловым ареалом территориальных изысканий в данный период являлся находившийся под влиянием Хивинского ханства манкыстау-устюртский район, где в первые десятилетия XIX в. также осуществлялись экспедиции военных и др. ведомств, сыгравшие важную роль в фиксации отдельных недвижимых памятников этого пустынного пространства. Одной из первых была крупная военно-научная экспедиция 1825–1826 гг. под начальством полковника Ф.Ф. Берга, зафиксировавшая отдельные сооружения древности на Устюрте и прилегающих северо-западных территориях (крепость Даулеткерей, комплекс Таскешу и др.). Относительно первого памятника, являвшегося одним из конечных пунктов экспедиции, дается его краткое описание и отмечается, что казахи неверно приписывают создание «древнего замка Давлет-Гирей» Бековичу-Черкасскому. Второй объект – представляющий собой место известной обустроенной переправы через р. Сагыз с остатками каравансарая – описан участником изысканий натуралистом Э. Эверсманном: «... На том месте, где сделан был прежде через речку каменный мост, находится ныне с обеих сторон съезд и подъем. Болотистое дно выложено здесь камнями, для того чтобы сделать возможным перехода караванов. Вероятно, мост, о котором рассказывают, построен был в то время, когда Сарайчик считался знаменитым местом татарского владычества (т.е. эпохи Золотой Орды – С.А.). Неподалеку от места нашей переправы находится много киргизских могил, которых великое множество рассеяно по всей степи. Они сделаны из глины, и только в случае соседства татарских могил, выкладываются из кирпича...» [см.: 27, с. 103, 213 и с. 162]. Отметим также, что в журнале одного из отрядов экспедиции, по северному побережью Каспия, упоминается большое кладбище «Зеленая Кирка» (Қырқа? = возвышенность – С.А.), на котором имеется много деревянных срубов (мавзолеев-беседок) и один из них – «над могилой султана Шигая, дяди хана Джигара (т.е. Жангира)»; в соседнем кордоне Коневском имеется и зимний дом этого султана [там же, с. 190].

В отчетах экспедиции приводятся некоторые важные этнографические сведения, касающиеся мемориально-культурных памятников – в частности, тот же Эверсманн, характеризуя известный комплекс (некрополь) в Бейнеу с «пещерой»-мечетью, впервые в литературе приводит данные о деятельности религиозного просветителя Бекета Мырзагулулы: «Строитель сей пещеры был некто богатый, набожный киргизец ... которому в честь названа она обитательно благочестивого Бекета. Таких памятников, как говорят, соорудил он в жизнь свою четыре: другой находится неподалеку Мангишлака; третий – вверх по Эмбе, четвертый – у Баяли, в соседстве Аральского моря. Он жил в них попеременно в течение четырех времен года... Сей странный отшельник умер за 12 лет перед сим (т.е. около 1814 г. – С.А.)» [там же, с. 145]. В целом упоминания различных памятников (могил, кладбищ, колодцев), в том числе именных, разбросаны во многих документах экспедиции – и, в частности, в «Журнале записей показаний проводников».

В эти же годы циркумкаспийское путешествие совершил естествоиспытатель Эдуард Эйхвальд, который обследовал отдельные места восточного побережья Каспия, и, в частности, в районе Тюпкараганского мыса отметил старую туркменскую (по его мнению) крепость и кладбище [см.: 66, с. 141]. Кроме того, по словам местных кочевников, «... там, где теперь бухта Караган, был прежде довольно значительный город, погибший лет за шесть сот при наводнении (т.е. повышении уровня Каспия – С. А.)». А в 12 днях пути в сторону «Мангишлака» (пристани) «стоял некогда город Айкарлы; но и он исчез совершенно». Эйхвальд

также сообщает, что в период экспедиции (лето 1825 г.) наблюдалось обмеление/понижение уровня моря и поэтому прежняя пристань Мангышлак (в заливе Кочак) уже давно не функционировала и удобным «якорным местом» являлся «залив Тюккараган» [см.: там же, с. 142].

Весьма интересные и ценные данные о кладбищах казахов и туркмен восточного побережья Каспия, а также сведения по погребальному культу вообще были собраны в 1834 г. Г.С. Карелиным в связи с обследованием северо-западной оконечности Устюрта, где было запланировано создание Ново-Александровского укрепления (Кызылтас). Материалы путешествия впервые отрывочно были опубликованы в 1834 г. в издании «Заволжский муравей», но без указания авторства [см.: 67, с. 228–244]¹, и уже полностью значительно позднее (после смерти исследователя): в «Записках РГО» в 1883 г. [см.: 69]. Карелин специально посетил и впервые довольно подробно описал уникальный некрополь Сисем-ата. Он, в частности, отмечал: «...Место сие названо по имени великого магометанского угодника Сяй-Исем, и почитается святейшим. Длина кладбища с Севера на Юг более 300 сажен: равнина усеяна бесчисленными памятниками, гробницами и камнями. Многие из них довольно обширны и устроены наподобие часовни от 2S до 4 сажен вышиною...» И далее: «...Одни камни лежат горизонтально, другие стоят торчмя, а при некоторых могилах находились и те и другие. Большие памятники воздвигнутые наподобие часовни сложены из плитняка, а другие из кирпичей необожженной глины. Лучшие гладко вымазаны глиной смешанной с известью или мелом. Весьма многие монументы расписаны зеленой, красной и желтой красками. Подписи вообще красивы. Нельзя исчислить разнообразия сих надгробных камней и памятников...» [69, с. 490, 491]. Исследователь обратил внимание на наиболее крупные, «замечательные по своей величине и фасадам» памятники (т.е. мавзолей – С.А.), из которых два срисовал; отметил также разнообразные рисунки, эпитафии (арабографичные) на надгробиях. Сведения Г.С. Карелина имеют значение для современного исследования комплекса Сисем-ата и, в частности, решения вопроса о местонахождении могилы эпонима.

Определенный интерес представляют и материалы морской экспедиции Г.С. Карелина 1836 г., в том числе вдоль восточного побережья Каспия, в которой участвовал и капитан И.Ф. Бларамберг. В отчетных материалах последнего имеются некоторые данные о прибрежных памятниках, но южнее Мангышлака. Так, в районе впадения русла Узбоя в Каспий он отмечает: на южном рукаве Аджаиб – некий памятник в виде почитаемой туркменами «старинной деревянной избы, построенной неизвестно кем, и которую никто не отваживается уничтожить»; на северном протоке, впадающем в Балханский залив, – караульную башню *Кулеар-Сенгир*, а также «на вершине бугра другое здание», принадлежащее святому старцу «*Ших-Мустафа*» и около которого, как видно, располагалось кладбище и остатки земляных стен [см.: 70, с. 83-84]. Исследователь приводит описание последнего памятника – «...род мечети, выстроенной из желтого необожженного кирпича; купол ее выведен очень искусно, а пол покрыт большими плитами; внутри есть шесть надгробных памятников; на главном из них накинаны рога аркара...; различные лоскутки, тряпки, обрывки материи и арабские письмены на клочках бумаги. Строение это четырехугольное, с нишами, имеет двери, окна, около 4 саж. в поперечнике, столько же в высоту, и изнутри выштукатурено...» – из которого видно, что это был крупный купольный мавзолей: видимо, шейха Мустафы.

Кроме того, экспедиция посетила остатки крепости, возведенной в 1716 г. Бековичем-Черкасским на косе Краснодарского залива, которая, по описанию Бларамберга, имела вид кронверка (вала, дополненного наружными бастионами) и было рассчитано на 1000 человек. Отмечается, что «на поверхности земли видно здесь еще много остатков, свидетельствующих о пребывании русских, как то:

¹ Поэтому в монографии по дореволюционной русской печати К. Кереевой-Канафиевой автор публикации указан как анонимный [см.: 68, с. 184], хотя для нас авторство Карелина здесь вполне очевидно: как по самому названию статьи, так и по ее содержанию.

обломки кирпичей, стекло, уголь и проч.; в земле же на кладбище отрываются человеческие кости, гробовые доски, ржавые железные вещи, ядра, кремни, медные пуговицы и проч.». Автор указывает, что образовавшееся довольно обширное кладбище при укреплении (функционировавшем, фактически, не более 2-х лет) свидетельствует о нездоровости климата местности и большой смертности в гарнизоне [там же, с. 75–76].

Следует отметить, что позднее И.Ф. Бларамберг косвенно еще раз касается памятников восточно-прикаспийского района – а именно в части своих «Воспоминаний» (о которых мы уже говорили выше), относящихся к периоду его работы по обследованию обширного Оренбургского края: 40-е – середина 50-х гг. XIX в. Автор кратко останавливается на характере руководимых им топографических съемок в Казахской степи, которые включали, наряду с геодезическими работами, также и попутную фиксацию обнаруженных «древностей, могил, построек». И, в частности, указывается что «в 1855 г. на Устюрте было найдено и зарисовано в натуральную величину множество опрокинутых статуй частично поврежденных, неизвестной эпохи» [64, с. 331–332]¹.

Как уже отмечалось, с расширением географических исследований, колонизационных изысканий в Казахской степи стали появляться различные картографические материалы, в которых находили отражение и сведения о размещении памятников на территории Арало-Каспия. В частности, одной из таких оригинальных карт является «Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев...» (1816 г.), хранящаяся в Отделе картографии Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге [71] (рис. 3–5). Несмотря на определенное несовершенство карты с точки зрения географической, на ней отмечены отдельные памятники и достопримечательности, которые можно локализовать, но следует отметить, что источник отражает состояние изученности памятников Арало-Каспия на период 2-й половины XVIII в. Представляет интерес первичный анализ историко-культурных объектов, указанных на карте:

1. «Ханская могила» к юго-юго-востоку от Оренбурга (на р. Бердянке, в районе совр. пос. Смирновка). Как известно, где-то здесь или несколько западнее (в районе совр. г. Соль-Илецка) была захоронена ханша Бопай – супруга Абулхайр-хана. (Следует отметить, что в 40-х гг. XIX в. здесь размещался форпост «Ханский», где останавливался на ночлег караван миссии полк. Данилевского в Хиву. Сообщающий об этом участник экспедиции Ф.И. Базинер ничего не говорит о Ханской могиле) [см.: 72, с. 159];

2. «Развалины» на левобережье р. Илек (также за пределами совр. территории Казахстана), у впадения речки «Мечетная» – очевидно, в районе нынешнего пос. Акоба Оренбургской обл.;

3. «Развалины каменной мечети» на р. Ори – упоминавшийся выше памятник, при характеристике материалов Гладышева–Муравина и Фалька;

4. «Развалины древнего молитвенного храма» у оз. «Кошена Куль» – это известный мавзолей Кесене на территории совр. Челябинской обл.;

5. «Мог. Баксайта» на р. «Бакшайта» (видимо, Баксайыс, приток Ыргыза) – в районе совр. пос. Аралтобе Айтекебийского р-на Актюбинской обл.;

6. «Мог. Биш Мула» на левом бер. р. Ыргыз – могилинька Бесмола к югу от совр. пос. Киров Ыргызского р-на Актюбинской обл. (см. также прим. 9);

7. «Зимнее ханское жилище (жилище)» в северной части песков Тайсойган (по Я.П. Гавердовскому, затем А.И. Левшину [47, с. 403; 58, с. 276–277] здесь в конце XVIII в. предполагалось строительство поселка для хана Есима и членов ханского совета, которое не было осуществлено);

¹ По всей видимости, здесь идет речь о тех же скульптурных памятниках, описание которых впервые приводит топограф подпоручик Алексеев 2: они были обнаружены им на бугре Козьбай-Торткуль в «43 верстах к юго-востоку от развалин укр. Ново-Александровского» [27, с. 264–265]; причем их местонахождение примерно совпадает с локализацией древних «сарматских» (дахо-массагетских) святилищ – также с обломками скульптур, изваяний (Карамонке и др.), исследованных в последнее время археологами. Обнаружение этих памятников топограф датирует 1851 г., в то время как Бларамберг – на несколько лет позже. Видимо, последний в своих «Воспоминаниях» имеет в виду дату первой публикации одного из отчетов Алексеева в «Вестнике РГО» (1855, ч. 15, разд. 5).

8. «След бывшей караванной дороги, называемой ныне Ногайской». На этом пути отмечены следующие объекты: «каменные развалины бывшего Татарского Города» – г-ще Сарайшык; «каменный мост через р. Горькую (Сагыз)» – известный памятник, каменный брод (и каравансарай) Таскешу; «каменные развалины Кайнар» – у кол., источника на речке Кайнар, к юго-востоку от предыдущей точки; «каменные развалины Баканчин» – видимо, в районе кладбища Бакашы-аулие; «каменные развалины и солоноватые ключи Учукан» – памятники в районе известного некрополя Ушкан-ата; «развалины трех каменных укреплений, стены коих еще целы» на северо-западной оконечности Устюрта – показаны несколько восточнее Ногайской дороги; возможно, это крепости, отмечавшиеся Гербером и Рукавкиным (см. выше); «развалины Куптам. Два колодца, выложенные камнем» – развалины Коптам/Ногайлы; «каменная развалина Блявули. Колодцы Блявули» – известный комплекс Белеули на Устюрте (каравансарай, сардобы и др.); «развалины Барсакельмес» на острове в одноименном соре – показаны немного в стороне от дороги; «Бутки или башни из белого камня», построенные неким «Кари-ханом» (всего их 12, согласно синхронным источникам: Величко) – сигнальные башни в южной части восточного чинка Устюрта;

9. «Развалины Энзубай» – в низовьях Эмбы, левый берег;

10. «Каменные развалины Мечети Берды» у впадения р. Темир в Эмбу – видимо, это комплекс, некрополь Маулимберды;

11. «Развалины старой Аба Бухачи» на левобережье средней Эмбы, напротив впадения речки «Санжига Булак» – название памятника здесь, возможно, ошибочное и связано с именем комплекса Бакашы в низовьях Эмбы. Отметим, что в районе указанной на карте точки находятся крупные мемориально-культурные комплексы Даумшар и Карасакал;

12. «Гора круглая тоже Ханская, где выбирались прежде ханы» между Эмбой и Устюртом («гора Чин или Туман тау») – судя по тому, что рядом указаны «ключи» (родники), это большая гора Канторткуль;

13. «Развалины Аба» (видимо, большого кургана), к юго-западу от предыдущего объекта;

14. «Кладбище Чурук Куши», помещенное на севере песков Борсыккум, на северо-восточной оконечности Устюрта («Туман тау») – здесь, видимо, ошибочно размещены на северо-востоке два объекта: некрополь Куше (находящийся в юго-восточной части песков Сам) и комплекс (каравансарай) Чурук (расположенный еще несколько южнее) [однако, на самой карте, к югу от песков Сам «копани Кошчи» = «Куши» показаны]. На южную локализацию данного топонима указывает и упоминание «кладб. Чулук-Кушчи» в публикации «Киргиз-кайсаки большой, средней и малой орды», авторами которой являлись Г.И. Спасский, И.Г. Андреев, П.К. Фролов, где указывалось, что часть «чумишли-табынского рода» кочует при этом «кладбище» [см.: 48, с. 104 (118)]. Это в большей степени соответствует историко-этнографической действительности, а именно более южному, а не северному, зимнему проживанию устюртских табынцев. Указание данного объекта карты, с одной стороны, на севере от песков Борсыккум, с другой – на северо-западе Устюрта, возможно, подразумевает наличие здесь другого объекта, которым может являться старинный некрополь Кошкар-ата, расположенный между Борсыккумами и Северным Устюртом (Донызтау).

Среди изданий первых десятилетий XIX в., посвященных географии, истории и этнографии Казахстана, несомненно, первостепенное значение имеет многоплановый труд А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей...», изданный в 1832 г. [73а-в]. Помимо всего прочего, в этой обобщающей работе целенаправленное внимание уделяется недвижимым памятникам Казахской степи и в 1-й ее части «Известия географические» помещена особая глава «Развалины», в которой дано краткое описание некоторых археологических древностей региона, отдельных архитектурных памятников казахов, в том числе размещенных в Арало-Каспийской зоне (мавзолеи «Байтака»),

Кесене, старинные кладбища, «город Мавли-Берди», каравансарай по трассе «Старой Ногайской дороги», крепость Даулеткерей и др.) [см.: 73а, с. 202–214]. Кроме того, в различных местах издания дополнительная информация о степных памятниках, поселениях и т.п. [см., напр.: 73а, с. 108–109, 180–183, 190–191; 73б, с. 184–187, 234, 281, 316; 73в, с. 25, 113, 114].

Необходимо отметить, что на авантитулах всех трех частей труда Левшина помещен интересный рисунок под названием «кладбище на острове реки Сыра» (*рис. 6*), что свидетельствует об особом интересе авторов и издателей того времени к теме самобытных казахских надмогильных сооружений, как архитектурных образцов и как важного элемента степного ландшафта. Происхождение этого сюжета для нас, пока, неясно, но зарисовка вызывает определенные ассоциации с аналогичной информацией доктора Саввы Большого по поводу рисунка кладбища на реке Сыр («изображение № 15»), который, однако, не опубликован в изданиях материалов миссии Я. Гавердовского 1803–1804 гг. и, возможно, находится в архивных документах (см. также прим. 10). Тематически рассматриваемый рисунок, несомненно, близок и вышеуказанной зарисовке купца Е. Кайдалова. Данная картинка (у Левшина), на которой изображены самые различные типы мемориального зодчества, с одной стороны, говорит об особой насыщенности памятниками низовьев Сырдарьи, но, с другой стороны, представляется неким обобщенным изображением казахской надмогильной архитектуры. И, в частности, помещенный на переднем плане однокамерный купольный мавзолей с деревом справа от входа, весьма напоминает образ памятника хана Абулхайра по описанию Н.П. Рычкова 1771 г. [см.: 36, с. 44].

Думается, тема казахских памятников была достаточно хорошо знакома А.И. Левшину, который в бытность его работы в Оренбурге в начале 20-х гг. XIX в. неоднократно выезжал в степь. Наряду с этим он активно использовал труды многих предшественников – П.И. Рычкова, П.С. Палласа, И.П. Шангина, Я.П. Гавердовского и др., ценные сведения Оренбургского архива, материалы дипломатической миссии А.Ф. Негри (через низовья Сырдарьи), экспедиции Ф.Ф. Берга (на Устюрт) и т.д. Так, при характеристике памятников старой Ногайской дороги Левшин, как видно, использовал описание этого пути, составленное в начале века в Оренбургской таможне (см. выше). Таким образом, в данном труде подводятся определенные итоги изучения недвижимых памятников Казахской степи, находят обобщение сведения о них, накопленные в течение XVIII – начала XIX вв. и разбросанные в различных, нередко малоизвестных, источниках. В этом заключается значение этой работы для истории казахского памятниковедения. (Как известно, труд А.И. Левшина был переиздан уже в наше время [58]; комментарий к главе «Развалины» был составлен автором настоящей статьи).

Несмотря на то, что вышеуказанный труд, в определенном смысле, является этапным для рассматриваемой нами темы, тем не менее, освещение истории изучения казахских памятников в 1-й половине XIX в. мы отграничиваем временем образования Русского Географического общества (РГО, 1845 г.). Однако, такая хронология, по большей части, является условной и принята нами, прежде всего, для удобства структуризации очерка: еще долго после этой даты тема памятников, архитектурного наследия Казахской степи все еще оставалась предметом попутного, нередко дилетантского, интереса, но не научного, системного исследования. Что же касается периода 30-х – начала 40-х гг. столетия, то отдельные публикации и исследования этого времени заслуживают упоминания (кроме уже освещенных выше).

В 1835 г. в «Энциклопедическом лексиконе» князь Дм. Эристов поместил статью об Абулхайр-хане, в которой впервые после Н. Рычкова привел данные о памятнике на его могиле на р. Олькейек, причем отличные от ранних сведений. В частности, указывается: «...Памятник Абулхайра сложен из сероватого кирпича, и имеет вид усеченного конуса, накрытого полушаром. Вышина его аршина четыре, поперечник при основании сажени три. В вершину полушара воткнуто,

по обыкновению, копые, обвешанное разными лоскутьями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками с пшеном. При совершении ежегодной тризны, копые вынимается, в ямку кладут снеди и мясо, вешаются новые лоскутья, и копые опять ставится на свое место...» [74, с. 54]. Описание, в сравнении с рычковским, весьма противоречиво, отмечено некоторыми специфическими деталями, косвенно свидетельствующими о посещении кем-то кладбища в конце XVIII – начале XIX вв., хотя источник сведений остается неясным¹.

Определенное значение для нас имеют также наблюдения горных инженеров майора Е.П. Ковалевского (впоследствии известного путешественника, писателя, дипломата) и капитана А.Р. Гернгросса, обследовавших с геологической целью осенью 1839 г. отдельные участки пространства от Оренбурга на юго-восток до песков Улы Борсыккум («Большие Барсуки»)². Проявляя определенный интерес к памятникам, исследователи также отмечают их значение как «указателей пути ... где нет живых урочищ» и обращают, прежде всего, внимание на каменный материал степных древностей, создание которых относят не ранее эпохи Чингисхана: «развалины Узун-Там на Сагызе», «остатки, едва приметные, укрепления на Чинке», развалины «Таш-Кичу» и др. Многие суждения авторов носят литературное происхождение (Левшин и др.), но кое-где, возможно, перемежаются с личными наблюдениями [см.: 76, с. 333–334]³. Что касается, собственно, казахских памятников, представляющих собой «могилы из глыб камней, сложенных пирамидально, или нагроможденных неправильными курганами», то они напоминают «чуждые могилы» и до сих пор воздвигаются в степи. Кроме того, авторы отмечают использование «правильно отделенных плит» песчаника на «киргизских могилах», очевидно имея в виду уже архитектурные сооружения из опиленных блоков, но, к сожалению, не описывают их [там же, с. 334, 337].

Данная изыскательская поездка в общем плане была связана с задачами большой военной экспедиции – Хивинского похода 1839–1840 гг. под командованием В.А. Перовского, который, как известно, завершился крайне неудачно. Да и сам маршрут Ковалевского–Гернгросса оказался сокращенным, не достиг многих своих целей (в т.ч. Бухары), а его участники были блокированы казахами в песках Улы Борсыккум, некоторое время находились задержанными в одном из аулов рода шекты и вынуждены были бежать в Акбулакское (Чушкакульское) укрепление⁴. Участники же самой Хивинской экспедиции (среди них было немало образованных офицеров) – которая дошла только до вышеуказанного пункта на северо-восточной оконечности Устюрта – возможно, также фиксировали встречавшиеся на пути отряда из Оренбурга казахские памятники и записки их требуют дополнительного

¹ Некоторые исследователи считают, что здесь приводятся ранние данные о могиле Абулхаир-хана, до посещения ее Н. Рычковым [см.: 75].

² В этой поездке принимал участие в качестве переводчика будущий известный востоковед В.В. Григорьев, который затем участвовал в этом же качестве и в экспедиции Данилевского–Базинера в Хиву. Эти и другие выезды в Казахскую степь, последующая работа в Оренбурге дали ученому возможность достаточно хорошо ознакомиться с этнографией казахского народа, в том числе и с памятниками народной архитектуры, по которым он имел достаточно определенные, компетентные суждения, но специальной работы, к сожалению, не издал.

³ Видимо, вследствие этого в работе имеют место отдельные общие места, неясности. В частности, некоторое сомнение у нас вызывает информация о памятнике «Мен-Эвлия» («Мен-Авлия»), вызывающем ассоциации с известной уже тогда горой со святыней Мәні-әулие на Ырғызе, но локализуемом путешественниками, почему-то, в другом географическом контексте: значительно западнее, в верховьях р. Атыжаксы на юге Мугоджаров.

⁴ Здесь нельзя не упомянуть об уникальной встрече и знакомстве Е.П. Ковалевского с выдающимся казахским поэтом, одним из руководителей повстанческого движения в Северном Прикаспии Махамбетом Отемисулы («Мугамет Эвтемишев»), к которому россиянин проникся симпатией и о котором написал: «... Во время пребывания нашего в аулах мы встретили киргиза, чрезвычайно замечательного в кругу своего народа»; и далее: «[он] умел искусно вывести разговор из колеи обыкновенных предметов и в короткое время обнаружить весь свой ум и красноречие». В этот период (после подавления восстания, убийства Исатая Тайманулы летом 1838 г.) поэт-бунтарь скрывался от царской администрации в районах Северного Устюрта и, как видим, в Борсыккумах. В беседах с русским путешественником заметно сложное психологическое положение, одиночество Махамбета, долгое время находившегося вдали от родных аулов и семьи, потерявшего своих соратников; проглядывается (в контексте изложения Ковалевского) желание искать поддержки среди образованных представителей русской администрации [см.: 77, с. 81–96]. Следует отметить, что в этих же аулах находился тогда и батыр Есет Котебарулы.

исследования. Здесь, в частности, отметим, что один из них, Н.П. Иванов, в своих воспоминаниях, говоря о неких перспективах оживления торговых путей в Хиву (Азию) и необходимости исследования пустынных пространств между Аралом и Каспием, обосновывает это тем, что «...ближайшее рассмотрение памятников зодчества, уцелевшим от времени прежнего блеска, по дороге между нижним концом Аральского моря и Каспийским, уже было бы ученым доспехом (т.е. важным результатом – С.А.)» подобной экспедиции [см.: 78, с. 18]. Таким образом, участники того похода знали о существовании на Устюрте крупных памятников: таких как каравансарай Белеули и др.

Несмотря на неудачи, некоторые российские экспедиции достигали Хивы и благополучно возвращались обратно – таковой была миссия подполк. Г.И. Данилевского 1842-43 гг., в которой участвовал натуралист Ф.И. (Теодор Фридрих Юлиус) Базинер. Он сообщает попутные и отрывочные сведения об отдельных памятниках по маршруту путешествия из Оренбурга в южное ханство через Устюрт в отчете, который был издан на немецком языке в 1848 г. [см.: 79], а затем изложен в публикации ориенталиста П.С. Савельева [см.: 72]. Так, в долине Илека, при озерке Карасу (к СЗ от совр. ст. Акбулак) автор отмечает «семь довольно больших киргизских могил», но затем лишь на Устюрте упоминает несколько примечательных древностей вдоль восточного чинка: «старинное укрепление Девлет-Герай», «следы стены» (остатки городища – С.А.) и «четырёхугольная башня из известкового камня, имеющая форму усеченной египетской пирамиды» на мысе Урга (сигнальная башня), с указанием ее размеров [там же, с. 160, 162]. Ученый отмечает, так же как и П.Е. Величко (или вслед за ним – см. выше): таких башен на плато до двенадцати и указывает, что «киргизы приписывают» их сооружение Бековичу-Черкасскому. С последним автор не согласен и считает эти сооружения «остатками старинных караван-сараев», где данные башни играли роль ориентиров¹. Добавим, что на юго-восточной оконечности Устюрта, к северо-западу от Куня-Ургенча, исследователь фиксирует развалины 2-х городищ, основание одного из которых «также приписывают» Бековичу (по всей видимости, это археологический памятник Айбугиркала или Джанпык).

Необходимо отметить, что с 30-х гг. XIX в. – в связи с началом перехода казахов Букеевской Орды к полуоседлости и созданием ханом Жангиром Ханской ставки в песках Нарынкум – в русской периодической печати появляются сведения об этом поселении и казахском домостроительстве данного района. Одной из первых публикаций об этом была статья Сабанщикова в издании «Заволжский муравей», который посетил Орду в мае 1830 г. и образно охарактеризовал новую усадьбу хана, как «уединенный замок ... среди дикого пространства степей». В описании говорится: «Это довольно огромный, красивый, но без дальнего великолепия причудливой архитектуры, деревянный дом на каменном фундаменте, с мезонином, на пространстве 10 сажень в ширину и 15 в длину, с тридцатью большими окнами в фасу... Полуциркульное парадное крыльцо и фронтон над оным, поддерживаемый шестью колоннами, составляют весьма приятный вид. По обе стороны дома находятся два красивые флигеля; внутри двора множество служб, и все оные строения замыкаются садом, образующим собор прекрасный амфитеатр...» [81, с. 662–663]. Далее путешественник рассказывает об интерьере дома, мебели и др. деталях, причем отмечает, что поселение в это теплое время сочеталось с традиционным жилищем кочевников – юртой (с. 670, 672).

Таким образом, в этот период появился новый ареал исследовательского интереса российских путешественников в Казахской степи, представленный территорией Букеевской Орды и Ханской ставкой, сведения о которых (в том числе и памятниках, достопримечательностях) появляются в различных изданиях.

¹ Это мнение исследователя («Nach meiner Meinung sind diese Schanzen ehemals Karawansereis gewesen und desshalb mit jenen pyramidenartigen Thyrmen versehen, damit man sie schon aus der Ferne erblicken kinne» [79, s. 89 – цит. по: 80, с. 276]) вполне согласуется с современной точкой зрения на этот вопрос. Археологическими исследованиями доказано, что эти каменные постройки юго-восточной части Устюрта являлись сигнальными башнями эпохи средневековья [см.: 80, с. 273–276]

В частности, уже в 1841 г. географ Я.В. Ханыков свидетельствует о наличии в Ставке, наряду с ханским домом с флигелями, службами и мечетью, 41-го дома, принадлежащих казахам, татарам, русским. Кроме того, он указывает что имеется «несколько глиняных и бревенчатых изб, разбросанных в Рын-песках и близ Каспия», отмечая «между ними замечательнейшие». Причем перечисление наиболее выдающихся домостроений говорит о том, что этих построек в букеевской степи было значительно более чем «несколько» [см.: 82, с. 38].

В заключение этой части очерка отметим, что для нашей темы определенное значение имеют и фиксации отдельных памятников и на территории Хивинского домена (низовья Амударьи), где в Новое время, наряду с другими кочевниками, расселились и отдельные казахские рода (преимущественно в зимний период). Например, в большой статье «Сведения о Хивинском Ханстве», вышедшей в 1843 г., указывается, что на острове Токмак-ата (в Аральском море, напротив устьев Амударьи) имеется почитаемая хивинцами могила одноименного святого. Отмечается, что «в окрестностях Хивинского Ханства находится много развалин», среди которых особое внимание привлекают постройки «бывшего города Куны-Ургенча»: мечеть, минареты, несколько каменных гробниц (возведенных из жженого кирпича и облицованных изразцами), кладбище. Перечислены развалины и др. древних городов, в том числе на правобережье Амударьи [см.: 83, с. 91–92, 115–117]. (Укажем, что многие из этих выдающихся памятников впоследствии исследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Отметим также, что в XIX в. на территории Хивы формировались и казахские некрополи, наиболее крупный из которых – Даут-ата, получил название от имени казахского батыра из рода шомышты–табын).

* * *

Таким образом, мы довели освещение вопроса до времени создания РГО в 1845 г. – условного рубежа в рассмотрении достаточно обширной и разнообразной темы истории казахстанского памятниковедения на материалах крупнейшего Арало-Каспийского региона. Необходимо отметить, что к середине XIX в. было сделано немало в деле изучения древностей, различных недвижимых памятников Казахстана, но накопление знаний в этой области происходило в рамках первоначального, сугубо эмпирического этапа в развитии специфического научно-практического направления. Был собран значительный, весьма ценный, хотя и исключительно разрозненный, фактологический материал (определенная доля старых библиографических и архивных материалов еще не выявлена), имеющий важное значение для истории отечественного памятниковедения. При этом сведения о степных памятниках, как правило, носили фрагментарный, описательный и, в общем-то, ненаучный характер: это в целом соответствовало уровню общественного развития того времени, первичной стадии в становлении археологической, этнографической наук (не говоря уже о зачаточном этапе в развитии историко-архитектурной дисциплины).

Тем не менее, ряд крупных исследователей 2-й половины XVIII – 1-й половины XIX вв. (П.И. Рычков, П.С. Паллас, Я.П. Гавердовский, А.И. Левшин, Г.С. Карелин) осуществили попытки некоторой обобщенной характеристики памятников региона, их «классификации», либо более или менее детального, последовательного их описания, еще весьма редко сопровождавшегося столь важной графической фиксацией. Усилиями этих российских авторов тема памятников, «древностей и развалин» малоисследованной еще степной страны постепенно вычленилась из общей историко-этнографической и географической тематики и стала предметом дальнейшего изучения и фиксаций, основой становления в будущем особого исследовательского направления. Постепенно обретала свои специфические черты и рамки и сама тема самобытных «казахских памятников» – в первую очередь кладбищ, надгробных сооружений, «могил», которые, по признанию многих путешественников, являлись прекрасными ориентирами в «Киргизской степи» и находили некоторое отражение в картографических материалах.

Неотъемлемой особенностью этих ранних фиксаций степных древностей был их попутный характер, когда они, в основном, имели вид упоминаний, кратких, обычно непрофессиональных, дилетантских описаний и т.д. Специальные исследования памятников – вроде поездки Палласа на мавзолей Кесене – были исключительно редким явлением. При этом архитектурные сооружения, археологические объекты зачастую фиксировались в ходе военных (военно-изыскательских, «военно-научных») экспедиций, торгово-дипломатических миссий и т.п. Необходимо отметить, что начиная с XVIII в. это, преимущественно попутное, казуальное, изучение памятников Казахской степи, «древностей и развалин» осуществлялось в лоне стратегической колониальной политики Российской империи в регионе, а их фиксация охватывала не очень широкие «эшелоны» 2–3 основных маршрутов, трасс: из Оренбурга, Астрахани (Северного Прикаспия) в направлении Хивы и Бухары. Специального исследования памятников не проводилось, поскольку подобной задачи перед участниками таких военно-изыскательских мероприятий не ставилось, но как важные путевые ориентиры в итинерариях они отмечались почти всегда.

Вместе с тем, многие группы, нередко весьма значительных памятников Арало-Каспийского региона, находившиеся за пределами магистральных маршрутов экспедиций, оставались вне поля зрения «путешественников» и долгое время оставались неизвестными. Например, нам не известны упоминания до середины XIX в. такого монументального сооружения, как «башня Балгасын» на севере песков Борсыккум или крупнейшего некрополя Карасакал на средней Эмбе и т.д. Кроме того, исследователи Западного Казахстана этого периода (несмотря на то, что среди них было немало образованных военных специалистов) не могли еще по достоинству оценить замечательные памятники камнерезного зодчества манкыстау-устуртского района, многие самобытные образцы которых существовали уже в 1-й половине XIX в. Более или менее адекватная оценка самобытной народной архитектуры казахов, которая начала переживать свой расцвет в середине этого столетия, была делом будущего, причем весьма нескорого. Целенаправленное изучение, фиксация «казахских памятников» осуществлялось все еще достаточно слабо, фрагментарно, описательно, систематические же исследования, фактически не проводилось вплоть до начала XX в. – до появления сводных трудов французского исследователя Жозефа Кастанье. Но понимание важности этой необычной темы, носившей, несомненно, прикладное значение в эпоху колониационного освоения Казахской степи, к середине XIX в. уже сложилось.

Литература

1 а.б. *Харузин А.* Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-Этнологический очерк). – М.: Тип. «А. Левенсон и К^о», 1889, 1891. – Вып. 1, 2. – 551, LX с., 16 л. илл.; 824 с., 35 л. черт., карт., план.

2 *Харузин А.Н.* Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 2. Прил. – С. 1-68.

3 *Алекторов А.Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. – Казань: Типо-литогр. Имп. Ун-та, 1900. – 969 + 14 с.

4 *Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Среднеазиатских республик / Сост. Е.А. Вознесенской, А.Б. Пиотровским.* – Л.: АН СССР, 1927. – 250 с.

5 *Ходжаева Р.Д.* Об источниках изучения казахской национальной одежды // ТИИАЭ АН КазССР. – 1962. – Т. 16. – Приложение II «Библиографический указатель по одежде казахов (в хронологическом порядке)». – С. 132-137.

6 *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 322 с.

7 *Библиография по истории Казахстана* (аннотированный указатель). – Вып. 1. Дореволюционный период. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1964. – 412 с.

8 а.б. *История Казахстана.* Дореволюционный период. Библиографический указатель. Кн. 1, 2 / Сост.: В.З. Галиев, Т.В. Савельева. – Алма-Ата: Казахстан, 1988. – 440, 496 с.

9 *Казахи*. Девятитомный популярный справочник. 2-е изд., исправл. и дополн. Т. IX. Библиография. – Алматы: Ин-т развития, 2003. – 472 с.

10 а,б. *История Казахстана*. Дореволюционный период: аннотированный библиографический указатель казахских, русских книг и рукописей, хранящихся в фондах ЦНБ МОН РК. Т. 1, 2. – Алматы: «Компас», 2007. – 452, 544 с.

11 *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Изд-во Гос. ун-та, 1956. – 347 с.

12 *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [Т. 1]. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 278 с.

13 *Бартольд В.В.* [Извлечения из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*]. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Соч. – М., 1973. – Т. 8. – С. 23–62.

14 *Джиованни дель Плано Карпини*. История монголов. *Гильом де Рубрук*. Путешествия в восточные страны / Под ред. Н.П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – 270 с. с илл.

15 *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. – М.: Наука, 1988. – 128, [2] с.

16 *Бырня П.П., Рябой Т.Ф.* Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // Российская археология. – 1997. – № 2. – С. 91–103.

17 *Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С. 108–167.

18 *Юдин В.П.* О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., прим., иссл. В.П. Юдина. Коммент. и указат. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992. – С. 83–86.

19 *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке* / Пер. с англ. Ю.В. Готье. – Л.: ОГИЗ РСФСР, 1937. – 308 с., 8 л. илл., 2 л. карт.

20 *Статейный список* посольства в Бухарию дворянина *Ивана Хохлова*, 1620–1622 гг., декабря 12 // Сборник князя Хилкова. – Петербург, 1879. – С. 388–424.

21 *Олеарий, Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. – 582 с. с илл.

22 *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний... – СПб.: Тип. Имп. АН, 1763. – 380 с.

23 *Journal von der Reise aus Astrachen nach Chiwah und Bucharen 1732*. – SPb.: Bushdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1902. – 96 s.

24 [Григорьев]. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // Известия РГО. – 1870. – Т. VI, отд. 1. – С. 46–48.

25 *Описание пути* от Оренбурга к Хиве и Бухарам, с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753-м году из Оренбурга в те же места купеческом караване, самарского купца *Данилы Рукавкина* // Новости литературы. – СПб., 1823. – Кн. V. – № 34. – С. 118–127.

26 *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию*. Материалы к истории изучения Средней Азии. – Ч. I. 1715–1856. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1955. – 83 с.

27 *Первые русские научные исследования Устюрта*: Сб. материалов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 326 с.

28 *Матвиевский П.Е.* Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 133–145.

29 *Поездка из Орска в Хиву* и обратно, совершенная в 1740–1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Географические известия РГО. – Вып. 4. – СПб., 1850. – С. 519–626.

30 *Рычков П.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1762. – Ч. 1, 2. – 331, 262 с.

31 *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Уфа: «Китап», 1999. – 312 с., илл.

- 32 *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч. 1-я: 1768 и 1769 годов. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1773. – 658 + 117с., прибавл.
- 33 *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3-я. Половина 2-я: 1772 и 1773 годов. Пер. Вас. Зуев. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1788. – 480 с.
- 34 *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. Ч.2-я. Кн. 1-я: 1770 год. Пер. Ф. Томанский. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1786. – 476 с.
- 35 *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1788. – 111 с.
- 36 *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 г. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1772. – 104 с.
- 37 *Полное собрание* ученых путешествий по России... Том седьмой, заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика *Фалька*. – СПб. Тип. Имп. АН, 1825. – 223 с.
- 38 *Сиверс И.* Письма из Сибири. *Фальк И.* Описание всех национальностей России. – Алматы: Фылым, 1999. – 136 с.
- 39 *Поездка Христофора Барданеса* в Киргизскую степь, по поручению Академика *Фалька* // Полное собрание ученых путешествий по России... Том седьмой, заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика *Фалька*. – СПб., 1825. – С. 1-27.
- 40 *Путешествие Самуила Готлиба Гмелина* по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. / Пер., вступит.ст. и примеч. К.И. Шафрановского и Т.К. Шафрановской // Труды Туркменского географического общества. – Ашхабад, 1958. – Вып. 1. – С. 181-226.
- 41 *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 456 с. + 28 с. вкл.
- 42 *Большой атлас* истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. – Алматы: АБДИ Компани, 2008. – 880 с.
- 43 *Замечания о Киргизской степи* // Астраханские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1855. – № 22, 23, 29, 30, 31, 35, 37, 39, 41. – С. 111–113, 115–117, 131–133, 137–139, 144–145, 155–156, 161–162, 167–168, 175–176, 197–199, 203–205, 230–231.
- 44 *Григорьев В.В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Записки РГО. – 1861. – Кн.2. – С. 105-138.
- 45 *Величко П.Е.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 179–205.
- 46 *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Пг., 1915. – XII + 214 с. + 1 карта.
- 47 *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.* – Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 620 с. + 4 с. вкл.
- 48 *Киргиз-Кайсаки* большой, средней и малой орды // Сибирский вестник. – 1820. – Ч. 9. – С. 51–78, 93–124, 161–196; – Ч. 10. – С. 211–234, 285–292, 343–373.
- 49 *Г[енс]. Г.* Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г. Г.) // Сибирский вестник. – 1822. – Ч. 20. – С. 141 (321)–148 (328).
- 50 *Разграбление киргизами* русского каравана, шедшего в Бухару в 1803 году. (Отрывок из дневных записок Гавердовского) // Сибирский вестник. – 1823. – Ч. 22. – С. 29–45.
- 51 *Общее обозрение* местоположения Киргиз-Кайсацкой степи. (Из записок Гавердовского) // Сибирский вестник. – 1823. – Ч. 23. – С. 43–60.
- 52 *Записки доктора Саввы Большого* о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын

отечества. – 1822. – Ч. 76. – Кн. 11. – С. 168–177; – Кн. 12. – С. 213–220; – Кн. 14. – С. 289–303; – Ч. 77. – Кн. 15. – С. 24–34; – Ч. 80. – Кн. 35. – С. 24–34.

53 *1803 г.* – Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановичем во время их поездки в Бухару через Казахстан // Казахстанско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов). – Алма-Ата, 1964. – С. 152–163.

54 *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). – М.: Наука, 1974. – 406 с.

55 *Ерофеева И.В.* Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. V... – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 5–14.

56 Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Ғылым, 2002. – 654 с.

57 Ажигали С.Е. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. – Вып. 1. – Алматы, 2001. – С. 150–183.

58 *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

59 *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 182 с.

60 *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. (Вып. 22). – Оренбург: Типо-литогр. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о», 1910. – 332 с.

61 *Кайдалов Е.* Караван-записки, во время похода в Бухарию Российского каравана, под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, веденные начальником одного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым. В 3-х ч. – М.: Университетская типогр., 1827, 1828. – 144 + 140 + 149 с.

62 *Записки Ефграфа Кайданова* // Оренбургский край (газ.). – 1894. – № 179, 180, 182.

63 *Записки о Бухарском ханстве* (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. – 150 с.

64 *Бларамберг И.* Воспоминания. – М.: Наука, 1978. – 358 с.

65 [*Свиньин П.*]. Петр Михайлович Кудряшов, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей Киргиз-Кайсацких. (С публ. письма Кудряшова Свиньину) // Отечественные записки. – 1828. – № 100. – С. 145–176.

66 [*Эйхвальд*]. Путешествие профессора Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю // Библиотека для чтения. – 1838. – Т. 26. (Январь–февраль). – С. 127–212.

67 *Отрывок из путевых записок* по северо-восточным берегам Каспийского моря // Заволжский муравей. – Казань, 1834. – Ч. XI. – № 2. – С. 228–244.

68 *Кереева-Канафиева К.* Дореволюционная русская печать о Казахстане. Из истории русско-казахских литературных связей. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1963. – 304 с.

69 *Карелин Г.С.* Путешествия по Каспийскому морю // Записки РГО по общей этнографии. – 1883. – Т. 10. – 475 с.

70 *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган // Записки РГО. – 1850. – Кн. IV. – С. 49–120.

71 *Карта части Средней Азии*, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев. Сочинена при Депо карт. [СПб.], 1816. [1:2100000]. 5 л. в общ.рамке. 36x45 (см) // Библиотека РАН. – СПб. Отдел картографии. Шифр – V 1956a/400.

72 *Савельев П.С.* Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву // Географические известия РГО. – 1849. – Вып. 4. – С. 157–171; Вып. 5. – С. 206–212.

73 а,б,в. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. – Ч. I. Известия географические. – 264 с.; Ч. II. Исторические известия. – 334 с.; Ч. III. Этнографические известия. – 304 с.

74 Э[ристов]. Дм. Абулхайр // Энциклопедический лексикон. – СПб., 1835. – Т. 1. – С. 53–54.

75 Бекназаров Р. Захоронение Абулхайр-хана: мифы и реальность // Актюбинский вестник (газ.). – 2007. – № 83–84.

76 Ковалевский 2-й, Гернгросс 2-й. Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. IV. – Кн. 12-я. – С. 315–346.

77 Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. – Т. 1. – СПб.: Тип. И.П. Бочарова, 1843. – 210 с.

78 Иванов Н.П. Хивинская экспедиция 1839–40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи. – СПб. Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1873. – II + 212 с.

79 Basiner, von Theodor Jul. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiva. – SPb., 1848. [Beitrag zur Kenntnis des Russischen Reiches. Bd. 15]. – XII, 379 s., 1 Kart.

80 Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. – Ташкент: Фан, 1978. – 327 с.

81 Сабаничиков. Рын пески // Заволжский муравей. – 1832. – № 12. – С. 660–678.

82 Ханьков Я.В. Очерк состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 году // Записки РГО. – 1847. – Кн. 2. – С. 27–60.

83 Сведения о Хивинском ханстве // Журнал мануфактур и торговли. – СПб., 1843. – Ч. 2-я. – С. 77–162.

References

1 a,b. Kharuzin A. Kirgizy Bukeevskoy Ordy (Antropologo-Etnologicheskii ocherk). – M., Tip. A. Levenson i K^o, 1889, 1891. – Vyp. 1, 2. – 551, LX s., 16 l. ill.; 824 s., 35 l. chert., kart., plan.

2 Kharuzin A.N. Bibliograficheskii ukazatel statei, kasayushchikhsya etnografii kirgizov i karakirgizov // Etnograficheskoe obozrenie. – 1891. – № 2. Pril. – S. 1–68.

3 Alektorov A.E. Ukazatel knig, zhurnalnykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh. – Kazan, Tipo-litogr. Imp. Un-ta, 1900. – 969 + 14 s.

4 Materialy dlya bibliografii po antropologii i etnografii Kazakhstana i Sredneaziatskikh respublik / Sost. E.A. Voznesenskoy, A.B. Piotrovskim. – L., AN SSSR, 1927. – 250 s.

5 Khodzhaeva R.D. Ob istochnikakh izucheniya kazakhskoy nacionalnoy odezhdy // ТИАЕ AN KazSSR. – 1962. – Т. 16. – Prilozhenie II «Bibliograficheskii ukazatel po odezhde kazakhov (v khronologicheskom poriyadke)». – S. 132–137.

6 Masanov E.A. Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR. – Alma-Ata: Nauka, 1966. – 322 s.

7 Bibliografiya po istorii Kazakhstana (annotirovannyi ukazatel). – Vyp. 1. Dorevolyucionnyi period. – Alma-Ata: Kazgosizdat, 1964. – 412 s.

8 Istoriya Kazakhstana. Dorevolyucionnyi period. Bibliograficheskii ukazatel. Kn.1, 2 / Sost.: V.Z. Galiev, G.V. Saveleva. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1988. – 440, 496 s.

9 Kazakhi. Devyatimnyi populyarnyi spravochnik. 2-e izd., ispravl. i dopoln. – T. IX. Bibliografiya. – Almaty: In-t razvitiya, 2003. – 472 s.

10 a,b. Istoriya Kazakhstana. Dorevolyucionnyi period: annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel kazakhskikh, russkikh knig i rukopisey, khranyashchihksya v fondah CNB MON RK. – T.1; 2. – Almaty: «Kompas», 2007. – 452; – 544 s.

11 Kovalevskiy A.P. Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. – Kharkov: Izd-vo Gos. un-ta, 1956. – 347 s.

12 Zakhoder B.N. Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. [T. 1]. Gorgan i Povolzhe v IX–X vv. – M.: Izd-vo vost. lit-ry», 1962. – 278 s.

13 Bartold V.V. [Izvlacheniya iz sochineniya Gardizi Zain al-akhbar]. Prilozhenie k «Otchetu o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy celyu. 1893–1894 gg.» // Soch. – M.: «Vostochnaya literatura», 1973. – Т. 8. – S. 23–62.

14 Dzhiovanni del Plano Karpini. Istoriya mongolov. Gilom de Rubruk.

Puteshestviya v vostochnye strany / Pod red. N.P. Shastinoy. – M.: Gos. izd-vo geogr. lit-ry, 1957. – 270 s. s ill.

15 Ibragimov N. Ibn Battuta i ego puteshestvie po Srednej Azii. – M.: Nauka, 1988. – 128, [2] s.

16 Byrnaya P.P., Ryaboy T. F. Monumentalnaya arkhitektura zolotoordynskogo goroda XIV v. Shekhr al-Dzhedid // Rossiyskaya arkheologiya. – 1997. – № 2. – S. 91-103.

17 Egorov V.L., Fedorov-Davydov G.A. Issledovanie mecheti na Vodyanskom gorodishche // Srednevekoveye pamyatniki Povolzhya. – M.: «Nauka», 1976. – S. 108-167.

18 Yudin V.P. O stroitelstve mavzoleya Kyjata Dzhir-Kutlu na Syrdare v XIV v. v svyazi s istoriey Dasht-i Kypchaka // Utemish-khadzhi. Chingiz-name / Faksim., per., prim., issl. V.P. Yudina. Komment. i ukazat. M.Kh. Abuseitovoy. – Alma-Ata: «Fylym», 1992. – S. 83-86.

19 Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke / Per. s angl. Yu.V. Gote. – L.: OGIS RSFSR, 1937. – 308 s., 8 l. ill., 2 l. kart.

20 Stateynyi spisok posolstva v Bukhariyu dvoryanina Ivana Hohlova, 1620 – 1622 gg., dekabrya 12 // Sbornik knyazya Hilko. – Peterburg, 1879. – S. 388-424.

21 Olearius, Adam. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno. – SPb.: Isd-vo A.S. Suvorina, 1906. – 582 s. s ill.

22 Soimonov F.I. Opisanie Kaspiyskogo morya i chinennyh na onom Rossiyskih zavoevaniy... – SPb.: Tip. Imp. AN, 1763. – 380 c.

23 Journal von der Reiseaus Astrahennach Chiwah und Bucharen 1732. – SPb.: Bushdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1902. – 96 s.

24 [Grigor'yev]. O puteshestvii Garbera v Khivu v 1732 g. // Izvestiya RGO. – 1870. – T. VI, otd. 1. – S. 46-48.

25 Opisanie puti ot Orenburga k Khive i Bukharam, s prinadlezhashchimi obstoyatelstvami byvshego pri otpravlennom v 1753-m godu iz Orenburga v te zhe mesta kupecheskom karavane, samarskogo kuptsa Danily Rukavkina // Novosti literatury. – SPb., 1823. – Kn. V. – № 34. – S. 118-127.

26 Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyuyu Aziyu. Materialy k istorii izucheniya Sredney Azii. Ch. I. 1715-1856. – Tashkent: Izd-vo SAGU, 1955. – 83 s.

27 Pervye russkie nauchnye issledovaniya Ustyurta: Sb. materialov. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 326 s.

28 Matvievskiy P.E. Dnevnik Dzhona Kestlya kak istochnik po istorii i etnografii kazakhov // Istoriya SSSR. – 1958. – № 4. – S. 133-145.

29 Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740-1741 godah poruchikom Gladyshevym i geodezistom Muravinym // Geograficheskie izvestiya RGO. – Vyp. 4. – SPb., 1850. – S. 519-626.

30 Rychkov P. Topografiya Orenburgskaya, to est obstoyatelnoe opisanie Orenburgskoy gubernii, sochinennoe kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1762. – Ch. 1, 2. – 331. 262 s.

31 Rychkov P.I. Topografiya Orenburgskoy gubernii. – Ufa, «Kitap», 1999. – 312 s., ill.

32 Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provinciyam Rossiyskoy imperii. Ch. 1-ya: 1768 i 1769 godov. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1773. – 658 + 117s., pribavl.

33 Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva. Ch. 3-ya. Polovina 2-ya: 1772 i 1773 godov. Per. Vas. Zuev. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1788. – 480 s.

34 Pallas P.S. Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva. Ch. 2-ya. Kn. 1-ya: 1770 god. Per. F. Tomanskiy. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1786. – 476 s.

35 Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva. Atlas. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1788. – 111 s.

36 Rychkov N. Dnevnyye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgiz-Kaisackoy stepi 1771 g. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1772. – 104 s.

37 Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii... Tom sedmoy, zaklyuchayushhiy v sebe dopolnitelnye stati k Zapiskam Puteshestviya Akademika Falka. – SPb.: Tip. Imp. AN, 1825. – 223 s.

38 Sivers I. Pisma iz Sibiri. Falk I. Opisanie vseh nacionalnostey Rossii. – Almaty: Fylym, 1999. – 136 s.

39 Poezdka Hristofora Bardanesa v Kirgizskuyu step, po porucheniyu Akademika Falka // Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii... Tom sedmoy, zaklyuchayushhiy v sebe dopolnitelnye stati k Zapiskam Puteshestviya Akademika Falka. – SPb., 1825. – S. 1-27.

40 Puteshestvie Samuila Gotliba Gmelina po Kaspiyskomu moryu na vostochniy ego bereg v 1773 g. / Per., vstupit. st. i primech. K.I. Shafranovskogo i T.K. Shafranovskoy // Trudy Turkmenskogo geograficheskogo obshchestva. – Ashkhabad, 1958. – Vyp. I. – S. 181-226.

41 Erofeeva I.V. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel, politik. Izd. 3-e. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – 456 s. + 28 s. vkl.

42 Bolshoy atlas istorii i kulturey Kazakhstana / Gl. ruk. proekta A.Sh. Bimendiev. – Almaty: ABDI Kompany, 2008. – 880 s.

43 Zamechaniya o Kirgizskoy stepi // Astrakhanskie gubernskie vedomosti. Chast neofitsialnaya. – 1855. – № 22, 23, 29, 30, 31, 35, 37, 39, 41. – S. 111–113, 115–117, 131–133, 137–139, 144–145, 155–156, 161–162, 167–168, 175–176, 197–199, 203–205, 230–231.

44 Grigorev V.V. Opisanie Khivinskogo khanstva i dorogi tuda iz Saraichikovskoy kreposti // Zapiski RGO. – 1861. – Kn.2. – S. 105-138.

45 Velichko P.E. Opisanie Khivinskogo khanstva i dorogi tuda iz Saraichikovskoy kreposti (1803 g., s primechaniyami V.V. Grigoreva) // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. – T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnykh stepyam. XVIII–XIX veka. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – S. 179–205.

46 Zhukovskiy S.V. Snosheniya Rossii s Bukharoy i Khivoy za posledneye trehsotletie. – Pg., 1915. – XII + 214 s. + 1 karta.

47 Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. – T. V. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel. Pervaya polovina XIX veka / Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – 620 s. + 4 s. vkl.

48 Kirgiz-Kaisaki bolshoy, sredney i maloy ordy // Sibirskiy vestnik. – 1820. – Ch. 9. – S. 51–78, 93–124, 161–196; – Ch. 10. – S. 211–234, 285–292, 343–373.

49 G[ens]. G. Zamechaniya o drevnostyah v Kirgiz-Kaisatsckoy stepi. (Izvlachenie iz Obozreniya Kirgiz-Kaisatsckoy stepi G.G.) // Sibirskiy vestnik. – 1822. – Ch. 20. – S. 141 (321)–148 (328).

50 Razgrablenie kirgizami russkogo karavana, shedshego v Bukharu v 1803 godu. (Otryvok iz dnevykh zapisok Gaverdovskogo) // Sibirskiy vestnik. – 1823. – Ch. 22. – S. 29–45.

51 Obshcheye obozrenie mestopolozheniya Kirgiz-Kaisatsckoy stepi. (Iz zapisok Gaverdovskogo) // Sibirskiy vestnik. – 1823. Ch. 23. – S. 43–60.

52 Zapiski doktora Savvy Bolshogo o priklyucheniyah v plenu u kirgiz-kaisakov v 1803 i 1804 godah. S zamechaniyami o Kirgiz-Kaisatsckoy stepi // Syn otechestva. – 1822. – Ch. 76. – Kn. 11. – S. 168–177; – Kn. 12. – S. 213–220; – Kn. 14. – S. 289–303; – Ch. 77. – Kn. 15. – S. 24-34; – Ch. 80. – Kn. 35. – S. 24-34.

53 1803 g. – Iz zhurnala, sostavlennoho poruchikom Gaverdovskim, Ivanovym i Bogdanovichem vo vremya ih poezdki v Bukharu cherez Kazakhstan // Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekah (1771–1867 gody). (Sbornik dokumentov i materialov). – Alma-Ata: «Nauka», 1964. – S. 152-163.

54 Khalfin N.A. Rossiya i khanstva Sredney Azii (pervaya polovina XIX veka). – M.: Nauka, 1974. – 406 s.

- 55 Erofeeva I.V. Rukopisnoe nasledie poruchika Ya.P. Gaverdovskogo po istorii, geografii i etnografii Kazakhskoy stepi // *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov*. – T. V... – Almaty: Dajk-press, 2007. – S. 5–14.
- 56 Azhigali S.E. Arkhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona). – Almaty: Fylym, 2002. – 654 s.
- 57 Azhigali S.E. Pamyatniki Severnogo Priaralya // *Istoriya i kultura Aralo-Kaspiya*. Sb. statey. – Vyp. 1. – Almaty: Kus zholy, 2001. – S. 150–183.
- 58 Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kaisatskih, ord i stepey. – Almaty: Sanat, 1996. – 656 s.
- 59 Mejendorf E.K. Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu. – M.: «Nauka», 1975. – 182 s.
- 60 Castagne I.A. Drevnosti Kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya // *Tr. Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. (Vyp. 22). – Orenburg: Tipolitogr. T-va «Karimov, Husainov i K, 1910. – 332 s.
- 61 Kaidalov E. Karavan-zapiski, vo vremya pohoda v Bukhariyu Rossiyskogo karavana, pod voinskim prikrytiem v 1824 i 1825 godah, vedennyye nachalnikom onogo karavana nad kupechestvom Evgrafom Kaidalovym. V 3-x ch. – M.: Universitetskaya tipogr., 1827, 1828. – 144 + 140 + 149 s.
- 62 Zapiski Efgrafa Kaidanova // *Orenburgskiy kray (gaz.)*. – 1894. – № 179, 180, 182.
- 63 Zapiski o Bukharskom khanstve (otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha). – M.: Nauka, 1983. – 150 s.
- 64 Blaraberg I. Vospominaniya. – M.: Nauka, 1978. – 358 s.
- 65 [Svini'yin P.]. Petr Mikhailovich Kudryashov, pevets kartinnoy Bashkirii, bystrogo Urala i bespredelnykh stepey Kirgiz-Kaisatskih. (S publ. pisma Kudryashova Svin'yinu) // *Otechestvennyye zapiski*. – 1828. – № 100. – S. 145–176.
- 66 [Ejxvald]. Puteshestvie professora Ejxvalda k Kaspiyskomu moryu i po Kavkazskomu kraju // *Biblioteka dlya chteniya*. – 1838. – T. 26. (Yanvar–fevral). – S. 127–212.
- 67 Otryvok iz putevnykh zapisok po severo-vostochnym beregam Kaspiyskogo morya // *Zavolzhskiy muravey*. – Kazan, 1834. – Ch. XI. – № 2. – S. 228–244.
- 68 Kereyeva-Kanafieva K. Dorevolyucionnaya russkaya pechat o Kazakhstane. Iz istorii russko-kazakhskikh literaturnykh svyazey. – Alma-Ata: «Kaz. Gos.», 1963. – 304 s.
- 69 Karelin G.S. Puteshestviya po Kaspiyskomu moryu // *Zapiski RGO po obshhey etnografii*. – 1883. – T. 10. – 475 s.
- 70 Blaraberg I.F. Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie vostochnogo berega Kaspiyskogo morya ot Astrabadskogo zaliva do mysa Tyuk-Karagan // *Zapiski RGO*. – 1850. – Kn. IV. – S. 49–120.
- 71 Karta chasti Sredney Azii, sodержashchaya zemli kirgiz-kaisakov, karakalpakov, truhmencev i bukharcev. Sochinena pri Depo kart. [SPb.], 1816. [1: 100000]. 5 l. v obshch. ramke. 36x45 (sm) // *Biblioteka RAN*. SPb. Otdel kartografii. Shifr – V 1956a/400.
- 72 Savel'yev P.S. Puteshestvie g. Bazinera cherez Kirgizskuyu step v Khivu // *Geograficheskije izvestiya RGO*. – 1849. – Vyp. 4. – S. 157–171; Vyp. 5. – S. 206–212.
- 73 a,b,v. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'yih, ili kirgiz-kaisatskih ord i stepey. – SPb.: Tip. Karla Kraiy, 1832. – Ch. I. Izvestiya geograficheskije. – 264 s.; Ch. II. Istoricheskie izvestiya. – 334 s.; Ch. III. Etnograficheskije izvestiya. – 304 s.
- 74 E[ristov]. Dm. Abulhair // *Enciklopedicheskiy leksikon*. – SPb., 1835. – T. 1. – S. 53–54.
- 75 Beknazarov R. Zakhronenie Abulhair-khana: mify i realnost // *Aktyubinskiy vestnik (gaz.)*. – 2007. – № 83–84.
- 76 Kovalevskiy 2-y, Gerngross 2-y. Opisanie zapadnoy chasti Kirgiz-Kazachey ili Kirgiz-Kaisatskoy stepi // *Gorniy zhurnal*. – SPb., 1840. – Ch. IV. – Kn. 12-ya. – S. 315–346.
- 77 Kovalevskiy E.P. Stranstvovatel po sushe i moryam. – T. 1. – SPb.: Tip. I.P. Bocharova, 1843. – 210 s.
- 78 Ivanov N.P. Khivinskaya ekspeditsiya 1839–40 gg. Ocherki i vospominaniya ochevidca. Prakticheskie sovery ot' ezhzhayushchim v stepi. – SPb.: Tip. T-va «Obshchestv. polsa», 1873. – II + 212 s.

79 Basiner, von Theodor Jul. Naturwissenschaftliche Reisedurch die Kirgisen steppenach Chiva. – SPb., 1848. [Beitragezur Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. 15]. – XII, 379 s., 1 Kart.

80 Drevnyaya i srednevekovaya kultura Yugo-Vostochnogo Ustyurta. – Tashkent: Fan, 1978. – 327 c.

81 Sabanshchikov. Ryn peski // Zavolzhskiy muravey. – 1832. – № 12. – S. 660-678.

82 Khanykov Ya.V. Ocherk sostoyaniya Vnutrenney Kirgizskoy Ordy v 1841 godu // Zapiski RGO. – 1847. – Kn. 2. – S. 27-60.

83 Svedeniya o Khivinskom khanstve // Zhurnal manufaktur i togovli. – SPb., 1843. – Ch. 2-ya. – S. 77-162.

ӘЖІҒАЛИ С.Е.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
Этнология және антропология бөлімінің меңгерушісі, т.ғ.д.,
Халықаралық Шығыс елдері архитектурасы академиясының
корреспондент-мүшесі

КЕҢЕСТІК КЕЗЕҢГЕ ДЕЙІНГІ АРАЛ-КАСПИЙ АЙМАҒЫНЫҢ ХАЛЫҚТЫҚ СӘУЛЕТ ӨНЕР ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ, «КӨНЕЛІКТЕР МЕН ҚИРАНДЫЛАРДЫҢ» ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫНАН (ҚАЗАҚ ЭТНОГРАФИЯСЫНЫҢ БИБЛИОГРАФИЯЛЫҚ КӨРСЕТКІШІН ДАЙЫНДАУ МӘСЕЛЕСІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ) (1-ші мақала)

Аннотация

Мақала Арал-Каспий аймағының жылжымайтын тарихи және мәдени ескерткіштерінің зерттелу тарихына арналады. Ең алдымен, бұл тақырып кеңестік кезеңге дейінгі қазақ халқының сәулет өнеріне байланысты зерттеулерге шолудың бірінші бөлігі болып табылады. Аймақтағы ортағасырлық және кейінгі ортағасырлық кезеңдерінің ескерткіштері жайында ертедегі мәліметтер шығыс және батысеуропа деректері қарастырылады. XVIII – XIX ғ. 1-ші жартысындағы ресейлік авторлардың (саяхатшылар, әскерилер, ғалымдар) хабарларына ерекше көңіл бөлінді, оның ішінде П.И. Рычков, П.С. Паллас, Я.П. Гавердовский, Е. Кайдалов, А.И. Левшин, Г.С. Карелин сынды авторлардың айрықша маңызды жарияланымдары бар. Батыс Қазақстанның халықтық архитектурасы, басқа да ескерткіштерінің зерттелуі, көбінесе, әскери-ізденіс экспедицияларының, сауда-дипломатиялық миссиялардың және басқа да шаралардың жолай, кездейсоқ түрде берген сипаттамасында және Қазақ даласындағы «көнеліктер мен қирандылар» маңызды бағдар ретінде тәжірибелік мәні бар жай тіркеу қалпында, қысқаша баяндаулар ретінде қарастырылған. Жалпы ескерткіштерді зерттеу, Ресей империясының Қазақстан және Орта Азиядағы (Хиуа, Бұхара) отарлау саясатының стратегиялық бағытында регионды тұтас аумақтық игерудің құрамдас бөлігі болып табылады. Жеке бірлі-жарым зерттеулер мақсатты сипатқа ие: оның маңызды мысалы ретінде Палластың Арал-Каспий аймағының солтүстік-шығысындағы Кесене мавзолейіне сапары болып табылады. Жекелеген авторлар (Рычков, Гавердовский, Левшин) аймақтағы біршама ескерткіштерге жалпылама сипаттама берген және оларға «классификация» жасауға тырысқан. Алайда, бұл Қазақстан ескерткіштануының аса эмпирикалық даму кезеңі болды, ол кезеңде мүлде шашыранқы болса да, өте құнды фактологиялық деректер айтарлықтай жиналған болатын. Ресейлік авторлардың ескерткіштанудағы «көнеліктер және қирандылар» сынды тақырыптарға күш салуы жалпы тарихи-этнографиялық және географиялық тақырыптан бөлініп шығып, алдағы уақыттағы ерекше зерттеу бағытының қалыптасуына негіз болды.

Түйін сөздер: халықтық сәулет өнерінің ескерткіштері, «көнеліктер және

кирандылар», Арал-Каспий аймағы, этнографиялық библиография, казак ескерткіштануы, зираттар, мавзолейлер, ресейлік зерттеушілер, әскери-ізденіс экспедициялары, отарлаушылық игеру.

AZHIGALI S.YE.

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
Head of the Department of Ethnology and Anthropology,
Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the International Academy of
Architecture of Eastern Countries

**FROM THE HISTORY OF STUDYING THE MONUMENTS OF FOLK
ARCHITECTURE, ANTIQUITIES AND RUINS OF ARAL-CASPIAN
REGION IN PRE-SOVIET PERIOD (FOR THE PREPARATION OF
BIBLIOGRAPHICAL REFERENCE BOOK ON THE ETHNOGRAPHY OF
THE KAZAKHS) (ARTICLE 1)**

Summary

The article is devoted to studying the history of immovable historical and cultural monuments of the Aral-Caspian region, first of all, the Kazakh folk architecture, in pre-Soviet (pre-revolutionary) period, and is the first part of the review research on this topic. The author considers early reports on the region's monuments in the East and West European medieval sources, and the late medieval period. Emphasis is placed on the information of Russian authors (travelers, military personnel, scholars) of the XVIII – 1-st half of the XIX century, among which the publications of P.I. Rychkov, P.S. Pallas, Ya.P. Gaverdovskiy, Ye. Kaydalov, A.I. Levshin, G.S. Karelin are of particular importance. The study of folk architecture and other monuments in Western Kazakhstan is mainly of passing, casual character in the course of military expeditions and research, trade and diplomatic missions, etc. in the form of fixation, brief descriptions of antiquities and ruins which is given a practical meaning as the important landmarks in the Kazakh steppe. In general, the study of the monuments is an integral part of the territorial development of the region in line with the strategy of the colonial policy of the Russian Empire in Kazakhstan and Central Asia (Khiva, Bukhara). Individual studies are purposeful: an important example is a trip of Pallas to Kesene mausoleum in the North-East of the Aral-Caspian region. Some authors (Rychkov, Gaverdovskiy, Levshin) made attempts of some generalized characteristics of the regions monuments, their classification. But overall it was a purely empirical stage of the Kazakhstan monument studies development, when there was collected a significant, very valuable, albeit fragmentary only, factual information. Through the efforts of the Russian authors the topic of monuments, antiquities and ruins was gradually separated from the general historical-ethnographic and geographic themes, and became the subject of further study and fixation, the basis of the future formation of a particular research direction.

Keywords: monuments of folk architecture, antiquities and ruins of Aral-Caspian region, ethnographic bibliography, Kazakh monument studies, cemeteries, mausoleums, Russian researchers, military and exploration expeditions, colonial development.

Подписи к рис. к статье С. Ажигали «Из истории изучения памятников народного зодчества Арало-Каспийского региона»

Рис. 1. Мавзолей Кесене XV–XVI вв. (восточный и южный фасады) и прилегающее казахское кладбище. Юго-восточное Приуралье. Зарисовка П.С. Палласа. 1870 г. [см.: 35, с. 33].

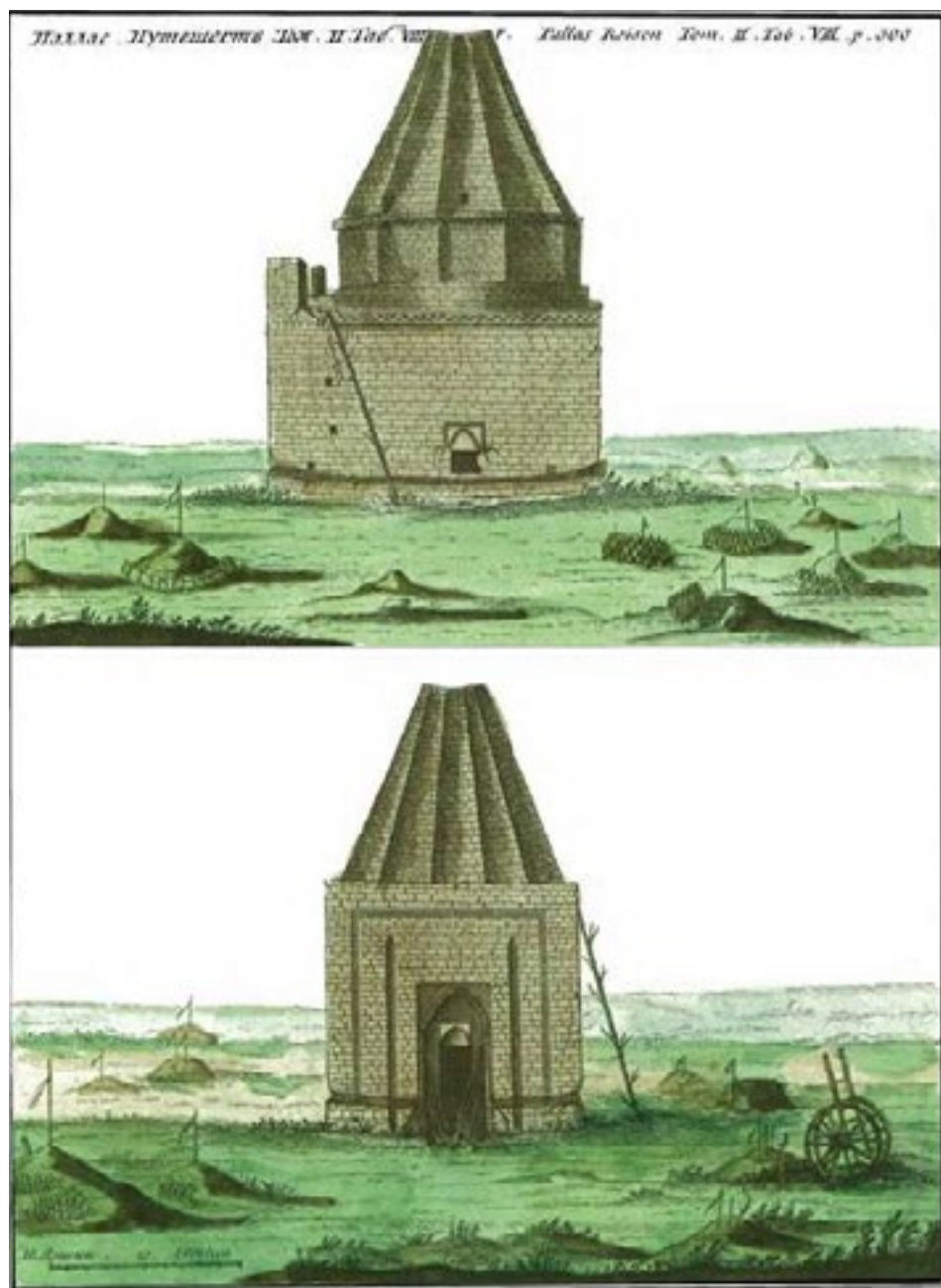
Рис. 2. Казахское кладбище в низовьях Сырдарьи. Зарисовка Е. Кайдалова. 1824 г. (авантитул книги «Караван-записки...») [см.: 61].

Рис. 3. Заглавный лист «Карты части Средней Азии...1816 г.», хранящейся в Отделе картографии Библиотеки РАН (СПб.) [см.: 71].

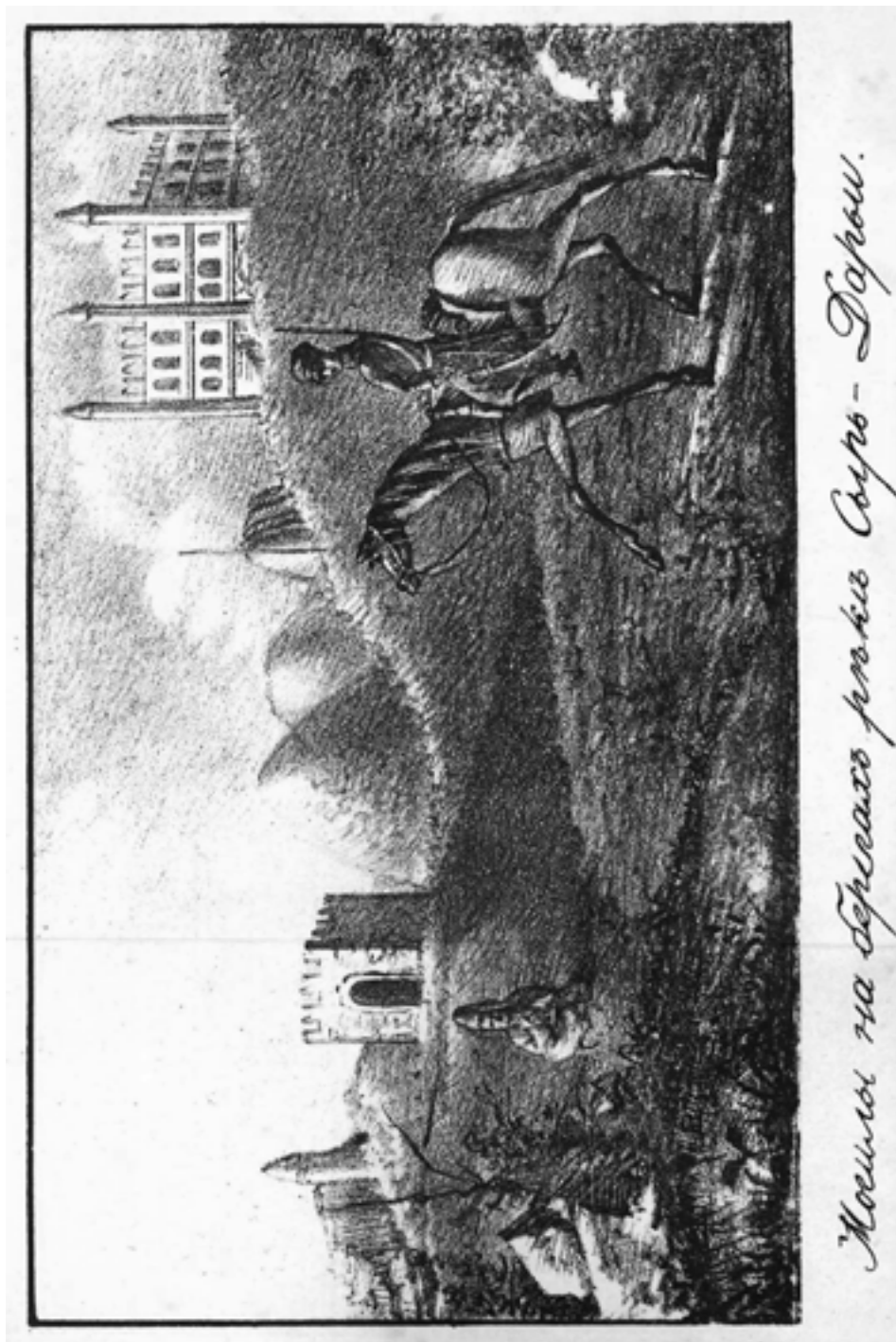
Рис. 4. Фрагмент «Карты части Средней Азии...1816 г.» с обозначением отдельных памятников на начальном участке «Старой Ногайской дороги» и в долине р. Эмбы. (Названия историко-культурных объектов выделены цветом).

Рис. 5. Фрагмент «Карты части Средней Азии...1816 г.» с обозначением пунктов «Старой Ногайской дороги» на плато Устюрт.

Рис. 6. Казахское кладбище в дельте Сырдарьи. Зарисовка под названием «Кладбище на острове реки Сыра». Начало XIX в. (?). (Авантитулы старого издания труда А.И. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» [61], экз. ЦНБ МОН РК).

Рис. 1. Мавзолей Кесене XV–XVI вв. (восточный и южный фасады) и прилегающее казахское кладбище. Юго-восточное Приуралье. Зарисовка П.С. Палласа. 1870 г. [см.: 35, с. 33].

Могилы на берегах реки Сыръ-Дарья.

Рис. 2. Казахское кладбище в низовьях Сырдарьи. Зарисовка Е. Кайдалова. 1824 г. (авантитул книги «Караван-записки...») [см.: 61].

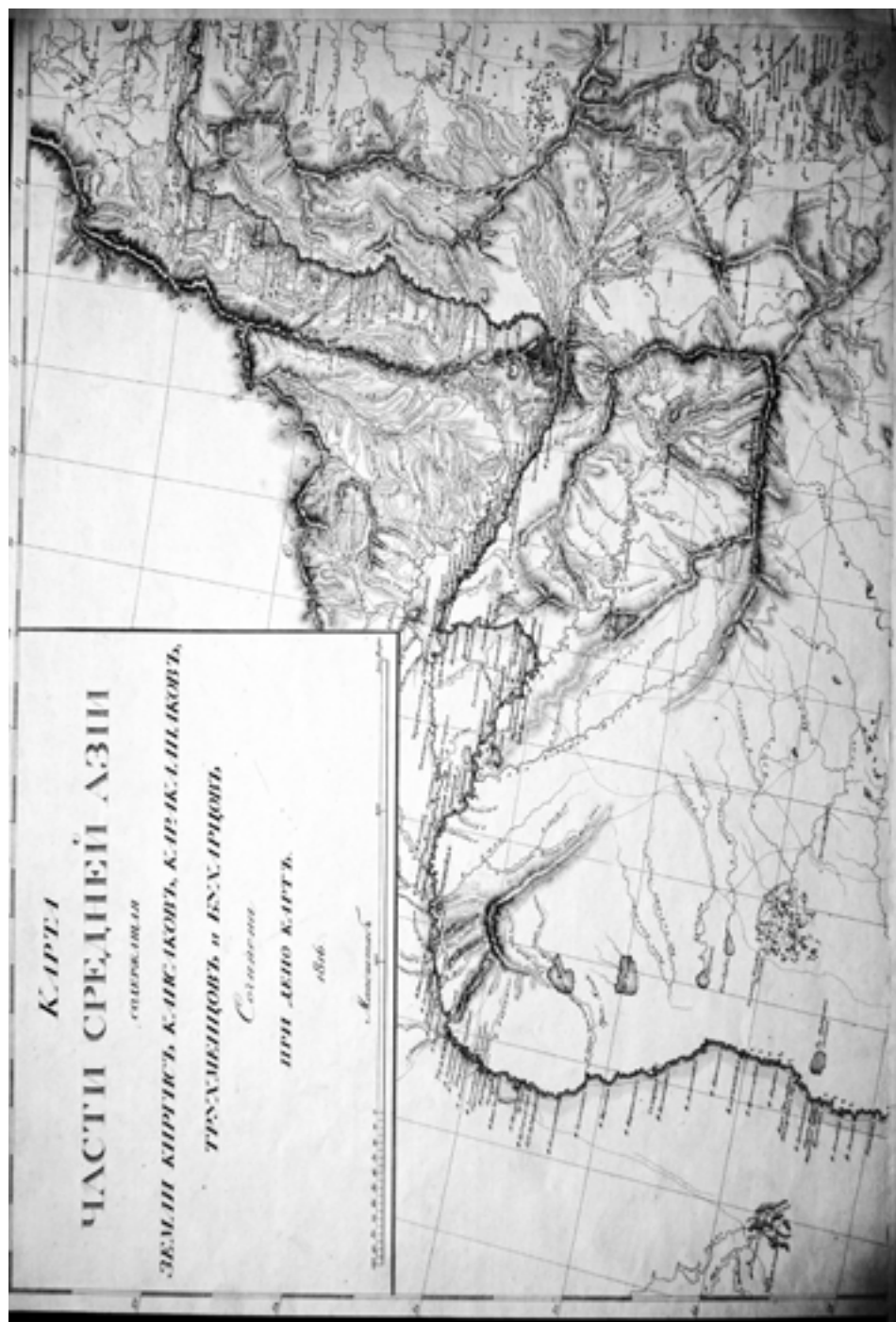
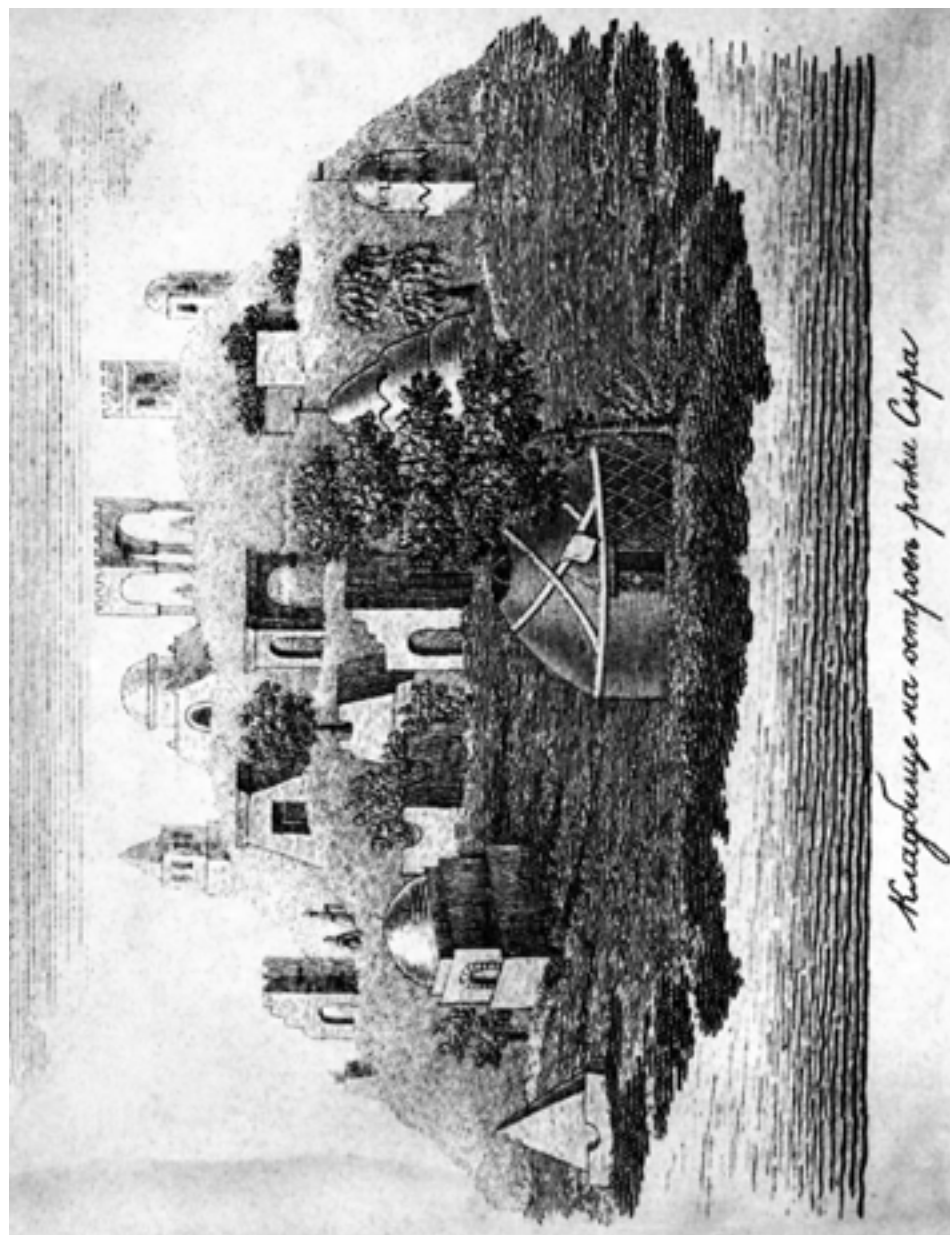

Рис. 3. Заглавный лист «Карты части Средней Азии...1816 г.», хранящейся в Отделе картографии Библиотеки РАН (СПб.) [см.: 71].

Рис. 5. Фрагмент «Карты части Средней Азии...1816 г.» с обозначением пунктов «Старой Ногайской дороги» на плато Устюрт.

Рис. 6. Казахское кладбище в дельте Сырдарьи. Зарисовка под названием «Кладбище на острове реки Сыра». Начало XIX в. (?). (Авантитулы старого издания труда А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» [61], экз. ЦНБ МОН РК).

ЭПИГРАФИКА И ДЕКОР НА НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

Аннотация

В статье анализируется эпиграфический декор и декоративное оформление надгробных сооружений памятников средневекового Хорезма, в основном это фрагменты надгробий и отчасти архитектурного декора с надписями. Фрагменты архитектурного декора с эпиграфическими орнаментами были обнаружены в различных местах некрополя Миздахкана и городища Кетен-кала. Особенности текстов на фрагментах надгробий, найденных на разных объектах городищ по содержанию и языку разделены на персо- и арабоязычные тексты. Представленный комплекс фрагментов найденных на территории Республики Каракалпакстан может быть датирован концом XIII-началом XIV веков. Архитектурный декор средневекового Хорезма можно рассматривать как самые показательные примеры возрождения декоративного искусства после монгольского нашествия. Формируются свои местные хорезмские школы мастеров архитектурного декора, как по видам изделий, так и по роду производства. Возникает целая индустрия керамического производства для нужд архитектурно-отделочных работ. Глазурью покрываются и сталактиты, изготовленные из керамической массы.

Ключевые слова: Хорезм, средневековье, архитектурный декор, эпиграфические надписи, XIII-XIV века, глазурь, майолика, кашин, сагана, роспись.

Эпиграфический декор и декоративное оформление архитектурных сооружений памятников Центральной Азии в той или иной мере описывались и отчасти анализировались в статьях и монографиях ряда исследователей [1, 1930a; 2, 1930b; 3, 1930; 4, 1939; 5, 1948; 6, 1958; 7, 1950; 8, 1951; 9, 1958; 10, 1969; 11, 1997; 12, 2013 и др.]. Реже обращала на себя внимание исследователей эпиграфика этих сооружений, хотя порой она занимала до 70-75% от общей площади декора памятника, особенно надгробного сооружения. Еще реже изучались все элементы декора, и эпиграфики как части пространственных композиций, либо части архитектурно-декоративного ландшафта мемориальных или культовых комплексов, что могло бы способствовать более полному пониманию пространственных и композиционных решений зодчих и декораторов прошлого. Можно упомянуть некоторые работы, в которых представлены краткие описания или общие упоминания эпиграфики средневекового Хорезма [1, 1930, с. 37-63; 13, 1941; с. 18-26 (см. особенно с. 19, 23); 14, 1960, с. 80-88; 15, 1988, с. 36-39]. Однако в этих публикациях архитектурная эпиграфика изучалась как бы сама по себе, без ее исторического, культурного или ландшафтного контекстов.

Между тем, в ходе исследований на средневековых памятниках Хорезма накоплен и продолжает пополняться богатейший материал, позволяющий по-новому взглянуть на способы декора архитектурных сооружений и надгробий мавзолеев XIII-XIV веков. В этой статье мы решили ограничиться описанием и анализом прежних и новых находок, обнаруженных на городищах Миздахкан и Кетен-кала. В основном это фрагменты надгробий и отчасти архитектурного декора с надписями¹.

Одним из богатых торгово-ремесленных и религиозных центров Хорезма было городище Миздах кан, которое, судя по находкам, быстрее других

¹ Выражаю благодарность В.Н. Ягодину, Г.Х. Ходжаниязову, Х. Есбергенову за предоставленные материалы, хранящиеся в фонде археологии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук ККО АН РУз. Особую благодарность Б. Бабалжанову (Институт востоковедения, Ташкент) за переводы эпиграфических надписей на декорах и за помощь в работе над настоящим текстом.

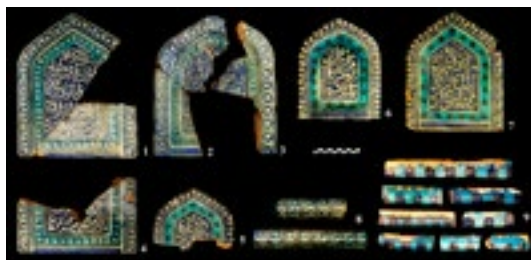
Рис. 1. План некрополя Миздахкан. 1. Мавзолей Мазлумхан Сулу 2. Мавзолей Халифа Реджеп 3. Мазар Шамун-Наби 4. Бугор Джумарт Кассаб 5. Мавзолей Кырк Шопан 6. Джума мечеть (Белое ханак)

и последующие годы (1964-1965 гг.) археологический отряд, возглавляемый В.Н. Ягодиным, проводил стационарные исследования памятника. При этом получены новые данные по топографии древнего Миздахкана, открыт городской некрополь [16, 1968; 17, 1970]. Кроме того, в разные годы изучались его отдельные объекты и их строительные материалы [3, 1930; 18, 1948; 5, 1948; 19, 1960; 20, 1967; 21, 1980; 22, 1990; 23, 1999а; 24, 1999б; 25, 2000; 26, 2008а; 27, 2008б]. В 2012 году сотрудниками Каракалпакского Научно-исследовательского института гуманитарных наук были привезены фрагменты и целые экземпляры архитектурных облицовочных плит, использовавшиеся в оформлении надмогильных сооружений. Надгробные плиты были случайной находкой, в результате раскапывания участка на восточном холме некрополя Миздахкана (Ходжейлийский р-н, Республики Каракалпакстан)¹.

Плиты, использовавшиеся в оформлении надмогильных сооружений, покрывали некогда надгробия ступенчатой конструкции (типа «сагана») и были выполнены из пористого розовато-белого цвета теста (*кашин*). Фасад и боковые стороны надгробий обычно покрывались расписными глазурованными плитками (рис. 2). На верхней поверхности надгробий имелись навершия, на торцах которых монтировались керамические плиты аркообразной формы, стрельчатые в сечении. Их можно разделить на два типа по размеру и по характеру композиции. Первый тип плиток размерами шириной 22-23 см, высотой 25-28,5 см, толщиной 3,5-6,5 см (рис. 2, 1-3;). Тыльная сторона имеет углубление идущие в 3-4 см от краев. Декор центральной композиции составляет надпись белыми буквами на кобальтовом фоне. По периметру обычно наносились линии темного цвета, и узорами в виде трилистников на бирюзовом или кобальтовом фоне. Боковые поверхности таких плиток оформлены чередующимися полосами из бирюзового и кобальтового цветов, разделенные черной линией.

Второй тип плиток размерами шириной 15,5-18 см, высотой 19-22,5 см, толщиной 4-5 см, тыльные стороны также имеют углубления. Центральная

возродило свою материальную и духовную культуру после монгольского нашествия, став местом зарождения новых архитектурных решений и приемов декоративной отделки культовых и гражданских построек. На восточном холме городища находится огромное кладбище, используемое с начала нашей эры до настоящего времени (рис.1). Памятник впервые был обследован А.Ю. Якубовским. Им было сделано общее описание топографии и предпринята попытка построения хронологии [1, 1930]. Начало систематическому изучению Миздахкана было положено в 1962 году. В эти

Рис. 2. 1-7. Надгробные плиты. 8-9. Фрагменты плитов. Миздахкан, некрополь

¹ Географические координаты находок- 42е 24г 2,20" СШ, 59е 23' 25,60" ВД.

композиция представляет собой часть эпитафии (либо надгробных стихов). Буквы белые с черным контуром на синем фоне. Надпись забрана в аркообразную рамку в виде двух полос окантовки. Первая из них представляет собой орнамент в виде упомянутых трилистников (краска черная на бирюзовом фоне). Вторая полоса обычно близка к эпиграфическому декору, буквы стилизованные под растительный узор.

Остальные фрагменты декоративной плитки (плинт) по форме удлиненные, подтрапециевидной формы в сечении. Они использовались для обрамления боковых краев надгробного сооружения. Часть плинт украшена переплетенными стеблями и листочками, нанесенными черной краской, с повторяющимися орнаментами на бирюзовом фоне. Другие декорировались повторяющимися полосами кобальтового цвета на голубом фоне, в обводе черных линий (рис. 3).

Аналогичные фрагменты и археологически целые надгробные плиты были найдены в 1987-1990 гг. при раскопках Джума-мечети (т.н. «Белое ханако») и на бугре Джумарт-Кассаб. Кроме того, очень близкий пример датированного надгробия сохранился в мавзолее Сайида 'Ала ад-дина, расположенном во Внутренней крепости (*Ичан кал'а*) города Хивы (рис. 3). Это надгробие, очевидно, поставлено сразу после смерти святого (судя по эпитафии, 1310 год). Здесь, как мы видим, по цветовой гамме (в основном черный, белый, бирюзовый и кобальтовый цвета) и способам декорации это надгробие близко к первому типу, выделенному нами.

В 1987 г. Г. Ходжаниязовым был обследован доминирующий холм Джумарт-Кассаб (некрополь Миздахкан). При раскопках было обнаружено большое количество фрагментов алебастровых плиток с геометрическими и растительными орнаментами, среди них майоликовые обломки архитектурного декора и надгробные плиты [28, 1988, с. 65]. Найденные элементы не были в положении «in situ»; возможно они были принесены сюда из других почитаемых сооружений некрополя. Описываемые фрагменты плит размерами 10-13x18 см и 4x8x13 см по виду и тесту схожи с типом 1 (см. выше). Как выше говорилось, плитки, судя по аналогиям форм и содержаниям фрагментов надписей, были использованы на надгробных сооружениях, возведенных из жженого кирпича в виде прямоугольных ступенчатых параллелепипедов, увенчанных навершиями (в сечении в виде арок) типа «сагана». Они декорировались облицовкой из поливных (*кашин*) или неполивных терракотовых плит. Такие типы надгробия XIII-XIV вв. сохранились в разных регионах Средней Азии на территории Хорезма (Мазлумхан-Сулу, Наджимаддин Кубра, Наринджан-баба, Сайид 'Ала ад-дин), в Самарканде (Гур-Эмир, Биби-Ханым, в мавзолеях Шахи-Зинда), Бухаре (гурхана медресе Мири-Араб).

Интересные фрагменты декора с эпиграфическим орнаментом были обнаружены в помещении №7 в Белое ханако (Джума-мечеть) (рис. 3, 1-2). Фрагменты плиты (6x8x25 см, из кашинного теста) украшены темно-синим подглазурным фоном с белыми линиями в виде стебельков. Поверх выполнена надглазурная надпись золотистыми буквами, обведенными линиями красно-

Рис. 3. Надгробные сооружения. 1. Нажмаддин Кубра (Куныя-Ургенч). 2. Гур Эмир (Самарканд). 3. Кусам ибн-Аббас, Шахи-Зинда (Самарканд). 4. Пахлаван Махмуд (Хива). 5. Сейид Аллауддин (Хива)

коричневого цвета. Орнаменты помещены в рамки из золотистой линии, в следующей рамке изображен растительный стилизованный орнамент в виде белых кустиков (рис. 3, 1). Здесь читаются лишь фрагменты букв (более полное описание см. ниже). Почерк *насх*, диакритические точки, очевидно, были расставлены регулярно, что может свидетельствовать о том, что это была цитата из Корана. Второй фрагмент видимо часть этой плиты (рис. 3, 2). Надпись выполнена более мелким шрифтом, чем надпись на первом фрагменте (более подробное описание надписей и чтение см. ниже). Аналогичные изразцы с красной, красно-коричневой краской с позолотой встречаются так же в декоре надгробий памятников и в раскопах золотоордынского городища Миздахкан [29, 1989, с. 124].

Богатый архитектурный декор представлен в орнаментированных михрабных нишах в упомянутой мечети «Белое ханако» (Джума-мечеть). Первая ниша оформлена резным орнаментом по сырой глине и покрыта несколькими слоями красной, голубой и белой красок. Ниша была украшена сталактитами (*мукарнас*), периметр обрамлен надписью, вырезанной на плитках из ганча. Вторая ниша украшена изобразительной композицией, представляющей собой сочетание геометрического и растительного орнаментов [30, 2011, с. 155]. Упомянутый текст, нанесенный по периметру «П»-образной рамки первой михрабной ниши мечети написан почерком «куфи» декоративных очертаний, напоминающий монетные легенды X-XI веков. На фоне надписи вырезан орнамент в виде растительных побегов, которые завершаются трилистниками. Этот узор тоже характерен для архитектурной эпиграфики региона Центральной Азии той же эпохи.

Текст представляет собой фрагмент из Корана (22: 77, 78). Ниже приведен этот текст и перевод (31, 1963) *айата*, часть которого в оригинале утрачена. Сохранившийся кусок надписи подчеркнут в оригинальном тексте айата и в переводе.

«И усердствуйте об Аллахе достойным Его усердием! Он избрал вас и не устроил для вас в религии никакой тяготы, как и в общине отца вашего Ибрахима. Он назвал вас мусульманами раньше и в это (время), чтобы Посланник был свидетелем для вас, а вы были свидетелями для людей ...».

وَأَعْتَصِمُوا بِحَبْلِ اللَّهِ جَمِيعًا وَلَا تَفَرَّقُوا سَلَفًا أُولَئِكَ هُمُ الرُّسُلُ أُوثِرُوا عَلَى الْغَايِبِينَ
 وَأَعْتَصِمُوا بِحَبْلِ اللَّهِ جَمِيعًا وَلَا تَفَرَّقُوا سَلَفًا أُولَئِكَ هُمُ الرُّسُلُ أُوثِرُوا عَلَى الْغَايِبِينَ
 وَأَعْتَصِمُوا بِحَبْلِ اللَّهِ جَمِيعًا وَلَا تَفَرَّقُوا سَلَفًا أُولَئِكَ هُمُ الرُّسُلُ أُوثِرُوا عَلَى الْغَايِبِينَ

Фрагменты архитектурного декора с эпиграфическими орнаментами были обнаружены в различных местах некрополя Миздахкана (рис. 4, 1-4). На фрагменте плитки прямоугольной формы имеется надпись – крупные буквы, выполненные подглазурной белой краской на кобальтовом фоне. По краям плитки идут бордюрные линии голубого и белого цветов (рис. 4, 1).

В XIII-XIV вв. в декоре памятников Хорезма (в первую очередь на надгробных сооружениях) используется большое количество майоликовых и мозаичных плиток, составляющих единую композицию декорации. Однако чаще всего использовалась майолика. Плиты орнаментировались растительными и геометрическими узорами и эпиграфией. Материал – лессовая обожженная глина и кашин (он преобладал). Изразцы покрывались глазурью, имели надглазурные и подглазурные орнаменты. Преобладали подглазурные орнаменты. Новым для майолики Хорезма этого пери-

Рис. 4 1. Михрабная ниша. 3. Общий вид михрабов. 2, 4. Надпись по бокам ниши (Фотоматериалы В.В. Ягодина)

ода (XIII-XIV вв.) было применение новых цветовых гамм, в частности красного цвета. При этом по-прежнему часто использовались сине-голубой, белый и бирюзовые тона [26, 2008, с. 118].

Похожая на миздахканские надгробия намогильная плита была найдена недалеко от местности Кетенлер (Кетен-кала) в 1971 г. сотрудниками этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы [32, 1976]. Городище расположено в 18 км. к северо-западу от районного центра Шуманай (Республика Каракалпакстан). Впервые было обследовано в 1959 г. [33, 1963. С. 26-27].

На объекте обнаружены остатки зданий с великолепным изразцовым декором. Развалины одного из них обнаружены в полукилометре к юго-востоку от Кетен-калы. Здесь были вскрыты стены из жженого кирпича и множество обломков поливных изразцов. Богатство архитектурного декора позволяет предполагать о существовании какого-то незаурядного сооружения, может быть большой мечети или мавзолея. Сами изразцы по некоторым признакам можно датировать XIV в. [34, 1963. С. 79].

Плита из Кетен-калы размером 28x23x3,5 см. аркообразной формы. Поверхность расписана растительно-геометрическим орнаментами. По составу теста и декорировке она схожа с первым типом миздахканских плит (2012 г.). Основа композиции – надпись. В статье Есбергенова Х. представлен не вполне точный перевод этой персидской надписи (перевод Мурадова А. и Ирисова А.).

Второй фрагмент плитки (плинт) размерами 10x10x2,3 см. выполнен из *кашина* желтоватого цвета. Надпись на кобальтовом фоне, обрамленная в рамке, выполненной белой краской. По краям бордюра на бирюзовом фоне повторяется стилизованный трилистник с белыми лепесточками, края которого окантованы черной линией. Пестик выкрашен сине-черной точкой. Самый край плиты окантован темно-синей линией. Роспись выполнена под бесцветной глазурью, имеются потеки капли глазури. Интересен фрагмент подтреугольного в сечении декоративной плитки (плинта). Здесь на подглазурный фон кобальтового цвета нанесены надглазурные орнаменты растительного характера в виде красных цветков, расположенных внутри переплетающихся стилизованных белых стеблей. Фрагмент плитки-плинта схож с плитками из миздахканской коллекции 2012 г.

Итак, условно все представленные фрагменты облицовок надгробий мы разделили на две группы. Первая из них представлена шестью фрагментами, которые, судя по палеографии почерка, могут быть отнесены к более раннему времени (примерно вторая половина XIII-самое начало XIV вв.) (рис. 3; 4). Они выделяются богатой гаммой цветов, более тонким и разнообразным узором. Буквы здесь с позолотой, окантованные красной линией. Это почти полностью повторяет стиль надписей надгробия Кусамы ибн 'Аббаса на комплексе Шахи-Зинда в Самарканде (вторая пол. XIII в.)¹.

Вторая группа представляет собой фрагменты глазурованных плит в виде стрельчатых арок, которые крепились на торцевых частях наверхий *сагана* (рис. 2). К этой же группе относятся фрагменты с разных частей надгробия-*саганы*, например, окантовок, плит на боковых поверхностях с надписями и т.п. Тексты обрамлялись полосами узоров в виде побегов растений (*ислими*). Узоры прорисовок расплывчатые, сделаны скорее наспех, без особой тщательности, иногда с натеками, что говорит о массовости производства. По конструкции, палеографии почерков и отчасти по цветовой гамме ближайший аналог представленным фрагментам – это надгробное сооружение в мавзолее Сайид 'Ала ад-дина/Алоуддина (г. Хива), датируемое концом XIII-началом XIV вв. Правда, отделка надгробия 'Ала ад-дина более тщательная и глазурь без цеков (рис. 3).

Надписи первой группы. Почерк фрагментов с эпиграфами – декоративный *дивани*, диакритика нерегулярная. Судя по имеющимся двум фрагментам, надпись выполнена профессиональными каллиграфами, имевшими хороший навык в

¹ Сходство заметно в стиле узоров, цветовой гамме, а так же в почерке (*дивани*). Не исключено, что надгробие Кусамы ибн 'Аббаса изготовлено именно хорезмскими мастерами.

написании подобных текстов. Возможно, что каллиграф одновременно был автором и исполнителем узоров. Однако трудно допустить, что он одновременно являлся керамистом, поскольку работа последнего предполагает тяжелый труд, который сложно сочетать с тонкой каллиграфической или художественной работой.

Фрагмент 1 (рис. 4, 3). Сохранились левая половинка трех последних строк эпитафии, из которых более или менее уверенно читаются два слова: «*الغياثون*» (возможный перевод: «носящая [богатые] украшения», в смысле аристократка) и титул покойной «*خاتون*» (*хатун*). Ниже, под титулом «*хатун*» сохранились две буквы «*син*» и «*ха-йи-хаввас*» («*...س*»). Возможно, это тоже часть имени. Судя по этому титулу, эпитафия украшала надгробие высокопоставленной дамы из правящего дома. Для более точной идентификации сохранившегося фрагмента недостаточно.

Фрагмент 2 (рис. 3) Это так же фрагмент эпитафии надгробия. Почерк скорописный *насх*, без диакритических знаков. Буквы были покрыты позолотой и окантованы красной глазурью. Сохранилась часть букв двух строк. В первой строке – последние две буквы предыдущего (утраченного) слова «*...ل*» и предлог «*ك*». Во второй строке сохранилась полная графема, которая при отсутствии диакритических точек и контекста может читаться в двух вариантах: «*قرضت*» (твой долг) и «*فرضت*» (время, мгновение).

Остальные три фрагмента на рис. 3 представляют собой куски облицовки боковых плоскостей *сагана*. К сожалению, фрагментарность не позволяет сложить из имеющихся остатков букв (*د/ص/و/ح*) какого-либо слова. Почерк надписи *насх*, написанный без особых декоративных ухищрений.

Надписи второй группы. Эта группа фрагментов с надписями нанесена на керамических плитках в виде арочек, которые монтировалась на торцевых частях клиновидных наверший, венчавших надгробия-*сагана*. Они окантованы майоликовым узором. Буквы и часть узоров выведены белыми линиями на бирюзовом, темно-синем (или кобальтовом) фоне. Часть текстов утрачена. Диакритические точки расставлены нерегулярно. Почерк декоративный *насх* с элементами почерка *дивани*.

Для начала представим текст фрагмента эпитафии, найденного на городище Кетенлер. **Текст:**

زین جهان رفتیم و دل برداشتیم / با جهان در آن جهان بگذشتیم / این چنی
گفتم از دست اجل / ای دریغ کجا غلط بینداشتیم

Перевод: Ушли мы из этого мира и отказались от прежних желаний, / Переселившись из этого мира в другой мир, / Так говорим (сожалеем) только по причине смерти, / О, жаль, где же мы ошиблись?

Перед нами *марсийа*/надгробные стихи (точнее их часть). Она была опубликована Х. Есбергеновым с приблизительным переводом. Его предложения понимать этот текст с точки зрения му'тазилитской (рационалистической) идеологии и калама, и одновременно попытки толковать содержание в контексте истории суфизма в Хорезме не могут быть приняты во внимание.

Между тем, содержание текста (в полном соответствии с традицией жанра *марсийа*) связана с учением (идеологией) «*ал-када*» («*кадр/такдир*», «*сар-навишт*»), проповедующее божественную предопределенность событий в этом мире, что близко к обычным эсхатологическим представлениям как в религиозных догмах (в том числе и в исламе), так и в повседневной жизни. Представленная *марсийа* не найдена в доступной литературе.

Следует особо сказать об особенностях текстов на фрагментах надгробий, найденных на разных объектах *некрополя Миздахкана*. По содержанию и языку

они разделены на персо- и арабоязычные. Обратимся к персоязычным фрагментам. На одном из них, найденном на бугре *Джумарт кассаб*, повторен фрагмент вышеприведенной марсии: ... جهان بگذاشتیم / [این چنی گفتیم] از دست اجل / ای ...
На другом фрагменте с этого же мавзолея сохранилась часть *марсии*: ... رفت ...
ای مچو گل در شکفت / گل مندم شو (О, подобно цветку ты распустилась, / Останусь цветком, ты ... ушла ...).

Фрагменты, найденные на некрополе Миздакхан. На одном из них сохранилась часть даты смерти покойного/покойной, написанной цифрами: ۷۴۴ سنه
[да помилует его/ее] Аллах! [Умер ... числа] месяца *зу-л-хиджжа*, года 744 (22 апреля – 21 мая 1344 г.).

Любопытные наблюдения позволили сделать другие фрагменты этой же группы (рис. 4, 2). Перед нами части надгробных стихов. Однако практически ни одно из них не содержит полного (по крайней мере, завершеного) текста. Сравнивая части эпитафий, мы убедились, что, по крайней мере, два текста сходны по содержанию (условно № 1 – рис. 3, 1 и № 2 – рис. 6, 2). Однако во втором из текстов мы видим значительные сокращения, причем в ущерб содержанию, а значит и смыслу текста. Одновременно в более полно сохранившемся тексте № 1 тоже есть пропуски слов и букв, что не позволило прочитать текст полностью. Совершенно очевидным стало то, что художник-исполнитель текста № 2 пытался переписать свой «урезанный» текст, подражая тексту надгробия № 1 (или близкого к нему текста), но, не поняв содержания, пропустил буквы и слова. Сильно сократив, таким образом, текст, мастер превратил его фактически в эпитафический орнамент.

К такому же заключению мы пришли, изучая и сравнивая фрагменты следующих двух похожих тестов. Здесь подражательный характер надписи заметен еще больше, когда мастер, явно не понимая смысла персидских фраз, но будучи знакомым с арабскими буквами, пытался имитировать похожий прототип, импровизируя даже в оригинальном начертании букв.

Эти наблюдения привели нас к следующим важным выводам. Очевидно, что до изготовления этих четырех фрагментов существовали некие профессионально исполненные прототипы погребальных стихов (*марсия*) с полными текстами. Изготовители других надгробий, подражая прототипам, начертали, однако, только часть букв и слов, не сильно заботясь о содержании (поскольку, очевидно, не знали персидского языка), и поэтому превращали часть надписей в своеобразный эпитафический орнамент. Причем, обладая опытом и способностями художника и отчасти каллиграфа, мастера сумели довольно близко передать особенности почерка оригинала.

Такие же наблюдения мы сделали, изучая тексты фрагмента № 6, на котором мы видим текст на арабском языке. Здесь так же наблюдаются некоторые сокращения (меньше, чем в персидских текстах). На одном из них (рис. 2, 1) сохранилась благопожелательная молитва в честь умершего:

...وصل الی رحمہ ربہ... وصلی فی جوار جنۃ... الدوۃ اوس لکن طہ التوب عبدہ الراجی ...
(?) فصلہ الی اخی (?) الی دری

... да присоединит к милости его Господа ... и да поместит его в свой рай,
... райские сады. А поселившийся в этой могиле Его раб, уповающий ... на Твою щедрость.

В целом, представленный комплекс фрагментов может быть датирован концом XIII-началом XIV веков. Можно уверенно говорить о сложившейся школе декоративного оформления малых архитектурных форм, к которым могут быть отнесены надгробия типа *сагана*, некогда украшенные представленными фрагментами декоративных деталей. Тексты, судя по их палеографии, писались мастерами высокого класса, имеющими серьезные навыки в написании такого рода текстов. Однако не всегда и не все из них понимали персидские и иногда арабские тексты и писали *марсия* в виде подражаний прототипам, составленными более грамотными мастерами и каллиграфами.

Архитектурный декор средневекового Хорезма можно рассматривать как самые показательные примеры возрождения декоративного искусства после монгольского нашествия. Формируются свои местные хорезмские школы мастеров архитектурного декора, как по видам изделий, так и по роду производства. Возникает целая индустрия керамического производства для нужд архитектурно-отделочных работ. Глазурью покрываются и сталактиты, изготовленные из керамической массы. Местными мастерами были выполнены хорезмийские майолики XIV в. (надгробия Наджмадина Кубра, Мазлумхан Сулу и др.).

Таким образом, изучение эпиграфики и архитектурного декора предоставили нам наглядные примеры, свидетельствующие о достаточно быстром возрождении культуры после монгольского нашествия, что, в частности, выразилось в восстановлении и обогащении прежних традиций в декоративном искусстве средневекового Хорезма. Кроме того, перед нами абсолютно надежные артефакты, которые помогают нам понять, что пост-монгольская реисламизация прошла успешно, но не только и даже не столько религиозно-обрядовом плане, сколько в культурологическом смысле.

Литература

1 Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // ЗКВ. – Т.V. – Ленинград, 1930. – С. 551-581.

2 Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – Москва-Ленинград. – Т. VI. – Вып. 2. Ленинград, 1930б. – С. 37-63 (в этой работе представлены чтения надписей на мавзолее Наджм ад-дина Кубра и минарета Кутлук-Мурада).

3 Некрасов А.А. Надписи на надгробиях мавзолея Мазлум сулу в Миздахкане // Записки коллегии востоковедов (ЗКВ) при азиатском музее АН СССР. – Т.V. – Изд. АН СССР, 1930. – С. 583-588.

4 Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – Москва-Ленинград: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. – 250 с.

5 Пилявский В.И. Ургенч и Миздахкан. – Москва: «Академия архитектуры СССР», 1948. – 71 с.

6 Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. – Ташкент, 1958. – 328 с.

7 Воронина В.Л. Неизвестные памятники Средней Азии // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. – Вып. 1. – Москва, 1950. – С. 84-90.

8 Томаев Г.Н. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии. – Москва: Издательство «Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре», 1951. – 120 с.

9 Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Туркмении // ТЮТАКЭ. – Т. 8. – Ашхабад: издательство АН Туркм ССР, 1958. – С. 11-217.

10 Ноткин И.И. Архитектура Средней Азии XIII-XIV вв. // Всеобщая история архитектуры. – Т. 8. – Москва, 1969. – С. 257-276.

11 Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. – Ч.2. – Берлин, Рига, 1997. – 232 с.

12 Армарчук Е.А. Декоративные надгробия Хорезма и Золотой Орды // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 408-430.

13 Гулямов Я.Г. Памятники города Хивы // Труды Уз филиала АН СССР. – Серия I, история, археология. – Вып. 3. – Ташкент, 1941. – С. 18-26

14 Воронина В.Л. Стиль надписей колонн соборной мечети в Хиве // Нумизматика и эпиграфика Востока. – № II. – Москва, 1960. – С. 80-88.

15 Рахманов А.Р., Бабаджанов Б. Медресе Ходжам-берды бия (Хурджум) и ансамбль у восточных ворот Ичан-калы (Хива) // Архитектура и строительство Узбекистана. – Ташкент, 1988. – № 5.

16 Ягодин В.Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. История, археология и этнография Средней Азии. – Москва, 1968. – С. 189-196.

- 17 Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. – Ташкент, 1970. – 255 с.
- 18 Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. – Москва, 1948. – 160 с.
- 19 Гражданкина Н.С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана. Архитектурное наследие Узбекистана. – Ташкент, 1960. – С. 47-59.
- 20 Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлум-сулу. Материалы исследования по истории и реставрации архитектурных памятников в Узбекистане. – Вып. I. – Ташкент, 1967. – С. 62-83.
- 21 Маньлов Ю.П. Отчет об археологических исследованиях в мавзолее Мазлумхан-Сулу в 1980 г. Архив отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР.
- 22 Юсупов К. Уникальный памятник архитектуры средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. – Вып. IV. – Ташкент, 1990. – С. 166-177.
- 23 Утегенова У. «Цветущий куфи» в оформлении Миздахканской мечети // Вестник ККО АН РУз. – Нукус, 1999. – № 2. – С. 47-48.
- 24 Утегенова У. Декор интерьера мавзолея Мазлумхансулу на Миздахкане (XIII в.) // Вестник ККО АН РУз. – Нукус, 1999. – № 1. – С. 52.
- 25 Утегенова У., Искандерова А. Фрагмент декора надгробий XIV в. Мавзолея Мазлумхан Сулу // Вестник ККО АН РУз. – Нукус, 2000. – № 3 – С. 69-70.
- 26 Уталиев С.А. Архитектурный декор памятников средневекового Хорезма (XII-XIV вв.). – Актобе, 2008. – 144 с.
- 27 Уталиев С.А. Орнаментальные мотивы городища Миздахкан – Улуса Джучи // Вестник Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева. – 2008. – № 5 (66) (Эл. вариант).
- 28 Отчет об археологических исследованиях Миздахканского археологического экспедиционного отряда. – Нукус, 1988 // Архив Института археологии АН РУз. Ф. 1, оп. 1.
- 29 Кдырнийзов М-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. – Нукус, 1989. – 177 с.
- 30 Кдырнийзов М-Ш., Кдырнийзов О-Ш. Архитектурно-планировочная структура средневековых городов Хорезма (X-XIV веков) // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 2011. – №3. – С. 151-156.
- 31 Коран в переводе И.Ю. Крачковского. – Москва: Восточная литература, 1963. – 715 с.
- 32 Есбергенов Х. Намогильные камни из Кетен-калы и Мазлумхан-сулу с надписями мутазилитского толка // Вестник КК ФАН УзССР. – Нукус, 1976. – № 2. – С. 75-81.
- 33 Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР D 1958 – 1961 гг. МХЭ. – Вып. 6. – М., 1963. – С. 3-90.
- 34 Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи // МХЭ. – Вып. 7. – М., 1963. – С. 73-97.

References

- 1 Yakubovskiy A.YU. Gorodishche Mizdakhkan. ZKV. T.V. – Leningrad, 1930. – S. 551-581.
- 2 Yakubovskiy A.YU. Razvaliny Urgencha // Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury. Moskva-Leningrad. – T. VI. – Vyp. 2. –Leningrad, 1930b. S. 37-63 (v etoy rabote predstavleny chteniya nadpisey na mavzoleye Nadzhm ad-dina Kubra i minareta Kutluk-Murada).
- 3 Nekrasov A.A. Nadpisi na nadgrobnyakh mavzoleya Mazlum sulu v Mizdakhkane // ZKV. – T.V. – Leningrad. – 1930. – S. 583-588
- 4 Denike B.P. Arkhitekturnyi ornament Sredney Azii. – Moskva, Leningrad, 1939. – 250 s.
- 5 Pilyavskiy V.I. Urgench i Mizdakhkan. – Moskva, 1948. – 71 s.
- 6 Pugachenkova G.A., Rempel' L.I. Vydayushchiyesya pamyatniki arkhitektury Uzbekistana. – Tashkent, 1958. – 328 s.

7 Voronina V.L. Neizvestnyye pamyatniki Sredney Azii // Materialy po istorii i teorii arkhitektury Uzbekistana. – Vyp. 1. – Moskva, 1950. – S. 84-90.

8 Tomayev G.N. Reznaya mayolikovaya mozaika v arkhitekture Sredney Azii. – Moskva, 1951. – 120 s.

9 Grazhdankina N.S. Drevniye stroitel'nyye materialy Turkmenii // TYUTAKE. – T. 8. – Ashkhabad, 1958. – S. 11-217.

10 Notkin I.I. Arkhitektura Sredney Azii XIII-XIV vv. // Vseobshchaya istoriya arkhitektury. – T. 8. – Moskva, 1969. – S. 257-276.

11 Khmel'nitskiy S.G. Mezhdru Samanidami i Mongolami. Arkhitektura Sredney Azii XI-nachala XIII vv. CH.2. – Berlin, Riga, 1997. – 232 s.

12 Armarchuk Ye.A. Dekorativnyye nadgrobiya Khorezma i Zolotoy Ordy // Sogdiytsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. – Sankt-Peterburg, 2013. – S. 408-430.

13 Gulyamov YA.G. Pamyatniki goroda Khivy // Trudy Uz filiala AN SSSR. Seriya I, istoriya, arkheologiya vypusk 3. – Tashkent: Izd. Fan. 1941. – S. 18-26.

14 Voronina V.L. Stil' nadpisey kolonn sobornoy mecheti v Khive // Numizmatika i epigrafika Vostoka. № II. – Moskva, 1960. – S. 80-88.

15 Rakhmanov A.R., Babadzhanov B. Medrese Khodzham-berdy biya (Khurdzhum) i ansambl' u vostochnykh vorot Ichan-kaly (Khiva) // Arkhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana. – №5. – Tashkent, 1988.

16 Yagodin V.N. K izucheniyu topografii i khronologii drevnego Mizdakhkana. Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii. – Moskva, 1968. – S. 189-196.

17 Yagodin V.N., Khodzhayov T.K. Nekropol' drevnego Mizdakhkana. – Tashkent, 1970. – 255 s.

18 Zasyupkin B.N. Arkhitektura Sredney Azii. – Moskva, 1948. – 160 s.

19 Grazhdankina N.S. Stroitel'nyye materialy mavzoleyev Mizdakhkana. Arkhitekturnoye naslediyе Uzbekistana. – Tashkent, 1960. – S. 47-59.

20 Filimonov V.M. Unikal'nyi pamyatnik grazhdanskogo zodchestva dvorets Mazlum-sulu. Materialy issledovaniya po istorii i restavratsii arkhitekturnykh pamyatnikov v Uzbekistane. Vyp. I. – Tashkent, 1967. – S. 62-83.

21 Manylov Yu.P. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v mavzoleye Mazlumkhan-Sulu v 1980 g. Arkhiv otdela arkheologii IYAL KK FAN UzSSR.

22 Yusupov K. Unikal'nyi pamyatnik arkhitektury srednevekovogo Mizdakhkana // Arkheologiya Priaral'ya. – Vyp. IV. – Tashkent, 1990. – S. 166-177.

23 Utegenova U. «Tsvetushchiy kufi» v oformlenii Mizdakhkanskoй mecheti // Vestnik KKO AN RUz. – №2. – Nukus, 1999. – S. 47-48.

24 Utegenova U. Dekor inter'yera mavzoleya Mazlumkhansulu na Mizdakhkane (XIII v.) // Vestnik KKO AN RUz. – №1. – Nukus, 1999. – S. 52.

25 Utegenova U., Iskanderova A. Fragment dekora nadgrobiy XIV v. Mavzoleya Mazlumkhan Sulu // Vestnik KKO AN RUz. – №3. – Nukus, 2000. – S. 69-70.

26 Utaliyev S.A. Arkhitekturnyi dekor pamyatnikov srednevekovogo Khorezma (XII-XIV vv.). – Aktobe, 2008. – 144 s.

27 Utaliyev S.A. Ornamental'nye motivy gorodishcha Mizdakhkan–Ulusa Dzhuchi // Vestnik Yevraziyskiy Natsional'nyy universitet im. L.N. Gumileva. – Astana, 2008. – № 5 (66).

28 Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Mizdakhkanskoego arkheologicheskogo ekspeditsionnogo otryada. Nukus, 1988 // Arkhiv Instituta arkheologii AN RUz. F. 1, op. 1.

29 Kdyrniyazov M-Sh. Material'naya kul'tura gorodov Khorezma XIII-XIV vv. – Nukus, 1989. – 177 s.

30 Kdyrniyazov M-Sh., Kdyrniyazov O-SH. Arkhitekturno-planirovochnaya struktura srednevekovykh gorodov Khorezma (X-XIV vekov) // Izvestiya NAN RK. – Seriya obshchestvennykh nauk. – №3. – 2011. – S. 151-156.

31 Koran v perevode I.Yu. Krachkovskogo. – Moskva, 1963. – 715 s.

32 Yesbergenov Kh. Namogil'nyye kamni iz Ketan-kaly i Mazlumkhan-sulu s nadpisyami mutazilitskogo tolka // Vestnik KK FAN UzSSR. – №2. – Nukus, 1976. – S. 75-81.

33 Tolstov S.P., Zhdanko T.A., Itina M.A. Raboty Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii AN SSSR D 1958-1960 gg. MKHE. – Vyp. 6. – M., 1963.

34 Yagodin V.N. Marshrutnye arkheologicheskiye issledovaniya v levoberezhnoy chasti Priaral'skoy del'ty Amudar'i // MKHE. – Vyp. 6. – M., 1963. – S. 73-97.

ИСКАНДЕРОВА А.Д.

Я. Гулямов атындағы Археология институты, Самарқанд

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ХОРЕЗМНІҢ ҚҰЛПЫТАС ЕСКЕРТКІШТЕРІНДЕГІ ЭПИГРАФИКА МЕН ЗЕРЛЕР

Түйін

Мақалада ортағасырлық Хорезмнің құлпытас ескерткіштеріндегі эпиграфикалық зерлер мен безендірілуі, әсіресе олардың құлпытастардағы көріністері мен ішінара сәулеттік зерлердегі жазулар сарапталады. Сәулеттік зерлердің эпиграфикалық нақыштағы көріністері Миздахкан қорымдары мен Кетен-қала қалашығының әр жерлерінен табылған. Қалашықтардың түрлі нысандарынан табылған құлпытастардағы мәтіндердің ерекшелігі олар мазмұны мен тіліне байланысты парсы және араб тілді деп бөлінеді. Қарақалпақстан Республикасының аумағынан табылған көріністердің кешені XIII ғ. соңы – XIV ғ. басы мерзімімен белгіленуі мүмкін.

Ортағасырлық Хорезмнің құлпытас ескерткіштеріндегі сәулеттік зерлендіруді моңғол шапқыншылығынан кейінгі зерлік өнердің қайта жандануының көрнекті мысалы ретінде қарастырады. Сәулеттік зерлеу шеберлерінің бұйымдардың түрі бойынша да, өндіру түрі бойынша да жергілікті хорезмдік мектебінің қалыптасқандығы анық байқалады. Сәулеттік-өңдеу жұмыстарының қажеттілігі бойынша тұтас бір күйіктас (қыш) өндірісінің индустриясы қалыптасқан. Күйіктастан (қыштан) дайындалған тассүңгілер де жылтырақтармен жалатылады.

Түйін сөздер: Хорезм, ортағасыр, сәулеттік зерлеу, эпиграфикалық жазулар, XIII-XIV ғасырлар, жылтырақпен әшекейлеу, көркемқыш, кашин, сағана, көркем суретті өрнек.

ISKANDEROVA A.D.

Ya. Gulyamov Institute of Archaeology, Samarkand, Uzbekistan

EPIGRAPHY AND DECOR ON THE TOMBSTONES OF MEDIEVAL KHOREZM

Summary

The analysis of the epigraphic decor and decoration of funerary monuments of medieval Khorezm sites, basically, fragments of tombstones and partly the architectural decoration with inscriptions is given in the article. Fragments of architectural decoration with epigraphic ornaments have been found in various places of the necropolis of Mizdahkan and Keten-Kala site. The peculiar features of texts on the fragments of tombstones found on different objects at sites are divided into Persian and Arabic in content and language. The given complex of fragments found in the territory of the Republic of Karakalpakstan can be dated to the late 13th - the early 14th century. The architectural decor of medieval Khorezm can be regarded as the most significant examples of the revival of decorative art after the Mongol invasion. The local schools of Khorezm masters of architectural decoration, types of products and the nature of production were formed. The whole industry of ceramic production for the needs of architectural and decorating had originated. The stalactites made of ceramic were glazed as well.

Keywords: Khorezm, medieval, architectural decoration, epigraphic inscriptions, 13-14 century, glaze, majolica, Kashin, Sagana, painting.

ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
RESEARCHES OF YOUNG SCHOLARS

ӘОЖ 314.14(574)

ТАЛДЫБАЕВ Ж.

Астана қаласы бойынша құқықтық статистика және арнайы есеп
комитетінің басқарма бөлімінің прокуроры

ҚАЗАҚ ХАЛҚЫ: ӘЛЕУМЕТТІК ҚҰРАМЫНДАҒЫ ТАРИХИ
ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР (1926-1959 жж.)

Аннотация

Мақалада 1926 және 1959 жж. аралығындағы қазақ халқының әлеуметтік құрамындағы тарихи демографиялық өзгерістер қарастылады. Онда, ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамы, жұмысшылар арасындағы қазақтардың саны мен үлесі және қазақ интеллигенциясының саны мен құрамы зерттеу аралығындағы жылдарға сәйкес санақтар мен статистикалық мәліметтерге сүйеніп, мұрағат құжаттарының негізінде және тарихи демографиялық бағыттарында қарастырылған еңбектер мен ғылыми зерттеулерді қарастыру арқылы жазылған. Демек, ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамында ауыл тұрғындары арасындағы қазақтардың әлеуметтік топтарға бөлінуі, болыс, бай, шаруа, орта шаруа, кедей, жалшы, батырақ, бөлім меңгерушісі, ұжымшаршы шаруалар, кеншар жұмысшылары, ауыл қызметкерлерінің білім деңгейлері және еңбек ету жолдары мен тұрмыс тіршілігі демографиялық жағынан жан-жақты қарастырылған. Сонымен бірге, жұмысшылар арасындағы қазақтардың саны мен үлесінде, республика көлеміндегі өндіріс орындары мен фабрика заводтардағы мамандықтардың әр түрлі салалары бойынша қазақ жұмысшыларының қалыптасып, білім деңгейлері және саны мен үлесінің артып келе жатқандығы көрсетіледі. Сондай-ақ қазақ интеллигенциясының саны мен құрамы әр түрлі мамандықтардың салалары бойынша қарастырылып, оларды жекелеген топтарға бөлу бағытымен білім деңгейлері ғылыми талдаулар арқылы көрсетілген. Қазақстандағы саяси қуғындаулар мен репрессиялық зобаландарға ұшыратылған қазақ интеллигенциясының сандық құрамы және тағдыры мен тағлымына демографиялық жағынан талдаулар жасалып, зерттеулерге толы, сандық деректер мен жүйеленген іспетті ғылыми негізде баяндалады.

Түйін сөздер: халық, ғылым, білім, тарих, демография, әлеумет, құрам, ауыл, жұмысшы, интеллигенция, сан, пайыз, үлес, санақ, мұрағат, дерек, мағлұмат, тұжырым, қуғындау, репрессия, маман, кәсіп.

1926 және 1959 жж. аралығындағы қазақ халқының өмір сүрген жолдарындағы кеңестендіру кезеңінің қасіретті тарихын демографиялық жағынан алып қарастырғанда тарихи демографияның назар аударатын салаларының бірі халықтың әлеуметтік құрамы болып табылады. Демек, қазақ халқының әлеуметтік құрамы үш бағыт негізінде мысалы, ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамы, қазақтардың жұмысшылар қатарын толықтыруы және қазақтардың интеллигенция қатарындағы саны мен құрамы делінген мәселелер бойынша тарихи демографиялық тұрғыдан қарастыруды қажет етеді. Зерттеу аралығында республиканың ауылдық жерлерінде (тұрмыс-тіршіліктерінде өзгерістер болып, бұрын көшпелі шаруашылық пен айналысқан қазақтар отырықшылыққа көшіп, олар қоғамдық серіктестіктерге бірігу арқылы кеншарлар мен ұжымшарлардың құрамына кіріп, енді олар егіншілікпен айналыса бастаған) тұратын қазақтардың әлеуметтік құрамын дерек мәліметтері көрсеткендей, олар ұжымдастыру жылдарында мал шаруашылығын дәстүрге айналдырған болыстар, байлар,

ауқаттылар, батырақтар, жалшы және тағы да басқаларға бөлініп, қазақ шаруаларының ішінде орташа шаруалар мен кедей шаруалардың айырмашылығы бір екі мал мен бірнеше пұт астық қана болғанын, сонымен бірге ауылдарда мамандықтардың салалары бойынша, арнайы бөлімдерде оқып, білім алған, қазақ жұмысшыларының (оның ішінде ерлер мен бірге әйелдер қатарының да өсе бастағанын) қалыптасып келе жатқанын байқаймыз. Ал жұмысшылар арасындағы қазақтардың саны индустрияландыру жылдарында ауылдардағы қиын жағдайлардан қалалардағы фабрика заводтар мен өндіріс орындарына келулеріне байланысты өскенін, сонымен жұмыс орындарының әртүрлі салаларындағы жұмысшылардың арасында жұмыс істейтін қазақтардың қатарының көптеген мамандықтарды көру, үйрену, олар туралы арнайы курыстарда оқып білімдерін жетілдіру арқылы, оның салалары бойынша санының өсіп келе жатқанын, олардың арасында қазақ ерлерімен бірге әйелдерінің де қатарында демографиялық өсім бар екенін көреміз. Енді интеллигенция тарихын мамандықтардың түрлері бойынша ой еңбегімен айналысатындардың сандық көрсеткіштерін тарихи демографиялық тұрғыдан талдаулар арқылы, олардың арасындағы қазақтардың саны мен құрамын анықтап білу үшін топтарға бөлу негізінде салыстырмалы түрде ғылыми пайыздық есептемелер жүргізіп, мамандықтардың әртүрлі салары бойынша өсіп келе жатқанын, орта немесе жоғары білімі барларын анықтауды, олардың қатарында қазақ ерлерімен бірге әйелдерінің санында да өсім бар екенін, қазақ азаматтары мен қоғам қайраткерлерінің қуғындаулар мен репрессияларға ұшырау мәселелерінде олардың бастарынан өткізген қиын да қасіретті тағдырларының аяқ асты болып, кейбіреулерінің есімдері әлі күнге дейін өз орындарын таппай мұрағат сөрелерінде қала беруі және бұрынғы интеллигенцияның құрамы қазақ жұмысшылары мен шаруаларынан құралса, кейін олардың қатары республикамыздағы мәдени, оқу ағарту мәселелерінің дамуларына байланысты орта және жоғары оқу орындарында білім алған, тәжірибелі мамандық иелері болғанын тарихи демографиялық тұрғыдан ғылыми салыстырмалы талдаулар негізінде зерттеулер жүргізу бойынша қарастырамыз.

1926 ж. 25 тамызында шағын ауылдық кеңестерді ірілендіру жөнінде Қазақ Орталық Атқару Комитетінің қаулысы қабылданды. Бұған дейін Қазақстандағы 407 болыстың 215-і қазақ, ал 108-і орыс болыстары болды. Ауылдық кеңестерді ірілендіру қазақ ауылдарында 150 түтіннен немесе 750 адамның негізінде жүргізілсе, орыс болыстарының кеңесінде 1500 адамнан, яғни 300 қожалық біріктірілуге тиіс болды [1].

Қазақстан территориясын аудандастыру арқылы құрылған 3888 жергілікті кеңестің ішінде қазақ ауылдық кеңестері 2199 болса, онда республикадағы қазақтардың 56,7 пайызы тұрды, ал 1209 орыс селолық кеңесінде 31,0 пайыз орыс тұрғындары біріктірілді [2].

Сонымен ауыл тұрғындарының арасында қазақ халқының әлеуметтік құрамы бойынша 1926 ж. республикадағы ұжымдастыру кезеңінің қарсаңында қазақтардың 98,0 пайызы шаруалардың әлеуметтік тобына жатса, ал орыстарда бұл көрсеткіш 78,0 пайызға жеткен екен.

1928 ж. қазақ ауылында мал шаруашылығындағы кедейлер 51,0 пайыз, орташалар 44,0 пайыз, байлар 7,0 пайыз болды. Бұған дейін 700-ге жуық ірі бай шаруашылықтары тәркіленіп, олардың мал-мүлкі кедейлерге үлестірілген [3]. Қазақ ауылында мүлде малы жоқ жалшы да кездеседі. Жалшылардың 15354 адам екені тәркіленген малдарды тарату кезінде анықталды. Осы жылғы мәлімет бойынша 1218 мың қожалықтың 65,8 пайыз қазақ шаруаларынан құралып: орташалар – 52,5 пайызға, кедей шаруалар – 32,6 пайызға жеткен болса, орташа мен кедейдің айырмасы бір екі мал мен бір неше пұт астық қана еді. Бірақ шын мәнінде қазақ ауылындағы әлеуметтік топтар әрқашан бай шаруашылықтарға тікелей қатысты болды. 1929 ж. қазақ ауылындағы кедей мен батырақ халықтың 60,0 пайызға жуығы болса, 1929 ж. қазақ батырақтары 130 мың болған екен.

Қазақстанда ауыл шаруашылығы еңбеккерлері қатарында қазақтардың үлес салмағының өскендігін 1926-1927 жж. ауылдарағы кооператив қозғалысының қарқынынан байқаймыз. 1926 ж. 1 қазанында кооперацияларға біріктірілген шаруалардың саны 174521 адам болып, республика халқының 3,6 пайызын құраған болса, ұлттық құрамында қазақтар – 45,7 пайыз, ал басқа ұлт өкілдері – 35,2 пайыз болған екен. Олардың кооперативке кіргендерінің әлеуметтік құрамында: кедейлер – 43,9 пайыз, орта шаруалар – 33,2 пайыз, ауқаттылар – 3,3 пайыз болды [4].

1927 ж. 1 қазанында кооперативке біріккен шаруалардың әлеуметтік құрамында: кедейлер – 50,9 пайыз, орташалар – 39,9 пайыз, ауқаттылар – 9,2 пайыз болып, олардың ұлттық құрамында: қазақтар – 47,0 пайыз, ал басқа ұлт өкілдері – 53,0 пайыз екен.

Зерттеу аралығында ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамындағы өзгерістерді ұжымшарлар мен кеншарлар құрамындағы қазақ еңбеккерлерінің әлеуметтік құрамынан байқаймыз. Мәселен, 1926 ж. республикадағы ұжымшарлар 1007 болып, оның қатары 1959 ж. 3,2 есеге кемісе, ал кеншарлар саны 18-ден 881-ге өскен болатын [5].

1926-1928 жж. аралығында 1940 ұжымшарларға 22206 шаруалар қожалықтары біріктірілсе, олардың 3,4 пайызы қазақ, ал 48,0 пайызы орыстардан құралған ұжымшарлар еді. 1927 жылмен салыстырғанда бұл қазақтардың ұжымшарларға кіруі 8,5 пайызға кемісе, ал басқа ұлттар қатары 8,5 пайызға көбейген. Олардың әлеуметтік құрамында кедей, жалшылар қатары көбейіп, орташалар үлесі 47,0 пайыз, ауқаттылар 3,1 пайызға азайды.

1927 ж. Алматы ұжымшар басшыларын дайындау бөлімінде 42 адам оқытылса, олардың 27-сі қазақ, ал 14-і орыс болған. Ал 1929 ж. Алматы мен Талдықорғанда ұйымдастырылған ұжымшар басшылары мен есепші мамандарды даярлау бөліміне оқуға келген 18 бен 50 жастан жоғарылардың ішінде 25 қазақ білімін мұсылманша төменгі деп көрсеткен екен [6].

1931-1932 жж. ауылдағы қазақ халқының барлығы ұжымшарларға кіріп, бір бөлігі кеншарлар мен МТС-терде жұмыс істеді. Яғни еңбекке жарамсыз жасы ұлғайғандар болмаса, республиканың ауылшаруашылығында 824 мың қазақ еңбек етті. Ауыл қазақтары ендігі жерде техникалық мамандықтарды үйреніп, оның қыр сырын меңгеруге көшті. Мәселен, 1932 ж. дайындалған 1788 трактористің 58,0 пайызы еркек, 42,0 пайызы әйел болса, оның 45,0 пайызы қазақ, 55,0 пайызы орыс екен, 195 жүргізушінің 6,0 пайызы қазақ, 94,0 пайызы орыс, 1058 комбайншылардың 51,0 пайызы қазақ, 49,0 пайызы орыс, 684 штрмвалшының 55,0 пайызы қазақ, 45,0 пайызы орыс еді. Ал дайындалған механизаторлардың 63,8 пайызы еркек, 36,2 пайызы әйел, оның 48,9 пайызы қазақтар, 51,1 пайызы орыстар болды [7].

1933-1934 жж. ұжымшар өндірісіндегі әртүрлі мамандықтарын игеру үшін 46,3 мың ұжымшаршы білімін көтерсе, оның жартысына жуығы қазақтар болды. 1934 ж. дейін 89 мың адам механизатор мамандығын үйренсе, оның 40,0 пайызы қазақтар еді. Сонымен бірге қазақ әйелдері 1935 ж. ұжымшарлардағы барлық жұмысшы күштерінің 45,0 пайызын, ал кейбір жерлерде 70,0 пайызын құрады.

1929 ж. ашаршылыққа ауысқан 60 мың қазақ кеншарларға кірсе, 1931 ж. 10 мыңға таяу қазақ көшпенділері мал шаруашылығы кеншар жұмысшылары қатарында жұмыс істеуге көшті [8]. Сөйтіп, ауыл жұмысшыларының қатарын көбейтуге кешегі көшпелі тұрмыстан қол үзіп отырықшылыққа ауысқан қазақтар қатарының көбеюі өзіндік әсерін тигізді. Жекелеген мамандықтар ішінде табыншы, қойшы мен басқадай жұмыстарда қазақтар 60-70 пайызға жетсе, комбайншылар 50,0 пайыздан астам, трактористер 30,0 пайыз, шоферлер 12,0 пайыз болды. Сондай-ақ, қазақ табиғатына жат кейбір жұмыстың түрі әлі де сіңісе қоймағаны көрінеді. Мәселен шошқа бағушының 1,0 пайызы ғана қазақ болғаны соны аңғартады.

Ауыл шаруашылығындағы орта буынды мамандардың әлеуметтік құрамындағы

қазақтардың үлесі өзге ұлттарға қарағанда төмен деңгейде тұрды. Мәселен, 20-шы жылдардың аяғында ауыл шаруашылық оқу орындары мен курстарда оқығандардың 40,8 пайызы қазақтар болған. 1930 ж. республикамыздағы 16 кеншар техникумында 1700 адам оқып шықса, оның 15,8 пайызы, немесе 1932 ж. оқу бітірген 3441 адамның 19,1 пайызы қазақтар еді. Ал осы жылы 18 кеншар училищені 1800 қазақ оқып бітірсе, және 5 қазақ ауыл шаруашылығы мамандарын даярлайтын әртүрлі курстарда оқыды. Сонымен бірге мал шаруашылығына қажетті мамандарды, соның ішінде қазақ мамандарын даярлауда бұл жылдары Қарағанды, Шығыс Қазақстан, Қостанай, Оңтүстік Қазақстандағы трестер алдыңғы қатарда болды.

1933 ж. 1 қаңтарында Республиканың кеншарларындағы тұрақты ауыл жұмысшылары 62601 болса, ал 1934 ж. 1 қазанында олардың қатары 90960-қа өскен. Оның ішінде қазақтар осы аралықта 55,4 пайыздан 55,0 пайызға кемісе, олардың арасында қазақ әйелдері 42,8 пайыздан 51,4 пайызға көбейген еді. Сонымен бірге қазақ мамандарының басым бөлігі ауыл шаруашылығында еңбек етіп, 1935 ж. 1 қаңтарында кеншарлар мен МТС-терде 79195 қазақ еңбеккерлері болған.

1935 ж. көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылықтағы 400 мың қожалық отырықшылыққа көшіп, олардың 40 мыңнан астамы қазақ ауыл шаруашылығы кәсіпорындары мен кеншарларға орналасып, қазақ жұмысшылары қатарын толықтырды.

1936 ж. ауыл шаруашылығындағы 161,8 мың адамның 55,2 пайызы қазақтар болып, оның ішінде кеншар мен МТС-тердегі 136 мың жұмысшының 57,2 пайызы қазақ ұлтынан болса, 1927 ж. бұлардың қатарындағы қазақтар 33,3 пайыз болған. Ал ауылда орман және балық шаруашылығындағы қазақтар саны 1927 ж. 48,9 пайыздан, 1936 ж. 55,2 пайызға өскен.

1934-1940 жж. мамандарды дайындау мен оқыту курстарын 50 мың қазақ бітірсе, ал 1937-1940 жж. ұжымшарлардың мамандығын жетілдіру мектебін 5,7 мың қазақ оқып бітірді. 1937 ж. ұйымдастырылған ұжымшар қызметкерлерінің мамандығын көтеретін орындарда 1938 ж. 5,7 мың ұжымшар төрағалары, бөлімше менгерушілері мен бригадирлер даярланса, оның 2 мыңы қазақтар мен қазақ әйелдері еді. 1938 ж. ұжымшар қызметкерлерінің мамандығын жетілдіретін, оқу мерзімі 3 айлық 11 оқу орны ұйымдастырылса, оны 3421 ұжымшаршы бітірген болса, демек олардың 70,8 пайызы қазақтар, ал 15,6 пайызы орыстар еді [9].

1939-1959 жж. Қазақстанда өндіріс пен техниканың дамуына байланысты ауыл шаруашылығында өзгеріс болды. Яғни республика бойынша ауыл шаруашылығындағы жұмысшылар мен қызметкерлер саны 1939 ж. 1075253 болса, оның қатары 1959 ж. 1113199-ға өсіп, ерлері 51,0 пайыздан 54,7 пайызға өссе, ал әйелдері 49,0 пайыздан 45,3 пайызға кеміген еді. Олардың арасында қазақтар 610529-дан 485101-ге төмендеп, ерлері 34,7 пайыздан 55,0 пайызға артса, әйелдері 65,3 пайыздан 45,0 пайызға азайған болса, ал орыстарда бұл көрсеткіш 226654-тен 271931-ге жоғарлап, ерлері 44,0 пайыздан 55,5 пайызға артса, әйелдері 56,0 пайыздан 44,5 пайызға кеміген екен. Сондай-ақ кеншар жұмысшыларының саны 58 мыңнан 85 мыңға өссе, ұжымшаршы шаруалар саны 1939 ж. 2,9 миллион адамнан 1959 ж. 1,9 миллион адамға дейін кеміп, ал оның үлес салмағы екі еседен астам, демек 47,5 пайыздан 20,7 пайызға дейін қысқарды. Бірақ ұжымшаршы шаруалар ауылшаруашылығында еңбек ететін халықтардың арасында әлі де басым (52,5 пайыз) болды. Сонымен бірге жеке шаруалар кооперацияларға кірмеген майдагерлер 1,3 пайыздан 0,1 пайызға азайған. Демек, осы аралықта кеншарлардағы қазақ жұмысшыларының саны өссе, ал ұжымшаршы қазақ шаруаларының қатары 63,0 пайыздан 40,0 пайызға дейін төмендеді [10].

Ауыл еңбеккерлерінің арасында жұмыс істейтін қызметкерлердің саны 1939 ж. 40812 болса, ал олардың қатары 1959 ж. 48193-ке жетіп, оның ерлері 91,0 пайыздан 93,0 пайызға өссе, әйелдері 9,0 пайыздан 7,0 пайызға кеміген еді. Енді олардың

ішінде қазақ қызметкерлері 22002-ден 48193-ге артып, ерлері 92,1 пайыздан 96,0 пайызға жоғарлап, әйелдері 7,9 пайыздан 4,0 пайызға азайған болса, ал орыс қызметкерлерінің қатары 9392-ден 10144-ке көбейіп, ерлері 88,4 пайыздан 88,4 пайызға төмендеп, әйелдері 11,6 пайыздан 11,9 пайызға өскен екен.

Сонымен бірге 1959 ж. ауыл шаруашылығы қызметкерлерінің арасында қазақ агрономдары 47,9 пайыз болса, ал зоотехниктер қатары 26,2 пайыз болған еді.

Осы жылдары республикамызда ауылшаруашылығы мамандарын даярлайтын орта және жоғары оқу орындарының көптен ашылып, олардан оқып білім алғандардың арасында қазақ мамандарының саны мен сапасы өсті. 1939 ж. қазақтар арасынан ұжымшар басшыларын дайындайтын 5 орын ашылса, онда 1940 ж. 400 қазақ оқып бітірді. Сонымен осы жылы Алматы мал дәрігерлік институты студенттерінің ортасында қазақтардың үлес саны 12,0 пайыз болса, осы оқу орнына 1939-1940 жж. 1 курсқа қабылданған 2675 студенттердің 38,3 пайызы қазақтар болып, олардың арасында оқыған қазақ қызы 28,0 пайыз еді. 1946 ж. ауыл шаруашылығы институты студенттерінің 26,0 пайызын қазақтар құраған екен [11].

Петропавл ауыл шаруашылық техникумында 1947 ж. 8,0 пайыз, ал Павлодардағы ауылшаруашылық техникумында оқығандардың 48,0 пайызы қазақтар еді. Демек, ауылшаруашылық техникумдары 1920-1960 жж. аралығында 25 мың жастарды әртүрлі салалар бойынша оқытып шығарса, олардың үштен бірі қазақтар болды. Сонымен бірге елуінші жылдардың аяғында 10 жастан асқан 1000 ауыл тұрғындарындағы жоғары білімділер: қазақтарда 7, ал орыстарда 12-ден келген еді.

Енді ауылшаруашылығындағы жұмысшылардың саны мен құрамына келсек, олар 1939 ж. 1066800-ге жетіп, олардың саны 1959 ж. 1085471 болған екен. Оның ерлері 50,0 пайыздан 53,5 пайызға артса, әйелдері 50,0 пайыздан 46,5 пайызға азайған еді. Олардың арасында қазақ жұмысшыларының саны 596214-тен 473230-ға кеміп, ерлері 54,4 пайыздан 53,4 пайызға азайса, әйелдері 45,6 пайыздан 46,6 пайызға өскен болса, ал орыс жұмысшыларының қатары 253301-ден 267610-ға жоғарлап, ерлері 50,3 пайыздан 55,0 пайызға көбейсе, әйелдері 49,7 пайыздан 45,0 пайызға кеміген екен [12].

Сонымен ұжымдастыру және индустрияландыру жылдары мен соғыс кезеңінде ауыл еңбеккерлерінің арасында қазақтардың жұмысшыларына қарағанда ұжымшарларының саны анағұрлым басым болса, ал тың игеру жылдарында ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамында ұжымшаршылар саны кеміп, керісінше қазақ жұмысшыларының қатары артып келе жатты. Мысалы, Қазақстандағы белгілі бір кәсіппен айналысатын ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамын салыстырсақ 20-шы жылдардың аяғында қазақ жұмысшылары мен қызметкерлері ауыл еңбеккерлерінің 37,0 пайызын құраса, ал олардың қатары 1959 ж. 60,0 пайыз болған. 1947 ж. ауылдағы қазақ жұмысшыларының саны 20,9 пайыз болса, олар 1959 ж. санақ мәліметі бойынша 49,0 пайызға көтерілген. Осы 12 жылда қазақ қызметшілерінің саны 9,6 пайыздан 15,4 пайызға өсті. Ал қазақ ұжымшаршылары ауыл халқының 35,5 пайызын, яғни үштен бірін құраған еді. Демек, 1959 ж. республикадағы ауыл жұмысшыларының 40,0 пайызын қазақтар, ал 39,8 пайызын орыстар құрады [13]. Бұның өзінен ауыл қазақтарының әлеуметтік құрамындағы демографиялық өзгерістерді ғана емес, әсіресе ауыл шаруашылығы саласындағы жұмысшылар мен қызметкерлердің өзіндік үлес салмағының артқандығын көреміз. Сонымен бірге кеншарлардағы қазақ мамандарының қалыптасуын және жеке мамандықтар бойынша санын салыстырсақ ауыл еңбекшілерінің жартысынан астамы қазақтар екенін байқаймыз.

1926 ж. Бүкілодақтық халық санағының қорытындысы бойынша Қазақстандағы жұмысшылардың саны 152 мың адам болып, яғни оның 62 мыңы ауыл шаруашылығында, ал қалған 90 мың жұмысшылары өнеркәсіптерде, транспорт пен байланыста, яғни республиканың балық шаруашылығының әр түрлі салаларында

жұмыс істеді [14, с.15.]. Сонымен 1927 ж. 1 қаңтарында барлық жұмысшылар мен қызметкерлердің саны 215 мың 972 адам болып, олардың құрамындағы қазақтардың саны 66 мың 347 болса, демек үлесі 30,7 пайызды құраған еді. Енді осы жылы Республиканың халық шаруашылығындағы жұмысшылардың арасындағы қазақ жұмысшыларының тарихи демографиялық қалыптасуын салалар бойынша алып қарастырсақ: өнеркәсіптегі 15072-нің 17,7 пайызы, құрылыстағы 850-дің 8,1 пайызы, транспорттағы 18601-дің 8,3 пайызы, соның ішінде теміржолдағы 16145-тің 7,7 пайызы және басқалары 2456-ның 12,7 пайызы, сауда және кредиттегі 11856-ның 8,3 пайызы, мекемедегі 1433874-тің 14,6 пайызы, ауылда, орман және балық шаруашылығындағы 63472-нің 48,9 пайызы, соның ішінде кеншар және МТС-тегі 3452-нің 33,3 пайызы, басқа салалардағы 62247-нің 34,5 пайызы қазақтар болған екен [15].

Көрсетілген жылдардан бастап республикада теміржол, және әр түрлі өндіріс құрылыстарының салынуы жұмысшылардың, олардың арасында қазақтардың санының өсуіне, әсіресе әлеуметтік құрамының өзгеруіне зор ықпалын тигізді. 1926-1927 жж. өлкелік және жергілікті өнеркәсіптерде 240, ал одақтық деңгейдегі кәсіпорындарында 161 қазақтар жұмыс істеді. Демек, осы жылдардың өзінде қазақ жұмысшыларының саны көбейіп: Қарсақпайда 50 пайыздан астам, Ембі мұнай кәсіпшілерінде 50,9 пайыз, Түркісіб құрылысында 34 пайыз болды.

1928 ж. Қазақстан халық шаруашылығында 585540 адам еңбектенсе, олардың 39,7 пайызы қазақ жұмысшылары мен қызметкерлері болды. Үкімет тарапынан қабылданған дерективада темір жол құрылысындағы жұмысшылардың 50,0 пайызы қазақтардан алынатын болсын деп атап көрсетілді. Соның нәтижесінде 1928 ж. темір жол мен құрылыстағы 20674 жұмысшы мен қызметшінің 22,2 пайызы қазақ жұмысшылары болды. Ал осы жылдың 1 қаңтарында Ташкент теміржолы жұмысшыларының 12,4 пайызы қазақтар еді.

1929 ж. Түркісіб жұмысшыларының саны 18 мыңнан 21 мыңға дейін, 1929 ж. 30 мыңға дейін жеткен. Ал қазақ жұмысшылары 17,0 пайыздан 35,0 пайызға, оның ішінде төселген жұмысшылар саны 2,0 пайыздан 15,0 пайызға дейін, ал мамандығы жоқ қазақ жұмысшылары 35,0 пайызбен 50,0 пайыз аралығында болды. 1929 ж. 15 мамырынан 22 желтоқсанына дейін Семейде ашылған бөлімдерде әртүрлі құрылыс мамандықтары бойынша 424 жұмысшы даярланған, олардың 66,5 пайызы қазақтар, 14,1 пайызы орыстар екен [16, с. 95]. Осы жылдың 1 желтоқсанында 6958 жұмысшы арнайы даярлықтан өткізілсе, оның 31,1 пайызы қазақ жұмысшылары болған.

Құрылысты салу барысында қазақ темір жолшыларды даярлау да қолға алынды. Мысалы, Түркісібтің оңтүстік батысындағы Шу станциясында ашылған жедел оқу бөлімдерінде 1929 ж. кондукторлар, болатшылар, май жағушылар және тағы да басқа барлығы 148 қазақ жұмысшылары даярланды [17].

Республиканың халық шаруашылығының барлық салаларында істейтін қазақ жұмысшыларының саны 1929 ж. қаңтар айында 3,3 мыңға жеткен. Оның өндірісте жұмыс істейтіндердің өсу қарқыны осы жылы 16543 жұмысшының 28,5 пайызы қазақтар болып, ал өнеркәсіптердегі қазақ жұмысшылары 25,5 пайызға дейін өскен.

Қазақ жұмысшыларының кәсіптік деңгейі мен білімін жетілдіру үшін тәжірибелі мамандарға үйренуші ретінде тіркеу әдісі кеңінен өрістетіліп, 1929 ж. осы әдіспен 5420, ал 1930 ж. 3540 маман қазақ жұмысшылары даярланды.

Қазақ жұмысшы мамандарына деген сұранысты өтеу үшін оларды оқыту ісіне көптеп көңіл бөлінді. Мәселен, 1930 ж. мұнайшыларды дайындау үшін Доссор мұнай техникумы мен ФЗУ-дағы 916 оқушының 65,5 пайызы қазақ жастары еді. Ембі мұнай тресінде 516 жұмысшы дайындықтан өткізілсе, оның 51,8 пайызы қазақ жұмысшыларының қатарын толықтырды. Сонымен 1930 ж. 1 қазанында Ембі мұнай кәсіпшілігінде еңбек ететін 3033 жұмысшының 57,7 пайызы қазақтар болған.

Көрсетілген жылдардан бастап жас қазақ жұмыскерлері Москва, Ленинград, Донбас, Орал, және тағы басқа қалалардың ірі өндіріс орындарында тәжірибе үйреніп келуге жіберіліп отырды. Сөйтіп Москва облысы өнеркәсібінің Қазақстан өнеркәсібін қамқорлыққа алу жөніндегі келісімі арқылы тәжірибелі мамандарын жіберді. Бұл әдіс – тәжірибе қазақ жұмысшыларының техникалық деңгейлерін көтеруге жағдай жасады. Мысалы 1931 ж. 117 қазақ жұмысшы Донбасқа кен өндіру ісін үйренуге жіберілді.

1931 ж. бастап Түркістан-Сібір темір жолында мамандардың шеберлігін арттыру үшін қайта оқыту жұмыстары жүргізіле бастады. Осындай жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде, бір жыл ішінде 383 темір жолшылар мамандығын жетілдірсе, олардың 22,0 пайызы қазақтар еді [16, с. 102]. Сонымен қатар 1931 ж. Түркісіб құрылысында істеген 21048 жұмысшылардың 37,4 пайызы қазақтар болған. Демек, көрсетілген мысалдардан республика жұмысшы тобының, оның арасында қазақтардың әлеуметтік құрамындағы сапалық өзгерістер олардың шеберлік деңгейінің өсуіне де себеп болғандығын көреміз.

1931 ж. Қазақстаннан Кузбасқа 10 мың қазақ барған. Алғашқы кезде олар жер қазушы, тасушы болып орналасқан, ал 1932 ж. кокс цехында 370, Қапал құрылысында 325, мартен цехында 154 қазақтар жұмыс істеді. Яғни 1931 ж. Кузбасқа келген жұмысшылардың 13,7 пайызы қазақтар болса, 1933 ж. дейін 30 мың қазақ келген, оның 15 мыңы кеншарларға жіберілген. Ал 1932 ж. Москваға түсті металлург институтына 75 қазақ жастары жолдама алып, оқуға жіберілген.

Жеңіл өнеркәсіптегі қазақтардың үлес салмағы басымдау болып, 1933 ж. тоқыма өнеркәсібіндегі қазақтар 75,3 пайызға, тері илеу саласында 32,9 пайызға көтерілген. Ал жалпы өнеркәсіп саласындағы қазақтардың саны 1934 ж. 63,0 пайыз болған. Бір ғана Қарғалы шұға комбинатындағы жұмысшылардың ішінде қазақтар 77,1 пайыз болса, жекелеген мамандықтар арасында қазақтардың үлесі басымдау еді, мәселен жіп иірушілердің 78,4 пайызы, тоқымашылардың 61,5 пайызы қазақтардың үлесіне тиді [14, с. 292].

Жұмысшылардың кәсіптік деңгейін көтеру үшін ФЗУ-лар ашылып, 1934 ж. ауыр өнеркәсіп жүйесінде 600-ден астам қазақ жұмысшылары білімін жетілдірді. Сонымен бірге Қарағандыда әртүрлі курстар мен таукен өндірісі училищелерінде осы жылы 1720 кенші қазақ даярланды.

1934 ж. Қазақстанның өнеркәсібінде 72 мың жұмысшы мен қызметші жұмыс істесе, оның 40,5 пайызы қазақтар болды. Яғни осы жылға дейін ірі өнеркәсіптердегі жұмысшылар саны 4,4 есе артса, ал қазақ жұмысшыларының қатары 8,7 есе өскен екен. Әсіресе өнеркәсіп саласында қазақ әйелдері басымдау еді. Мысалы, 1934 ж. Арал тұз комбинатындағы қазақ әйелдері жұмысшылардың 96,5 пайызын, Ащысай полиметал комбинатындағылардың 76,5 пайызын, Алматы шұға фабрикасындағылардың 74,0 пайызын, Гурьев балық комбинатындағылардың 69,5 пайызын, Жезқазған комбинатындағылардың 68,8 пайызын, Алматы тігін фабрикаларындағылардың 55,8 пайызын, Семей ет комбинатындағылардың 44,5 пайызын құрады.

Құрылыстағы жұмысшылардың саны 65151 адамға жетіп, шәкірттер 62,1 пайыз болса, олардың арасында қазақтардың үлес салмағы 41,8 пайызға көтерілген. Әйелдер жұмысшылардың 11,6 пайызын құраса, ал қазақ әйелдері осы саладағы әйелдердің 43,1 пайызы екен. Академик М.Х. Асылбековтың есебі бойынша 1934 ж. 1 қаңтарында теміржол бойында 57275 жұмысшылар қызмет атқарса, олардың 43,0 пайызы қазақтардан құралған. Сонымен бірге осы жылы қазақ теміржолшыларының қатары 4,6 пайызға өскен екен. Ал кеншарларда жұмысшылардың саны 90960 адамға жетіп, әйелдері 25,7 пайыз болса, олардың арасында қазақтар 55,0 пайыз болған екен [16, с. 132].

1935 ж. 1 қаңтарында барлық жұмысшылар мен қызметкерлердің саны 585 адам болып, олардың құрамындағы қазақтар 232 мың 605 болса, демек үлесі 39,7

пайызды құраған еді. Енді осы жылы мамандар даярлауда Алматы, Шымкент, Семейдегі зауыт-фабрика училищелерінде 550 адам оқытылса, оның 54,5 пайызы қазақтар болған. Сонымен республикадағы қазақ жұмысшыларының саны өсіп 1935 ж. олардың қатары 43,0 пайызды құраған екен.

1936 ж. 1 қаңтарында республиканың халық шаруашылығындағы 602,3 мың жұмысшының 41,0 пайызы қазақтар болып, соның ішінде өнеркәсіпте 43,0 пайыз, құрылыста 37,6 пайыз, транспортта 31,8 пайыз, ауылда, орман және балық шаруашылығында 55,9 пайыз, кеншар шаруашылығында 57,2 пайыз қазақ жұмысшылары еңбек етті. Қоғамдық өндірістік жұмысқа араласқан қазақ әйелдерінің саны 1936 жылға дейін 8 есе өсті. Қазақ әйелдері жұмысшыларының саны тек жеңіл өнеркәсіп саласында ғана емес, өндіріс саласында да өскен еді. Демек, 1936 ж. республика халық шаруашылығында 43,8 мың қазақ әйелдері еңбек етті, бұл жұмысшылар қатарындағы барлық әйелдердің 28,2 пайызын қамтыды [14, с. 292]. Қазақ әйелдерінің санының ұлғаюына әртүрлі мамандыққа дайындайтын оқу орындарының маңызы болды. Бірақ көпшілік қазақ әйелдерінің білімі мен шеберлігінің өсуіне еңбек ұжымдарының да еңбегі зор болған екен.

1937 ж. 23 қазанында Қазақстанның ірі кәсіпорындарында 72292 жұмысшылар болып, осы жылы да қазақ жұмысшыларының саны мен құрамы айтарлықтай өзгерді. Егер 1928 ж. республиканың ірі өнеркәсіптеріндегі жұмысшылардың 8,5 пайызы қазақтар болса, 1937 ж. олардың саны 74 мыңға жеткен еді.

1938 ж. республиканың ірі өнеркәсіптерінде жұмысшылардың орташа саны 146546 адам болса, кіші өнеркәсіптерінде 87513 жұмысшы болып, ал олардың жалпы саны 184059 адам болған [19]. Яғни осы жылы да әртүрлі салаларда еңбек ететін жұмысшылардың арасында қазақ жұмысшыларының саны мен үлесі өсіп, және қазақ әйел жұмысшыларының қатары көбейген екен.

1926 ж. санақтың қорытындысында республика жұмысшыларының саны 152 мың адам болған. Демек, 1926 және 1939 жж. екі санақ аралығында республика жұмысшыларының саны 630 мың адамға немесе 5,1 есе өскен екен. Енді 1927 ж. Қазақстандағы жұмысшылардың саны 1926 жылға қарағанда 215 мың 972 жетіп, оның ішінде қазақ жұмысшыларының қатары 30,7 пайыз болса, 1939 ж. олар 27,5 пайызға [20], демек 3,2 есе кеміген.

Айта кететін мәселе, 30-жылдардың екінші жартысында қазақ жұмысшыларының саны мен әлеуметтік құрамында өзгерістер байқалды. Егер 1935 ж. республикадағы қазақ жұмысшыларының қатары 39,7 пайыз болса, 1939 ж. 27,5 пайызға дейін, яғни 12,2 есе төмендеген. Бірақ бұны тарихи демографиялық тұрғыдан қазақ жұмысшыларының саны азайғандықтан болған құбылыс деп қарауға болмайды, өйткені жалпы қазақ жұмысшыларының саны 1935 жылға қарағанда 1939 ж. 8 есеге көбейген. Негізгі себеп Ресей Федерациясы мен одақтас республикалардан келіп қоныстанған басқа ұлттар есесінен қазақ жұмысшыларының үлес салмағы кейінгі орынға ысырылды: 1939 ж. республика жұмысшыларының құрамында 410 мың 161 орыс және 178 мың 177 басқа ұлт өкілдері болды. Сонымен бірге 1939 ж. Қазақстанмен көршілес елдерде 82,4 мың қазақ жұмысшылары еңбек етті: Ресейде 53,3 мың, Өзбекстанда 12,8 мың, Қырғызстанда 5,8 мың, Түрікменияда 10,5 мың қазақ жұмысшылары бар екен. Ал 40-шы жылдардың басында республикадан тыс жерлерге 200 мыңнан астам адамдар жұмыс істеуге жіберілсе, олардың ішінде қазақтар да аз емес еді. Мәселен, Челябин облысында 3280, Магнитогорск құрылысында 1700 қазақ, Кузбасс шахтасында 6 мыңнан астам, Прокопьев көмір тресінде 1287 қазақ жұмысшылары еңбек етті. 1939 ж. республика жұмысшыларының арасында қазақ жұмысшы мамандарының қатары өсіп, және олардың шеберлік деңгейлері артқан. Мәселен, осы жылғы санақ бойынша әрбір мың әйелдердің ішінде толық емес орта білімділері 7 немесе 8 болса, ал қала тұрғындарының арасында 20 қазақ әйелдері болды.

1959 ж. санақтың қорытындысы бойынша Қазақстандағы жұмысшылар қатары

2703 мыңға өсіп [21], олар халық шаруашылығының әртүрлі салаларында еңбек етті. Ал 1959 ж. қазақ жұмысшыларының саны 1939 жылға қарағанда 1,8 есе, 223,5 мыңнан 411,9 мыңға, орыстар 2 есе, 410,2 мыңға өскен. Әсіресе олардың арасында жұмысшы қазақ әйелдерінің саны 1939 ж. 14,1 пайыздан, 1959 ж. 31,3 пайызға, яғни 17,2 есе өскен еді. Сонымен 1959 ж. қазақтардың жұмысшылар арасындағы үлес салмағы 19,2 пайызды құрап, соның ішінде жоғары білімділері 24,2 пайыз, ал орта арнаулы білімділері 16,3 пайыз қазақ жұмысшы мамандары болған екен [22, с. 293, 295.].

1939 және 1959 жж. халық санақтарының аралығында республикадағы жұмысшылардың арасындағы кенші жұмысшылардың саны 28789-дан 64767-ге артқан болса, оның қазақ жұмысшылары 38,5 пайыздан 18,8 пайызға азайса, ал орыс жұмысшылары 46,5 пайыздан 50,7 пайызға өскен. Соның ішінде: бұрғылаушы және жол салушылар 3547-ден 29604-ке жоғарласа, оның қазақтары 33,2 пайыздан 12,6 пайызға кеміген. Шауып кесуші және көлік комбайны машинистер 182-ден 4984-ке артса, оның қазақтары 33,5 пайыздан 10,6 пайызға төмендеген. Кен қопарушылар мен жарушылар 9342-ден 6096-ға азайса, оның қазақтары 49,1 пайыздан 16,2 пайызға кеміген. Тіреушілер мен бекітушілер 2908-ден 5857-ге жоғарласа, оның қазақтары 16,0 пайыздан 7,3 пайызға азайған. Тас жарушылар 948-ден 1022-ге көбейсе, оның қазақтары 53,1 пайыздан 12,7 пайызға төмендеген. Басқа да кен жұмысшылары 11862-ден 4279-ға азайса, оның қазақтары 36,1 пайыздан 18,1 пайызға кеміген екен [23].

1926 немесе 1959 жж. халық санақтарының аралығында қайғы-қасіреттерге толы ұжымдастыру, индустрияландыру, аштық, репрессиялар, соғыс және тың игеру жылдарының салдарынан Қазақстан халық шаруашылығының әртүрлі салалары бойынша еңбек ететін жұмысшылардың, солардың арасындағы қазақ жұмысшыларының саны мен әлеуметтік құрамында айтарлықтай демографиялық өзгерістер болды

Қазақ интеллигенциясының саны мен құрамы зерттеу аралығының 1920 жж. негізінен пролетариат топтарының өкілдерінен құралып, кеңес үкіметінің мемлекеттік басқару жүйесіндегі басшылары маман қызметкерлердің тапшылығынан қазақ жұмысшылар мен шаруалардың арасынан алғыр, еңбекке тәжірибелі адамдарды басшылық қызметтерге тағайындаған еді. Бұл тәсіл, әсіресе, 1930 жж. ортасында кең етек алып, жүйеленудің үстінде болды. Сол жылдары орыстандыру саясатының елімізде жүргізілгені мәлім, соның салдарынан басшылық аппараттармен қызметтерге негізінен орыс ұлтының адамдары тағайындалып, мамандықтардың әр түрлі салаларында қызметтер атқарғаны белгілі. Бірақ, бұлардың арасында сауатты, білімі бар қазақтарда болып, олардың қатары бірлі жарым, саусақпен санарлықтай ғана болған екен. Енді, міне 1940-1950 жж. республикамызда орта немесе жоғары оқу орындарының көптеп ашылуларына байланысты, олардан білім алып, маман ретінде қалыптасқан қазақ интеллигенцияның саны көбейіп келе жатса, ал олардың құрамында қазақтардың білімді маман ерлері мен әйелдерінің саны өсіп келе жатқаны байқалады

1926 ж. Бүкілодақтық халық санағы бойынша Қазақстандағы интеллигенцияларының саны 13825 адам болып, олар республика халқының 0,2 пайызын құраған еді. Оның құрамында ерлері көбірек 10143, яғни 73,4 пайыз болса, ал әйелдері азырақ 3682, демек 26,6 пайыз болған екен [24]. 1939 ж. санақта республикадағы интеллигенцияларының саны 354533-ке жетіп, өсімі 5,8 пайызға артса, оның ерлері басымырақ 258292, яғни 72,9 пайыз болып, ал әйелдері төменірек 96241, демек 27,1 пайыз болды [25]. 1959 ж. олардың қатары 772942 адамға көбейіп, өсімі 8,3 пайызға жоғарласа, оның ерлері азырақ 377599, яғни 48,9 пайыз болса, ал әйелдері көбірек 395343, демек 51,1 пайыз болған еді [26].

Осы кезеңде республика халқының санындағы интеллигенцияларының үлесі 1926 ж. 0,2 пайызды құраған болса, ал 1939 және 1959 жж. аралығында

17,3 пайыздан 12,0 пайызға дейін кеміген. Әрине, интеллигенцияның сапалық көрсеткішінің маңыздысы-олардың қатарындағы жоғары білімі барлардың санының өсуі. Демек, 1920-1930 жж. мамандардың білімі негізінен орта білімділер болып, 1939 ж. жоғары білімі бар мамандардың саны 16,8 мың адам болса, ал 1959 ж. 113,8 мың адамға, яғни 6,8 есе өскен. Сонымен 1926 және 1959 жж. аралығында республикадағы интеллигенциялардың қатары 55,9 есе, яғни 8,1 пунктке артқан. Соның ішінде олардың сандық көрсеткіштері 1926-1939 жж. 25,6 есе, демек 5,6 пунктке өссе, ал 1939-1959 жж. 2,2 есе, яғни 2,5 пункт деңгейіндегі артушылық байқалады.

Қазақстан интеллигенцияларының арасындағы 1926 ж. қазақ интеллигенциясының саны 1693 болып, яғни 12,2 пайызды құраса, ал орыстар қатары 9060 адамды құрап, демек 65,5 пайыз болса, яғни қазақтардың көрсеткіштеріне карағанда орыстардың қатары 53,3 пайызға, демек 7367 адамға басымдау болған еді [24, с. 70-72]. Ал 1939 ж. қазақтар арасындағы интеллигенциясының саны 93518 адамды құрап, яғни 26,4 пайыз болған, оның қатарындағы ерлері 85441 болып, яғни 91,4 пайызға көбірек болса, әйелдері 8077 болып, демек 8,6 пайызға азырақ екен, ал орыстар қатары 182734 адам болып, яғни 51,5 пайызды құраса, оның арасындағы ерлері 113345 болып, яғни 62,0 пайызға басымрақ болса, әйелдері 69389 болып, демек 38,0 пайызға төменірек еді. Дегенмен, қазақтардың санымен салыстырғанда орыстардың қатары 25,1 пайыз, яғни 89216 адамға көбірек болған екен [27]. 1959 ж. қазақ интеллигенциясының саны 148376 адам болып, яғни 19,2 пайызды құрап, оның ерлері 112027 болып, яғни 75,5 пайызға жоғарлаған болса, әйелдері 36349 болып, демек 24,5 пайызға төменірек екен, ал орыстардың қатары 441385 адамды құрап, яғни 57,1 пайыз болып, оның ерлері 210282 болып, яғни 47,6 пайызға азырақ болса, әйелдері 231103 болып, демек 52,4 пайызға басымрақ еді. Дегенмен қазақтарға карағанда орыстардың қатары 37,9 пайызға, демек 293009 адамға басымдау болғаны байқалады [29]. Сондай-ақ осы аралықта республика халқының арасындағы қазақ интеллигенциясының үлесі 1926 ж. 0,3 пайызды құраса, ал 1939 немесе 1959 жж. аралығында 1,5 пайыздан 1,6 пайызға дейін өскен екен. Сонымен 1926 және 1959 жж. аралығында республикадағы қазақ интеллигенцияларының саны 87,6 есе, яғни 146683 адамға, демек 7 пунктке өссе, ал орыстардың қатары 48,7 есе, демек 432325 адамға өскенімен пайыздық көрсеткіші, яғни 8,4 пунктке азайған. Осы аралықта қазақ интеллигенцияларының саны орыстардың санынан 2,9 есе, демек 285642 адамға, және 1,4 пунктке аз болған. Соның ішінде 1926-1939 жж. аралығында қазақ интеллигенцияларының қатары 55,2 есе, яғни 91825 адамға немесе 14,2 пунктке көбейсе, орыстар саны 20,2 есе, демек 173674 адамға артып, пайыздық көрсеткіші керісінше 14 пунктке кеміген болса, ал 1939-1959 жж. аралығында қазақтар саны 1,6 есе, яғни 54858 адамға жоғарлап, пайыздың көрсеткіші керісінше 7,2 пунктке азайса, орыстар қатары 2,4 есе, демек 258651 адамға, және 5,6 пунктке көбейген екен. Енді қазақ халқының өзінің ішінде 1926 ж. қазақ интеллигенциясының саны 0,05 пайызды құраса, 1939 және 1959 жж. олардың қатары 4,0 пайыздан 5,3 пайызға, демек 1,3 пунктке өскен екен.

Зерттеу аралығының жылдарына сәйкес республика көлеміндегі маман-дықтардың әр түрлі салалары бойынша маман ретінде қалыптасып, еліміз Қазақстанның халық шаруашылығының қалыптаса бастаған салаларының жүйелерінде қызметтер атқарып келген қызметкерлерден құралған қазақ интеллигенциясының сандық құрамына келсек: Мемлекеттік басқару, партия, комсомол, кәсіподақ және басқалардың құрамындағы органдардың басшылары туралы 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. аралығында олардың саны 46,0 пайыздан, 42,4 пайызға азайған. Мекемелер, өнеркәсіп, құрылыс, ауыл шаруашылығы, орман шаруашылығы, көлік қатынастары және оларға қатысты бөлімшелердің басшылары құрамындағы қазақ интеллигенциясы 1926-1939 жж. 14,1 пайыздан 38,2 пайызға өсіп, ал 1959 ж.

20,1 пайызға кеміген. Инженер техникалық қызметкерлер арасындағы қазақ интеллигенциясының қатары 1926 ж. 3,2 пайыз болып, ал 1939-1959 жж. 7,6 пайыздан 8,6 пайызға көбейген. Агроном, зоотехник, мал дәрігерлері мен орманшылар құрамындағы қызметкерлерінің саны 1926 ж. 4,2 пайыз болса, ал 1939-1959 жж. 21,7 пайыздан 32,6 пайызға артқан. Медицина қызметкерлері арасындағы қазақ интеллигенциясының саны 1926-1939 жж. аралығында 1,2 пайыздан 7,2 пайызға өсіп, ал 1959 ж. 6,8 пайызға кеміген. Ғылыми қызметкерлер, мұғалімдер мен тәрбиешілерінің қатары 1926-1939 жж. аралығындағы қазақ интеллигенциясы 14,9 пайыздан 41,9 пайызға артып, ал 1959 ж. 28,7 пайызға төмендеген. Баспа сөз бен баспа қызметкерлері, әдебиетшілерінің қатарындағыларда 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 51,3 пайыздан 39,8 пайызға кеміген. Мәдени ағарту қызметкерлерінің арасындағы қазақ интеллигенциясы бойынша 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 41,8 пайыздан 32,7 пайызға азайған. Өнер қызметкерлерінің ішіндегілерге байланысты 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 25,4 пайыздан 16,3 пайызға төмен-деген. Заң қызметкерлерінің қатарындағы қазақ интеллигенциясы 1926-1939 жж. 38,1 пайыздан 43,2 пайызға өсіп, ал 1959 ж. 40,8 пайызға кеміген. Социалистік меншік пен қоғамдық тәртіпті қорғау қызметкерлерінің қатарындағыларда 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 34,5 пайыздан 33,5 пайызға төмендеген. Байланыс қызметкерлерінің арасындағыларда 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 7,7 пайыздан 11,8 пайызға артқан. Сауда, қоғамдық тамақтану, жабдық-таушылардың қызметкерлерінің ішіндегі қазақ интеллигенциясында 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 24,6 пайыздан 22,4 пайызға азайған. Жоспарлау мен есеп қызметкерлерінің арасындағыларда 1926-1939 жж. 1,5 пайыздан 21,0 пайызға өсіп, ал 1959 ж. 18,8 пайызға азайған. Іс жүргізуші қызметкерлерінің қатарындағы қазақ интеллигенциясында 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 27,1 пайыздан 12,3 пайызға төмендеген. Тұрғын үй мекемелері мен тұрмыстық қызмет көрсету қызметкерлерінің ішіндегілерде 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 6,0 пайыздан 5,7 пайызға кеміген. Агенттер мен экспедиторлар қызметкерлерінің арасындағы қазақ интеллигенциясының санында 1926 ж. мәліметтер болмай, ал 1939-1959 жж. 31,8 пайыздан 20,8 пайызға азайып, немесе тағы да басқа мамандықтардың түрлері бойынша қазақ интеллигенциясының қатарының қалыптасып және өсіп келе жатқандығы байқалады [29].

Атап айтқанда, зерттеу аралығындағы жылдарда жоғары және орта арнайы оқу орындары дамуының жетістіктері мен кемшіліктері қазақ интеллигенцияның қалыптасуы хронологиясы мен мазмұнын анықтады. XX ғасырдың 1920 және 1930 жж. сияқты, 1940 немесе 1950 жж. Қазақстан институттары мен техникумдары қазақ интеллигенцияның даму өзегіне айнала алмады. Өйткені оқу орындарындағы студенттер құрамында басқа ұлт өкілдерінің саны басым болды. Себебі оған республика көлемінде орын алған ұжымдастырудың салдары, индустрияландырудың жүргізілуі, ашаршылық нәубетінің қасіреттері, саяси қуғындау науқаны мен репрессиялау зобаландарындағы жазалаудың іс-әрекеттері, Ұлы Отан соғысының зардаптары, соғыстан кейін халық шаруашылықтарын қалпына келтіру жылдарындағы жағдайлар мен тың игеру жылдарының ауыртпалықтары, мектеп біліміндегі қиындықтар қазақ жастарының орта немесе жоғары оқу орындарында оқуына кері әсерін тигізді. Солардың негізінен жоғары оқу орындары мен техникумдардың халық шарушылығына аттандырған түлектері ішінде маман қазақтардың саны мардымсыз болды.

Енді қазақ интеллигенциясының 1926-1959 жж. аралығындағы білім деңгейлері мен мамандар даярлау мәселелеріне келсек, техникум мен жұмысшы факультеттерінде мамандықтардың түрлі салалары бойынша оқығандардың 1927 ж. – 49,9 пайызы, 1928 ж. – 52,2 пайызы, 1929 ж. – 62,4 пайызы қазақтар болса, ал жоғары оқу орындағылардың 1927 ж. – 28,1 пайызы, 1928 ж. – 30,3 пайызы, 1929 ж. – 34,7 пайызы қазақтар болып, қазақ интеллигенциясының қатарын толықтырған. Яғни,

жоғары оқу орнында 1929 ж. қазақтар 34,7 пайыз болса, ал 1932 жылға дейінгі аралықта орта оқу орындарындағы қазақ жастары 2,4 пайыз болып, оның ішінде әйелдер саны 6,5 пайызға өскен. Енді, 1932 жылдан кейін олардың 63,0 пайызы (56-сы әйел) педагогикалық білім беру жүйесінде, 51,2 пайызы медицина саласында, 40,8 пайызы (4-і әйел) ауыл шаруашылығында, ал 38,7 пайызы техникалық және тағыда басқа орта білімі бар қазақ мамандары еді [30, с. 67].

1939 ж. Қазақстанның жоғары оқу орындарында 25,6 мың білім алғандардың 8,4 мыңы қазақ мамандары болса, ал 9609 арнаулы орта мамандық алғандардың арасындағы қазақтардың үлес салмағы 50,0 пайызға, ал саны 25,0 пайызға өсті. Сонымен 1939 жылға дейін жоғары оқу орындарын 4357 адам бітіріп шықса, ондағы инженерлердің 1,0 пайызы, агроном, зоотехниктердің 17,8 пайызы, мұғалімдердің 34,0 пайызы, дәрігерлердің 7,3 пайызы қазақ мамандары екен [31].

1959 ж. жоғары білімді мамандардың ішіндегі қазақтар саны 1939 жылға карағанда 25 есе өсіп, ал 1959 ж. жоғары білімі бар қазақ мамандарының қатары 27 мың болса, орта білімі бар қазақ мамандары 31,2 мың еді. Бұл республикадағы жоғары білімі бар барлық мамандардың 24,0 пайызы, ал арнаулы орта білімі барлардың 16,0 пайызы екен. Жоғары білімі барлардың 2,9 мыңы инженерлер, 2,6 мыңы агрономдар мен зоотехниктер, 1,3 мыңы дәрігерлер, 17,7 мыңы мұғалімдер және тағыда басқа қызметкерлер болған еді.

Қазақстанда жоғары білімі бар қазақ мамандарының 8,1 мыңы (29,9 пайызы), арнаулы орта дәрежелі білімі бар қазақ мамандарының 10,8 мыңы (34,6 пайызы) әйелдер болған. 1959 ж. 1600 ғылыми қызметкердің 105-і ғылым докторы (20-сы қазақ), 815-і ғылым кандидаты мен доценті (179-ы қазақ) болса, олардың арасында қазақ әйелдерінің 37-сі ғылым докторы мен кандидаттары болған екен. Көріп отырғанымыздай, 1939 ж. жоғары білімді қазақ әйелдері болмаған болса, 1959 ж. олардың саны 8100-ге жеткен екен, алайда орыс әйелдеріне карағанда қазақ әйелдерінің қатары 4,1 есе кем болғаны байқалады [32].

Зерттеу аралығының жылдарында, дәл атап айтқанда: мәдени ағарту қызметкерлері 1,5 есе, әдебиет пен өнер қызметкерлері 1,8 есе, зоотехник, мал дәрігерлер мен агрономдар 3,2 есе, барлық медицина қызметкерлері 3,5 есе, байланыс қызметкерлері 3,9 есе, инженерлер мен техниктер 4,9 есе, дәрігерлер 6,5 есе, ғылыми қызметкерлер 6,9 есе өскен еді. Демек, осындай демографиялық жағынан қарастыру сипатынан алып карағандағы, және дерек мәліметтерінің сандық немесе пайыздық үлестерінің көрсеткіштері қазақ интеллигенциясының саны мен құрамында оң өзгерістердің бар екендігін байқатады.

Қорыта айтқанда, 1926-1959 жж. аралығында республика халқының арасында қазақтардың әлеуметтік құрамына (кәсібіне, мамандығына, қызметіне және біліміне) байланысты демографиялық мәселелер қарастырылды. Көпшілігі көшпелі шаруашылықпен айналысатын қазақ халқы отырықшылық өмір салтына ауысты. Республиканың қалалары мен аулдарында жоғары, орта және кәсіби білім беретін оқу орындарында әр түрлі мамандықтардың салалары бойынша оқып, білім алған қазақ мамандарының қатары өсіп және сандары артып, көбейе түсті. Қазақ халқының әлеуметтік құрамын тарихи демографиялық тұрғыдан ғылыми жағынан зерделеп қарастыруда санақ қорытындыларының мәліметтері немесе дәйектемелік дерек мұғалімдерінің демографиялық салыстырмалы талдау тұжырымдарының қорытынды нәтижелері көрсеткендей ауыл тұрғындары арасындағы және жұмысшылар мен интеллигенциялар қатарындағы қазақтардың әлеуметтік құрамында (таңдаған кәсібінде, әр түрлі салалар бойынша мамандықтарының түрлерінде, жасаған жұмыстары мен атқарған қызметтерінде және білім деңгейлерінде) үлкен өзгерістер болып, көрсеткіштерінің өсе бастғаны байқалады. Енді осыларды тарихи демографиялық тұрғыдан алып карағанда қазақ халқының әлеуметтік құрамында көптеген демографиялық өзгерістердің болғанын байқаймыз.

Әдебиеттер мен деректер

- 1 ҚР ОММ. 5-к., 8-т., 184-іс, 29-п.
- 2 ҚР ОММ. 5-к., 8-т., 14-іс, 9-10-п.п.
- 3 Нейштадт С.А. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР. (1917-1937 г.г.). – Алма-Ата: Казахстан, 1957. – С. 156-157.
- 4 Кооперативно-колхозное строительство Казахстане (1917-1927 г.г.). – Алма-Ата: Казахстан, 1988. – С. 204-205.
- 5 Дахшлейгер Г.Ф., Нурпейсов К. История крестьянства советского Казахстана. – Т.1. – Алма-Ата: Наука, 1985. – 161 с.
- 6 ҚР ОММ. 247-к., 1-т., 242-іс, 162-п.
- 7 Зорин В.И. Сельско-хозяйственный рабочий класс Казахстана: формирование, развитие, социальные изменения. – Алма-Ата: Казахстан, 1972. – 37 с.
- 8 Бучкин Б. Казахстан – Республика крупного совхозного производства. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1956. – 21 с.
- 9 Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926-1941 гг.). – Алма-Ата: Казахстан, 1967. – 384 с.
- 10 Абжанов Х. Сельская интеллигенция Казахстана: Исторический опыт формирования и социальной практики: Автореферат дис ... док.ист.наук. – Алма-Ата, 1992. – 22 с.
- 11 ҚР ОММ. 30-к., 5-т., 832-іс, 3-п.
- 12 ҚР ОММ. 698-к., 21-т., 225-іс, 523, 565, 567-п.п.
- 13 ҚР ОММ. 1137-к., 13-т., 555-іс, 1-6-п.п.
- 14 История рабочего класса Советского Казахстана в период перехода к социализму. – Т.1 (1917-1937 г.г.). – Алма-Ата: Наука, 1987. – 432 с.
- 15 Социалистическое строительство Казахской АССР: Экономико-статистический справочник. 1920-1936 г.г. – Москва, Алма-Ата: Союзоргучет, 1936. – 236 с.
- 16 Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожного Казахстана (1917-1970). – Алма-Ата: Наука, 1973. – 327 с.
- 17 ҚР ОММ. 1716-к., 1-т., 13-іс, 26-п.
- 18 ҚР ОММ. 44-к., 1-т., 324-іс, 34-п.
- 19 Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 204 с.
- 20 ҚР ОММ. 698-к., 21-т., 226-іс, 1-92-п.п.
- 21 Казахстан за 40 лет: Статистический сборник. – Алма-Ата: Госстатиздат, 1960. – 276 с.
- 22 Рабочий класс Казахстана в период упрочения и развития социализма. (1938-1960 г.г.). – Т.2. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 464 с.
- 23 ҚР ОМА. 698-к., 21-т., 225-іс, 507-п.
- 24 Всесоюзная перепись населения 1926 года: КазССР. – Т 25. – Москва: ЦСУ Союза, 1928. – С. 65-74, 80.
- 25 ҚР ОММ. 698-к., 21-т., 43-іс, 11-12, 45-46, 44-іс, 1-2, 7-8-п.п.
- 26 ҚР ОММ. 698-к., 21-т., 225-іс, 537-554, 573-590-п.п.
- 27 ҚР ОММ. 698-к., 21-т., 43-іс, 11-12, 45-46, 44-іс, 1-2, 7-8-п.п.
- 28 ҚР ОММ. 698-к., 21-т., 225-іс, 537-554, 573-590-п.п.
- 29 Всесоюзная перепись населения 1926 года: КазССР. – Т.25. – Москва: ЦСУ Союза, 1928. – С. 70-71.; ҚР ОМА. 698-к., 21-т., 43-іс, 11-45-п.п. 44-іс, 1-8-п.п. 225-іс, 538-589-п.п.
- 30 10 лет Казахстана. – Алма-Ата: Госстатиздат, 1930. – 157 с.
- 31 Казахская Советская Социалистическая Республика. – Алма-Ата, 1939. – 106 с.
- 32 Тәгімов М. Цифрлар шежіресі. – Алматы: Қазақстан, 1967. – 99 б.

References

- 1 KR OMM. 5-k., 8-t., 184-is, 29-p.
- 2 KR OMM. 5-k., 8-t., 14-is, 9-10-p.p.
- 3 Neyshtat S.A. Socialisticheskoe preobrazovanie ekonomiki Kazakhskoy SSR. (1917-1937 gg.). – Alma-Ata: Kazakhstan, 1957. – S.156-157.
- 4 Kooperativno-kolkhoznoe stroitelstvo v Kazakhstane (1917-1927 gg.). – Alma-Ata: Kazakhstan, 1988. – S.204-205.
- 5 Dakhleiger G.F., Nurpeyisov K. Istoriya krest'yanstva sovetskogo Kazakhstana. – T.1. – Alma-Ata: Nauka, 1985. – 161 s.
- 6 KR OMM. 247-k., 1-t, 242-is, 162-p.
- 7 Zoryn V.I. Selsko-khozyastvenniy rabochiy klass Kazakhstana: formirovanie, razvitie, socialnye izmeneniya. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1972. – 37 s.
- 8 Buchkin B. Kazakhstan – Respublika krupnogo sovkhoznogo proizvodstva. – Alma-Ata: Kazgosizdat, 1956. – 21 s.
- 9 Kollektivizatsiya selskogo khozyaystva Kazakhstana (1926-1941 g.g.). – Alma-Ata: Kazakhstan, 1967. – 384 s.
- 10 Abzhanov Kh. Selskaya intelligentsiya Kazakhstana: Istoricheskiy opyt formirovaniya i socialnoy praktiki: Avtoreferat dis ... dok.ist.nauk. – Alma-Ata, 1992. – 22 s.
- 11 KR OMM. 30-k., 5-t., 832-is, 3-p.
- 12 KR OMM. 698-k., 21-t., 225-is, P. 523, 565, 567.
- 13 KR OMM. 1137-k., 13-t., 555-is, 1-6-p.p.
- 14 Istoriya rabocheho klassa Sovetskogo Kazakhstana v period perekhoda k socializmu. – T.1 (1917-1937 gg.). – Alma-Ata: Nauka, 1987. – 432 s..
- 15 Socialisticheskoe stroitelstvo Kazakhskoy ASSR: Ekonomiko-statisticheskiy spravochnik. 1920-1936 g.g. – Moskva, Alma-Ata: Soyuzorguchet, 1936. – 236 s.
- 16 Asylbekov M.Kh. Formirovanie i razvitie kadrov zheleznodorozhnogo Kazakhstana (1917-1970). – Alma-Ata: Nauka, 1973. – 327 s.
- 17 KR OMM. 1716-k., 1-t., 13-is, 26-p.
- 18 Asylbekov M.Kh. Formirovanie i razvitie kadrov zheleznodorozhnikov Kazakhstana (1917-1970 g.g.). – Alma-Ata: Nauka, 1973. – 102 s.
- 19 KR OMM. 44-k., 1-t., 324-is, 34-p.
- 20 Asylbekov M.Kh. Formirovanie i razvitie kadrov zheleznodorozhnikov Kazaxstana (1977-1970 g.g.). – Alma-Ata: Nauka, 1973. – 132 s.
- 21 Rabocheho klassa Sovetskogo Kazaxstana v period perekhoda k socializmu. – T.1. (1917-1937 g.g.). – Alma-Ata: Nauka, 1987. – 292 s.
- 22 Nusupbekov A.N. Formirovanie i razvitie sovetskogo rabocheho klassa v Kazakhstane. – Alma-Ata: Nauka, 1966. – 204 s.
- 23 KR OMM. 698-k., 21- t., 226-is, 1-92-p.p.
- 24 Kazakhstan za 40 let: Statisticheskiy sbornik. –Alma-Ata: Gosstatizdat, 1960. – 276 s.
- 25 Rabochiy klass Kazakhstana v period uprocheniya i razvitiya socializma. (1938-1960 g.g.). – T.2. – Alma-Ata: Nauka, 1988. – 464 s.
- 26 KR OMM. 698-k., 21-t., 225-is, 507-p.
- 27 Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda: KazSSR. – T 25. – Moskva: CSU Soyuz, 1928. – S. 65-74, 80.
- 28 KR OMM. 698-k., 21-t., 43-is, 11-12, 45-46, 44-ic, 1-2,7-8-p.p.
- 29 KR OMM. 698-k., 21-t., 225-is, 537-554, 573-590-p.p.
- 30 Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda: KazSSR. – T. 25. – Moskva: CSU Soyuz, 1928. – S.70-72.
- 31 KR OMM. 698-k., 21-t., 43-is, 11-12, 45-46, 44-ic, 1-2, 7-8-p.p.
- 32 KR OMM. 698-k., 21-t., 225-is, 537-554, 573-590-p.p.
- 33 Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda: KazSSR. – T.25. – Moskva: CSU Soyuz, 1928. – S.70-71.; KR OMA. 698-к., 21-t., 43-is, 11-45-p.p. 44-is, 1-8-p.p. 225-is, 538-589-p.p.

- 34 10 let Kazakhstana. – Alma-Ata: Gosstatizdat, 1930. –157 s.
35 Kazakhskaya Sovetskaya Socialisticheskaya Respublika. –Alma-Ata, 1939. – 106 s.
36 Tatimov M. Cifrlar shezhiresi. – Almaty: Kazakhtan, 1967. – 99 b.

ТАЛДЫБАЕВ Ж.

Прокурор отдела управления комитета по правовой статистике и
специальным учетам по городу Астана

**КАЗАХСКИЙ НАРОД: ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ (1926-1959 г.г.)**

Резюме

В этой статье рассмотрены социальный состав казахского народа в 1926-1959 годах, количество казахов среди рабочего класса, а также количество и состав интеллигенции казахов. Эта работа была написана в соответствии с архивными данными, научными работами, связанными с демографией, переписью населения и статистикой. Деление казахов на группы – болус, богатые, шаруа, средние шаруа, бедные, наемные рабочие, батырак, заведующие отделом, коллективные работники, колхозные рабочие, уровень знаний работников деревень и их работа, их социальная жизнь рассмотрены со всех сторон. В статье также показано количество казахов среди рабочих, на производстве и фабриках, в разных сферах работы на республиканском уровне, рост уровня знаний и состав казахской интеллигенции подвергшихся гонениям и политическим репрессиям в Казахстане.

Ключевые слова: народ, наука, знания, история, демография, общество, состав, село, работник, интеллигенция, цифры, проценты, перепись, архив, информация, вывод, репрессия, специалист, промысел.

TALDYBAEV ZH.

Prosecutor of Department, Administration of the Committee on Legal Statistics
and Special Records of Astana

**KAZAKH PEOPLE: HISTORICAL DEMOGRAPHIC CHANGES
IN THE SOCIAL COMPOSITION
(1926-1959)**

Summary

This article discusses the social structure of the Kazakh people in 1926-1959, the number and proportion of Kazakhs among the class of workers, as well as the number and composition of the Kazakh intelligentsia. This work is based on the Census and Statistics, archive data, and research papers related to demographics. The Kazakhs' dividing into groups – bolus, rich, sharua, middle sharua, poor, wage-workers, batyraks, heads of department, collective workers, collective farm workers, as well as the level of knowledge of village employees and their work, their social life were considered comprehensively.

There was also shown the number of Kazakhs among the workers at factories, the Kazakhs worked in different areas at the republican level, the growth of knowledge and the composition of the Kazakh intelligentsia subjected to persecutions and political repressions in Kazakhstan.

Keywords: people, science, knowledge, history, demography, society, structure, village worker intelligentsia, figures, percentages, census, archives, information, conclusion, repression, craft.

РЕЦЕНЗИЯЛАР ЖӘНЕ БИБЛИОГРАФИЯ
РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИИ
REVIEWS AND BIBLIOGRAPHIES

КАЛЫШ А.Б.

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың археология, этнология және музеология
кафедрасының меңгерушісі, т.ғ.д., профессор

ЕУРАЗИЯ КӨШПЕЛІЛЕРІ ӘСКЕРИ ІСІ ГЕНЕЗИСІНІҢ
ТАРИХНАМАСЫНА ҚОСЫЛҒАН ҮЛЕС

Жұмадил А.К. Военное дело кочевников Евразии: историографический анализ. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 272 с.

2014 ж. жарияланған А.К. Жұмадилдің «Военное дело кочевников Евразии: историографический анализ (Еуразия көшпелілерінің әскери ісі: тарихнамалық талдау)» атты монографиясы аталған мәселе бойынша алғашқы салықалы тарихнамалық зерттеу болып табылады. Оның ерекшелігі бірнеше жайттарға байланысты. Ең алдымен, ол отандық тарихнамадағы алғашқы еңбек. Екіншіден, автор соңғы екі он жылдық бойғы жұмысының нәтижесін баяндауда, терең кәсіби тұрғыдан келген. Үшіншіден, еңбекте Қазан төңкерісіне дейінгі, Кеңес дәуіріндегі және қазіргі қазақстандық тарихнама толығымен, сонымен бірге аздаған көлемде шетелдік, негізінен алғанда, басым бөлігі ресейлік және жекелеген батыстық тарихнама жүйеленген.

Біздің тарапымыздан сарапталып отырған А.К. Жұмадилдің монографиясы құрылымдық жағынан кіріспеден, құрамына тоғыз параграф енетін өзара байланысты үш тараудан және қорытындыдан тұрады.

Кіріспеде аталмыш тарихнамалық зерттеудің өзектілігі мен маңыздылығы барынша қисынды әрі дәйекті көрсетілген. Осыған қатысты автор былай деп жазады: «Бүгінгі күнге дейін, Еуразияның көшпелі халықтарының әскери ісі мәселесі әлемдік ғылымда өзінің құдыреті мен маңызы тұрғысынан қарастырылмады» [1, с. 3]. Зерттеушінің «Әскери істе басымдыққа ие болған Еуразия көшпелілері әлемдік үдерістердің барысы мен бағытын айқындады» [1, с. 4], – деген пайымдауы дау тудырмайды.

Монографияның уақытнамалық шеңбері – «көшпелі империялардың қалыптасуынан бастап (б.з.д. II-I мыңжылдық аралығы) XIX ғ. соңына дейінгі, яғни көшпелі қазақ қоғамының әскери-саяси жүйесі жойылғанға дейінгі» үлкен тарихи кезенді қамтиды [1, с. 13].

Осы жерде монографияның деректік базасы, негізінен алғанда төмендегідей өте бай «өткен ғасырлардағы нарратив деректермен» ұсынылған:

а) шығыс авторларының аударылған және жүйеленген жазбаша хабарламалары, сонымен бірге жинақтар мен құжаттық материалдары;

б) қазақ халқының ауыз әдебиеті мен батырлар эпосы – «Батырлар жыры» және т.б.;

в) XVIII–XX ғғ. Қазан төңкерісіне дейінгі ресейлік авторлардың еңбектері.

«Еуразия көшпелілерінің әскери-саяси тарихының тарихнамасы» атты кіріспе тарауы көшпелілікті зерттеудегі концептуалды-әдістемелік мәселелерін талдаумен назар аудартады. Оларды саралау барысында автор номадизм генезисі, көшпелілердегі қоғам дамуының көрсеткіші түріндегі мемлекеттіліктің болуы, отырықшы өркениеттің баламасы ретінде далалық мәдениеттің кездесуі тәрізді көшпелі қоғамдардың өзіне тән ерекшеліктерін негізге алады. Бұл жерде автор жоғарыда аталған мәселелерді зерттеу барысында формациялық, сонымен қатар өркениеттік тұрғы өкілдерінің көзқарастарында базистік категорияларға және

отырықшы этностардың дамуына, және де еуропацентристік тұрғыға сүйенетін ескіліктің қалыптасқандығын ойға қонымды түрде ашып көрсетеді. А.Қ. Жұмаділдің «отырықшы халықтардың даму сатыларын айқындайтын сипаттық ерекшеліктер міндетті түрде көшпелі қоғамдарда кездесе бермейді және түрлі кезеңдердің белгілері көшпелілерде бір уақытта болуы мүмкін» [1, с. 17], – деген пікірімен батыл түрде келісуге болады.

Жоғарыда аталып өткен әрбір ұстанымдар марқасқа көшпелі танушылардың немесе осы мәселемен айналысушылардың пікірлерімен және көқарастарымен дәлелденген. Бұл ең алдымен, Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилев, Г.Е. Марков, С.А. Плетнева, А.М. Хазанов, Н.Н. Крадин, С. Шинкевич, Е.И. Кычанов, Р.Н. Безертиновтардың зерттеулерін талдауға байланысты. Алдыға қойылған мәселеге лайықты түрде қол жеткізуде Н.Э. Масанов, Ж.О. Артықбаев тәрізді отандық мамандардың көзқарастарына талдау жасалынған. Қойылған міндеттер 2010 ж. Алматы қаласында көрнекті отандық этнолог Н.Э. Масановтың құрметіне ұйымдастырылған «Көшпелілердің әлем өркениетінің дамуына қосқан үлесі» атты халықаралық ғылыми конференциясының материалдарын қолдану арқылы ішінара шешімін тапқан.

Аталмыш тарауда Еуразия көшпелілерінің әскери-саяси ұйымы тарихнамасында жаңа тұрғыларды талдау айтарлықтай қызығушылық тудырады. Онда негізінен XVIII ғ. бастау алатын, қалыптасуында белгілі шет елдік зерттеушілер үлес қосқан ресейлік тарихнама басым болып келеді. Ол В.Н. Татищев, М.А. Аристов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.О. Ключевский, М.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, С.П. Толстов, А.Н. Бернштам, Л.М. Гумилев, С.Г. Кляшторный, В.В. Трепавлов тәрізді зерттеушілердің еңбектерімен ұсынылған. Олардың еңбектері Ю.В. Зуев, К.А. Пищулина, М.Х. Әбусейітова, Қ.З. Өскенбай, Б.Е. Көмеков, Н. Әлімбаев сияқты отандық ғалымдардың ғылыми ізденістерімен толықтырылған.

«Еуразия кеңістігіндегі көшпелілердің әскери ісін XVIII ғ. соңы мен XXI ғ. басында тарихи зерттеулердің дамуы» атты екінші тарау көшпелілердің әскери жүйесін зерттеудің тарихнамасын талдаудан басталады. Онда А.М. Хазанов, А.К. Көшкімбаев, Ю.С. Худяков, А.А. Росляков, М.И. Артамонов, Л.Н. Гумилев, С.А. Плетнева, Т.К. Алланиязов және т.б. еңбектерін тұжырымдау арқылы Еуразия көшпелілерінің I мыңжылдықтан бастап XIX ғ. дейінгі әскери ісінің тарихнамасы көрсетілген. Осы ретте автор тек қана Қазақстан мен Орталық Азияның ғана емес, сонымен қатар Алтайдың, Оңтүстік Сібірдің, Шығыс Түркістанның ғұн дәуірінен бастап соңғы орта ғасырлар мен жаңа заманға дейінгі көшпелілерінің қару-жарақ ісінің дамуы мен генезисіндегі, әскери ісіндегі, әскери өнеріндегі, әскери жүйесі мен әскери ұйымының құрылымындағы түрлі, әрқашан сәйкес келе бермейтін түсіндірмелерді көрсетуге тырысады. Бұл олардың шаруашылық-мәдени типінде отырықшылық дәстүрі бар Русь, Қытай, Иран, Византия тәрізді елдердің әскери ісіне, нақтырақ айтқанда атты әскердің, әсіресе салт атты садақшылардың қалыптасуына немесе дамуына айтарлықтай ықпалына да қағысты.

Сонымен бірге автор XIV – XVIII ғғ. «көшпелі әскер өзінің жалпылық сипатын, ру-тайпалық тұтастығын және онымен байланысты орасан зор шабуылдау күшқуатын жоғалтады» [1, с. 118], – деп өте орынды бақылау жасаған.

А.Қ. Жұмаділ Ю.С. Худяковтың көшпелі қоғамдар отырықшыларға, әсіресе әскери істе, соңғыларының өнеркәсіптік даму жолына түсуіне байланысты және отты қарудың пайда болуына қарай басымдық берді деген тұжырымдамасын толығымен қолдайды.

Бұл тарауда қазақ қоғамындағы әскери құрылымның тарихнамасына ерекше назар аударылған, өйткені ол «қазақ қоғамының саяси-әлеуметтік құрылымының өзіндік кескіні және көшпелі қоғамдардың әскери-ұйымдық моделінің үйлесімді түрі болды» [1, с. 128]. Қойылған мәселе әскери әрекеттердің басты ұйымдастырушысы,

басшысы әрі үйлестірушісі болған басқарушы топтың – хандардың зерттеудегі рөлін көрсету арқылы шешімін тапқан. Бұл әскери иерархияның жоғарғы және ортаңғы өкілдері болған жасақ басшылары сұлтандар мен батырлардың мәртебесін ашуға да байланысты. Сонымен бірге, хан мен сұлтандардың жасақшылары – төлеңгіттердің де маңызы шет қалмады.

Жаңа замандағы қазақ әскерінің статистикалық санын автор Н.П. Рычков, А.И. Левшин, М. Тевкелев, В.В. Вельяминов-Зернов тәрізді Қазан төңкерісіне дейінгі авторлардың еңбектерін салыстырмалы талдау негізінде, сонымен қатар оны В.Я. Басин, Н.Г. Аполлова, Т.К. Алланиязов, А.К. Көшкімбаев және т.б. кеңестік және кейінгі авторлардың монографияларымен бекіту арқылы көрсеткен.

Аталмыш тараудың келесі параграфында басты назар сарматтардан бастап XVIII ғ. дейінгі ұзақ уақытнамалық кезең аралығын қамтитын көшпелілердің әскери ісі мен әскери экспансиясының тарихнамасына бөлінген. Бұл үдерістің бастапқы кезеңін автор, қарсыластың жаяу әскеріне қарсы тиімді ауыр жаракты атты әскердің – катафактрийдің пайда болуымен байланыстырады. Оның жақын және алыс қашықтықтан ұрыс жүргізуге арналған соғыс әрекеттерінің стратегиясын және көшпелілерде қатты ердің, үзеңгі мен қылыштың пайда болуын анықтауы өте маңызды болып табылады. Осыған қоса жеңіл қарулы атты әскердің әскери өнер мен әскери тактикадағы жоғары деңгейлі оңтайлығы мен маңызды рөлі Еуразияның кейінгі ортағасырлардағы, және де ерте жаңа замандағы көшпелілерінің барлығына тән болды.

Көшпелілердің жоғарыда аталған әскери аспектілерінің логикалық жалғасы болып Еуразия көшпелілерінің әскери ісіндегі дәстүрді жалғастырған қазақ әскери өнеріне қатысты тарихи зерттеулерді талдау болып табылады. Олар Т.К. Алланиязовтың, А.К. Көшкімбаевтың, Е.Б. Бекмахановтың, Ж.К. Қасымбаевтың және т.б. зерттеулеріндегі жауынгерді дайындау, қазақ әскерлерінің тактикалық құрылымы, қару-жаракты қолдану, сонымен бірге Кенесары Қасымұлы мен басқа да көтерілістер барысында орын алған қазақтардың әскери моделі мен әскери өнерінің кызмет ету үдерісін талдау арқылы ашып көрсетілген.

«Еуразиялық көшпелілердің қарулануын зерттеу тарихнамасының дамуы» деп аталатын үшінші тарау Еуразия континентіндегі салт атты көшпелілер мен жаяу әскердің шабуылдау қаруларының зерттелуін, оның ішінде олардың классификациясын, сараптамасын және типтерін көрсетуден басталады. Оларды автор, әсіресе қоян-қолтық шайқастағы қару мәселесін жоғарыда аталып өткен Ю.С. Худяковтың еңбегіне сүйене отырып ашып көрсеткен. Сонымен бірге бұл тақырып М.В. Горелик, Э. Хара-Даван, Н.Я. Бичурин, В.П. Курылев, С.И. Вайнштейн, В.Ф. Немеров және т.б. мамандардың зерттеулерімен толықтырылған.

Еуразия көшпелілерінің қарулануында барынша жақсы зерттелген қорғаныс қару-жарағының тарихнамасы ерте ортағасырлардан бастап қарастырылған. Бұл жерде А.М. Хазановтың (ауыр сауыт киген катафактрилердің қарулануы), И.А. Златкиннің (бадана сауыттар), Ю.С. Худяковтың (сауыттар), Л.В. Бобровтың (жеңі шыңтыққа дейін келген сырылған шекпендер), Е.И. Кычанова (қатпарлы сауыттар), М.В. Гореликтің (дулыға, жылқыға арналған сауыттар мен әбзелдер) еңбектері тартылған.

Аталған мәселені қорытындылай келе, автор төмендегідей тұжырымға келеді: «Еуразия жауынгерлерінің қорғаныс құралдарымен жалпы қамтамасыз етілу деңгейі жеткілікті дәрежеде толымды әрі әртүрлі болды» [1, с. 243].

Қазақ жауынгерлерінің дәстүрлі қарулануын зерттеуге жеке параграф арналған. Бұл жерде Арман Қабдешұлы авторлары Ф. Скибин мени М. Трошин, Ф. Феофилов, М. Тевкелев, Ф. Ефремов, Н.П. Рычков, Я. Гавердовский, С. Броневский, А.И. Левшин болған XVII-XIX ғғ. орыс деректеріне, және де Ш.Ш. Уәлихановтың мәліметтеріне сүйенеді.

Кеңестік кезеңдегі жұмыстардан монографияда Г.И. Семенюктің,

А.Т. Кайдаровтың, В.П. Курылевтың еңбектері, ал отандық зерттеушілерден А.К. Көшкімбаев, Т.К. Алланиязов, К.С. Ахметжан жарияланымдары қолданылған.

Жоғарыда аталып өткен зерттеушілердің еңбектері негізінде дәстүрлі (садақ, жебе, қамшы, қылыш, семсер, шоқпар, күрзі, айбалта), сонымен бірге жаңа (пілтелі қару, қапшықты мылтықтар, зеңбіректер) қару-жарақ түрлерін қолданудың әртүрлі қырлары қарастырылған.

Қорытындыда автор келесідей өзіндік тұжырымдарға келеді: 1) «бұрындары жаңсақ түрде тек Шыңғысхан дәуіріндегі моңғолдарға ғана телініп келген әскери іс-қимылдар тактикасы кез-келген көшпелі қоғамға тән болған», соның ішінде қазақтарға да; 2) көшпелілердің әскери ісі тікелей көшпелі мал шаруашылығының ерекшеліктерімен, оған қоса нақты бір тарихи кезендермен байланысты болған. Осылармен қатар А.Қ. Жұмаділдің монографиясында, әлі шешімін таппаған тарихнамалық мәселелер де аталып өтілген: а) кейбір қару-жарақтардың генезисі; б) қарудың ғұрыптық-нышандық аспектілері; в) әскери істің дамуындағы көшпелілер дүниетанымының рөлі; г) көшпелілердегі әскери іс пен қару-жарақтың көршілес отырықшы елдерге ықпалы және т.б.

Біздің ойымызша, егер де автор қойылған мәселені зерттеуде пәнаралық тұрғыны кеңінен қолданғанда, мәселені, түркі-моңғол фольклоршылары мен этнологтарының еңбектері пайдаланылған тұста сарапталып отырған еңбектің ұтымды тұсы одан да арта түсер еді. Тарихнамалық шолу барысында, көшпелілердің өз қолдарымен жасаған және сырттан әкелген, әсіресе отты қару мен артиллериялық қару түрлерін сипаттап өту артық болмас еді. Сонымен бірге, басқыншы жаулардың уақытша немесе маусымдық шабуылдарын және қорғанушы көшпелілердің, соның қатарында қазақтардың оған сәйкес іс-әрекеттерін сипаттайтын зерттеулерді қарастыру қажет еді. Ішінде қатардағы, орта және командалық құрамдағы жауынгерлер мен жасақтар туралы мәліметтер кездесетін еңбектерді қосу жұмыстың құндылығын арттырар еді.

Дегенмен, жалпылай алғанда А.Қ. Жұмаділдің монографиясы қазақтарды қоса алғандағы Еуразия көшпелілері әскери ісінің тарихнамасына баға жетпес үлес қосып, зерттеуші-мамандар үшін ғана емес, сонымен қатар кең оқырман қауымы үшін де қызығушылық тудырады.

1. Жумадил А.К. Военное дело кочевников Евразии: историографический анализ. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 272 с.

МАХАТ Д.А.

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ жанындағы «Отырар кітапханасы» Ғылыми орталығы (Астана), т.ғ.д.

Айтылған тарих. Оқу құралы / Қойгелдиев М.Қ., Нұртазина Н.Д., Жангуттин Б.О., Тілеубаев Ш.Б., Нұрман Ш.Т., Мырзатаева З.Б., Қалыбекова М.Ч., Болатхан Ә. / Жалпы редакциясын басқарған Қойгелдиев М.Қ. – Алматы: «Қаратау КБ» ЖШС, «Дәстүр» баспасы, 2015. – 240 б.

2015 жылы Алматы қаласындағы «Дәстүр» баспасынан «Айтылған тарих» (көлемі 15 баспа табак) атты жаңа кітап жарыққа шықты [1]. Аты айтып тұрғандай айтылған тарихты зерттеу және оқыту әдісі, яғни қазақ халқының тарих айту дәстүрі және оның бүгінгі жалғасы – айтылған тарихты зерттеу жұмыстарында пайдалану, методологиялық және методикалық ерекшеліктер, шетел ғалымдарының тәжірибелері баяндалған бұл еңбек оқытушыларға, магистранттарға, докторанттарға және студенттерге арналып жазылған оқу құралы.

Аталған оқу құралы «Халық тарих толқынында» атты бағдарлама аясында

Абай атындағы ПУУ-те дайындалған. Жалпы редакциясын басқарған ҚР ҰҒА мүше-корреспонденті М.Қ. Қойгелдиев. Оқу құралын дайындауға М.Қ. Қойгелдиев, Н.Д. Нұртазина, Б.О. Жангуттин, Ш.Б. Тілеубаев, Ш.Т. Нұрман, З.Б. Мырзатаева, М.Ч. Қалыбекова, Ә. Болатхан сияқты танымал тарихшы ғалымдар қатысқан. Пікір жазғандар тарих ғылымының докторлары Г.С. Сұлтанғалиева, Г.С. Жүгенбаева.

Қазақ халқының дәстүрлі тарихи жады оның шежірелері мен ауыз әдебиетіндегі ақын-жыраулардың толғауларында, киелі аңыздары мен діни дастандарында сақталып бүгінгі күнге жеткені белгілі. Этнограф-ғалым Ақселеу Сейдімбектің сөзімен айтсақ: «Қазақтың шежірешілдігін, дәлірек айтсақ, қазақтың тарихшылдығын ұлттық қасиет деуге болады» [2, 31-б.]. Қазақ халқы өзінің дәстүрлі өмір салты, тарихы, рухани әлемі жинақталған шежірелер мен аңыздарды, батырлық жырлар мен діни дастандарды көзінің қарашығындай сақтады. Ауызша тарихтың сақталуы туралы Шоқан Уәлиханов: «Қазақ өзінің көне аңыздары мен сенім-нанымдарын қайран қаларлықтай тазалықта сақтай білген. Одан да өткен ғажабы сол, байтақ даланың әр шалғайындағы, әсіресе, өлең-жырлар еш өзгеріссіз, бір қолдан шыққандай қайталанатынын қайтерсіз. Көшпелі, сауатсыз ордадағы ауызша тараған үлгілердің бір-бірінен қылдай ауытқымайтыны адам айтса нанғысыз қасиет, алайда күмән келтіруге болмайтын шындық» [2, с. 390], – деп жазса, ағылшын зерттеушісі Пол Томсон: «Ауызша тарих түбегейлі өзгерістердің құралы болмауы мүмкін, алайда бәрі оның қолданылуына байланысты. Соған қарамастан, ауызша тарих тарихтың мәні мен маңызын, сонымен бірге мақсатын да өзгертуі мүмкін» [3], – дейді. «Айтылған тарих» оқу құралының авторлары соңғы уақытқа дейін батыстық тарихнамада қабылданған «ауызша тарих» атауы бұл ғылыми бағыттың өзіне тән ерекшелігін аша алмайтындығын айта келе, жад пен тілдің өзара бірлікте атқаратын міндетін «айтылған тарих» ұғымы арқылы толық қамтуға болады деп түйіндейді [1, 21-б.].

Тарихқа көз жіберсек «Даланың ауызша тарихы» ұғымы бірінші рет Өтеміс қажының еңбегінде кездеседі, ал оның дәстүрлік келбеті – Рашид-ад дин, Мұхамед Хайдар Дулати, Әбілғазы Баһадүр-хан, Қадырғали Жалайыр, Құрбанғали Халид, Шоқан Уәлиханов, Ыбырай Алтынсарин, Абай Құнанбаев, Мәжһүр-Жүсіп Көпейұлы, Шәкәрім Құдайбердіұлы, Әлихан Бөкейханов, Ахмет Байтұрсынұв, Міржақып Дулатов, Әлкей Марғұлан және басқа да түркі-қазақ ғұламалары еңбектерінде жан-жақты көрінген. ХХ ғасырдың басында Қазақстан тарихының очерктері мен оқулықтарын жазған кәсіби тарихшылар – А. Чулошников, А. Рязанов, Б. Герасимов, С. Асфендияров, М. Тынышбаев, Х. Досмұханбетов, Қ. Кемелгерев, Т. Шонанов және өткен ғасыр ортасында тарих ғылымында өшпес із қалдырған Е. Бекмаханов ауызша тарих деректерін өз зерттеулерінде кеңінен пайдаланғаны белгілі. Е. Бекмаханов «Қазақстан ХІХ ғасырдың 20-40 жылдарында» деп аталатын монографиясында М.Ж. Көпеев, Ә. Диваев және басқалардан жазып алған халық мақал-мәтелдерін және фольклорды маңызды дерек көзі ретінде кеңінен қолданып қана қоймай, ғылыми тұрғыдан деректанулық талдау жасады. Қазақ халқының рухани мәдениетін ғылыми тұрғыдан терең әрі кең ауқымда зерттеген ғалым – Әлкей Марғұлан даланың ауызша тарих айту үлгісін жинастырып, оларды кезеңдерге бөліп көрсетті [4]. Кенестік тоталитарлық жүйенің саяси қысымының үдей түсуі салдарынан ХХ ғасырдың 50-ші жылдарының аяғы мен 70 жылдардың басында кенестік таптық-партиялық методологияға баса назар аударылып, ұлттық тарихи білімнің даму ерекшеліктерін, қазақ халқының ауызша тарих айту дәстүрін ден қоя зерттеу мүмкіндік болмады. Жазба деректер маңызды болып табылды. Кенестік тоталитарлық жүйе орныққан қоғамды сақтап тұруға ықпал ететін деректерге ерекше мән берді. Мәселен: Амангелді Иманов бастаған көтеріліске қатысты естеліктер бәрімізге белгілі, ал алаш зиялыларына қатысты деректі мүлде таппайсыз. Біз бұдан қоғамдағы өзгеше ойлайтын адамдармен күрестің тоталитарлық жүйе құлағанша жалғасқанын, белгілі тұлғалардың жеке өміріне қатысты деректерді жинақтауға мүмкіндік те бермегенін, адамдардың ақыл-ойына құрылған қақпанды көреміз. Соның нәтижесінде менталитет тарихы, тарихи

антропология, тарихи мәдениеттану, интеллектуалды тарих, жаңа биографика, микротарих қалыс қалды.

Көрші Ресей мемлекетінде 1989 жылы Д.П. Урсудың [5] ауызша тарихтын методологиялық мәселелеріне арналған мақаласы жарияланғаннан бергі кезеңде шетел ғалымдарының аудармалары [6], күнделікті өмірге байланысты теориялық жұмыстар батыс еуропалық, ресейлік зерттеушілер еңбектері, конференция материалдары мен ғылыми мақалалар [7] молынан жарияланды. Жоғарыда аталған ««Айтылған тарих» оқу құралында: «Совет дәуірінде қазақ халқының тарих айту дәстүрі туралы маңызды пікір айтып, оның фактілік материалдарын өз зерттеу еңбектерінде пайдаланған ғалымдар С. Аманжолов, М. Ақынжанов, Ә. Марғұлан болды. ... Бірақ, өкінішке орай, бұл ғалымдардың халықтың тарих айту дәстүрін зерттеудегі бастамалары теориялық және методологиялық тұрғыдан өз жалғасын таба алған жоқ» [1, 37-б.], – деген пікірімен толық келісуге болады. Деректану, ауызша тарих айтудың теориясы мен методологиясы мәселесі елімізде кенже қалды. Ауызша тарих айту дәстүрі тарихнамалық және методологиялық тұрғыдан 1980 жылдардың екінші жартысынан назар аударыла бастады. Қазіргі әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің тарих факультетінде оқып жүргенімізде ұстазымыз М. Қойгелдиев өз дәрістерінде осы мәселеге, жалпы қазақ тарихына қатысты деректерге ерекше назарымызды аударып отыратын, ғалымның тарихи мәселелерді талдауы, маман тарихшыларды даярлаудағы өзінің үздік методикасы, дәріс оқу ерекшелігі, ұлттық деректерді талдаудағы білімдарлығы ерекше жадымызда қалыпты. Еліміз тәуелсіздік алғаннан кейінгі кезеңдегі іргелі еңбектерінде бұл мәселе ғалым зерттеулерінде кеңінен қарастырылды. Сондықтанда тарихтанудың әлемдік тәжірибесін ескере отырып, тақырыптық жағынан жүйелі әрі мол деректерге сүйеніп жазылған қолымыздағы оқу құралын ғалымның ұзақ жылдардан бергі еңбегінің нәтижесі деп қабылдаймыз.

Оқу құралы кіріспеден, «Қазақ халқының тарих айту дәстүрі», ««Айтылған тарих»: жаңа мүмкіндіктері мен ерекшеліктері», «Айтылған тарих: зерттеу бағыты, дерек көзі, әдісі», «Сұхбат жүргізудің технологиясы мен әдістері», «Сұхбат материалдарын транскрипциялау және мұрағаттау», «Айтылған тарих» деректерін ғылыми-зерттеу жұмыстарында пайдалану», «Айтылған тарих мектепте» деген бір-бірімен байланысты жеті тараудан жеті тараудан және қорытындыдан тұрады. Кіріпеден тарих айтудың ескі және жаңа түрлері, ғылым мен білімде тарих айту дәстүрін жаңғыртудың мақсаты мен міндеттері, алғашқы бағдарламалар, ғылыми-зерттеу орталығының құрылуы, «Айтылған тарих» әдісінің әлеуметтік жүгі және тарихты оқыту үрдісіндегі маңызы, оқу процесіне және тәрбие ісіне енгізудің тиімділігі, термин, дефиниция мәселесі туралы түсінік берілген [1, 1-22-бб.].

Ғалымдар М.Қ. Қойгелдиев пен Ш.Б. Тілеубаев жазған «Қазақ халқының тарих айту дәстүрі» деп аталған бірінші тарауда көшпелі және жартылай көшпелі қоғамдағы тарих айту дәстүрінің ерекшеліктері және оның даму кезеңдері, ортағасырлық түркілер және қазақ қоғамындағы жадта сақтап айту дәстүрі мен жазба мәдениетінің өзара байланыста даму тарихы, эпостың тарихилығы, 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс айтылған тарих деректерінде баяндалуы мәселесі талданған [1, 23-68-бб.].

Ғалымдар М.Ч. Қалыбекова, Ә. Болатхан, З.Б. Мырзатаева «Айтылған тарих»: жаңа мүмкіндіктері мен ерекшеліктері» деп аталатын екінші тарауда айтылған тарихты ғылыми бағыт ретінде қарастырып, АҚШ, Еуропа елдері және бұрынғы КСРО құрамында болған Белорусь, Қазақстан ғалымдарының тәжірибесін жүйелеп жазылған.

Үшінші тарауда тарих ғылымдарының кандидаты Ш.Б. Тілеубаев айтылған тарихты ғылыми-зерттеу бағыт, дерек көз, тарих зерттеу әдісі ретінде қарастырған.

Төртінші тарауда тарих ғылымдарының кандидаты З. Мырзатаева сұхбат жүргізудің технологиясы мен әдістерін, бесінші тарауда тарих ғылымдарының докторы Н.Д. Нұртазина сұхбат материалдарын транскрипциялау және мұрағаттау мәселесін, алтыншы тарауда тарих ғылымдарының кандидаты Ш.Т. Нұрман айтылған тарих

деректерінің ерекшеліктері, оларды ғылыми-зерттеу жұмыстарында қолдану, түсіндіру, жайын, жетінші тарауда М. Қойгелдиев, Б.О. Жангуттин, З.Б. Мырзатаева мектепте тарих пәнін оқытудың жаңа технологиясы, өлкетану және басқа мәселерді қарастырған. Оқу құралының соңында ұсынылған қосымшадағы «Айтылған тарих» курсы бойынша оқу бағдарламасы оқытушылар үшін дайын методикалық құрал болып табылады. «Түсіндірме хатта» курстың мақсат, міндеттері, білім алушылардың біліктілікті меңгеруі, оларда кәсіби құзыреттілікті қалыптастыру мен дамыту, оқу процесінің негізгі формалары туралы бағдар берілген. Курстың мазмұны, білім алушыларға арналған сұрақтар мен реферат тақырыптары, әдебиеттер тізімі, айтылған тарих ғылыми-зерттеу орталықтарының электронды адрестері және басқа да сабақты ұтымды ұйымдастыруға көмек материалдармен жабдықталған.

Қорыта келгенде ұсынылып отырған оқу құралы қазақ халқының тарих айту дәстүрі және оның бүгінгі жалғасы – айтылған тарих әдісін тарихи зерттеу жұмыстарында пайдаланудың теориялық, методологиялық және методикалық ерекшеліктері, сондай-ақ осы салада жинақталған шетелдік тәжірибелер қарастырылған, тарихи сұхбат алуды даярлау, оны жүргізу және құжаттандырып мұрағат қорларына өткізу технологиясы жүйеленіп жазылған танымдық маңызы зор еңбек.

Әдебиет

1 Айтылған тарих. Оқу құралы / Қойгелдиев М.Қ., Нұртазина Н.Д., Жангуттин Б.О. және басқалар / Жалпы редакциясын басқарған Қойгелдиев М.Қ. – Алматы: «Қаратау КБ» ЖШС, «Дәстүр» баспасы, 2015. – 240 б.

2 Сейдімбек А. Қазақтың ауызша тарихы. – Астана; Фолиант, 2008. – 728 б.

3 Томсон Пол. Устная история. – Москва: Издательство «Весь мир», 2003. – 368 с.

4 Маргулан А.Х. Эпические сказания казахского народа: дис. ... док. филол. наук: 10.01.10. – Москва, 1945. – 563 с.

5 Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989. – М.: Наука, 1989. – С. 3-32.

Хрестоматия по устной истории / Пер., составление, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – 396 с.; Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – Москва: Издательство «Весь мир», 2003. – 368 с.; Коркюф Ф. Феноменологический конструктивизм: вклад А. Шюца // Новые социологии / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской и др. – СПб: Алелейя, 2002. – С. 80-84; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.; Бродель Ф. Структура повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв.: В 3-х т. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.; Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник 1998/99. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 77-81. и т.д.; Бердинских В.А. Народ на войне. – Киров: Кировская обл. типография, 1996. – 336 с.; Его же. Крестьянская цивилизация. – М.: Аграф, 2001. – 427 с.; Кринко Е.Ф. Устная история, её проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 2001. – Вып. 3. – С. 37-48; Еремеева А.Н. Устная история в изучении историко-психологических особенностей советского научного сообщества // Психологические свойства современного исторического знания / Под ред. С.С. Минц. – Краснодар: Изд-во КубГУ; МНЦИПИ, 2003. – 363 с.; Хлынина Т.П. Устная история и её возможности в постижении этноса традиционной культуры. Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / Под ред. Н.И. Бондаря и В.В. Воронина. – Краснодар: Альфа-Полиграф плюс, 2005. – С. 154-163; Власкина Т.Ю. Гражданская война на Дону в устноисторической традиции // Мир Шолохова: История и культура. – Ростов-на-Дону, 2005; Её же. К вопросу о воздействии тюремного и лагерного опыта на носителей традиционной культуры донских казаков // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. – Краснодар: Кубанькино, 2006. – 259 с. және т.б..

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
Қ 53

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Пікір жазғандар:

Н. Мұхаметханұлы, тарих ғылымдарының докторы,
профессор; Қ. Өскенбай, тарих ғылымдарының кандидаты

Қинаятұлы З.

Қ 53 Қазақ мемлекеті және Жошы хан (екінші басылым). – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. — 360 бет.

ISBN 978-601-7348-45-8

Оқушы қауымның сұранысы бойынша тарих ғылымдарының докторы Зардыхан Қинаятұлының «Қазақ мемлекеті және Жошы хан» атты монографиялық туындысының екінші басылымын назарларыңызға ұсынып отырмыз. Монографиялық еңбектің алғашқы бөлімдері Жошы ханның өмірбаянына, екінші жартысы Қазақ мемлекеттілігінің үлгі, бастауы – Ақ Орда мемлекеті тарихына арналған. Еңбектің деректемелік негізі бай, тілі жатық, ойы орамды болғандықтан оқушы қауымды бейжай қалдырмас деп сенеміз.

УДК 94 (574)
ББК63.3(5Каз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014

© Қинаятұлы З., 2014

Сатылым бағасы – 1200 теңге

ISBN 978-601-7348-45-8

УДК 070
ББК 76.01
К 26

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Күрастырып, алғы сөзі мен түсініктерін жазған және
еңбектерін қазіргі әріпке аударған тарих ғылымдарының
докторы С. О. Смағұлова

Кәшімов М.

К 26 Шығармалар жинағы / М. Кәшімов. – Алматы:

«Елтаным
баспасы», 2014. – 216 бет.

ISBN 978-601-7348-46-5

Кітапқа ХІХ ғ. соңы мен ХХ ғ. 30-жылдары өмір сүрген ақын, журналист Мұхаметсәлім Кәшімовтың кітаптары мен «Айқап» журналына жарияланған мақалалары, очерктері топтастырылып отыр. Автордың еңбектерінде бала тәрбиесі, жер дауы, жесір дауы, әменгерлік, барымта мәселелері, дін-шариғат қағидалары, тазалық, қазақтардың тұрмыс халі, мәдениеті, ағарту ісі, музыка мәселелері көтерілген.

Бұл еңбек гуманитарлық ғылымдар саласы мамандарына, жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары мен оқытушыларына, сондай-ақ көпшілік оқырман қауымға арналған.

Сатылым бағасы – 900 теңге

УДК 070
ББК 76.01

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014

ISBN 978-601-7348-46-5

© Құраст.: Смағұлова С., 2014

Сатылым бағасы – 1200 теңге

Сатылым бағасы – 1200 теңге

электронных источников количественными методами. Междисциплинарный синтез предложен как подход при изучении их содержания на примере материалов современной истории Казахстана. Исследование основано на обширном комплексе цифровых форм информации, широком привлечении источников историографического и документального содержания, справочных изданий, периодической печати. Впервые в казахстанской историографии электронные источники вводятся в научный оборот и рассматриваются в качестве объекта научного исследования.

Книга ориентирована для специалистов, исследователей современного периода истории Казахстана, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами отечественной истории.

ISBN 978-601-4378-42-7

УДК908
ББК 26.89
У13

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов

Рецензенты:

М.Х. Асылбеков, академик, доктор исторических наук, профессор
А.И. Кудайбергенова, доктор исторических наук

Уалтаева А.

У 13 Малые города Казахстана: информационно-исторический аспект. – Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014.

ISBN 978-601-7348-53-3

Т. I. – 2014. – 312 с.

ISBN 978-601-7348-52-6

Книга посвящена социально-экономическому и демографическому развитию малых городов Республики Казахстан, отражает историческую ретроспективу образования, развития этих городских поселений и в период независимости. В I том вошли материалы по малым городам Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей по состоянию на 2011-2012 год в информационном формате, остальные городские поселения республики войдут в последующие тома и соответствующие временные периоды.

Содержание основано на обширной источниковой базе. В работе использованы статистические материалы, сборники, материалы отчетных докладов акимов городов за 2012 г., данные переписей населения, периодической печати, интернета. Имеются таблицы и научный аппарат.

Автор выражает благодарность акимам малых городов за сотрудничество и помощь, оказанную в подготовке материалов.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

УДК 908

ББК 26.89

© Уалтаева А., 2014

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2014

ISBN 978-601-7348-53-3
ISBN 978-601-7348-52-6

УДК 004
ББК32.81
А 50

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов

Рецензенты:

Ж.Б. Абылхожин, д.и.н., профессор

Л.И. Бородкин, д.и.н., профессор

Научный редактор:

С.Ф. Мажитов, д.и.н., профессор

Алимгазиев К.

А 50 Современные технотронные источники: информационный анализ исторических гипертекстов. Монография. — Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. — 348 с.
ISBN 978-601-4378-42-7

Начало XXI века ознаменовалось бурными процессами информатизации практически всех сфер жизни. Это особенно коснулось сферу политики, экономики, общественных отношений, повседневной жизни. Возникают новые формы общественной коммуникации, новые форматы презентации, переработки и консервации документальных сведений. Традиционные в понимании историка технотронные источники дополняются появлением новых их видов – электронных. При этом изучение современной истории имманентно подводит к пониманию того, что оно будет неполным без использования этого массива информации, который возникает, распространяется, хранится в цифровой среде и не имеет печатного аналога. Работа представляет источниковедческий обзор

УДК 004

ББК 32.81

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2014
© Алимгазиев К., 2014

Сатылым бағасы – 1200 теңге

түрде зерттелініп, сараланды. Кітаптың соңында Санжар Асфендиаров пен оның отбасы мүшелерінің өмірі мен қызметіне қатысты тың тарихи құжаттар келтірілген.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшы-ғалымдарға, саясаттанушыларға, жоғары оқу орындарының тарих факультеттерінің ұстаздары мен студенттеріне, Санжар Асфендиаров пен оның замандастарының өмірі мен қызметін білгісі келетін барша оқырмандарға арналған.

ISBN 978-601-7348-48-9
ISBN 978-601-7348-49-6

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014
© Жүнісбаев А., 2014

Сатылым бағасы – 560 теңге

на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

ISBN 978-601-7348-38-0

УДК 61 (092)
ББК 63.3-8

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Ғылыми редакторы:

О.М. Қоңыратбаев, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
Пікір жазғандар:

Т.Ә. Төлебаев, тарих ғылымдарының докторы, профессор
С.С. Смағұлова, тарих ғылымдарының докторы, доцент

Жүнісбаев А.

Санжар Асфендиаров: өмірі мен қызметі (1889-1938 жж.). Т. I:
(1889-1918 жж.). – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – 256 + 12
бет суретті жапсырма.

ISBN 978-601-7348-48-9

ISBN 978-601-7348-49-6

Бұл монографиялық зерттеу еңбегі халқымыздың біртуар азаматы, көрнекті мемлекет және қоғам қайраткері Санжар Асфендиаровтың 1889-1918 жылдар аралығындағы өмірі мен қызмет жолына арналған. Санжар Асфендиаровтың туған жері мен халқына еңбегі сіңген көрнекті қайраткер болғанымен, оның сан-салалы қызметі мен өмірі осы күнге дейін арнайы зерттеу еңбектің нысанына айнала қоймауы салдарынан көпшілік оқырманға, тарихшыларға, өсіп келе жатқан жас буынға беймәлім.

Кітапта Санжар Асфендиаровтың қоғам және мемлекет қайраткері ретінде қалыптасуы, оның отбасы мүшелерінің өмірі мен тағдырлары, училище мен академияда оқыған жылдары, әскери-дәрігерлік қызметі және Түркістан халықтарының азаттығы үшін күресі тың мұрағат құжаттарының негізінде жан-жақты әрі кешенді

УДК 930
ББК63
Н 55

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, Д.А. Рахимқұлов

Рецензенты:

М.Х. Абусеитова, доктор исторических наук
А.Т. Қашпаева, кандидат исторических наук

Несипбаева Ж.

Н 55 Методологические вопросы истории в советской историографии (60-80-е годы XX в.). – Алматы: «Издательство Елтаным», 2014. – 160 с.

ISBN 978-601-7348-38-0

Казахстанская историография методологии истории сравнительно молода. Она начала свои методологические изыскания с момента обретения Республикой Казахстан независимости. Ее интересует накопленный советской историографией опыт изучения методологических основ исторической науки. В этой связи данная книга включает в себя исследования фундаментальных проблем методологии истории таких, как понятие «методология истории», ее содержание и структура, категория «исторический факт». Хотя многие методологические вопросы в советской историографии носили порой дискуссионный характер, а также не было завершено формирование исторического категориально-понятийного аппарата. Однако следует отметить, что советская историография методологии исторической науки имеет значительный научный пласт специальных методологических исследований. В этой связи обращение к основам методологии истории и к наследию советской историографии представляет огромный научный интерес для казахстанских исследователей.

Так же в монографии выделены узловые моменты интерпретации данных понятий.

Работа рассчитана на специалистов историков, философов, а также

УДК 930
ББК 63

©Несипбаева Ж., 2014

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2014

Сатылым бағасы – 340 теңге

историософского знания.

Издание адресовано специалистам, исследователям, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана.

ISBN 978-601-7348-44-1

Сатылым бағасы – 340 теңге

Басылым Қазақстан тарихын зерттеуші мамандарға, магистранттарға, студенттерге, сонымен қатар ұлт тарихына қызығушылық танытатын көпшілікке арналған.

ISBN 978-601-7348-50-2

УДК С94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
И 89

Рекомендовано ученым советом Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (председатель), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов

Ответственный редактор

К.Ш. Алимгазинов

Ответственный секретарь методологического семинара

Ж.Ж. Несипбаева

Рецензенты:

Г.С. Жугенбаева, Ж.Б. Кундакбаева

И 89 История Казахстана: новый взгляд: Сборник материалов методологических семинаров Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2012-2013 гг. / отв. ред. К.Ш. Алимгазинов. – Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. – 140 с.

ISBN 978-601-7348-44-1

Сборник содержит тексты выступлений докладчиков на методологических семинарах Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. Материалы представлены в хронологической последовательности проведения мероприятий, в период за 2012-2013 гг., освещают итоги проведенной научной работы по выполнению приоритетных программ исследований Института, акцентируют внимание на актуальных проблемах изучения национальной истории, в русле современных парадигм

УДК 94(574)
ББК63.3(5Каз)
У43

Басаға ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атыгаев, Д.А. Рақымқұлов

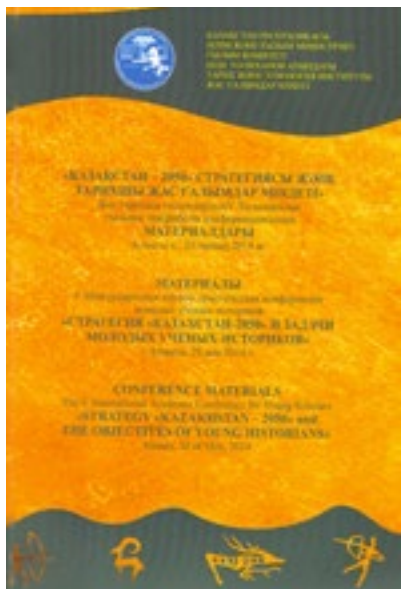
Құрастырушылар:

А.Т. Саурықова, Г.Ж. Өскенбаева, С.Ә. Асанова
**У 43 «ҰЛТТЫҚ ТАРИХТЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ӘЛЕМДІК ЖӘНЕ
ОТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ. І НҮСІПБЕКОВ ОҚУЛАРЫ.**
Республикалық ғылыми-практикалық конференция материалдары.
Алматы қ., 12-24 желтоқсан 2013 ж. – Алматы: «Елтаным баспасы»,
2014. – 76 б.

**«МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА
ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» І-х НҮСІП-
БЕКОВСКИХ ЧТЕНИЙ.** Материалы Республиканской научно-
практической конференции. г. Алматы 12-24 декабрь 2014 г. —
Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. – 76 с.
ISBN 978-601-7348-50-2

Жинаққа Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтында «А.Н. Нүсіпбеков оқулары» бағдарламасы бойынша өткен «Академик А.Н. Нүсіпбеков және ұлттық тарихты зерттеу» конференциясы мен «Халық тарих толқынында» аясында «Тәуелсіз Қазақстан: мәселелері мен келешегі», «Тарих ғылымының әдісі және әдістемесі», «Қазақстанның этникалық тарихын және мемлекеттілігін зерттеу мәселелері: жана көзқарастар — тың материалдар», «Жүз қария, жүз ауыл», «Оно-өрнек күпиясы», «Шежіре» атты дөңгелек үстел және 2013-2014 ж. жүргізілген экспедиция барысында жинақталған материалдар ұсынылып отыр.

УДК 94 (574)
ББК63.3(5Каз)
© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2014

Сатылым бағасы – 1350 теңге

ISBN 978-601-7348-57-1

УДК 93/94 (063)
ББК 633
Қ 18

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесі (29 сәуір, 2014 ж. №4 хаттама) ұсынған

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов — тарих ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі
Д.А. Рахымқұлов — тарих ғылымдарының кандидаты
Р.Ж. Көбеев — ғылыми қызметкер
А.Ә. Жүнісбаев — ғылыми қызметкер
Жауапты редакторы
А.Ә. Жүнісбаев
Құрастырушы:
А.А. Оралова

Қ 18 «Қазақстан-2050» Стратегиясы және тарихшы жас ғалымдар міндеті» атты жас тарихшы ғалымдардың V Халықар. ғыл.-тәж. конф. материалдары. 20 мамыр 2014 ж. / ред. Х.М. Әбжанов, Д.А. Рахымқұлов. — Алматы: Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының редакциясы, 2014. – 368 б. ISBN 978-601-7348-57-1

Бұл жинақта аталмыш ғылыми конференцияға қатысушылардың Отан тарихы, әлем тарихы, деректану және тарихнама, археология және этнология, «Қазақстан-2050» стратегиясы: ғылым және жастар мәселелеріне қатысты жасаған баяндамалары мен тарих ғылымының әртүрлі аспектілеріне арналған зерттеулері топтастырылған.

УДК 93/94 (063)

ББК63.3

© ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, 2014

Сатылым бағасы – 1200 теңге

ISBN 978-601-7348-56-4

УДК 93/94(063)
ББК 63.3
Қ 18

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесі (3 маусым, 2014 ж. №5 хаттама) ұсынған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Қ.С. Алдажұманов
Құрастырушылар: т.ғ.к., доцент З.М. Төленова;
т.ғ.к. К.Қ. Нұрымбетова

Қ18 «Қазақстан және әлемдік тарих кеністігі: жалпы мен ерекшеніп «Мәңгілік ел» ұлттық идея арқылы көрінісі» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. материалдары. 17 сәуір, 2014 ж. / ред. Х.М. Әбжанов. — Алматы: «Елтаным» баспасы, 2014. – 344 бет. ISBN 978-601-7348-56-4

Бұл жинақта аталмыш халықаралық конференция жұмысына қатысқан отандық және шетелдік тарихшы, әдебиетшілер мен философтардың және экономист ғалымдардың Елбасы Н.Ә. Назарбаев көтеріп отырған «Мәңгілік Ел» ұлттық идеясын зерттеу, насихаттау, оқу үдерісіне енгізу мәселелері мен көптомдық «Отан тарихын» жазу барысындағы идеялар мен іркілістерді, әлемдік тарихи кеністіктегі Қазақстан және Отан тарихын дәуірлеу, қазақ мемлекеттілігінің пайда болуы, өрлеуі мен өркендеуі, ұлт тарихының әлемдік тарихи үдерістермен ықпалдасығы, тарихтағы тұлғалардың рөлі, тәуелсіздіктің бастау-бұлақтары мен жемістерін ғылыми ойдың соңғы жетістіктеріне сүйеніп, жаңа методологиялық ұстаныммен және «Халық тарих

толқынында» бағдарламасы аясында отандық, шетелдік мұрағаттардан жинақталған тың деректер негізінде қозғаған ойлары мен ұсыныстары топтастырылған.

Жинақ материалдары тарихшыларға, археологтарға, этнологтарға, демографтарға және көпшілік оқырман қауымға арналған.

УДК 93/94 (063)

ББК63.3

© ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, 2014

УДК 94(574)(092)
ББК 63.3-8
А89

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған.

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Пікір жазғандар:

Құдайбергенов Ә.Н., *тарих ғылымдарының докторы, профессор;*
Алдажұманов Қ.С., *тарих ғылымдарының кандидаты*

Асылбеков М., Төлєнова З.

А 89 Академик М.Қ. Қозыбаев: ғұлама ғалым, ірі қоғам қайраткері / М. Асылбеков, З. Төлєнова. – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – 280 бет +16 бет суретті жапсырма.

ISBN 978-601-7348-55-7

Сатылым бағасы - 1350 теңге

Кітапта Қазақстандағы тарих саласының дамуына өзіндік үлес қосқан ірі ғалымдардың бірі – академик М.Қ. Қозыбаевтың өмірі, шығармашылық мұрасы, ғылыми-ұйымдастырушылық және қоғамдық қызметіне талдау жасалып, баға берілген. Ғалымның XX ғасыр басындағы Қазақстан тарихына ерекше көңіл бөліп, әлі нақтылана зерттеліп, өзіндік бағасын алмаған, кеңестік идеологияның шырмауында болып келген мәселелерді көтеріп, әділ бағалануына көшбасшы болғаны көрсетілген. Әсіресе, 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалысқа, Қазақстанда Кеңес өкіметінің орнауна және азамат соғысы 1920-1930-жылдардың күрделі, қайшылыққа толы мәселелеріне, оның ішінде ашаршылық, зұлмат, қуғын-сүргінге, 1941-1945 ж. Кеңес Одағының фашистік Германияға қарсы Ұлы Отан соғысындағы жеңісіне Қазақстанның қосқан үлесіне арналған іргелі еңбектерінің Отан тарихын дамытудағы орны мен рөлі баяндалған.

Кітап тарихшы ғалымдарға, ғалым өмірін танып білсем деген оқырман қауымға арналған.

УДК 94 (574) (092)
ББК63.3-8

ISBN 978-601-7348-55-7

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014
© Асылбеков М., Төлєнова З., 2014

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Қаз)
Т21

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған.

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов, С.О. Смағұлова (жауапты редактор),
Н.Ә. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Т 21 Тарих және тарихшы / Құраст.: З.М. Төлєнова, А.А. Оралова.
— Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. — 200 бет.

ISBN 978-601-7348-54-0

Бұл кітапта Қазақстандағы тарих ғылымының дамуында өзіндік орны бар белгілі ғалым, тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі Ханкелді Махмұтұлы Әбжановтың өмірі, зерттеулері, ғылыми-ұйымдастырушылық және қоғамдық қызметі хронологиялық тәртіппен берілген. Сондай-ақ республикалық баспасөз беттерінде жарияланған әріптестерінің ой-толғамдары мен мақалалары енгізілді.

УДК 94 (574)
ББК63.3 (5Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014
Құраст.: Төлєнова З.М., Оралова А.А., 2014

Сатылым бағасы - 1350 теңге ISBN 978-601-7348-54-0

Сатылым бағасы - 1500 тенге

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге, жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына. С. Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

ISBN 978-601-7317-83-6
ISBN 978-601-7317-82-9

УДК 070 ББК 76.01 А89

*Қазақстан Республикасы Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Томды құрастырып, баспаға дайындағандар және жауапты
шығарушылар: Х.М. Әбжанов, А.Ә. Жүнісбаев

Асфендиаров Санжар

А 89 ШЫҒАРМАЛАРЫ. Төрттомдық шығармалар жинағы.
Санжар Асфендиаров. / - Алматы: «Ел-шежіре», - 2014.

ISBN 978-601-7317-82-9

Т. I: - 368 б.

ISBN 978-601-7317-83-6

Көрнекті қоғам және мемлекет қайраткері, шығыстанушы-ғалым, қазақтан шыққан тұңғыш профессор Санжар Жағыпарұлы Асфендиаровтың төрттомдық шығармалар жинағының I-томына оның 1917-1928 жылдар аралығында мерзімді баспасөз беттерінде қазақ және орыс тілдерінде жарық көрген мақалалары, әртүрлі съездер мен мәжілістерде жасаған баяндамалары, сондай-ақ 1928 жылы Ташкент қаласында жарияланған «Материалы к изучению Востока. Часть I. Причины возникновения ислама» атты алғашқы іргелі зерттеу еңбегі енді.

Қайраткер өмір сүрген дәуірінің ерекшелігін ашып көрсету мақсатында жинаққа енген барлық шығармалардың мәтіндері өзгеріссіз, яғни түпнұсқа күйінде басылып, хронологиялық тәртіпте берілді.

УДК 070 ББК 76.01

© Әбжанов Х., Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1500 тенге

мақалалары мен баяндамалары, көркем туындысы, ғылыми-көпшілік жанрындағы шығармалары оның Қазақстанда әр түрлі жылдары атқарған сан-салалы қоғамдық-саяси, мемлекеттік және ғылыми-педагогикалық қызметі туралы айқын көрініс бере алады.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С. Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

ISBN 978-601-7317-84-3
ISBN 978-601-7317-82-9

УДК 070 ББК 76.01 А89

*Қазақстан Республикасы Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Томды құрастырып, баспаға дайындағандар және жауапты
шығарушылар: Х.М. Әбжанов, А.Ә. Жүнісбаев
Асфендиаров Санжар А 89 ШЫҒАРМАЛАРЫ.

Төрттомдық шығармалар жинағы. Санжар Асфендиаров.
/ - Алматы: «Ел-шежіре», - 2014.

ISBN 978-601-7317-82-9

Т. 2: - 376 б.

ISBN 978-601-7317-84-3

Көрнекті қоғам және мемлекет қайраткері, шығыстанушы-ғалым, қазақтан шыққан алғашқы профессор Санжар Сейітжафарұлы Асфендиаровтың төрт томдық шығармалар жинағының 2-томына оның 1929-1937 жылдар аралығында мерзімді баспасөз беттерінде қазақ және орыс тілдерінде жарық көрген мақалалары, әр түрлі жиындар мен басқосуларда сөйлеген сөздері, сондай-ақ 1935 жылы жарияланған «Шатер мира» атты тұңғыш әрі жалғыз көркем туындысы, 1936 жылы жарық көрген «Қазақстан» атты кітаптың құрамына енген «Историческое прошлое Казахстана» атты қысқаша очеркісі кірді.

Қайраткер өмір сүрген дәуірінің ерекшелігін ашып көрсету мақсатында жинаққа енген барлық шығармалардың мәтіндері өзгеріссіз, яғни түпнұсқа күйінде басылып, хронологиялық тәртіпте берілді. Жинаққа енген Санжар Асфендиаровтың

УДК 070 ББК 76.01

© Әбжанов Х., Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1500 теңге

УДК070
ББК 76.01
А 89

*Қазақстан Республикасы Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Томды құрастырып, баспаға дайындағандар және жауапты
шығарушылар: Х.М. Әбжанов, А.Ә. Жүнісбаев

Асфендиаров Санжар
А 89 ШЫҒАРМАЛАРЫ. Төрттомдық шығармалар жинағы.
Санжар Асфендиаров. /— Алматы: «Ел-шежіре», - 2014.
ISBN 978-601-7317-82-9
Т. 3.-408 б.

ISBN 978-601-7317-85-0

Қазақ халқының біртуар перзенті, көрнекті мемлекет қайраткері, тарихшы-ғалым, профессор Санжар Сейтжафарұлы Асфендиаровтың шығармалар жинағының үшінші томына оның 1935 жылы жарық көрген «История Казахстана (с древнейших времен)» атты ғылыми еңбегі кірді. Аталған кітап отандық тарих ғылымында қазақ халқының көне заманнан бері 1917 жылғы Ақпан революциясына дейінгі тарихын қамтыған алғаш кешенді зерттеу еңбегі болды. Профессор С. Асфендиаров бұл ғылыми туындысында қазақ халқының тарихын кеңес билігі тұсында үстем етіп тұрған маркстік-

лениндік тұрғыдан қарастыруға талпыныс жасады.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге, жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

УДК070
ББК 76.01

ISBN 978-601-7317-85-0
ISBN 978-601-7317-82-9

© Әбжанов Х. Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1500 теңге

УДК 070 ББК 78.01 А89

*Қазақстан Республикасы Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Томды құрастырып, баспаға дайындағандар және жауапты
шығарушылар: Х.М. Әбжанов, А.Ә. Жүнісбаев

Асфендиаров Санжар А 89 ШЫҒАРМАЛАРЫ. Төрттомдық

шығармалар жинағы. Санжар Асфендиаров. /— Алматы: «Ел-

шежіре», - 2014.

ISBN 978-601-7317-82-9

Т. 4; - 408 б.

ISBN 978-601-7317-86-7

Қазақ халқының ардақты азаматы, ірі қоғам және мемлекет қайраткері профессор С. Асфендиаровтың шығармалар жинағының соңғы төртінші томы екі үлкен бөлімнен тұрады. «Ғалым мұрасы» деп аталып бірінші бөлімге С. Асфендиаровтың қаламынан шыққан соңғы монографиялық зерттеу еңбегі - «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане» атты кітабы кірді. Аталған еңбек 1916 жылғы ұлт-азаттық қотерілісін жиырма жылдық мерейтойына орайластырылып 1936 жылы алдымен орыс тілінде, артынан қазақ тілінде баспадан жарық көрді.

Төртінші томның «Ғалым туралы зерттеулер» деп аталатын екінші бөліміне құрастырушы С. Асфендиаровтың өмірі мен қызметіне қатысты арналып жазылған ғылыми мақалаларды қосуды жөн деп тапқан. Өйткені шығармалар жинағының соңғы томында оқырман қауым ғалым-тарихшылардың зерттеулерімен танысу арқылы

С. Асфендиаровтың ұлт бостандығы үшін күреске толы өмірі, сан-салалы қызметі, қайраткердің тұлғалық келбеті туралы жан-жақты әрі мол мәлімет ала алады.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге, жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С. Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

УДК 070 ББК 76.01

ISBN 978-601-7317-85-0
ISBN 978-601-7317-86-7

© Әбжанов Х., Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ63.3(5Қаз)
К31

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Қ.С. Алдажұманов, Т.Ә. Нүрпейісов,
Д.А. Рахымқұлов

Құрастырғандар:

С. О. Смағұлова, тарих ғылымдарының докторы;
Г.Ж. Өскембаева, тарих ғылымдарының кандидаты

К 31 Кеңес Нүрпейіс. Шығармалар жинағы

Құраст.: С.О.Смағұлова, Г.Ж. Өскембаева. - Алматы:
«Елтаным баспасы», 2015. - 344 бет + 16 бет суретті жапсырма.
ISBN 978-601-7348-68-7

Кітапта тарихшы ғалым, академик Кеңес Нүрпейістің мерзімді баспасөз беттеріне жарық керген мақалалары мен ғылыми конференцияларда баяндалған еңбектері топтастырылып отыр. Автордың еңбектерінде тарих ғылымында өзекті болған ХХ ғасырдағы ұлт зиялыларының қоғамдық-саяси қызметі, 1916 ж. ұлт-азаттық қозғалыс барысы, аштық, қуғын-сүргін, тұлғатану және т.б. мәселелер көтерілген.

Сатылым бағасы - 1600 теңге

Жинақ гуманитарлық ғылымдар саласы мамандарына, жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары мен оқытушыларына, сондай-ақ, көшпiлiк оқырман қауымға арналған.

ӘОЖ 94 (574) КБЖ 63.3 (5 Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы

Тарих және этнология институты, 2015

ISBN 978-601-7348-68-7 © Құраст. Смағұлова С, Өскембаева Г, 2015

УДК 355/359
ББК 63.3 (2) 622
Е34

*Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова*

Редакционный совет:

Х М Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, К.С. Алдажұманов, Д.А. Рахымқұлов

Подготовили к изданию:

К.К. Нурумбетова, Ж.Ж. Несипбаева, А.А. Оралова,
Г.У. Орынбаева, А.Н. Конакбаева

Н.Е. Едыгенов

Е 34 Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Едыгенов Нури. Повт. изд. - Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. - 192 стр. ISBN 978-601-7398-79-3

В книге на фактическом материале показывается участие казахстанцев в организации всенародной партизанской борьбы, развернувшейся под руководством Коммунистической партии на временно оккупированной врагом территории Советской Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. В этой борьбе особенно ярко проявились советский патриотизм и дружба народов СССР.

Сатылым бағасы - 1500 теңге

Читатели познакомятся со многими неизвестными до сего времени именами своих земляков, которые героически сражались с гитлеровскими оккупантами до полного изгнания их с территории Советской Белоруссии.

Книга представляет интерес для историков, пропагандистов, учителей школ, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-601-7398-79-3

УДК 355/359 ББК63.3(2)622

© Едыгенов Н.Е., 1972

©Издательство «НАУКА» Казахской ССР, 1972

© Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 1500 теңге

рет ғылыми айналымға тартылып, қатаң хронологиялық тәртіпте келтірілген. Бұл құжаттар соғыс жылдары еліміздің облыстары мен аймақтарында жүргізілген жаппай мобилизациялау науқаны, оны жүзеге асыру барысы, ұлттық әскери құрамаларды жасақтау, өнеркәсіп пен өндіріс орындарының соғыс жағдайына көшірілуі, Қазақстанға жер аударылған халықтардың шаруашылық орналасуы, олардың тұрмыстық жағдайы, республика халқының майданға және Қызыл әскерге көмек көрсетуі, әйелдердің ауыр жұмысқа тартылуы, ашаршылықтың етек жаюы сынды мәселелер туралы мол мәлімет бере алады.

Жинақ Ұлы Отан соғысы тарихын зерттеуші мамандар мен тарихшыларға, ЖОО оқытушыларына, студенттеріне, магистранттары мен докторанттарына, көпшілік оқырманға арналған.

ISBN 978-601-7348-
ISBN 978-601-7348-

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ 63.3 (5 Қаз)
С

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Қ.С. Алдажұманов, А.Ә. Жүнісбаев

Құрастырғандар:

А.Ә. Жүнісбаев (жауапты), Г.Ж. Өскембаева, С.Ә. Асанова,
Қ.К. Қожаханова, А.Т. Саурықова

С «Соғыс. Халық. Жеңіс». Құжаттар мен материалдар жинағы (1941-1945 жж.). Том 1. / т.ғ.к. Қ.С. Алдажұмановтың редакциясымен. - Алматы: «Елтаным баспасы», 2015. - 224 бет. ISBN 978-601-7348- ISBN 978-601-7348-

Көпшілік оқырман қауымның назарына ұсынылып отырған «Соғыс. Халық. Жеңіс» атты құжаттар мен материалдар жинағы Ұлы Жеңістің 70-жылдық мерейтойына арналған. Жинақтың деректік базасын «Кенес Одағының Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстан. 1941-1945 жж.» атты ғылыми жобаның аясында 2014 жылдың аяғында - 2015 жылдың басында жүзеге асырылған кешенді ғылыми экспедицияның нәтижесінде 14 мұрағаттан жинақталған құжаттар мен материалдар құрайды. Жинаққа енген 80-нен астам құжаттың басым көпшілігі алғаш

ӘОЖ 94 (574) КБЖ
63.3 (5 Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2015

Сатылым бағасы - 1500 теңге

статья, написанные ученым, в разные периоды жизни и отражающие многообразие научных интересов Рамазан Бимашевича Сулейменова. Большинство произведений, выпущенные не большим тиражом к сегодняшнему дню стали библиографической редкостью.

Составители:

к.и.н. С.А. Асанова, А.Н. Конкабаева

ISBN 978-601-7348-86-1 ISBN 978-601-7348-85-4
ISBN 978-601-7348-86-1 ISBN 978-601-7348-85-4

УДК 94 (574) ББК 63.3 (5 Қаз)
© Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Қаз)
И 90

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (председатель, ответ.редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов, К.Ш. Алимгазинов,

Г.С. Жугенбаева

Составитель:

к.и.н. Ж.Ж. Несипбаева

И90 История Казахстана: новый взгляд: Сборник материалов методологических семинаров №2 Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова за 2014 г.). - Алматы: «Издательство Елтаным», 2014-72 стр.

ISBN 978-601-7348-80-9

Сборник содержит материалы выступлений докладчиков на методологических семинарах Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. Материалы представлены в хронологической последовательности проведения мероприятий за 2014 г., освещают итоги проведенной научной работы по выполнению приоритетных программ исследований Института, акцентируют внимание на актуальных проблемах изучения национальной истории, в русле современных парадигм

Сатылым бағасы - 340 теңге

историософского знания.

Издание адресовано специалистам, исследователям, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана.

УДК 94(574)

ББК 63.3(5Қаз)

ISBN 978-601-7348-80-9

©ИИЭ им ЧЧПалиханова.2014

УДК 94(574)(063)
ББК 63.3 (5Қаз)
Е40

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атыгаев, Д.А. Рақымқұлов

Құрастырушылар:

З.Б. Байжұманова, А.Ә. Жүнісбаев, А.Т. Саурыкова,
А. Нұрманова

Е40 II-ші НҮСПІБЕКОВ ОҚУЛАРЫ. Алматы қ., 22-26 желтоқсан
2014 ж. - Алматы: «Елтаным баспасы», 2014-304 б.

ISBN 978-601-7348-82-3

Жинаққа Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтында II-ші А. Нүсіпбеков оқулары аясында өткен «Академик А. Нүсіпбеков және «Қазақ тарихы» академиялық басылымдарын даярлау тәжірибесі», «Тарих ғылымы жас ғалымдардың үлесі мен рөлі», «Санжар Асфендияров және ұлттық тарих», «Әділет» қоғамына - 25 жыл», «Қазақ мемлекеттілігінің тарихы (ХІҮ-ХҮІІғғ)», «Ақжан-өл-Машани мұрасы және ұлттық ғылыми зерде», «Тереңіміз еді ғой теңіз дерлік...», «Қазақстан Республикасының тәуелсіздігі - Мәңгілік елдің ұлы тарихы» атты жинақталған конференциялар мен дөңгелек үстел материалдары ұсынылып отыр.

Басылым Қазақстан тарихын зерттеуші мамандарға, магистранттарға, студенттерге сонымен қатар ұлт тарихына деген қызығушылық танытқан көпшілікке арналған.

УДК 94(574)(063)

ББК 63.3 (5Қаз)

Е40

ISBN 978-601-7348-82-3

© ИИЭ им Ч. Ч. Валиханова. 2014

Сатылым бағасы - 2000 теңге

и переселенческой политики царизма в Казахстане, территориально-хозяйственного устройства, колонизации аула.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-7348-96-0

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
Б 42

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:
Х.М. Абжанов (ответственный редактор),
С.О. Смагулова, Н.А. Атыгаев, А.А. Джунисбаев

Составители:
к.и.н. А.С. Уалтаева, А.Т. Саурькова

Б 42 Бегежан Сулейменов. Избранные труды.
Повт.изд. -Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. 408 с.

ISBN 978-601-7348-96-0

Предлагаемое издание публикуется в рамках издаваемых наиболее значимых работ казахстанских историков, составляющих гордость отечественной историографии, чьи имена и наследие должны быть сохранены для потомков. Среди них ярким примером казахстанского патриотизма является научное наследие Бегежана Сулейменовича Сулейменова.

В первый том произведений историка вошли исследования, посвященные истории аграрных отношений, анализу аграрной

© Издательство Академии наук Казахской ССР, 1963
© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

ISBN 978-601-7348-93-9 (Т. 2)
ISBN 978-601-7348-85-4

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
С 89

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:
Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, К.С. Алдажуманов, Д.А. Рахымкулов

Составители:
к.и.н. С.А. Асанова, А.Н. Конкабаева

Сулейменов Р.Б.
С 89 Избранные труды / Р.Б. Сулейменов. Т. 2. - Алматы:
Изд-во «Елтаным», 2015. - 360 стр.

ISBN 978-601-7348-85-4
ISBN 978-601-7348-93-9

Второй том избранных трудов Р.Б. Сулейменова состоит из статей, написанных ученым в разные периоды жизни и отражающие многообразие научных интересов Рамазан Бимашевича Сулейменова. Большинство из них, выпущенные небольшим тиражом к сегодняшнему дню представляют библиографическую редкость.

УДК 94 (574) ББК 63.3
(5 Каз)

© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

УДК 94 (574) (093)
ББК 63.3 (5Каз)
Т 82

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
Редакционный совет:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, К.С. Алдажуманов, Д.А. Рахымкулов

Т 82 Б.А. Тулепбаев. Великие созидания и крушения в XX веке (Мемуары) / - Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. - 336 с.

ISBN 978-601-7348-98-4

Предлагаемая широкому кругу читателей книга хотя и названа мемуарами, однако она далеко выходит за пределы этого жанра, поскольку очень уж тесно переплетены в ней судьба автора с судьбами многих его современников, с судьбой страны. Книга представляет собой своеобразное сочетание научного анализа происшедших и происходящих событий, их причин и следствий с личными воспоминаниями и оценками.

Автор - Байдабек Ахмедович Тулепбаев, крупный ученый-историк, государственный и общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, которую он прошел, что называется, от звонка до звонка. Не только как свидетелю, но и зачастую как активному участнику многих исторически значимых событий, ему есть что рассказать, и он рассказывает о них естественно, искренне, не скрывая своих эмоций и своих чувств. Его могут упрекнуть в излишней, как покажется, субъективности оценок известных деятелей, оставивших свой след в истории, а также целого ряда фактов, будто бы уже устоявшихся и неопровержимых. Но он, автор, имеет право на свой взгляд, на выражение собственной жизненной позиции. Тем и интересна эта книга.

Сатылым бағасы - 2000 теңге

УДК 94 (574) (093)
ББК 63.3 (5ВД)

ISBN 978-601-7348-98-4

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Каз) 622.78
К 59

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор),
С.О. Смагулова, Н.А. Атыгаев, А.А. Жунисбаев

Составитель:
к.и.н., доцент З.М. Толенова

Козыбаев М.К. К 59 Избранные труды. - Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015.

ISBN 978-601-7348-99-1 Т. 1.-456 с.

ISBN 978-601-7849-00-9

Монография выдающегося ученого и организатора науки, академика Национальной академии наук Республики Казахстан М.М. Козыбаева посвящена истории республики периода Великой Отечественной войны Советского Союза. В ней на основе новых, в 60-70 гг. XX в. во многом закрытых и недоступных большинству исследователей материалов впервые воссоздана история Казахстана военного времени. Материалы и содержание книги свидетельствуют о самоотверженной героической истории казахского народа, казахстанцев в тылу, связи фронта и тыла.

Фон, сопутствующий содержанию и концептуальным основам монографии, является свидетельством того времени, когда вся жизнь советского государства и общества регулировалась организационными и идеологическими установками КПСС.

Книга предназначена массовому читателю, в особенности тем, кто интересуется эволюцией отечественной историографии советского периода.

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Каз) 622.78
ISBN 978-601-7849-00-9 - (Т. 1)
ISBN 978-601-7348-99-1 - (общ)

© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Қаз) 622.78
ISBN 978-601-7849-01-6 - (Т. 2)
ISBN 978-601-7348-99-1 - (общ)

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Қаз) 622.78
К 59

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, А.А. Жунисбаев

Составитель:

к.и.н., доцент З.М. Толенова

К 59 **Козыбаев М.К.** Избранные труды. В двух томах. -
Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. Т. 2. - 304 с.
ISBN 978-601-7348-99-1
ISBN 978-601-7849-00-9

В монографию включены исследования, выполненные после 1985 г. В них прослеживаются традиционные проблемы истории Казахстана с точки зрения новых подходов. Значительную часть занимают материалы, посвященные участию народов Казахстана и других республик в Великой Отечественной войне. Рассматриваются также проблемы, связанные с присоединением Казахстана к России, Октябрьской революцией, гражданской войной, коллективизацией, индустриализацией и т. д.

Для историков, преподавателей и студентов вузов, пропагандистов.

©Козыбаев М.К., 1991 © Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

еңбекте қазақ даласында XV-XVII ғғ. салтанат құрған Қазақ хандығы тарихының түрлі ғылыми мәселелері қарастырылады. Бірінші бөлім Қазақ хандығы бойынша дерек көздерді зерттеуге, екінші бөлім хандықтың саяси тарихы мен зерттеу методологиясына, үшінші бөлім қазақ мемлекетін басқарған тарихи тұлғаларға, төртінші бөлім Қазақ хандығының әлемдік тарихтағы үдерістегі рөліне арналған, соңғы бөлімде автордың ғылыми рецензиялары берілген.

Басылым кәсіби тарихшылар мен ортағасырлық Қазақстан тарихына қызығушылық танытатын көпшілік қауымға арналған.

ISBN 978-601-7849-05-4

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5 Қаз)
А92

Кітап Қазақ хандығының 550-жылдығына орай Алматы қаласы Мәдениет басқармасының тапсырысымен жарық көрді

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), А.О. Қырықбаев,
Ғ. Өтелбайұлы, Е.Қ. Әуезов, А.Ж. Сыдықов, С.Ө. Смағұлова,
К.Ө. Торланбаева, Қ. Өскенбай, А.П. Ермұхамедова

Пікір жазғандар:

ҚР ҰҒА академигі, профессор Б.Е. Көмеков,
тарих ғылымдарының кандидаты, профессор А.И. Исин

Атыгаев Н.Ә.

А 92 Қазақ хандығы тарих толықнында. Очерктер / Н.Ә. Атыгаев.
– Алматы: «Елтаным баспасы», 2015. – 384 бет + 16 бет суретті жапсырма.
ISBN 978-601-7849-05-4

Кітап қазақ халқының ортағасырлық ұлттық мемлекеті – Қазақ хандығының тарихына арналып, оның құрылуының 550-жылдығына орай шығып отыр. Бес бөлімнен тұратын

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5 Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты,
2015
© Атыгаев Н.Ә., 2015

Басуға 14.03. 2016 қол қойылды

Шартты баспа табағы –12,5

Офсеттік басылым

Таралымы 500 дана.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы

Тарих және этнология институты, «Отан тарихы»

журналының редакциясында басылды

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,

Алматы қ., Шевченко көшесі, 28